

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ
МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

ТИФИЛЬ, 1899.

Типографія Канцелярїи Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. . . .

* * *

ОТДѢЛЪ I.

	Стран.
I. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярскаго Округа.—Учительницы Бороздинскаго станичнаго училища, <i>Е. Бутовой</i>.....	3—156
Положеніе и границы.—Историческія свѣдѣнія.....	3—5
Пространство, занимаемое станицей и ея юртомъ; общій ея видъ.....	5—6
Постройки; обстановка жилищъ помѣщеній.....	6—8
Пища, питье и посуда.....	8—11
Одежда и обувь.....	11—13
Орошеніе; почва; климатъ.....	13—15
Флора.—Фауна.....	15—17
Отбываніе повинностей.....	17—20
Промышленныя заведенія въ станицѣ.....	20—20
Населеніе: нѣкоторыя физическія и нравственныя его качества; семейная жизнь.....	20—23
Промыслы.....	24—38
1) Земледѣліе.....	24—28
2) Луговоедство.....	28—29
3) Скотоводство.....	29—31
4) Огородничество.—5) Садоводство.....	32—33
6) Рыболовство.....	33—36
7) Приготовленіе колесъ и аровъ.....	36—37
8) Бочарное ремесло.—9) Приготовленіе рыболовныхъ сарядовъ.....	37—38
Препровожденіе свободнаго времени: гулянья, игры, праздни- ки.....	38—42
Свадьба.....	42—50
Родины и крестины.....	50—51
Болѣзнь, смерть и похороны.....	51—52
Языкъ бороздинцевъ.—Религія бороздинцевъ; духовенство..	52—52
Суевѣрія и предразсудки.....	52—55

Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Бороздинской.....	55—123
I. Свадебныя пѣсни.....	55—78
II. Любовныя пѣсни.....	78—94
III. Бытовыя пѣсни.....	94—108
IV. Шуточныя пѣсни.....	108—109
V. Историческія пѣсни.....	109—123
Сказки, записанныя въ станицѣ Бороздинской.....	123—156
1. Жена-спорщица.....	123—125
2. Про коня-молодца.....	125—128
3. Несчастный садъ.....	128—141
4. Незнайко.....	141—156
II. Страничка изъ жизни грузинъ-поселенцевъ въ Малорос- сіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи. —Учителя Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, <i>II. Федоровскаго</i>	156—163
III. Городъ Ахалцихъ, Тифлисскаго губерніи.—Учителя Ахалцихскаго городского училища, <i>В. Иванова</i> ...:	164—217
Вѣшній видъ.....	164—167
Мѣстоположеніе, границы и величина.....	167—168
Орошеніе.....	169—170
Климатъ.....	170—179
Строеніе почвы: минеральныя богатства.....	180—181
Санитарныя условія; вода для питья.....	181—189
Садоводство, огородничество, хлѣбопашество, птицеводство и рыболовство.....	189—195
Торговля и промышленность.....	195—203
Доходъ и расходъ города за 1886 годъ.....	203—204
Народонаселеніе города.....	204—208
Общественныя учрежденія.....	208—210
Народное образованіе.....	210—217

ОТДѢЛЪ II.

I. Сказанія о нартахъ.—Составилъ, по разсказамъ туземныхъ жителей, учитель Осетинской Георгіев- ской школы, Кубанской области, Баталпашинска- го уѣзда, <i>А. Кайтмазовъ</i>	3—36
Предисловіе.....	3—3
I. Ахснартъ и его дѣти.....	3—11
II. Битва между Бяслановыми и Куртатинцами.....	11—14
III. Котель нартовъ.....	14—16
VI. Великанъ и Даредзаны.....	16—17
V. Какъ Ростомъ убилъ своего сына Зуракана.....	17—20
VI. Какъ Амиранъ перебилъ великановъ.....	20—23

VII. Георгій Побѣдоносець въ гостяхъ у стариковъ.....	23—26
VIII. Кусъ Даудтовъ.....	26—30
IX. Сирдовъ.....	30—86
II. Памятници древности Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.—Инспектора Телавскаго городского училища, <i>В. Кикнадзе</i>	37—50
I. Древніе города.....	39—44
II. Древніе монастыри и постройки.....	44—48
III. Замокъ Пситисъ-Цихе.....	48—48
VI. Древнія гробницы.....	49—50
V. Монеты и другія вещи.....	50
III. Сказки, примѣты, поговорки и загадки, записанныя въ Ставропольской губерніи, Новогригорьевскомъ уѣздѣ.—Сообщилъ учитель Бараниковскаго начального училища, <i>Гр. Горбуновъ</i>	51—63
I. Сказки. 1. Табакъ.....	51—58
2. Гдѣ есть дураки.....	58—61
II. Примѣты.....	61—68
III. Поговорки.....	62—68
VI. Загадки.....	68
IV. Тамерланъ, по разсказамъ джеванширскихъ армянъ.—Сообщилъ смотритель Тугскаго земскаго нормального училища, <i>М. Погосовъ</i>	64—68
V. Тамазлухъ, или обычай взаимнаго вспомошествованія домашнимъ скотомъ.—Сообщилъ учитель Герусинскаго нормального училища, <i>С. Шавердовъ</i>	69—70
VI. Озеро Ноуръ или Новуръ, Елисаветпольской губерніи, Нухинскаго уѣзда, по народнымъ разсказамъ.—Сообщилъ смотритель Куткашинскаго сельскаго училища, <i>Эфендиевъ</i>	71—72
VII. Домашнее воспитаніе армянъ, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи.—Смотрителя Касапетскаго сельскаго училища, <i>Г. Израелова</i>	73—76
VIII. Армянскія сказки: «Черепъ-царь» и «Невѣста-всадникъ» (отрывокъ изъ дневника Караглискаго сельскаго нормального училища).—Сообщилъ смотритель-учитель Караглискаго сельскаго нормального училища, <i>А. Газаровъ</i>	77—83
I. Черепъ-царь.....	77—79
II. Невѣста-всадникъ.....	79—83

IX. Описание минерального источника „Истису“ (теплый ключь), Елисаветпольской губернии, Джеванширского уезда.—Сообщилъ, со словъ Кабриела Мирзаева, смотритель Касапетскаго училища, <i>Г. Израеловъ</i> .	84—85
X. Легенда и сказна (Изъ армянской народной словесности).—Сообщилъ, со словъ А. Теръ-Григорьева, смотритель Касапетскаго училища, <i>Г. Израеловъ</i>	86—89
I. Легенда: „Еврей и серебрякъ“.....	86—87
II. Сказка: „Три юноши“.....	87—89
XI. Преданіе о св. Симонѣ.—Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи, <i>Евстафій Зеденидзе</i>	90—92
XII. Судьба (Сванетская сказка).—Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи, сванецъ <i>Георгій Гуджеджиани</i>	93—95
XIII. Царица Тамара, по разсказамъ татаръ Занатальскаго округа.—Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи, <i>Иосифъ Галаджевъ</i> .	96—97
XIV. Татарскія сказки.—Сообщилъ имѣющій званіе гордскаго учителя <i>Александръ Калашевъ</i>	98—128
I. Овчи-Пиримъ.....	98—110
II. Ухай.....	110—118
III. Мудрый царь.....	118—122
IV. Абутъ.....	122—125
V. Шейдулла.....	125—128
XV. Анекдоты шемахинскихъ армянъ.—Сообщилъ онъ же.	129—135
О Керкенджахъ.	
1. Живой кебабъ.....	129—129
2. Арбузь-яйцо.....	130—131
3. Кто выше?.....	131—132
4. Хитрый туманъ.....	132—133
5. Въ поискахъ за дровами.....	133—135
XVI. Исторія возникновенія двухъ татарскихъ святынь.—Сообщилъ онъ же.....	136—140
1. Святой кувшинъ.....	136—139
2. Могила „Пира“.....	139—140
XVII. Армянскія сказки, записанныя въ Шемахинскомъ уездѣ, Бакинской губерніи.—Сообщилъ смотритель Геокчайскаго нормальнаго училища, <i>Н. Калашевъ</i> .	141—231
1. Шахъ-Исмаилъ.....	141—155

2. Аликань.....	155—164
3. Новрузь.....	164—173
4. Чигали.....	173—180
5. Севдагарь-Ахмедь.....	181—187
6. Чыплагь.....	187—196
7. Сахля-Юсуфь.....	196—206
8. Мелникь-Мамедь.....	206—213
9. Кули-хань.....	213—219
10. Честность или розовый кусть.....	219—223
11. Лже-царевичь Хачи.....	223—228
12. Нужда учить.....	228—231

Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа, рекомендуя „лучшія сочиненія, имѣющія предметомъ описаніе Кавказа вообще или же отдѣльныхъ его частей, въ какомъ бы то ни было отношеніи“ (Вып. I.) и признавая знакомство съ подобными трудами по Кавказовѣдѣнію желательнымъ для пишущихъ о Кавказѣ, просить авторовъ, присылающихъ свои статьи для помѣщенія въ „Сборникѣ матеріаловъ“, *дѣлать указанія* относительно тѣхъ трудовъ, воими они пользуются.

Что касается этнографическаго матеріала, то желательно, чтобы лица, присылающія, напр., сказки, пѣсни, пословицы, суевѣрія и т. п. (рус., армян., грузин., татар. и др.), по возможности сообщали, *не знаютъ ли* они о существованіи, въ печати, подобныхъ памятниковъ, хотя бы и на туземныхъ языкахъ.

Правописаніе туземныхъ собственныхъ именъ и названій предметовъ мѣстной бытовой жизни, на русскомъ языкѣ, нерѣдко представляетъ затрудненія, въ силу отсутствія установленныхъ правилъ транскрипціи словъ, вообще, кавказскихъ языковъ и нарѣчій, а потому желательно, чтобы собиратели этнографическаго матеріала, рядомъ съ русскимъ начертаніемъ мѣстнаго реченія, приводили, по возможности, и начертаніе его на *туземномъ* языкѣ.

Первый отдѣлъ настоящаго (VII) выпуска „Сборника матеріаловъ“ изданъ подъ редакціей учителя Тифлисской 2-ой мужской гимназій, *А. Словинскаго*; *второй отдѣлъ*—подъ редакціей учителя 1-ой гимназій, *М. Черникова*.

Главное руководство и наблюденіе, по изданію и редакціи, принадлежало, какъ и въ прежнихъ выпускахъ Господину окружному инспектору, *Н. А. Короваеву*.

ОТДѢЛЪ I.

СТАНИЦА БОРОЗДИНСКАЯ,

Терской области, Кизлярскаго округа.

Положеніе и границы.

Станица Бороздинская, или Бороздинка, лежитъ между 43° — 44° с. ш. и 16° — 17° в. д. (по Спб. мерид.), въ 12 верстахъ отъ города Кизляра и въ трехъ верстахъ отъ станицы Дубовской, чрезъ которую идетъ почтовый трактъ на Кизляръ и далѣе къ Каспійскому морю до пристани Брянской; въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Бороздинки находится станица Александро-Невская. Происхожденіе названія Бороздинской станицы преданіе объясняетъ такъ: около того мѣста, гдѣ полагалось основаніе станицѣ, была лощина; по краямъ лощины росли тутовья деревья; лощина эта тянулась на нѣсколько верстъ, была ровна, какъ проведенная плугомъ *борозда*, и называлась *Тутовой бороздой*: отсюда-то и произошло названіе и самаго поселенія — *Бороздинка*.

Историческія свѣдѣнія.

Основаніе станицы относится къ первой половинѣ XVIII в.; но на настоящемъ своемъ мѣстѣ станица существуетъ съ 1810 г., когда, вслѣдствіе затопленія старой станицы вновь образовавшимся рукавомъ Терека, Прорвою, бороздинцы принуждены были искать себѣ болѣе безопаснаго мѣста. Первыми поселенцами станицы были остатки той тысячи семей Донскихъ казаковъ, которыхъ въ 1724 г. Петръ Великій пере-

селили съ Дону на р. Аграханъ въ помощь бывшимъ уже тамъ казакамъ изъ упраздненной около этого времени крѣпости, Теркъ, или Терки (бывшей при устьи Терека). Цѣлью поселенія было занять и удерживать линію между берегомъ Каспійскаго моря и вновь основанною на р. Сулагъ (гдѣ отъ нея отдѣляется рукавъ Аграханъ) крѣпостью Св. Креста. Когда въ 1736 г. были возвращены Персіи отвоеванныя у ней Петромъ Великимъ земли, по берегу Каспійскаго моря, и крѣпость Св. Креста упразднена, то, уцѣлѣвшіе отъ непріятельскихъ нападений и сырого, нездороваго климата мѣстности, остатки Терскихъ и Донскихъ казаковъ были переселены на лѣвый берегъ Терека. Изъ нихъ послѣдніе, подъ названіемъ *Семейнаго войска*, поселены тремя городками между гребенскими станицами и вновь основанною крѣпостью, Кизляромъ. Одинъ изъ этихъ городковъ и была ст. Бороздинка. Въ 1819 г. къ Бороздинѣ были приписаны выведенные генераломъ Ермоловымъ изъ горъ бѣглецы солдаты, изъ казанскихъ татаръ; въ 1837 году сдѣлано тоже съ плѣнными тавлинцами генераломъ Фрезе, а въ 1847 г. станица пополнилась переселенцами изъ Харьковской губ. Въ 1831 г., когда на Кизляръ напалъ предшественникъ Шамиля, Кази-мулла, бороздинцы ждали его и къ себѣ, и потому переплели улицы плетнями, а около церкви устроили укрѣпленіе, куда всѣ и сбѣгались всякій разъ при тревогѣ; а ночью отсюда и вовсе не уходили.

Въ 1839 г. на одномъ изъ острововъ Терека, около Бороздинки, были убиты чеченцами майоръ Ульяновскій и бывшіе съ нимъ казаки; островъ этотъ называется теперь *Ульяновскимъ*.

Въ 1845 и 1863 гг. Бороздинку затопляла Прорва: въ 1845 г. были затоплены только сады, сѣнокосъ и поля, а въ 1863 г., 20 іюля, были затоплены не только сады и сѣнокосъ, и унесенъ сжатый уже и сложенный въ копны хлѣбъ, но и сама станица подверглась затопленію, такъ-что жители долж-

ны были, на нѣкоторое время, оставить свою станицу и переселиться сначала въ ст. Александро-Невскую, а потомъ на хутора и въ ст. Каргалинскую, отстоящую отъ Бороздинки верстъ на 15, вверхъ по Тереку.

Пространство, занимаемое станицей и ея юртомъ; общій ея видъ.

Всей земли къ станицѣ приписано 14880 дес. 161 кв. с.; изъ нея усадебной земли 6 дес.; подъ садами и огородами 1927 дес. 161 кв. с.; пахотной 1792 дес.; луговой и сѣнокосной 2772 дес.; лѣса 1847 дес.; свободной земли 6536 дес.; въ томъ числѣ неудобной 3844 дес.

Участокъ земли, на которомъ расположилась станица, имѣетъ форму почти правильнаго четырехугольника, вытянутаго въ юго-сѣверномъ направленіи. По серединѣ этого четырехугольника, ближе къ восточной его окраинѣ, находится довольно просторная площадь, середину которой занимаетъ церковь и ея дворъ. Улицы, прорѣзывающія станицу, или идутъ параллельно другъ другу, или пересѣкаются другими, подъ прямымъ угломъ; онѣ довольно узки, сорны, а въ дождливое время еще и очень грязны.

Не смотря на то, что земли у станицы много, дворы небольшіе (дворъ каждаго отдѣльнаго хозяина занимаетъ какихъ-нибудь 100 кв. с.). Съ одной стороны двора стоитъ *домъ*, съ другой—*хата*, или *самя*, а въ промежуткѣ между ними службы, называемыя здѣсь *кухнями*, изъ которыхъ одна—*чихирня*, гдѣ хранится вино, другая—*мучная*, гдѣ находится мука и др. хозяйственные припасы. Тѣсноту дворовъ и узость улицъ объясняютъ тѣмъ, что станица устраивалась въ неспокойное время, когда жить тѣснѣе, ближе другъ къ другу, было безопаснѣе, да и канаву, въ такомъ случаѣ, приходилось рыть вокругъ станицы меньшихъ размѣровъ и дѣлать меньше плетня.

Въ вухняхъ, т. е. въ амбарахъ, находятся бочки, кадушки, бежени (закрома), плетеные изъ хвороста, ведра, корыта и т. п. хозяйственный скарбъ. На дворѣ стоятъ арбы; а у кого дворъ тѣсный, то арбы стоятъ на улицѣ, около двора, а на дворѣ находится только ярмо (мунта) съ чумичами (затычки къ ярму), налыгачи, или *воловоды* (веревки, привязываемыя къ рогамъ быковъ, вмѣсто уздечки у лошадей).

Постройки; обстановка жилыхъ помѣщеній.

Жилыми помѣщеніями служатъ дома и хаты. Тѣ и другія строятся обыкновенно по одному и тому же плану, но послѣднія отличаются отъ домовъ тѣмъ, что онѣ ниже и уже, и окна въ нихъ значительно меньшей величины. Лицевою стороною дома, за весьма рѣдкими исключеніями, служитъ стѣна ширины дома; въ этой стѣнѣ бываетъ почти всегда только два окна. По длинной стѣнѣ дома, обращенной во дворъ, тянется всегда терраса или, по крайней мѣрѣ, навѣсъ и, такъ называемое, крыльцо. Въ домѣ одна или двѣ комнаты, раздѣленные, въ послѣднемъ случаѣ, довольно просторными сѣнями. Печей въ домахъ большею частію нѣтъ, да въ нихъ не ощущается и надобности, потому-что въ домахъ *не живутъ*: въ нихъ только помѣщается нѣкоторый хозяйственный скарбъ, не имѣющій ежедневнаго употребленія, да въ дни великихъ праздниковъ: Рождества Христова, Пасхи, Троицы и мѣстнаго престольнаго праздника, 26 октября, а также въ дни похоронъ, свадебъ и т. п. принимаютъ гостей. По той же причинѣ окна въ домахъ открываются тоже только въ извѣстные дни, обыкновенно же они закрыты ставнями.

Вседневному жилищемъ семьи служитъ сакля, которая, какъ и домъ, имѣетъ двѣ, но чаще одну комнату и сѣни; тутъ-то и помѣщается обыкновенно семья, какъ бы она ни была велика, и тутъ же производятся всѣ домашнія работы,

какъ, напр., стирня, стирка бѣлья и т. п., а весною здѣсь же помѣщаются еще и выводки куръ, гусей и др. птицъ.

Материаломъ для постройки домовъ служитъ осина, раппа, осокорь и сосна; послѣдняя доставляется сюда изъ Астрахани. Постройка дома начинается тѣмъ, что съ каждой изъ четырехъ сторонъ кладутъ по толстому бревну, по тѣмъ называемой *подвалкѣ*, на которыхъ и выводятъ затѣмъ стѣны. На 1—1¹/₂ арш. отъ земли устраиваютъ полъ, большею частію, изъ сосновыхъ досокъ, а на 4 арш. отъ пола настилаютъ потолокъ, также изъ сосновыхъ досокъ. Крюютъ дома большею частію камышомъ; но изрѣдка встрѣчаются крыши и деревянные. Когда постройка дома окончена, его обмазываютъ глиною и бѣлятъ мѣломъ. Сакли, почти исключительно, турлучныя; плетутъ ихъ изъ хвороста на дубовыхъ сохахъ (коля); половъ въ сакляхъ не настилаютъ, а потолоки дѣлаютъ изъ подобныхъ же плетеновъ, какъ и стѣны. Стѣны сакли внутри и снаружи обмазываютъ глиной; встрѣчаются сакли и безъ обмазки.

Дома и сакли убраны по-азиатски. Большую половину комнаты занимаютъ нары (или тахта), устраиваемыя изъ досокъ, на аршинъ отъ пола. Нары обыкновенно покрыты *полстью* (войлокъ), но у богатыхъ онѣ покрываются и коврами. На нарахъ, въ одномъ углу ихъ, складывается постель (т. е., собственно, подушки), которую покрываютъ простыней. Пространство подъ нарами закрыто ситцевой занавѣской; тавой же занавѣской закрывается и печь, отъ потолка до полу. Занавѣска, закрывающая печь, состоитъ изъ двухъ частей: одна идетъ отъ потолка до отверстія (устье) печи, другая отъ отверстія печи до полу. Печи въ домахъ и сакляхъ всегда *русскія*.

Въ жилищѣ стоитъ, большею частію, одинъ (рѣдко два) столъ, нѣсколько скамеекъ, а у нѣкоторыхъ, болѣе зажиточныхъ, нѣсколько стульевъ и шезангъ, въ которомъ находится посуда. Если шезангъ съ стеклянными дверцами, то посуду, а

также и ложки металлическія такъ разставляютъ, чтобы всякій, зашедшій въ жилище, могъ ихъ безъ труда увидѣть и даже сосчитать. Надъ нарами въ потолоку подвязана палка, около вершка въ діаметрѣ: это—*вѣшалка*, на которой развѣшиваютъ кафтаны, юбки, распашонки и т. п. По стѣнамъ въ разныхъ мѣстахъ вбиты гвозди, на которыхъ развѣшиваютъ черески, пашки, кинжалы и шапки; гдѣ-нибудь въ углу разставлена обувь; все это развѣшено и разставлено такъ, чтобы всякій, вошедшій въ жилище, могъ не только видѣть, что есть у хозяина, но и сосчитать его имущество.

Пища, питье и посуда.

Бороздинцы, какъ вообще жители деревень, употребляютъ пищу преимущественно растительную, мясо же ѣдятъ только во время великихъ праздниковъ (Пасха, Рождество Христово, храмовой праздникъ), въ дни заговѣнья, во время свадебъ и т. п. Мясо покупаютъ обыкновенно въ Кизлярѣ, въ самой же станицѣ рѣжутъ только свиней. Хлѣбъ употребляютъ большею частію пшеничный, который готовятъ хорошо, что, впрочемъ, умѣютъ только немногіе: обыкновенно ему не даютъ то достаточно провѣситься, то достаточно выпечься.

Самое обыкновенное кушанье, приготовляемое едва ли не ежедневно, и притомъ и на завтракъ, и на обѣдъ, и на ужинъ, это—*лапша*. Лапшу варятъ *пустую*—такъ: замѣсятъ тѣсто, раскатаютъ его, покрошатъ и сварятъ въ соленой водѣ—ни мяса, ни даже какихъ-либо корней въ нее не кладутъ; когда же подадутъ лапшу на столъ, то въ ней прибавляютъ постнаго или коровьяго масла или сметаны, а затѣмъ ѣдятъ. Зимомъ лапшу замѣняютъ, иногда довольно часто, щами, изъ кислой капусты, которыя, какъ и лапша, бываютъ *пустыя*. Пекутъ также *пирог*; начинкой пироговъ служитъ—одна капуста или капуста съ рыбой, капуста съ картофелемъ, капуста съ виноградомъ, капуста съ мясомъ, рисъ съ рыбой

(по мѣстному, *пиво*), рисъ съ яйцами, рисъ съ тывею, калина, сушеные фрукты; лѣтомъ—вишни, смородина, ежевика (которой здѣсь очень много), виноградъ, тутовья ягоды, капуста съ огурцами, фасоль, чечевица. Лѣтомъ варятъ *кисель*—изъ ежевики, а осенью изъ винограда. Дѣлается это такъ: отварятъ ягоды ежевики или винограда, подсыплютъ въ этому взвару муки, и кисель готовъ. Въ станицѣ много употребляютъ рыбы, которую ѣдятъ и свѣжею, и соленою, и копченою. Иногда готовятъ, такъ называемый, *холодецъ* (студень). Дѣлаютъ *газушки* съ чеснокомъ, также—*финкалы*; послѣдніе готовятся такъ—замѣсятъ тѣсто, тонко его раскатаютъ, порѣжутъ квадратами и спустятъ въ кипятокъ; когда эти ломтики тѣста сварятся, ихъ вынимаютъ изъ воды, обливаютъ коровьимъ масломъ, сливками или простоквашей и толченымъ чеснокомъ, и кушанье готово. Финкалы варятъ и съ бараниной; для этого баранину мелко рѣжутъ, варятъ и затѣмъ мѣшаютъ ее съ финкалами. Дѣлаютъ *вареники* (по мѣстному, пирожки); на начинку варениковъ идетъ творогъ и рыба: изъ рыбы на вареники употребляется лосось, севрюга, сазанъ и сомъ. Готовятъ *похлебку* изъ сушеныхъ фруктовъ и какой-нибудь крупы, въ которой потомъ прибавляютъ *душману* (сгущенный виноградный сокъ). Жарятъ *яичницу*; дѣлаютъ *пловъ* изъ рису и сушеного винограда; пекутъ *пирогъ*, сладкіе, съ изюмомъ; жарятъ *куерму*—это жареная баранина, съ большимъ количествомъ подливки; ѣдятъ это кушанье ложками; варятъ молочную кашу изъ пшена. На масленицѣ пекутъ *блины*. На первой недѣлѣ Великаго поста, когда горячаго не ѣдятъ, готовятъ особую *похлебку*. Она дѣлается такъ: сварятъ свеклы, мелко ее порубятъ, прибавятъ въ ней соленого арбуза, соленого огурца, квашеной капусты, рѣдьки, тертого хрѣну, крошеного луку и все это нальютъ квасомъ. Эту похлебку готовятъ въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ и затѣмъ пользуются ею въ теченіе всей недѣли. Кромѣ этой

похлебки, на первой недѣлѣ Великаго поста употребляютъ въ пищу *отварную фасоль и чечевицу* (безъ соли), *рѣдьку* (безъ соли и масла), *пареную капусту* (безъ соли, но съ масломъ). Каждую субботу Великаго поста и во всѣ дни, когда поминаютъ „родителей“, пекутъ *пышки*, которыя мажутъ медомъ и масломъ; 9 марта, на 40 мучениковъ, пекутъ изъ тѣста *жворонковъ*; на 4-й недѣлѣ Великаго поста, въ среду, пекутъ *кресты*; въ Пасхѣ пекутъ *куличи*. Изъ пшеницы варятъ кутью, подѣ Рождество и подѣ Крещеніе. *Пантушки* ѣдятъ съ толченымъ макомъ и медомъ. На свадьбахъ и поминкахъ всегда варятъ лапшу и пекутъ пироги съ сарацинскимъ пшеномъ.

Бороздинцы употребляютъ въ питье главнымъ образомъ теречную воду; эта вода проведена ими и на поля, и огороды. Дома прежде, чѣмъ употреблять теречную воду, даютъ ей отстояться, но на поляхъ, во время работъ, этого не дѣлаютъ и употребляютъ воду прямо изъ рѣки. На самовары употребляютъ воду почти исключительно теречную, такъ-какъ колодечная вода довольно жидка, солоновата и даетъ плохой настой чая. Кромѣ чаю, любятъ пить еще кофе. Вмѣсто воды, употребляютъ часто квасъ, молоко и *ирьянъ* (кислое молоко, съ водой). Изъ горячительныхъ напитковъ употребляютъ много вина и чихирю (вино, бродившее безъ чапры), въ значительномъ количествѣ, даже за одинъ разъ. Пьютъ большими чашками, супниками и большими ковшами; пьютъ также винными и чайными стаканами. Кромѣ вина, употребляютъ также воду, но въ значительно меньшемъ количествѣ.

Посуда и другія обыкновенныя принадлежности кухни суть слѣдующія: чугуны (по мѣстному, *мохотки*), котлы, сковороды, чашки, *дежки* (это—деревянная кадушка, около 1¹/₂ ведеръ: въ ней производятъ закваску хлѣба, т. е. квашня); ночовки, или тешпи, сито, рѣшето, челна (друшлягъ—назначеніе его выбирать изъ воды финкалы, вареники и др.

под.), уполовникъ, тарелки, блюда, ножи, вилки (только у богѣе зажиточныхъ), ложки деревянные, вочерга, лопата (вынимать хлѣбъ), посѣвни (маленькая, узенькая лопаточка), рогаши, чапельникъ.

Одежда и обувь.

Какъ у бороздинцевъ, такъ и у бороздиновъ большая страсть къ нарядамъ. Костюмы носятъ азіатскіе, или, какъ ихъ иначе называютъ, гребенскіе. Такіе костюмы начинаютъ носить отъ ст. Червленной и посылтъ во всѣхъ станицахъ внизъ по Тереху. Наряжаются бороздинцы и въ праздники, и въ будни; только во время работы одѣваются въ особый рабочій костюмъ, который берутъ съ собой въ поле или садъ подъ мышкой и облачаются въ него только ужъ на мѣстѣ работы; по дорогѣ же къ работѣ ихъ можно видѣть только нарядными. По окончаніи работы, они снова передѣваются въ чистое, нарядное платье и такъ возвращаются домой. Страсть къ нарядамъ у нѣкоторыхъ доходитъ до того, что они предпочитаютъ оставаться нѣсколько дней безъ пищи, только бы имѣть нарядный костюмъ.

Одежду мужчинъ составляютъ слѣдующіе предметы: *блѣе* ситцевое; *шаровары*—рипсовыя, или изъ верблюжьяго сукна, изъ бумажнаго трико; *кафтанъ*—стеганный на ватѣ, для холоднаго времени; *халатъ*, или *бешиметъ* изъ ситцу, бумазеи, рипса, дыма, атласа—для лѣта и весны; *черкеска*—изъ чернаго и, рѣже, изъ коричневаго сукна; серебряный *галунъ* чрезъ плечо; *шапка*—курпейная, черная, рѣже, сѣрая, съ синимъ суконнымъ верхомъ. Зимой носятъ еще, такъ называемыя, *теплушки* (это—стеганые на ватѣ кафтанчики, на полчетверти ниже пояса) и курпейныя *шубы*, спитыя на манеръ черкесовъ и покрытыя сукномъ или какой-нибудь бумажной матеріей. Во время работы надѣвають солдатскія *шинели*, покупаемыя въ г. Кизлярѣ у солдатъ, и *чепборы*: это—широчайшія шаро-

вары, сшитыя обыкновенно изъ грубаго полотна; онѣ надѣваются не только поверхъ кафтановъ, но даже поверхъ шубъ и употребляются, главнымъ образомъ, при рыболовствѣ.

Одежду женщинъ составляютъ слѣдующіе предметы: *рубаха*, съ широкими, четверти въ три, а то и въ цѣлый аршинъ, рукавами; *юбка*; *распашка*: это—юбка съ лифомъ и треугольнымъ вырѣзомъ на груди; рукава распашки только немного длиннѣе локтя, такъ-что широкимъ рукавамъ рубахи является полнѣйшая возможность развѣваться по вѣтру; *запона* (фартухъ); *душейка* (душегрѣйка?): это—въ родѣ мужскихъ теплушекъ, съ треугольнымъ вырѣзомъ на груди; *кафтанъ* (или бешметъ), длинный, со множествомъ сборовъ у пояса и съ длинными рукавами; *фуфайка*—то же, что кафтанъ, но съ рукавами до локтей. Юбки и рубахи бывають ситцевыя, бриллиантинovyя, шерстяныя, кашемировыя и шелковыя. Распашки шьютъ изъ такой же матеріи; впрочемъ, и всѣ другія одежды шьютъ изъ подобныхъ же матерій. Всѣ костюмы, кромѣ юбокъ и рубахъ, обыкновенно шьютъ изъ матерій темныхъ цвѣтовъ; юбки же и рубахи, къ кафтанамъ, изъ матерій цвѣтовъ яркихъ—краснаго, голубого, бѣлаго, розоваго.

На головѣ женщины носятъ обыкновенно ситцевыя, шерстяныя или шелковыя платки, которые повязываютъ такъ, что почти совершенно закрываютъ лобъ; на макушѣ спереди-назадъ образуется углубленіе (канавочка), которую называютъ *шириночка*; концы же платка располагаются такъ, что они торчатъ, точно рожки. Замужнія женщины носятъ на головѣ особый уборъ, именуемый — *сорочка* (нѣчто въ родѣ *очинка*). Устраивается онъ такъ: берется деревянная палочка, по длинѣ лба, обтягивается ватой и обшивается ситцемъ; затѣмъ скручиваютъ изъ ваты полууругъ, который тоже обшиваютъ ситцемъ; обѣ эти части потомъ свѣрѣпляютъ вмѣстѣ, такъ-что образуется полууругъ, концы котораго стянуты діаметромъ; полууругомъ надѣваютъ къ затылку, а прямой палочкой во

лбу. Косы кладутъ на головѣ въ сорочкѣ и повязываютъ *подкосникъ* (въ праздники малиновый-вашемировый, въ будни кумачный); сверхъ подкосника повязываютъ платокъ, такъ-чтобы видѣнь былъ подвосникъ. — Для подпоясыванія кафтановъ употребляютъ пояса изъ серебрянаго галуна, съ серебряными же пряжками. Вообще одѣваются бороздинцы довольно красиво и чисто, лучше всѣхъ другихъ казаковъ, кромѣ гребенскихъ.

Обувь мужчинъ — опойковые сапоги, хохлацкіе сапоги, чевяки съ ноговицами, поршни, употребляемые для работы. Женская обувь — башмаки (для работы), сапоги, татарскія туфли, чевяки.

Изъ украшеній мужчины носятъ обдѣланные въ серебро газыри, пашки и кинжалы, также въ серебрѣ, и серебряную чрезъ плечо тесьму. Женщины носятъ на шеѣ кораллы, янтари и припойки: это — серебряныя, разной цѣнности, монеты; въ послѣднимъ придѣлываютъ ушки и надѣваютъ ихъ на шнурокъ, вмѣстѣ съ другими монистами. У нѣкоторыхъ изъ казачекъ такихъ припоекъ бываетъ на нѣсколько рублей.

Орошеніе; почва; климатъ.

Общій характеръ мѣстности, въ которой расположена станица и ея юртъ, низменный и степной. Воды въ этой мѣстности достаточно. Въ обыденной жизни пользуются большею частію водою изъ Прорвы; но есть въ станицѣ и колодцы. Прорва течетъ отъ станицы верстахъ въ $1\frac{1}{2}$; отъ нея на станичныя земли (въ сады, огороды и на поля) проведены канавы, такъ-что недостатка въ водѣ не чувствуется тамъ. Кромѣ канавъ, вокругъ станицы есть много низкихъ мѣстъ, куда также напускаютъ изъ рѣки воду. Эти, искусственно наполненныя водою, низины называются здѣсь *озерами*; если же онѣ поростають камышомъ, — *болотами*. Вода въ озерахъ и болотахъ прѣсная; зимою чистая и прозрачная; въ остальное же вре-

мя мутная, потому-что и въ самой рѣкѣ она тогда мутная. Глубина р. Прорвы, смотря по времени года, бываетъ различна: весною, въ половодье, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она— аршина четыре, лѣтомъ въ тѣхъ же мѣстахъ не болѣе полуторыхъ аршинъ. Глубина рѣки мѣняется, впрочемъ, не только по временамъ года, но даже и въ теченіе дня, что зависить, нужно полагать, отъ наносныхъ песковъ. Постоянное направленіе рѣки поддерживается искусственно, путемъ гатей и плотинъ, иначе рѣка постоянно стремится мѣнять свое русло, именно—отступать къ западу. Разливъ рѣки бываетъ обыкновенно въ маѣ, но случается, что рѣка переполняется водою и выступаетъ даже изъ береговъ и зимою. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если ниже по теченію, особенно у устья, стѣснится ледъ, который задержитъ воду рѣки отъ ухода въ море.

Дождливыхъ и снѣжныхъ дней, въ совокупности, въ теченіе года бываетъ около 80, не болѣе. Первый снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ концѣ декабря или въ началѣ января, и только, какъ исключеніе, въ ноябрѣ. Лежить снѣгъ недолго, день-два, не больше, но за то надолго оставляетъ послѣ себя грязь.

Изъ вѣтровъ обыкновенно дуютъ здѣсь два: восточный, такъ называемый, *моряной*, какъ дующій съ Каспійскаго моря, обыкновенно, весною, и сѣверо-западный, или *стенной*, дующій лѣтомъ и зимою: лѣтомъ онъ приноситъ дождь, зимою—снѣгъ; лѣтомъ онъ дуетъ иногда цѣлыми мѣсяцами. Восточный вѣтеръ—вѣтеръ сухой: если онъ дуетъ зимою, то отъ него таетъ снѣгъ, а на рѣкахъ трогается ледъ.

Первый громъ слышится обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, а градъ бываетъ въ іюлѣ. Величина градинъ только рѣдко болѣе горошины, но все-таки градъ много вредить, обивая виноградныя ягоды. Роса появляется въ апрѣлѣ и продолжается до осеннихъ тумановъ, которые начинаются со второй половины августа.

Цвѣтеніе растений, въ случаѣ теплой зимы, начинается въ началѣ марта, въ противномъ же случаѣ—въ концѣ марта и даже въ апрѣлѣ. Изъ древесныхъ породъ прежде всего зацвѣтають персики, затѣмъ груши, далѣе вишни, сливы, черешни и, наконецъ, яблони; виноградъ начинаетъ цвѣсти только съ середины іюня. Листья съ деревьевъ начинаютъ опадать въ октябрѣ.

Почва земель Бороздинки частію глинистая, частію черноземная. Глубина чернозема незначительна, не болѣе $\frac{3}{4}$ арш. Кромѣ глины и чернозема, есть еще немало солончаковъ. Изъ минераловъ, имѣющихъ какое-нибудь техническое примѣненіе въ станицѣ добывается только глина, изъ которой здѣсь приготавливаютъ сырцовые кирпичи, для устройства печей.

Флора.

1) Въ *дикомъ* состояніи въ лѣсахъ растутъ груша, яблоня, тута, тернъ, бизиль, доховникъ, пирамидальный тополь, карагачъ, ясень, верба, бѣлая акація, бѣлолистка, гребенчугъ, калина, ежевика, ожина, земляника, малина, смородина, крыжовникъ, тальникъ, черешня, вишня, алыча.

2) *Культивируются въ садахъ* груша, яблоня, черешня, вишня, слива, абрикось, персикъ, шишка (мушмала), калина, смородина, малина, крыжовникъ, клубника, алыча, виноградъ. Изъ сортовъ винограда разводятся слѣдующіе: черный, бѣлый и алый—обыкновенный; черный—продолговатый (тавлинскій); дербентскій; ароматическій—янтарный; продолговатый—розовый, крупный; вишмишъ; товайскій; мускатный.

3) *Въ огородахъ* разводятся хрѣнь, петрушка, крессъ- и латукъ-салаты, ваперцы, вапуста; рѣдька, редисъ, картофель, огурцы, арбузы, дыни, тыквы (одинъ ея сортъ—*кубанки*, другой—*дураки*), лукъ, чеснокъ, помидоры, бобы турецкіе (фасоль), бобы конскіе, горохъ, чечевица.

4) *Хлѣбныя растенія*—рожь, овесъ, ячмень, пшеница, просо, букуруза.

5) *Кормовыя, луговыя травы*—клеверъ (мѣстное названіе—*смурка*), пырей, ржанецъ, мятлица, солодовникъ, бѣлоусъ, полевица, молоточникъ, тростникъ (*камышъ*), грибникъ, лисій хвостъ, просовикъ, осока, тимоеевка, мышинный горохъ.

6) *Цветочныя растенія, разводимыя въ садахъ*,—роза, гвоздика, роза, макъ.

7) Кромѣ исчисленныхъ выше растений, на земляхъ Бородинки въ изобиліи растутъ, въ дивомъ состояніи, *конопля*, которою казаки, впрочемъ, не пользуются, главнымъ образомъ, изъ-за своей лѣни; растутъ также и *марена*, раньше разводившаяся въ особыхъ маренныхъ садахъ, но оставленная безъ вниманія съ тѣхъ поръ, какъ спросъ на нее упалъ. Въ настоящее время всѣ маренные сады заброшены, а нѣкоторые и совершенно уничтожены.

8) *Лѣкарственныя растенія*—полынь, белладона, дурманъ, ромашка, подорожникъ, перечная мята, макъ, тысячелистникъ, золототысячникъ.

Фауна.

Въ области станицы и ея юрта чаще другихъ встрѣчаются слѣдующія животныя:

1) Изъ *земноводныхъ*—гадюка, ужъ (обыкновенный), черепаха, жаба, лягушка.

2) Изъ *рыбъ*—шамая, лосось, лохъ, осетеръ, жерехъ, сазанъ, сомъ, тарань, судакъ, усачь, лещъ, окунь, карась, минога, вьюнь.

3) Изъ *птицъ*: а) *домашнія*—курица, индѣйка, гусь, утка.
б) *дикія*—утка, гусь, лебедь, фазанъ, куропатка, перепелъ, турухтанъ, коростель, бекасъ, дупель, вальдшнепъ, булики разныхъ породъ, пеликанъ, гагара, драхва (*лудакъ*), ворона, воронъ, грачъ, галка, сойка, ястребъ, кобчикъ, коршунъ,

сбова, филинъ, журавль, колпикъ, жаворонокъ, бакланъ, блинтуха, иволга, дроздъ (черный и сѣрый), ласточка, кукушка, ремезъ, стрижь, щуръ, удожь, сиворонокъ, соловей, малиновка, горлица, чайка, лунь, сорока.

4) *Изъ млекопитающихъ:* а) *домашнія*— лошадь, корова, быкъ, буйволъ, коза, овца, свинья, собака, кошка.

б) *дикія* — олень, кабанъ, шаваль (по-мѣстному, *чикала*), волкъ, лиса, барсукъ, ласка, хорекъ (тхоръ), сусликъ, котъ, коза (косуля), крыса, мышь (домовая и полевая), заяць, вротъ.

Отбываніе повинностей.

Повинности казаковъ состоятъ въ отбываніи *воинской* повинности, на дѣйствительной службѣ, въ казачьихъ частяхъ, во внутренней службѣ и въ исполненіи общественныхъ работъ, напр.: въ починкѣ дорогъ, укрѣпленіи береговъ рѣвъ, копаніи канавъ для напуска воды на поля и въ сады и т. п. Внутренняя казачья служба состоитъ въ содержаніи карауловъ, обходовъ, секретовъ, дежурствъ и др., нарядовъ для охраны казѣ общественного имущества, такъ и общественной безопасности. Каждую недѣлю наряжается слѣдующее число людей:

Дежурный по станицѣ	1
Сторожъ къ станичному правленію	1
Нарядчикъ	1
Часовыхъ въ общественному хлѣбному магазину .	2
Дневальныхъ казаковъ	4
Дневальныхъ подводъ	4
Часовыхъ къ церкви	3
Часовыхъ у денежнаго ящика въ правленіи .	3
Для ночного обхода по станицѣ и завѣдыванія пожарными инструментами	6

В с е г о 25 лицъ.

Кромѣ этого, на цѣлый годъ назначаютъ еще на разныя занятія слѣдующее число лицъ:

Судей	4
Довѣренныхъ по станицѣ.	2
Завѣдующихъ укрѣпленіемъ береговъ рѣкъ.	2
Степной объѣзчикъ.	1
Лѣсныхъ объѣзчиковъ.	2
Казначей станичный.	1
Церковный староста.	1
Завѣдующій пожарными инструментами	1

В с е г о 14 лицъ.

Всѣ подобныя лица служатъ безъ всякаго вознагражденія. Жалованье полагается только атаману станицы, его помощнику и двумъ писарямъ. Отправляютъ внутреннюю службу казаки начинаютъ съ 18-лѣтняго возраста; отъ 20—24 лѣтъ, включительно, т. е. 4 года, идетъ служба въ полкахъ, а отъ 24—38 лѣтъ опять внутренняя служба. Казаки, достигшіе 38 лѣтъ, зачисляются въ запасъ. Присягу на вѣрность службы казаки принимаютъ на 20 году.

Снаряженіе казака на дѣйствительную службу обходится семейству его довольно дорого, а именно:

Лошадь.	50 р. — к.
Сѣдло.	25 " — "
Двѣ уздечки.	5 " — "
Щетка съ гребенкой.	1 " — "
Четыре подковы.	— " 50 "
Вьючки	— " 25 "
Попона	1 " — "
Торба	— " 40 "
Нагалище (чехоль для ружья)	1 " — "
Бѣлья три смѣны	6 " — "
Сапогъ двѣ пары	12 " — "

Череска форменная	15 р.	— б.
Двѣ черески партикулярныхъ	12 "	— "
Бешметъ форменный	5 "	— "
Два бешмета партикулярныхъ	6 "	— "
Шапка форменная	5 "	— "
Двѣ шапки партикулярныхъ	8 "	— "
Портянонь три пары	— "	60 "
Пара <i>суконныхъ</i> портянонь	— "	50 "
Два полотенца	— "	60 "
Шашка и бинжалъ	15 "	— "
Газырей два бомплекта	1 "	— "
Шаровары форменныя	2 "	— "
Двое партикулярныхъ шароварь	3 "	— "
Шаровары суконныя	2 "	— "
Ковровая сума переметная	5 "	— "
Холщевая сума	1 "	— "
Два замка	— "	40 "
Подсумокъ для патроновъ	1 "	20 "
Плеть	1 "	— "
Башлыкъ	1 "	— "
Бурка	7 "	— "
Полушубокъ	10 "	— "
Тесьма чрезъ плечо на череску	5 "	— "
Погоновъ двѣ пары	— "	50 "
Натруска	2 "	— "
Двѣ бухчи (сумочки для нитокъ, игло- локъ и т. п.)	1 "	— "
Сальница	— "	20 "
Щѣтка сапожная	— "	50 "
Гребень	— "	15 "
Два носовыхъ платка	— "	20 "

И т о г о 214 р. — б.

Справа казака обходится, какъ видно изъ примѣрной расцѣнки, дорого; но это было бы еще необходимо, если бы его, дѣйствительно, взяли на службу, а то онъ живетъ дома, носить и рветъ справленную ему амуницію, а когда, дѣйствительно, потребуютъ его въ полкъ, нужно бываетъ дѣлать новую справу; къ тому же случается, что лошадь еще уградутъ. Зачисленный въ полкъ казакъ получаетъ въ годъ жалованья и ремонтныхъ 25 р.

Промышленныя заведенія въ станицѣ.

Изъ промышленныхъ заведеній въ станицѣ есть одна лавка и одинъ кабакъ, которые помѣщаются въ одномъ и томъ же домѣ, нанимаемомъ торговцемъ-армяниномъ отъ общества. За наемъ этого дома торговецъ платитъ обществу 300 руб. съ тѣмъ, чтобы общество никому больше торговать въ станицѣ не давало разрѣшенія. Получаемая съ кабака и лавки наемная плата употребляется обществомъ на содержаніе станичнаго училища.

Населеніе: нѣкоторыя физическія и нравственныя его качества; семейная жизнь.

Въ станицѣ числится 437 мужчинъ и 416 женщинъ. Все населеніе станицы, кромѣ священника, учительницы мѣстнаго начальнаго училища, да торговца-армянина, составляютъ казаки, русскіе, съ примѣсью обрусѣвшихъ татаръ и тавлинцевъ. Мѣстные казаки—народъ довольно рослый: средній ростъ мужчины 2 арш. 6 верш., женщины—2 арш. 3 верш.; по силую, равно какъ и красотою лица, они не отличаются. Лица большею частію блѣдныя, овальныя; глаза, больше, прямые, преимущественно—сѣрые; лобъ широкій, выпуклый, высокій; зубы крупныя, черныя; носъ прямой; грудь впалая; голосъ крикливый; походка плавная; волосы, по преимуществу, свѣтло-русые, мягкіе и гладкіе и т. д. Физически населеніе, вообще, раз-

внго слабо, чему много способствуютъ злокачественныя мѣстныя лихорадки, а также антигигіеническій образъ жизни казаковъ: напр., жизнь въ одной небольшой комнатѣ цѣлой семьи, по меньшей мѣрѣ, изъ пяти человекъ, вмѣстѣ, по временамъ, съ гусятами и цыплятами.

Недалеко отъ развитія физическаго ушло и развитіе нравственное. Бороздинцы народъ необразованный, грубый, мало развитой умственно, но въ тоже время гордый и заносчивый. Уваженіе къ личности опредѣляется у нихъ силою, съ которою данная личность можетъ „жать“ и давить; если же за личностью нѣтъ такой силы, то не ждать ей отъ бороздинца какого-либо уваженія, особенно, если эта личность не принадлежитъ къ казачьему сословію; къ такимъ лицамъ у казаковъ проявляется даже какая-то враждебность или, правильнѣе, презрѣніе, вытекающее изъ того, что казакъ считаетъ себя выше и благороднѣе всякаго другого сословія; по этой же причинѣ казакъ въ рѣдкихъ случаяхъ выдаетъ свою дочь замужъ за не-казака или женить сына на не-казачкѣ. Враждебность казаковъ къ лицамъ не-казачьяго происхожденія простирается даже на мертвыхъ. Рассказываютъ, что, когда мать одной казачки погребли вблизи могилы не-казака, дочь подняла страшный вой, приговаривая: „Милая моя матушка! или тебѣ лучше мѣста не было!. Положили тебя, родимая матушка, рядомъ съ шаповалами“! (*Шаповалами* называли старые поселенцы Бороздинки позднѣйшихъ переселенцевъ изъ Россіи. Слово это и до сихъ поръ считается между казаками *браннымъ*).

Живя въ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ уваженіе къ чужой собственности, особенно къ собственности лицъ чужой націи, развито чрезвычайно слабо, казакъ заразился наклонностію, напр., жать, гдѣ не сѣялъ; случаи присвоенія чужой собственности между казаками нерѣдки. Присвоеніе производится какъ тайно, такъ и явно, путемъ хитрости и обмана. Рассказываютъ, что, когда въ 1840-хъ годахъ въ стани-

цѣ поселились переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи (впослѣдствіи причисленные къ казакамъ), получившіе надѣлы въ однѣхъ дачахъ съ казаками старыми, то послѣдніе, пользуясь простодушіемъ и добротой переселенцевъ, ставили дѣло такъ, что пользовались и своими надѣлами, и надѣлами переселенцевъ. Когда, бывало, раздѣлять таркаловый лѣсъ на пай и пойдутъ ихъ рубить, то старые казаки, подъ предлогомъ, что у переселенцевъ садовъ виноградныхъ еще не было, запрещали имъ рубить ихъ пай и удаляли ихъ изъ лѣсу, а сами вырубали и свои пай, и пай переселенцевъ, при чемъ таркалы съ павъ переселенцевъ они продавали, и притомъ часто тѣмъ же лицамъ, на паяхъ которыхъ произведена ими порубка. Кромѣ этого, пользуясь, по случаю недавняго поселенія, нуждою переселенцевъ въ самыхъ жизненныхъ принадлежностяхъ, старые бороздинцы требовали за данные въ заемъ фунта два-три муки или гороху отработки въ нѣсколько дней.

Къ числу непохвальныхъ качествъ бороздинскихъ казаковъ слѣдуетъ еще отнести наклонность ихъ къ свободной любви и къ бездѣльному препровожденію времени, часто очень дорогому, за виномъ. Правда, временами бороздинцы работаютъ, и очень много, но это въ томъ случаѣ, когда призываетъ начальство, или когда грозитъ какая-нибудь неприятность отъ бездѣлья.

Семейная жизнь бороздинцевъ отличается грубостію и господствомъ физической силы. Во главѣ семьи стоитъ мужъ, считающій себя въ домѣ чѣмъ-то въ родѣ владѣтельнаго князя, хотя власть его не настолько могуча, чтобы держать своихъ домочадцевъ во всегдашнемъ себѣ подчиненіи и порядкѣ. Нерѣдко въ семьяхъ происходятъ раздоры, кончающіеся, обыкновенно, дракой, за которой слѣдуетъ жалоба уже станичнымъ и другимъ властямъ. Ссоръ и дракъ бываетъ особенно много осенью, когда надавать вина, и зимами, когда нѣтъ почти никакой работы.

Считая себя господами въ домѣ, мужчины стараются почти всѣ работы свалить на женщинъ. Только пахота, косьба, да рыбная ловля лежать, исключительно, на обязанности мужчинъ; что же касается другихъ работъ по хозяйству, то онѣ исполняются, главнымъ образомъ, женщинами; даже давка винограда нерѣдко производится женщинами. Отвозъ въ городъ и продажа тамъ продуктовъ хозяйства лежать всецѣло на обязанности женщины; мужчина продаетъ только рыбу, другихъ же продуктовъ, даже дровъ, продавать онъ не повезетъ.

Дѣти начинаютъ участвовать въ работахъ, вмѣстѣ со взрослыми, съ шестилѣтняго возраста. Они то служатъ *погоничами* (погонщикъ) при пашнѣ, то работаютъ въ огородахъ: садятъ, сѣютъ, полютъ, обсыпаютъ землей, поливаютъ огородныя овощи и т. д. Зимомъ дѣтей берутъ въ лѣсъ, гдѣ они или стерегутъ быковъ, или очищаютъ и стаскиваютъ въ одно мѣсто хворостъ и таралы. Лѣтомъ, во время *косовицы* (косьба) или жатвы, дѣтей оставляютъ смотрѣть за домомъ, нянчить своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, кормить и поить оставшихся дома животныхъ и т. п. Участвуя вмѣстѣ со взрослыми въ работахъ, дѣти не отстаютъ отъ нихъ и въ другомъ: со старшими вмѣстѣ они пріучаются пить вино и водку, курить табакъ, драться, браниться и къ другимъ непригляднымъ сторонамъ жизни.

Всѣ работы по хозяйству исполняются обыкновенно членами семьи безъ чужой помощи, но бываютъ случаи, хотя и нечасто, что нанимаютъ и прислугу. Нанять прислугу въ станицѣ не легко, такъ-какъ казаки на прислугу смотрятъ весьма презрительно, не считая ея даже за людей, и обращаются съ нею весьма грубо и даже жестоко: за восемнадцатичасовую, почти, работу прислуга, кромѣ брани, насмѣшекъ и даже побоевъ, отъ своихъ хозяевъ иногда ничего не видитъ и не слышитъ, потому охотниковъ идти въ услуженіе находится немного.

Промыслы: 1) Земледѣіе.

Станичная земля лежитъ между рѣчкамъ, Прорвой и Таловкой; за Терекомъ же, верстахъ въ 30 отъ станицы, есть еще десятина 20. Земля считается общественной и находится въ общемъ пользованіи.

Въ прежнее время для сада и огорода давали земли отъ 10 до 25 сажень въ ширину и до 120 въ длину, а теперь каждый занимаетъ, сколько хочетъ. Подъ пашни и сѣножатъ даютъ землю не на „отбывную“ душу, а на *козгырь* (заступъ), т. е. если въ станичныхъ земляныхъ работахъ, напр., въ копани канавъ, для орошенія полей, и въ обвалѣй береговъ, участвуютъ изъ данной семьи два рабочихъ человѣка—два козгыря, то такая семья получаетъ два пая, при дѣленіи земли, изъ известной суммы паевъ, принятой за единицу. Право на полученіе пая пріобрѣтаетъ мужчина съ 17-лѣтняго возраста.

Дѣленіе земли производится осенью, въ концѣ сентября, для хлѣбопашества, и весной, въ половинѣ мая, для покоса. Землю, напоенную водой, дѣлятъ сначала на *десятки*. Всѣхъ десятковъ 19. Мѣрятъ землю веревкой и межи устанавливаютъ какими-нибудь знаками. Въ каждомъ десяткѣ по 10 паевъ, на 10 человѣкъ, если никому не приходится по 2 пая; въ противномъ случаѣ, конечно, на десятокъ приходится меньше 10, ч. Такіе соучастники называются *десятчанами*. Десятчана, между собой сами, отдѣльно, разбиваютъ свой десятокъ. Для покоса также дѣлятъ землю. Въ случаѣ, если трава неровна, а мѣстами ея и вовсе нѣтъ, то нѣкоторымъ ужъ безъ мѣры отводятъ надѣлы. Подъ пашню и покосъ одному хозяину достается земля не въ одномъ мѣстѣ, а мѣстахъ въ 5. У казаковъ случается запашка чужой земли, если кому выпадетъ на долю плохая почва, заросшая, напр., камышомъ; бываетъ также, что и траву чужую косятъ. (Дѣлежу обыкновенно сопутствуютъ ссоры).

Сбѣютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ года 4—5, и отдыху даютъ землѣ только годъ, много—два. Сбѣютъ въ *лиманъ*. Всѣхъ лимановъ пять; но нѣкоторые лиманы стали зарастать камышомъ, такъ-что ужъ нѣсколько лѣтъ не сбѣютъ на нихъ. Лиманомъ называется очень низменная мѣстность, на которую напускаютъ воды изъ рѣки чрезъ прорытыя канавы. Канавы роютъ длиною отъ 5 до 15 верстъ, шириною въ сажень и глубиною въ $1\frac{1}{2}$ сажени; каждый годъ ихъ чистятъ и поправляютъ; это и есть станичная паевая работа; другой видъ паевой земляной работы—„валать валы“, назначеніе которыхъ удерживать рѣки въ берегахъ: такъ обваливаютъ рѣку Прорву съ обоихъ береговъ, Таловку съ одного берега, съ одной стороны и старый Теревъ, именно съ правой. Линія таковой работы, по укрѣпленію береговъ и по постановкѣ земляныхъ дамбъ, въ общей сложности, составитъ до 40 верстъ. На работу большею частію употребляютъ женщинъ и дѣтей.

Послѣ уборки хлѣба напускаютъ на пашню воды. По осени, когда земля просохнетъ настолько, что можно пахать, производится посѣвъ пшеницы, ржи; если же почва въ лиманѣ не успѣетъ высохнуть къ ноябрю, то посѣвъ отлагается до весны, когда сбѣютъ овесъ, арбузы, просо, картофель, фасоль, горохъ, чечевицу. Если земля остается безъ посѣва года на три-четыре, то на ней косятъ; а если напоятъ ее водой, то опять сбѣютъ хлѣбъ.

Жители говорятъ, что, отъ напускнуой прѣсной воды, легко разводится камышъ, сначала въ небольшомъ количествѣ, а потомъ быстро размножается. Дѣло въ томъ, что корни камыша выплываются плугомъ, рвутся и разрѣываются имъ же и затѣмъ растаскиваются бороной по всему лиману: отсюда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, весь лиманъ покрывается камышомъ.

Въ такомъ случаѣ этотъ лиманъ бросаютъ и пахутъ на другихъ лиманахъ, а когда и на нихъ пойдетъ камышъ, при-

нимаются уничтожать камышъ на первомъ, ранней весной, пожарами; послѣ чего лиманъ утаптывается скотина, чтобы окончательно выбить корни камыша. Удобрения же никакого не употребляютъ. Работы по пашнѣ (озимой посѣвъ) продолжаютъ съ 1-го октября до 10 декабря, а весной—съ первыхъ чиселъ марта до половины мая.

Пашутъ плугомъ; бороной боронятъ, по-мѣстному, „волочатъ“. Плугъ, отрѣзь и столбецъ, который держитъ *четыри* и гредень, покупаютъ въ Кизлярѣ; деревянные части плуга дѣлаютъ сами казаки. Деревянные части служатъ лѣтъ пять, а желѣзные лѣтъ десять, конечно, съ починкой. Борону плетутъ сами изъ терна, на четырехъ вольяхъ; зубья подъ бороной деревянные. Плугъ обходится рублей въ 20; а борона, если кто не сможетъ самъ ее сплести,—коп. въ 25.

Пашутъ быками. Въ плугъ запрягаютъ три пары и, очень рѣдко, четыре. Пашутъ всегда хозяина два или три вмѣстѣ (сотоварищи). У кого быковъ нѣтъ, тотъ даетъ погонщика своего, или самъ тутъ работаетъ; но такому товарищу ужъ не весь его пай пашутъ, въ его собственность, а только половину. Нѣкоторые нанимаютъ пахать и платятъ за 5 сажень (ширина ?) 1 рубль. Нѣкоторые свой пай продаютъ казакамъ же, по 50 коп. за 5 сажень (ширина ?).

Если условятся пахать два или три хозяина вмѣстѣ, то каждый изъ нихъ долженъ имѣть погонщика и самъ быть за *плугатара* или за себя нанимать. Плугатарю въ мѣсяцъ платятъ по 5 рублей; за всю пашню приходится заплатить руб. 10—12; погонщику, за все время пашни, платятъ рублей 5—6. Сколько бы паръ въ плугъ ни впрягли, три или четыре, при немъ всегда бываетъ два плугатара и два погонщика. Если товарищей трое, то они чередуются понедѣльно. Плугатари, обыкновенно,—хозяева, а погонщики—ихъ дѣти или наемные. Дѣтей берутъ на пашню съ 7 лѣтъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Женщины въ пашнѣ не участвуютъ.

Ежегодно засѣвается различнаго рода хлѣбомъ 350 десятинъ. Больше всего сѣютъ пшеницу и ячмень. Въ послѣдній годъ было посѣяно хлѣба всѣми хозяевами:

Пшеницы (озимой)	227	четвертей.
Ржи	2	”
Овса	13	”
Ячменя	29	”
Картофеля	11	”

Собрано:

Пшеницы (озимой)	2325	”
Ржи	16	”
Овса	65	”
Ячменя	135	”
Картофеля	110	”

Мѣра пшеницы въ зернѣ стоитъ отъ 70 в. до 1 руб.; мѣра овса, проса, ячменя—50 коп.; пудъ чечевицы, фасоли—отъ 50 в. до 1 р. Въ послѣдніе пять лѣтъ урожай хлѣба былъ хорошій.

Молотятъ хлѣбъ на тову (вруглой формы), посредствомъ длинной и толстой доски, въ которую очень много набито осколковъ чугуна; эта доска называется *балбоу*; ее волочить лошадь. Солома отъ таковаго способа молотбы мелко перебивается. Вѣютъ лопатками; это дѣло справляютъ и мужчины, и женщины, и даже подростки.

Во время жнитва поденная плата рабочимъ—50 копеекъ, на хозяйскихъ харчахъ, или мѣра пшеницы. Жнива продолжается съ половины іюня до августа. Весь хлѣбъ *жнутъ*, косить только траву. Серпъ стоитъ 20 коп.; коса 1 р. 50 коп. Покупаютъ ихъ въ Кизлярѣ. Служать они лѣтъ 5 и болѣе. Жнутъ всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти, начиная съ 12 лѣтъ.

Мука готовится на водяныхъ мельницахъ; въ станіцѣ пять мельницъ на Прорвѣ. Мельничный амбаръ уста-

новленъ на барѣѣ. Устройство мельницы обыкновенное. Мельницы, главнымъ образомъ, работаютъ съ половины марта до января. За помолъ мельникъ беретъ десятую мѣру, или, деньгами, по 10 к. съ мѣры. Мельницы называются *байдачными*, потому что лодки, на которыхъ онѣ устроены, называются байдаками. Если хозяинъ мельницы нанимаетъ мельника, то послѣдній получаетъ 3-ю мѣру.

2) Луговодство.

Въ станицѣ земли луговой для повоса больше 2772 десятинъ. Съ одной десятины, въ хорошіе урожаи, накашиваютъ до 200 копенъ, или до 20 возовъ. Это бываетъ, когда дождей выпадаетъ значительное количество. Косью травъ занимаются, исключительно, мужчины. Обыкновенно соединяются нѣсколько хозяевъ и общими силами, по очереди, другъ другу косить (это называется „ходить въ откосъ“).

Рабочіе нанимаются косить за плату отъ 50 до 60 коп. въ день, на хозяйскихъ харчахъ, и ѣдятъ то же, что и хозяева. На повосѣ, напр., варятъ калмыцкій чай, лапшу, фингалы, вареники съ творогомъ и рыбой, ѣдятъ сушеную и копченую рыбу; пьютъ вино и *ирьянъ*. Въ день ѣдятъ 4 раза; послѣ обѣда часа 2 отдыхаютъ. Нанимаются косить и казаки, и ногаи (ногайцы).

Примѣтъ, которыми бы руководствовались жители для начала повоса, нѣтъ: начинаютъ косить съ тѣхъ поръ, когда коса хорошо захватываетъ траву. Обыкновенно же косить начинаютъ съ послѣднихъ чиселъ мая и продолжаютъ до половины сентября.

Сгребаніемъ сѣна большею частію занимаются женщины и дѣти, начиная съ 10 лѣтъ. Въ коины сѣно закатывается двумя рабочими, съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Копны *таскаютъ* на лошадяхъ и быкахъ. Быковъ запрягаютъ въ арбу, затѣмъ привязываютъ одинъ конецъ веревки къ арбѣ, а изъ

другого ея конца дѣлають петлю, которую навидываютъ на копну и такъ тащатъ; если таскають копны на лошадахъ, то веревка, которой опутывается копна, идетъ отъ хомута. Сѣно кладутъ въ стога, прямо на землю. Стогъ состоитъ изъ 30 и даже 100 копень. Стога обрываютъ канавой или обтаскиваютъ волочевыми, чтобы скотина не травила, и оставляють ихъ въ степи большею частію до зимы: возятъ сѣно уже послѣ озимого посѣва и, очень рѣдко, послѣ рѣзки винограда. Привезенное сѣно складываютъ на базы (скотные дворы), на лапасы (родъ сарая) и наземъ въ сѣнники (мѣсто на базѣ, обгороженное плетнемъ). Какъ возять, такъ и возять сѣно общими силами: одинъ хозяинъ столько собираетъ аробъ съ людьми, сколько ему нужно, смотря по количеству сѣна, чтобы перевезти все сѣно въ одинъ день; послѣ же онъ отработываетъ тѣмъ, кто ему помогалъ.

3) Скотоводство.

Скота въ станицѣ имѣется:

Рабочихъ и табунныхъ лошадей	333
Воловъ и коровъ	1670
Овецъ (изъ породы бурдюковъ)	877
Буйволовъ	160
Свиней	1126
Строевыхъ лошадей	51

Всѣхъ хозяйствъ въ станицѣ 189; 10 хозяевъ вовсе не имѣютъ быковъ; 10 имѣютъ по 3 пары; 1 больше трехъ паръ; 25 хозяевъ по двѣ пары, а прочіе по 1 парѣ быковъ. Гулевой скотъ (быки, коровы) содержится для приплода и для продажи; есть небольшіе табуны лошадей, также для продажи; буйволицъ держатъ для молока. Овцы разводятся для мяса, для шерсти; большая часть ихъ держится для продажи. Свины держатся и для мяса, и для продажи. Цѣны бывають болѣе или менѣ постоянныя: быкъ 30 руб.; корова 20 руб.; ло-

нади, строевыя и рабочія, отъ 30 до 80 руб.; овца отъ 1 до 5 руб.; свиньи, откормленныя, доходятъ до 25 руб., не откормленныя отъ 3 до 6 руб.; буйволицы отъ 35 до 50 рублей. Свиной откармливаютъ по шести недѣль; кормятъ ихъ ячменемъ, отрубями, тыквами, хлѣбомъ и т. п.; притомъ стараются держать ихъ въ тѣсномъ мѣстѣ, чтобы онѣ меньше двигались.

Самыя главныя причины, неблагопріятствующія разведенію скота,—воровство, затѣмъ, падежь, бывающій довольно часто, и, наконецъ, бури; такъ, въ 10—15 лѣтъ *разъ* погибаетъ весь скотъ. Въ 1875 году, напр., въ мартѣ за три дня весь скотъ погибъ: часть его замерзла, часть снѣгомъ занесло, часть угнало вѣтромъ—иныхъ загнало въ рѣки, озера и утопило и т. д.

За тѣмъ скотомъ, который держатъ при станицѣ, на пастбищахъ смотрятъ пастухи изъ казаковъ, а за гулевымъ скотомъ смотрятъ ногаи, кочующіе въ бороздинскихъ дачахъ. Пастухи, которые пасутъ скотину, находящуюся при станицѣ, нанимаются обществомъ по 33 коп. въ годъ съ головы, на своихъ харчахъ; за каждую пропавшую голову платятъ по 10 рублей. Пастухи-ногаи нанимаются не обществомъ, а всякимъ хозяиномъ отдѣльно, въ годъ по 25 коп. съ головы; за пропавшую голову платятъ 8—10 руб. Но лошадей ногаи пасутъ съ платою по 1 руб., въ годъ съ головы; за пропавшую же платятъ по 20 рублей. Съ мая до сентября ногаи изъ бороздинскихъ дачъ уходятъ со скотиной въ пески, верста за 60 и больше, потому-что около станицы много комаровъ и оводовъ. Для остающейся скотины при станицѣ, каждый вечеръ, раскладываютъ востры, противъ комаровъ.

Воровство скота сильно распространено; но—кто воруетъ, трудно сказать. Воруютъ обыкновенно быковъ и лошадей, коровъ и буйоловъ почти никогда; лошади пропадаютъ большею частью изъ табуна; быки, наоборотъ, всегда почти со

дворовъ. Въ предупрежденіе воровства скотины, кругомъ станицы вырыли глубокой ровъ и загородили всё дорожки, чрезъ сады; ночью по станицѣ ходить обходъ; но, не смотря на все это, воровство продолжается.

Коровъ и буйволицъ въ ненастную погоду, зимой, кормятъ сѣномъ, въ противномъ случаѣ всегда гоняютъ ихъ въ степь на пастбище. Молока коровы даютъ кварталы 2—3; буйволицы кварталы 3—4. Овецъ при станицѣ не держатъ: за ними смотрять ноги, которые и доятъ ихъ. Ноги же и стригутъ овецъ и валяютъ для хозяевъ полсти и валенки.

Коровъ и буйволицъ доятъ утромъ и вечеромъ, причемъ у коровъ вымени не обмываютъ, а у буйволицъ иногда обмываютъ. Телятъ, въ первые дни послѣ рожденія, держатъ въ хатахъ, гдѣ сами живутъ; это—зимой, а лѣтомъ—на дворѣ; поятъ ихъ молокомъ и кормятъ хлѣбомъ; а потомъ помѣщаютъ ихъ на базахъ, вмѣстѣ съ прочей скотиной, и кормятъ сѣномъ.

Изъ коровьяго и буйволинаго молока готовятъ творогъ, сметану, масло. Масло бьютъ въ *челенахъ*; это—небольшія кадучечки съ крышкой; въ послѣдней есть отверстіе для палки, въ одному концу которой приделана круглая дощечка, съ частыми отверстіями. Частое подниманіе и опусканіе этой палки и сбиваетъ молоко въ масло. Жидкость, которую даетъ молоко, сбитое въ масло, называется ирьяномъ (см. 28 стр.).

Изъ коровьяго и буйволинаго молока готовятъ сыръ, который называютъ *бешлекомъ*. Приготавливаютъ его такъ: молоко подогрѣваютъ настолько, чтобы оно было теплѣ парного; затѣмъ вливаютъ въ него закваски; оно киснетъ—свертывается и отдѣляется отъ себя сыворотку; свернувшуюся массу сжимаютъ руками въ одинъ комъ, которому даютъ круглую форму; сыворотку выпятать съ солью; когда она остынетъ, кладутъ въ нее комъ свернушагося молока, т. е. сыру.

Скотина болѣетъ ящеромъ. Разъ была чума на рогатомъ скотѣ.

4) Огородничество.

Огородничество существуетъ въ станицѣ, какъ промыселъ: станица Бороздинская и, отчасти, Дубовская поставляютъ огородныя овощи на весь Кизляръ. Въ огородахъ разводятся капуста, свекла, лукъ, картофель, рѣдька, редиска, чеснокъ, петрушка, укропъ, салатъ, помидоры, огурцы, тыквы; въ степи сѣютъ арбузы и дыни.

Въ землѣ сохраняютъ, въ свѣжемъ видѣ, свеклу, рѣдьку и картофель—въ ямѣ, гдѣ каждый слой овощей пересыпаютъ пескомъ. Тыквы и лукъ держатъ въ тепломъ мѣстѣ, обыкновенно, тамъ, гдѣ живутъ сами, подѣ нарами. Арбузы солятъ, а свѣжіе сохраняютъ на чердакахъ, въ салатѣ. Капусту, въ свѣжемъ видѣ, сохраняютъ въ амбарахъ, привѣсивая вилки къ потолку, или сохраняютъ капусту соленою, въ рубленомъ видѣ.

Овощи идутъ въ Кизляръ по такимъ цѣнамъ: капуста, первая, каждый *омлокъ*, по 15—20 коп., а осенью сотня отъ 3—5 руб.; огурцы, первые,—штука 15—20 коп., потомъ десятокъ 30 и 20 коп., а далѣе и сотня 50 и 20 коп.; арбузы—возъ отъ 1—3 рублей; тыквы—штука отъ 5—10 коп.; картофель 50 и 40 коп. пудъ; рѣдька и свекла отъ 2—5 коп. штука.

Каждый домохозяинъ, только на огурцахъ и капустѣ, приобрѣтаетъ отъ 50 до 100 руб. Картофель, свеклу, рѣдьку и тыквы садятъ большею частію для своихъ потребностей. Фасоль продаютъ въ городѣ, въ стручкахъ, на пуды: пудъ отъ 1 р. до 1 р. 20 коп. доходить.

5) Садоводство.

Садоводство въ станицѣ Бороздинской существуетъ не какъ промыселъ, а только для удовлетворенія потребностей семьи. Отдѣльныхъ фруктовыхъ садовъ нѣтъ: фруктовыя де-

ревья растутъ въ виноградныхъ садахъ. Вишни, шишки, черешни, черносливы, яблони, груши, персики, абрикосы, айва, кизиль, алыча, шипшина, калина, красная смородина, крыжовникъ, вотъ—фруктовыя и ягодныя растенія. За деревьями большого ухода нѣтъ. Деревья всѣ состоятъ изъ прищепъ.

Фруктовъ и ягодъ никуда не вывозятъ для продажи, а покупать въ станицѣ не кому, потому-что у каждаго жителя, для своего обихода, есть свой сборъ; отсюда и цѣны определенной на ягоды и плоды не существуетъ.

На зиму заготавливаютъ фрукты большею частію сушеными. Сушатъ яблоки, вишни, кизиль, груши, сливы, абрикосы, персики, алычу; калину, шишки и айву сохраняютъ въ сыромъ видѣ; изъ шишекъ приготавливаютъ квасъ, просто, наливая ихъ водою. Немногіе только варятъ варенье изъ вишенъ, щанокъ, алычи, кизила, смородины, крыжовника, абрикосовъ, персиковъ, яблокъ и черешенъ. Въ лѣсу есть фруктовыя деревья, хотя и немного; но и съ нихъ не дѣлается сбору, такъ-какъ нѣтъ нужды. Изъ ягодъ собираютъ въ лѣсу ежевику, которая идетъ на пироги, на варенье и къ вареникамъ; много также сушатъ ее къ зимѣ, для пироговъ.

6) Рыболовство.

Въ рѣкахъ Прорвѣ, Таловѣ и Терекѣ ловятъ рыбу почти круглый годъ. Рыбу ловятъ неводами (въ станицѣ 12 неводоѡ), сѣтками, крыгами, сѣжами, вентерями и вандами. Занимаются рыболовствомъ 140 человекъ, исключительно, одни мужчины, съ 13-лѣтняго возраста. Ловить рыбу начинаютъ съ сентабря и продолжаютъ ловъ до апрѣля (невода и др.).

Невода вяжутъ изъ конопляной пражы, которую покупаютъ въ Кизлярѣ, а сюда ее доставляютъ изъ „Россіи“. Вяжутъ неводъ въ 150 сажень длины и 3 саж. ширины; но посаженный неводъ имѣетъ въ длину 80 сажень. На неводъ идетъ 1¹/₂ пуда пражы, пудъ которой стоитъ 10 рублей; это

для *рѣдкаго* невода; а для частаго, которымъ ловятъ шамаю, нужно 6 пудовъ пряжи. Наплавки для невода дѣлають изъ коры осокоря; каждый наплавочъ стоитъ 1 копейку; на неводъ идетъ 500 наплавочвъ. Кромѣ пряжи и наплавочвъ, для невода нужно на 6 рублей веревокъ (сажень по 3 коп.); въ обоимъ концамъ невода привязываютъ веревки: съ одного конца въ 6 сажень—за эту веревку тянетъ одинъ ловець, идя по берегу, а съ другого конца веревка въ 40 сажень длины—этотъ конецъ тянуть въ каюкъ.

Съ неводомъ работаютъ четыре человѣка: одинъ по берегу идетъ, одинъ въ каюкъ тянетъ, а двое гребутъ. Рыбу или, вырученныя отъ ея продажи, деньги дѣлятъ каждый неводъ на 6 частей: 3 пая получаетъ хозяинъ невода (на неводъ 2 пая и третій на себя), а прочіе пай—по одному на прочихъ трехъ ловцовъ. Эти послѣдніе называются *исполщниками*, ибо они ловятъ рыбу изъ-половины („изъ-полу“).

Въ сентябрѣ и октябрѣ ловятъ сомовъ, сазановъ, севрюгъ, осетровъ; въ ноябрѣ ловится лохъ; въ декабрѣ начинается ловъ лосося, шамаи, жереховъ, лещей и судаковъ и продолжается до апрѣля.

Съ сентября до апрѣля рыбу ловятъ не одними неводами, а и сѣтями. Въ станицѣ 40 сѣтовъ. Сѣтки приготовляются такъ же и изъ такого же матеріала, какъ и невода, только въ длину, посаженная на веревки, сѣтя имѣетъ 60 сажень, а въ ширину 2 сажени. Сѣтки вяжутъ въ два полотна: впередъ идетъ рѣдкое полотно, а за нимъ частое. Сѣткою ловятъ два человѣка: одинъ гонитъ каюкъ, а другой сѣтку „сыплетъ“ въ воду, т. е. кидаетъ сѣтку весломъ. Зарботки дѣлятъ на три пая: одинъ пай на сѣтку, другой ей владѣльцу и третій тому, кто принимаетъ участіе, въ данный разъ, въ рыболовствѣ.

Во время зимы, когда установится ледъ на рѣкѣ, ставятъ въ проруби *вентеря*. Въ станицѣ 30 вентерей. Вентерь

имѣть форму конуса, вверху въ объемѣ 1 аршинъ, внизу 5 арш. и въ длину 3 саж. У вентеря—два крыла, тоже изъ пряжи; за одно крыло привязываютъ его къ берегу, а другое крыло въ водѣ.—Такой же формы плетутъ изъ хвороста *ванды*, только безъ крыльевъ. Ихъ ставятъ въ маѣ, июнѣ и июлѣ, когда вода мутная; ловятъ ими севрюгъ и осетровъ. Въ станицѣ 6 вандъ.

Съ апрѣля до сентября рыбу ловятъ *крыгами и сѣжами*. Крыги и сѣжи вяжутъ изъ вонопляной пряжи; онѣ имѣютъ форму конуса. Крыги вверху въ объемѣ 1 арш., внизу 3 саж. и въ длину 3 с. Ихъ ставятъ возлѣ берега, притомъ такъ, что одна сторона въ водѣ, а другая на поверхности воды. Въ станицѣ 100 крыгъ. Ловятъ крыгами, больше для себя и, очень рѣдко, на продажу, сазановъ, лещей, сомовъ и усачей. Сѣжа имѣетъ съ одного конца въ объемѣ 2 аршина, съ другого 8 саж. и 5 саж. въ длину. Въ станицѣ 20 сѣжъ. Сѣжами ловятъ ту же рыбу, что и крыгами.

12 неводовъ и 40 сѣтотъ, за 7 мѣсяцевъ, налавливаютъ до 2000 пудовъ рыбы, на сумму до 9300 рублей. Крыгами и сѣжами зарабатываютъ немного—въ годъ до 400 рублей. Вентеря зарабатываютъ въ годъ не больше 120 рублей. Такой небольшой заработокъ объясняется тѣмъ, что вентеря ставятъ только на ледъ, а ледъ держится здѣсь самое короткое время. Ванды, за три мѣсяца, зарабатываютъ до 500 руб. потому, что ими ловится самая дорогая рыба: севрюга и осетрь.

Средній заработокъ каждаго ловца, не-владѣльца невода или сѣтки, простирается до 75 р.; хозяинъ невода получаетъ въ 3 раза болѣе, а хозяинъ сѣтки въ 2 раза.

Рыбу продаютъ и свѣжею, и копченою. Цѣна на копченую рыбу такая: сотня шамаи 10—12 руб.; сотня жереховъ 8—10 руб.; сотня лещей тоже 8—10 руб. На свѣжую рыбу цѣна такая: пудъ сомины стоитъ 60—70 коп.;

пудъ сазановъ 80—90 коп.; п. лоха 3 руб.; п. лосося 4 руб.; п. севрюги 5 руб.; п. осетрины 7 рублей; сотня шаман 8—10 руб. Самой хорошей рыбой, по доходности, считается шамая.

Рыбу возятъ прямо *съ-ялава* продавать въ Кизляръ, гдѣ скупщики ее скупаютъ гуртомъ и отправляютъ въ разные города Терской области и въ Москву. Скупщики прѣзжаютъ и въ станицу покупать копченую рыбу, которую тоже отправляютъ, напр., въ Москву.

Занимающіеся рыболовствомъ въ спиртнымъ напиткамъ имѣютъ громадную наклонность. Смертности среди нихъ большой нѣтъ, хотя они простуживаются во время зимы часто; болятъ воспаленіемъ легкихъ.

Рыбный промыселъ лѣтъ чрезъ десять, по всей вѣроятности, сильно ослабѣетъ, если не превратится: съ каждымъ годомъ рыбы становится меньше.

Наконецъ, должно оговориться, что люди, занимающіеся рыболовствомъ, въ то же время занимаются и хлѣбопашествомъ, и садоводствомъ, т. е. нѣтъ въ станицѣ исключительныхъ рыболововъ, по ремеслу.

7) Приготовление колесъ и аробъ.

Приготовленіемъ колесъ и аробъ занимаются въ станицѣ два человѣка.

Тагуны, т. е. ободья для колесъ, и спицы покупаютъ въ Кизлярѣ, куда привозятъ ихъ изъ горъ татары. *Ступки* точатъ сами бороздинскіе мастера изъ вербы и бѣлолистеи; сами же дѣлаютъ ящики, или *одеръ*, изъ своего лѣса. Тагунъ въ окружности 6 арш., въ ширину 3 верш. и въ толщину 2 верш.; спицы въ длину 3 четверти $1\frac{1}{2}$ верш. Каждый тагунъ стоитъ 1 р. 50 коп.; каждая спица—15 коп.; въ колесѣ 12 спиць. Ящикъ ставятъ на ось, на которой, съ каждой стороны, по 1 колесу. Ось приходится подъ серединой ящика. За

работу двухъ колесъ берутъ 3 рубля, а за всю арбу—6 рублей. Въ годъ каждый мастеръ зарабатываетъ до 80 рублей. Для приготовления колесъ и аробъ употребляются, кромѣ топора и долота, слѣдующіе еще инструменты: 4 рѣзца для оттачиванья ступокъ; *лотырь* для сверленія ступки; 3 бурава, разной величины; станокъ для точенія ступокъ и станокъ для натягиванья тагуновъ.

Эти же два человѣка занимаются и хлѣбопашествомъ, и садоводствомъ.

8) Бочарное ремесло.

Въ станицѣ бочарнымъ ремесломъ занимаются пять человѣкъ, главнымъ образомъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, начиная съ сентября.

Трости (доски) и обручи покупаютъ въ Кизлярѣ. На бочку идетъ 30 штукъ тростей; а если трости широкія, то —27. Каждая трость 20 в. Трость въ длину, на 70-ведерня бочки,—въ 3 арш., а на 40—50-ведерня, въ 2¹/₂ арш. Обручи въ длину 5—6 арш., на большія бочки. На бочку идетъ 40 обручей; каждый обручъ стоитъ 3 коп. За работу бочки берутъ 3 рубля, а съ матеріаломъ 10 рублей. Каждый мастеръ зарабатываетъ до 40—50 р. въ мѣсяцъ, или въ трехмѣсячный періодъ работы 120—150 р.

При этомъ ремеслѣ употребляются слѣдующіе инструменты: топоръ; *шмыла*—„спускать“ трости, изъ которыхъ дѣлаютъ бочки; *настругъ*—бока очищать; *скобель*—края выгибать, когда вставляютъ дно; *размъръ*—„дно разводить“; *уторникъ*—уторы зарѣзывать; *лезъ*—выправляютъ трости на колодѣ; *тбало*—обручи гнуть.

Бочарные мастера также занимаются и хозяйствомъ.

9) Приготовление рыболовныхъ снарядовъ.

Въ станицѣ приготовленіемъ рыболовныхъ снарядовъ за-

нимаются человекъ 6, стариковъ, которые не могутъ иной работы дѣлать ни въ полѣ, ни дома. Цѣны работъ такіа: за вязанье крыги, т. е. собственно за работу, берутъ 50 коп.; за работу сѣжи—2 рубля; за работу вентера—1 р. 50 коп.; за работу неводовъ и сѣтокъ получаютъ посаженно: съ сажени 5 коп. Ванды плетутъ изъ хвороста и за работу, съ матеріаломъ, берутъ по 5 рублей. Въ годъ каждый мастеръ зарабатываетъ 30—40 рублей.

Препровожденіе свободнаго времени; гулянья; игры; праздники.

Молодые парни и дѣвушки весною и лѣтомъ собираются гдѣ-нибудь на полянѣ и тамъ устраиваютъ игры и танцы—играютъ, обыкновенно, въ горѣлки (въ альчики, въ чехарду, въ лапту—мужчины?) танцуютъ лезгинку. Когда только-что распустился виноградъ, парни и дѣвицы ходятъ въ виноградные сады ѣсть виноградные *кутыри* (молодые побѣги, кисловатые на вкус); ѣдятъ также тутовые ягоды. Осенью ходятъ въ сады варить кисель изъ винограду, а лѣтомъ варить кисель изъ ежевики. На Пасхѣ устраиваютъ качели и начинаютъ „водить“ хороводы, продолжающіеся до глубокой осени. Хороводы устраиваются такъ: собираются, обыкновенно, на станичной площади молодые дѣвицы и парни и становятся въ кругъ; кто-нибудь изъ мужчинъ играетъ на гармоніѣ, и которая-нибудь изъ дѣвушекъ бьетъ въ мѣдный тазъ (вмѣсто бубна); въ это время поочередно выходятъ пары и танцуютъ лезгинку (другихъ танцевъ не танцуютъ, да и не умѣютъ). Осенью, когда, обыкновенно, бываютъ свадьбы, молодые парни и дѣвушки, да и многіе женатые и, даже, старики собираются въ домъ невѣсты, гдѣ танцуютъ, поютъ пѣсни, играютъ въ карты (въ дурачки, короли, воза, пьяницы и т. п.), въ фанты и др. Такія собранія очень часто продолжаются далеко за полночь, а часто расходятся только съ разсвѣтомъ.

На святкахъ, по вечерамъ, играютъ въ юлу. Юла, это—кубикъ; на каждой изъ боковыхъ граней его находятся особые значки, а именно: , , и . Связь кубикъ прорѣтъ стержень, концы котораго выдаются съ двухъ противоположныхъ граней кубика; на одномъ, обыкновенно, заостренномъ, концѣ стержня юла вьртится, за другой ее приводятъ во вращательное движеніе. Играющіе въ юлу садятся на нары кружкомъ, владутъ каждый на тарелку одинъ или два (по уговору) орѣха и поочереди вертятъ юлу. Если юла упадетъ сверху фигурою № 1, говорятъ— „упала на-приложъ“, и вертѣвшій юлу долженъ приложить еще одинъ орѣхъ къ имѣющимъ на тарелкѣ; когда юла ляжетъ сверху фигурою № 2, говорятъ— „пустякъ“, т. е. нѣтъ ни выигрыша, ни проигрыша; если юла ляжетъ 3-й стороною сверху, говорятъ: „упала на два“, т. е. вертѣвшій юлу выигрываетъ два орѣха; при паденіи юлы 4-й стороною сверху, говорятъ: „упала на всѣ“, т. е. выигрываются вертѣвшимъ юлу всѣ находящіеся на тарелкѣ орѣхи.

Подъ новый годъ ходятъ „щедровать“, или, по-мѣстному, „кричать святой вечеръ“. Щедрующимъ даютъ вина (если щедрующіе ходятъ съ ведрами), пироговъ, конфетъ, орѣховъ, денегъ и т. п.

Съ пятницы на масленицѣ начинаютъ „держатъ и брать города“ *). Эта игра состоитъ въ слѣдующемъ. Гдѣ-нибудь, но большею частію около общественнаго хлѣбнаго магазина, устраиваютъ скамейку, насколько можно, длинную. На нее ставятся со всей станицы дѣвушки, съ длинными пальцами въ рукахъ: это—онѣ собрались „держатъ городъ“. Противъ нихъ оподчаютъ мужчины—„брать городъ“; въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе даже 8-лѣтніе мальчики и дряхлые старики.

*) Сравни въ „Сборникѣ свѣдѣній о Терской области“. Вып. I. стран. 236—240. Изд. Терскаго Областн. Статистич. Комит., подъ ред. и д. секретаря Комит., Н. Благовѣщенскаго. Владикавказъ. 1878. Ред.

Верхомъ на лошадахъ мчатся казаки „братъ городъ“. Но дѣвушки съ силой машутъ имѣющимися у нихъ палками и бьютъ подсказывающихъ къ нимъ всадниковъ безъ всякой жалости, по чему бы ни попало; иного такъ избиваютъ, что и онъ, и лошадь обливаются кровью; но осаждающіе продолжаютъ наступать на городъ. Взавшіе городъ получаютъ право передѣлывать всѣхъ находящихся на скамейкѣ дѣвушекъ, но достигъ этого удовольствія никому въ отдѣльности не удается. Бываетъ, однако, иногда, что дѣвушки не удержатъ города, но не желаютъ и цѣловаться; въ такомъ случаѣ онѣ ударяются бѣжать. Этимъ только оттягивается развязка, которая непременно наступитъ: казаки преслѣдуютъ убѣгающихъ „горожанокъ“ и врываются въ домъ, гдѣ укрывались дѣвушки, и тутъ уже онѣ, волей-неволей, должны бывать покориться и выполнить условіе. За всѣ беспорядки, могущіе произойти въ чемъ-нибудь домѣ отъ этой игры, никто не сердится, ибо въ этой игрѣ участвуетъ вся станица. Бываютъ случаи, что братъ городъ привѣзжаютъ въ Бороздинку казаки изъ ст. Дубовской, или же бороздинцы ѣдутъ съ этой же цѣлю въ Дубовскую. Эта игра продолжается съ пятницы, какъ сказано выше, до воскресенья.

Въ воскресенье, вечеромъ, всякія игры прекращаются и начинается хожденіе „просить другъ у друга прощенія“ **). Такое хожденіе за прощеніемъ продолжается цѣлую ночь и только утромъ въ понедѣльникъ прощавшіеся возвращаются, наконецъ, по домамъ. Случается, однако, что двое или трое, а то и большее число, изъ прощающихся, встрѣтятся на улицѣ, начинаютъ жаловаться на головную боль и дурной вкусъ во рту и тутъ же рѣшаютъ зайти къ кому-нибудь „пополоскать ротъ“; результатомъ бываетъ новое похмелье.

Большому пьянству бороздинцевъ, во время масленицы, немало способствуетъ то обстоятельство, что здѣсь издавна установился обычай *продавать* въ пятницу и субботу сырной

**) Тамъ же, стр. 240. Ред.

недѣли *яра*, т. е. берега рѣкъ Прорвы и Таловки (или, точнѣе, право ловить въ этихъ рѣкахъ рыбу). Покупаютъ *яра рыбалки*, т. е. хозяева неводовъ; платять за это довольно дешево, потому что въ это время казаки нуждаются въ деньгахъ, на празднованіе масленицы.

На первый день Пасхи особеннаго шума въ станицѣ нѣтъ; за то на второй день крикъ и пѣсни начинаются въ станицѣ уже съ самаго ранняго утра, прямо послѣ заутрени. Причиной этому—одинъ установившійся издревле *шутливый обычай*, принесенный сюда еще первыми поселенцами станицы; онъ состоитъ въ томъ, что всякаго, не бывшаго на второй день Пасхи у заутрени, обливаютъ у колодца холодною водою. Не желая подвергаться довольно неприятной шуткѣ, провинившійся предлагаетъ за себя выкупъ, конечно, на выпивку. Раздѣлавшись съ однимъ изъ провинившихся, толпой, вкупѣ съ оштрафованнымъ, отправляются въ другому, третьему и т. д., пока не обойдутъ всѣхъ, послѣ чего расходятся, на время, по домамъ; а затѣмъ собираются опять вмѣстѣ на площади, около качелей.

На Оуминой недѣлѣ, во вторникъ, обыкновенно „поминаютъ умершихъ“; для этого почти всѣ станичники отправляются на кладбище служить панихиды. Каждый несетъ туда обѣдъ, который и съѣдаютъ послѣ панихиды. Возвратясь съ кладбища въ станицу, ходятъ другъ къ другу въ гости; это хожденіе, сопровождаемое пѣснями, продолжается, обыкновенно, до утра слѣдующаго дня.

На Троицу „завиваютъ вѣнки“; всѣ три дня пируютъ *съ складчину*. Молодые, дни и ночи, пируютъ въ домахъ, пожилые же начинаютъ пиршество только съ вечера и пируютъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь на площади или, и просто, на улицѣ. Каждый изъ послѣднихъ приноситъ сюда закуску, вина и яицъ, изъ которыхъ здѣсь же, на улицѣ, или въ сосѣднемъ домѣ готовятъ яичницу; пиръ этотъ продолжается до

утра и сопровождается пѣснями, пляскою и стрѣльбою. — Веселѣе всѣхъ празднивовъ проводить Троицу и мѣстный престольный праздникъ, въ память св. Димитрія Ростовскаго, 26 октября. Послѣдній праздникъ празднуютъ три дня; празднеству много благопріятствуетъ, прежде всего, обиліе вина, свободное время, прїѣзжіе гости, а также и то, что къ этому времени успѣютъ уже многіе засватать, и теперь совершаютъ обычные, по этому случаю, пирушки. Впрочемъ, осенью и безъ „праздниковъ“ всякій день праздникъ: это дѣлаетъ давка винограда.

Свадьба *).

Женятъ въ Бороздинкѣ мужчинъ, обыкновенно, на девятнадцатомъ году; невѣсты же бываютъ, иногда, года на два—на три *старше* своихъ жениховъ. Въ прежнее время ни жениха, ни невѣсты о желаніи ихъ соединиться узами брака не спрашивали, въ настоящее же время, хотя бы, иногда, для формы, родители о такомъ желаніи спрашиваютъ своихъ дѣтей.

Сватовство совершается обычнымъ порядкомъ: сваты всегда рѣчь заводятъ о своей прямой цѣли *стороной*; а родители дѣвушки, хотя бы имѣли самое пламенное желаніе видѣть свою дочь замужемъ за предлагаемымъ молодымъ человѣкомъ, начинаютъ „ломаться“: они отговариваются тѣмъ, что еще „не видѣли“ жениха, а потому просятъ привести его въ слѣдующій

*) Въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ уже не разъ описывались свадьбы. Но свадьбы, сохраняя свой общій основной типъ, въ то же время по разнымъ мѣстностямъ имѣютъ свои характерныя особенности, изъ которыхъ однѣ *снова* выработались, на иной основѣ, другія же *отъ старинны* удержались, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ,—только приспособились къ новымъ условіямъ самой жизни. Предлагаемое описаніе свадьбы, сверхъ общаго, типичнаго, сообщаетъ и новыя черты, новыя обряды, новыя подробности или уже извѣстныя, но только въ иной комбинаціи и въ иномъ отношеніи къ цѣлю свадьбы.—Любопытно сравнить настоящую главу съ подобными въ прежнихъ выпускахъ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“, а именно: въ Вып. I. Отд. I. 111—114 стр.; III. II. 54—72; V. I. 198—202; VI. I. 28—37; 74—98; 145—148; VI. II. 165—169. Сравни также въ „Сборн. свѣдѣній о Терской области“. Вып. I. стр. 222—236.

вечеръ *напоказъ*, что и исполняется. Если онъ имъ „нравится“, то и тутъ они не рѣшаются, будто бы, согласиться на предложеніе, безъ совѣта съ родственниками, и потому просятъ зайти въ третій разъ. На третій разъ сватамъ говорятъ, что еще не всѣ родственники высказали свое мнѣніе, и потому просятъ ихъ зайти въ четвертый разъ; но и теперь опять задержка—не успѣли-де еще переговорить съ самой невѣстой, безъ желанія которой, будто бы, они дать своего согласія не могутъ. Наконецъ, на пятый разъ родители сватаемой даютъ согласіе и назначаютъ день, въ которой они *отдадутъ хлѣбъ-соль*.

Вечеромъ, въ назначенный для этого день, родители жениха съ виномъ и закусками идутъ въ домъ невѣсты. Здѣсь, до закусыванья, сначала обѣ стороны „договариваются“, что, если которая-нибудь изъ участвующихъ въ сговорѣ сторонъ откажется отъ своего слова, та повинна будетъ заплатить другой сторонѣ штрафъ за *позоръ* (отъ 50—250 р.). Послѣ этого родители жениха передаютъ родителямъ невѣсты отъ 10—25 р. денегъ на *справу* невѣсты и обѣщаютъ въ день вѣнчанья уплатить *одинъ рубль за косу*. Покончивъ переговоры, всѣ встаютъ и „молятся Богу“. Тутъ отецъ или мать невѣсты отрѣзываютъ краюшку хлѣба, солятъ ее и, завернувъ въ платокъ, взятый у невѣсты, передаютъ отцу или матери жениха; отецъ и мать жениха, получивъ хлѣбъ-соль, благодарятъ, кланяются въ ноги и затѣмъ цѣлуются съ родителями невѣсты. Это и есть обычай *отдачи хлѣба-соли*. Покончивъ здѣсь съ принесеннымъ виномъ и закусками, сваты приглашаютъ родителей невѣсты идти съ ними въ гости въ домъ жениха; у жениха пирушка продолжается до разсвѣта.

Между тѣмъ женихъ подбираетъ себѣ компанію изъ товарищей и отправляется въ гости къ невѣстѣ съ различными гостинцами (подсолнечныя сѣмечки, пряники, конфеты и т. п.). У невѣсты же къ этому времени собрались уже подружки.

Здѣсь молодежь проводитъ время въ танцахъ, пѣсняхъ, играхъ въ карты, въ фанты и проч. Съ этого дня и до свадьбы у невѣсты ежедневно собираются ея подруги; сюда же приходятъ съ товарищами и женихъ. По праздникамъ подруги собираются къ невѣстѣ веселиться, по буднямъ, собственно, съ цѣлю помогать невѣстѣ шить приданое, но въ дѣйствительности—гулять. Кромѣ молодыхъ людей, ходятъ въ гости къ невѣстѣ и люди женатые, и, даже, старики; всѣ, по желанію, могутъ принимать участіе въ весельи и играхъ.

Предъ разсвѣтомъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни, по-мѣстному, *обыгрывать*, т. е. какъ бы припѣвать мужчину къ женщинѣ. Женатыхъ обыгрываютъ съ женами, неженатыхъ съ какою-нибудь изъ дѣвушекъ, къ которой, думаютъ, парень неравнодушенъ. Обыгрываніе начинаютъ съ жениха хозяйки дома; причемъ, предварительно, у того, кого хотятъ обыгрывать, просятъ позволенія *озвѣличать* его. Пѣніе пѣсень сопровождаютъ, за отсутствіемъ бубна, ударами, напр., въ мѣдный тазъ, съ которымъ затѣмъ подходятъ къ „обыгранному“, за вознагражденіемъ. Когда всѣхъ присутствующихъ обыграютъ, то всѣ гости, кромѣ подругъ невѣсты и товарищей жениха, уходятъ; послѣдніе же остаются и продолжаютъ веселиться до самаго разсвѣта, а затѣмъ ужинаютъ и расходятся. Иногда, впрочемъ, прежде ужинаютъ, а ужъ потомъ начинаютъ игры. Играютъ, между прочимъ, въ фанты: дѣвушка, проигравшая фантъ, расплачивается за него, обыкновенно, поцѣлуями; проигравшій же мужчина обязанъ на слѣдующій день явиться въ домъ невѣсты съ виномъ или какою-нибудь живностью—съ курицей, гусемъ, поросенкомъ и т. п.; изъ этихъ-то штрафныхъ приношеній и готовится бывающій, послѣ обыгрыванія, ужинъ.

До свадьбы, обязательно, раза два-три „гуляютъ“ (т. е. устраиваютъ пирушки). Въ назначенный для гулянья день родители жениха и невѣсты готовятъ къ приему гостей. Гости (собственно, родственники жениха) собираются прежде

всего у жениха и отсюда, съ виномъ и закусками, отправляются, вмѣстѣ съ хозяевами, въ домъ невѣсты, гдѣ къ этому времени бывають уже собраны родственники невѣсты. Здѣсь родители жениха подносятъ всѣмъ присутствующимъ по стакану вина и просятъ ихъ къ себѣ въ гости: всѣ вмѣстѣ отправляются обратно въ домъ жениха, гдѣ и гуляютъ до слѣдующаго дня; тогда идутъ гулять въ домъ невѣсты, а потомъ и ко всѣмъ участвовавшимъ въ гуляньи. Каждое изъ такихъ гуляній продолжается, обыкновенно, дня три. Въ одно изъ послѣднихъ подобныхъ гуляній родители жениха просятъ родителей невѣсты—*отдать свадьбу*, т. е. назначить день свадьбы. (Всѣхъ гуляющихъ на свадьбѣ бываетъ человѣкъ до 50, и только рѣдко менѣе 30).

Послѣ просватанья, не позже, какъ чрезъ недѣлю, родители жениха приносятъ невѣстѣ матеріи на подвѣчную одежду—на рубаху, юбку, кафтанъ (чернаго атласу), а также приносятъ платокъ, шаль, чулки и башмаки. Наканунѣ свадьбы, родители жениха устраиваютъ *вечеринку*, на которую собираются уже съ утра родственники жениха, чтобы помогать въ приготовленіи къ ней. Когда все для вечеринки готово, родня жениха идетъ въ домъ невѣсты за ея родней; по возвращеніи съ нею, приступаютъ къ *выбору* свахи, друга и полудружка. Всѣ эти лица, обыкновенно, избираются со стороны жениха; на обязанности послѣднихъ двухъ лежатъ почти всѣ хлопоты по угощенію гостей: они подаютъ въ столу бушанья, вино; они должны потчевать гостей виномъ, смотрѣть, чтобы кто-нибудь изъ гостей не былъ чѣмъ-нибудь обнесенъ и т. п. Избравъ сваху, друга и полудружка, повязываютъ имъ красные кумачные платки—первой на шею, второму—выше локтя, на правую руку, а третьему—на лѣвую; затѣмъ всѣ присутствующіе цѣлуютъ ихъ и садятся обѣдать. Обѣдаетъ сначала родня невѣсты, а потомъ уже родня жениха. Къ обѣду подаютъ холодное (студень), щи, лапшу, пироги,

съ мясомъ и рисомъ, жаркое и сладкіе пироги, съ изюмомъ или фруктами; послѣ обѣда подаютъ на столъ десертъ, состоящій изъ конфетъ, пряниковъ, варенья, сѣмечекъ (подсолнечныхъ), и вино. Пиръ этотъ продолжается всю ночь, а съ разсвѣтомъ родня жениха провожаетъ домой родню невѣсты.

Когда родня жениха „ведетъ“ родню невѣсты къ себѣ на вечеринку, ихъ провожаютъ до самаго двора жениха подруги невѣсты, съ пѣснями, и отсюда, т. е. отъ жениха, приносятъ къ невѣстѣ жаркого, пироговъ, хлѣба, ведро щей, ведро лапши, два ведра вина и садятся ужинать; ни въ этомъ ужины, ни, вообще, въ весельи этого вечера невѣста участія не принимаетъ. Когда стемнѣетъ, подруги невѣсты перестаютъ, на нѣкоторое время, пѣть „веселыя пѣсни“ и поютъ „печальныя пѣсни“, а невѣста въ это время начинаетъ „голосить“ (плакать); слушать это „голошенье“ собирается очень много народу. На ночь невѣста *надѣваетъ шубу*, чтобы ея (невѣсты) „не испортили“, и въ такомъ видѣ отправляется спать; и женихъ спитъ въ шубѣ, но онъ не голосить.

На утро, въ день свадьбы, невѣста опять голосить; къ ней присоединяются и подруги, которыя у нея ночевали. Женихъ въ послѣдній, предъ свадьбою, вечеръ не бываетъ у невѣсты: онъ въ это время гуляетъ съ товарищами—*собираетъ*, какъ говорятъ здѣсь, *потѣдъ*. Изъ поѣзжанъ женихъ выбираетъ себѣ *дядьку*, обязанность котораго состоитъ въ томъ, что онъ долженъ *снимать и надѣвать на жениха шапку*, при встрѣчѣ съ знакомыми, когда послѣдній, въ день вѣнца, идетъ за невѣстой и затѣмъ вмѣстѣ съ нею въ церковь.

Утромъ, въ день свадьбы, у невѣсты готовится обѣдъ для жениха *) и его поѣзда, а у жениха готовится ужинъ для

*) Ни женихъ, ни невѣста въ этотъ день *до отъѣзда* не ѣдятъ ничего. (Сравн. въ „Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VI. Отд. I. стр. 92.—Ред.)

гостей свадебныхъ. Приготовленіемъ ужина занимаются женщины; мужчины же, родственники жениха, съ его отцомъ идутъ, съ водкою, виномъ и закускою, въ домъ невѣсты *опомеяютъ* сватовъ и затѣмъ просятъ ихъ пожаловать къ себѣ на *солянку* (щи съ говядиной).

Когда приближается время итти къ вѣнцу, полудружко отпрапляется въ домъ невѣсты и спрашиваетъ: не пора ли приходитъ за невѣстой? На это ему отвѣчаютъ, чтобы онъ за невѣстой прислалъ кого-нибудь „постарше себя“. Съ такимъ же вопросомъ приходитъ дружко, которому отвѣчаютъ, что еще не время. Такимъ образомъ, полудружко и дружко навѣдываются къ невѣстѣ разъ пять и только послѣ этого получаютъ, наконецъ, разрѣшеніе итти за невѣстой. Къ этому времени подруги уже успѣютъ невѣсту одѣть.—Между тѣмъ совершается „благословеніе“. Невѣста стоитъ на коврѣ или на полсти; отецъ беретъ въ руки икону, а дочь кланяется три раза до земли, потомъ падаетъ къ ногамъ отца и лежитъ, а отецъ въ это время даетъ ей наставленіе—помнить Бога, слушать и уважать свекра и свекровь, любить и повиноваться мужу; послѣ этого невѣста встаетъ, цѣлуетъ икону, обнимаетъ отца и голоситъ. Такимъ же порядкомъ благословляетъ невѣсту и мать; затѣмъ благословляютъ ее еще „крестный“ и „крестная“. При всѣхъ этихъ благословеніяхъ невѣста голоситъ, равно голоситъ и тогда, какъ, послѣ благословенія, прощается со всею своею роднею.

Покончивъ съ благословеніемъ и прощаньемъ, садятъ невѣсту за столъ на скамейку, накрытую полстью или ковромъ: это называется *садить на посадъ*; съ лѣвой стороны невѣсты садится одна изъ ея подругъ, съ правой—братъ или, за неимѣніемъ его, другой родственникъ, *съ плетью въ рукахъ*; дальѣе размѣщается прочая родня.

Жениха также благословляютъ и потомъ „ведутъ“ къ невѣстѣ съ пѣснями. Впереди мальчики несутъ иконы, которы-

ми благословили жениха; за ними идетъ самъ женихъ съ дядьвой; позади жениха идетъ, съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, поѣздъ. Ворота дома невѣсты предъ поѣздомъ бывають заперты; поѣзжане впускаются во дворъ не раньше, какъ дружка угостить привратника виномъ. Со двора поѣздъ входитъ въ сѣни; здѣсь, на время, останавливается и *перепьивается* съ дѣвушками, находящимися въ комнатѣ. Въ это время дружка входитъ въ комнату и, помолившись Богу, просить родителей невѣсты *пріютить* у себя *молодого князя*. Родители соглашаются дать пріютъ „князю“, но предупреждаютъ, что для этого нужно *откупить* около „дѣвицы“ (невѣсты) мѣсто у того, кто его теперь занимаетъ. Дружка обращается къ сидящему около невѣсты мальчику, съ плетью, и просить уступить мѣсто; мальчикъ требуетъ за это 1 р. и козуску водки; дружка находитъ это дорогимъ и начинаетъ торговаться, а мальчикъ грозить отдуть его плетью. Наконецъ, дружка соглашается отдать мальчику рубль, *) а тотъ уступаетъ ему свое мѣсто, по правую сторону невѣсты. Когда „торгъ“ конченъ, всѣ, кромѣ невѣсты, встають; въ комнату входитъ поѣздъ; дружка беретъ жениха за руку и заходитъ съ нимъ съ лѣвой стороны невѣсты; невѣста въ это время „наклоняется“ надъ столомъ, а дружка „переступаетъ“ чрезъ неѣ (по лавкѣ) и „переводитъ“ также и жениха на правую сторону, гдѣ послѣдній и садится. Слѣва отъ невѣсты садится сваха, а справа отъ жениха дядька; за ними размѣщаются за столомъ поѣздные и другіе парни.

Теперь подають обѣдъ, но сваха, женихъ и невѣста не обѣдаютъ. Дружка съ полудружкомъ подають кушанья, а дѣвушки, пока идетъ обѣдъ, обыгрываютъ всѣхъ сидящихъ за столомъ, начиная съ жениха. Въ продолженіе обѣда *три раза встають и молятся* Богу; послѣ третьяго раза уже больше не садятся, а выходятъ изъ-за стола и „ведутъ“ молодыхъ въ

*) Это и есть плата за козу.

церковь вѣнчаться. По дорогѣ къ церкви, до самаго церковнаго двора, поѣздъ поетъ пѣсни. Послѣ вѣнца поѣздъ несетъ домой шапку жениха, ибо тогда шапка ему ненужна: послѣ вѣнчанья, молодые супруги отправляются изъ церкви съ вѣнцами на головѣ въ домъ жениха; при этомъ женихъ несетъ Евангеліе, а невѣста икону Божьей Матери. Дома священникъ служитъ молебенъ, а родители благословляютъ молодыхъ; затѣмъ ихъ отводятъ въ особую комнату, даютъ имъ ѣсть и оставляютъ однихъ. Женихъ и невѣста въ бывающемъ затѣмъ пиршествѣ участія не принимаютъ.

Повѣнчивъ заботы съ молодыми, родственники жениха готовятъ „столь“ и потомъ идутъ въ домъ невѣсты; при входѣ сюда, они кланяются въ ноги отцу и матери невѣсты и благодарятъ, что тѣ отдали свою дочь за ихъ родственника; потомъ ведутъ ихъ въ домъ родителей жениха къ столу. Столь бываетъ въ двѣ смѣны: первая—для родни невѣсты, вторая—для родни жениха.

На второй день родню невѣсты опохмеляютъ, а часа въ три, пополудни, приглашаютъ на обѣдъ. Послѣ обѣда *выводятъ* молодыхъ, при чемъ молодая уже въ „сорочкѣ“ *). Молодые подносятъ гостямъ вина, а гости одаряютъ ихъ—это деньгами, что какой-нибудь живностью и проч.; за все это молодые благодарятъ, кланаясь въ ноги. Послѣ того, какъ одарятъ молодыхъ, родители невѣсты приглашаютъ сватовъ къ себѣ въ гости. Такимъ родомъ свадебное гулянье еще продолжается отъ 3—5 дней, пока не обойдутъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ на свадьбѣ. При угощеніи держатся обычая, по которому гостямъ у родни невѣсты прислуживаютъ невѣстины родичи, а гостямъ у родни жениха прислуживаетъ женихова родня.

Въ то время, какъ ведутъ жениха и невѣсту къ вѣнцу и пока вѣнчаютъ, самыя близкія родственницы невѣсты перевозятъ на арбѣ ея приданое (сундуки: большой и маленькій,

*) См. выше, стран. 12—13. *Ред.*

тюфякъ, 4 подушки, одѣяло, полсть) въ домъ жениха; за эти хлопоты дарятъ имъ по платку.

Свадьба, вообще, обходится дорого, но жениху она обходится раза въ три-четыре дороже, чѣмъ невѣстѣ. Дѣло въ томъ, что женихъ долженъ купить невѣстѣ въ вѣнцу одежду, долженъ заплатить священнику, выпустить косу и т. п. Во время пирушекъ, бывающихъ до и послѣ свадьбы выпивается до 150 ведеръ вина, ведро 5 водки; съѣдается масса хлѣба, мяса и др. продуктовъ. Вообще, рѣдкая свадьба не обходится рублей въ 300. Хотя все это ложится страшнымъ бременемъ на семью, которая устраиваетъ свадьбу, однако ни одинъ казакъ не рѣшится отступить отъ обычая дѣдовъ и сыграть свадьбу какъ-нибудь, лишь бы вышло подешевле *).

Родины и крестины.

Когда родится ребенокъ, бабка-повитуха идетъ въ священнику, который даетъ ему имя. Послѣ этого въ домъ новорожденнаго собирается родня—*выпить за здоровье* матери и за счастливую жизнь новорожденнаго. Крещеніе, если ребенокъ здоровъ, бываетъ на четвертый или на пятый день по рожденіи; если же ребенокъ не вполне безопасенъ, то возможно раньше. Крестятъ большею частію утромъ въ церкви. Когда кумъ и кума возвратятся изъ церкви домой, ихъ угощаютъ только чаемъ и просятъ пожаловать вечеромъ „на крестины“, т. е. на пирушку, по случаю крещенія. Къ вечеру, кромѣ кума съ кумою, приглашаются многіе, если не всѣ, родственники. Кума и куму садятъ за столомъ на самое почетное мѣсто. Сначала вино подноситъ отецъ новорожденнаго; а когда подадутъ сладкій пирогъ, то этимъ угощеніемъ занимается повивальная бабка. Угощеніе бабка начинаетъ съ кума и кумы. Всякій, выпивши поднесенный ему бабкою ста-

*) Обрядовая сторона свадьбы дополняется пѣснями, которыя и помѣщаются ниже (I. а, в. См. стран. 55 и слѣд.).

канъ вина, обязанъ положить бабу на подносъ „плату“ за сладкій пирогъ, который есть необходимая принадлежность крестьянъ. Кромѣ бабу, одаряютъ также и мать новорожденнаго, при чемъ говорятъ: „на брендели и орѣхи новорожденному“.

Болѣзнь, смерть и похороны.

Больныхъ въ Бороздинкѣ лѣчатъ, обыкновенно, бабу-знахарки; къ доктору обращаются весьма рѣдко, да и то, обыкновенно, уже тогда, когда больному нуженъ не докторъ, а священникъ. Въ станицѣ есть фельдшеръ, въ которому также обращаются рѣдко, да если и обратятся за совѣтомъ, то данныхъ фельдшеромъ указаній все-таки не исполнять или исполнять уже тогда, когда нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Больные лежатъ въ однихъ и тѣхъ же жилыхъ помещеніяхъ, гдѣ находятся и здоровые, и гдѣ производятся хозяйственныя работы; въ такихъ случаяхъ, т. е. при больномъ, воздухъ въ комнатѣ бываетъ преисполненъ миазмовъ, такъ-что долго оставаться въ ней и здоровому не подъ силу.

Когда больной доходитъ до безнадежнаго состоянія, когда начинается агонія, ему даютъ въ руки зажженую восковую свѣчу и начинаютъ „голосить“. Это такая бываетъ сцена, что не всякій, и здоровый, въ состояніи безнаказанно ее выдержать; каково же больному, который, въ тому же, то съ той, то съ другой стороны слышитъ: „не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ“; „нѣтъ, не ходитъ ему по зеленой травѣ“ и т. п.!

Умершихъ, если только нѣтъ ни въ чемъ остановки, хоронятъ на второй день, даже, и того скорѣе; такъ, если смерть случится ночью, то къ обѣду слѣдующаго дня уже хоронятъ; но бываютъ случаи, что хоронятъ и на третій день. Гроба не обиваютъ ничѣмъ. Когда погребальное шествіе идетъ изъ дому въ церковь и изъ церкви на кладбище, родные все время голосать и „причитаютъ“. Послѣ похоронъ, родные приглашаютъ желающихъ „помянуть“ покойника. Таковыя же „помян-

ки^а бываютъ въ 3-й, 9-й и 40-й дни, чрезъ полгода и чрезъ годъ, по смерти. Въ каждый изъ этихъ дней заказываютъ заупокойную литургію и готовятъ обѣдъ, на которомъ присутствуетъ человекъ до ста гостей. Помянуть покойника въ эти дни, въ день похоронъ и въ день ангела умершаго обходится рублей до 250.

Языкъ бороздинцевъ.

Языкомъ населенія ст. Бороздинской служить, главнымъ образомъ, *языкъ русскій*, но, благодаря тому, что по сосѣдству находится много ногайцевъ, съ которыми казаки имѣютъ частыя сношенія, они знаютъ хорошо и языкъ ногайскій; имѣ они нерѣдко пользуются даже въ разговорѣ между собою.

Религія бороздинцевъ; духовенство.

Все населеніе Бороздинки исповѣдуетъ *православную* религію: сектантовъ нѣтъ. Въ станицѣ одна церковь, во имя св. Дмитрія Ростовскаго, и одинъ священникъ. Вліяніе священника на паству, не смотря на добросовѣстное его къ своему дѣлу отношеніе, сравнительно, незначительно, чему не маловажной причиной служитъ грубость и малоразвитость населенія, подверженнаго суевѣріямъ и предрассудкамъ.

Священникъ имѣетъ отъ общества, въ натурѣ, квартиру и отопленіе и, сверхъ того, получаетъ, наличными деньгами, отъ общества—50 р., по должности священника, и 35 р., по должности законоучителя, и изъ войсковыхъ суммъ 85 р.; осенью онъ получаетъ опредѣленное количество продуктовъ отъ урожая—*новину*, а именно—по ведру вина и по мѣрѣ пшеницы отъ двора; есть вознагражденіе и за требы.

Суевѣрія и предрассудки.

Жители Бороздинки имѣютъ немало предрассудковъ и суевѣрій. Между ними интересны слѣдующіе:

1) Если тѣло покойника *талое*, т. е. неовоченѣлое, значить, будетъ въ домѣ *новый* покойникъ.

2) Если гробъ *длиннѣ*—тоже, будетъ еще покойникъ.

3) Изготовление гроба необходимо окончить *въ одинъ приемъ*, иначе—умреть въ семьѣ еще кто-нибудь.

4) Когда священникъ, причастивъ больного, обратится уходить изъ комнаты, тушатъ зажженую у иконы свѣчу и смотрять, въ которую сторону пойдетъ отъ нея дымъ *): если онъ пойдетъ *къ иконѣ*, значить, больной будетъ живъ; если же—*за священникомъ*, то умереть.

5) Мыши грызутъ что-нибудь изъ платья—предвѣщаетъ покойника.

6) Если больной послѣ соборованья (елеосвященія) не умереть, то говорятъ: будетъ тяжело для народа—будутъ многіе умирать, и не будетъ урожая на хлѣбъ.

7) Соборованному нельзя воспринимать дѣтей, вступать въ бракъ, ѣсть мясо и ходить босому, почему желающихъ быть соборованными встрѣчается очень мало **).

8) Противъ лихорадки прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ: вѣшаютъ на шею древесныхъ лягушекъ, змѣйные *выползки* ***) (вора, сбрасываемая змѣею при линяніи); берутъ изъ церкви травы, постилаемой въ день Троицы и окуриваютъ ею больного (этою же травою курятъ въ домахъ, чтобы не водились клопы); купаются *въ курникѣ*, хотя бы болѣзнь приключилась зимою.

9) Чтобы перевести въ домѣ таракановъ, ловятъ ихъ отъ 3—9 штукъ, завязываютъ въ платокъ, бросаютъ на улицу и думаютъ, что, къ поднявшему ****) платокъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, перейдутъ и тараканы.

*) Сравни въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VI. Отд. II. стр. 171.

Ред.

***) Сравни тамъ же.

Ред.

****) Сравни тамъ же: Вып. V. Отд. I. стран. 205, подъ рубр. 1.

Ред.

****) Сравни тамъ же, подъ рубр. 2—8.

Ред.

10) Чтобы вѣдьмы не засасывали дѣтей, продѣваютъ длинный колъ въ ступицу (трубица) колеса и ставятъ на дворѣ.

11) Чтобы увидѣть вѣдьму и колдуна, нужно въ Пасхальной заутренѣ одѣться во все новое: такъ одѣтый увидитъ, что всѣ молящіяся стоятъ лицомъ къ алтарю, вѣдьмы же и колдуны лицомъ въ паперти.

12) Узнать вѣдьмъ и колдуновъ можно еще и по тому, что, при выходѣ изъ церкви предъ Пасхальной заутреней съ иконами для совершенія крестнаго хода, вѣдьмы и колдуны не пойдутъ за иконами, а направятся въ боковыя двери; когда же процессія зайдетъ въ притворъ и запоютъ „Христось воскресе“, вѣдьмы и колдуны будутъ держаться за косяки дверей.

13) Чтобы не „испортили“ жениха или невѣсты, насыпаютъ имъ въ сапоги и башмаки проса или пшеницы *), втыкаютъ цѣлую бумажку не бывшихъ еще въ употребленіи иголокъ, вверху остріями, и подпоясываютъ сѣткою рыболовной.

14) Чтобы кому-нибудь изъ лицъ, присутствующихъ на свадьбѣ, не подвергнуться „порчѣ“, не нужно браться за косякъ.

15) Чтобы кого-нибудь „приворожить“, по-мѣстному, „присушить“ къ себѣ, т. е. заставить себя полюбить, нужно то лицо, любви котораго добиваются, напоить молокомъ отъ черной свиньи.

16) Если человѣкъ скучаетъ по другомъ, желаетъ видѣть послѣдняго или добиться любви его, то онъ долженъ на двѣнадцати литургіяхъ помянуть то лицо за упокой.

17) Если кто хочетъ видѣть любимаго человѣка, то стоитъ трижды прокричать „призывъ“ въ печную трубу, и желаемый придетъ или прійдетъ.

18) Чтобы испортить измѣнившаго въ любви, ловятъ черепуху или змѣю, убиваютъ ее, раздираютъ и вѣшаютъ на дерево, а подъ деревомъ, противъ повѣшеннаго гада, кладутъ

*) Сравни. тамъ же, подъ рубр. 16; а также 141 стр. Вып. VI. Отд. I. Ред.

кусковъ хлѣба, на который долженъ капать жиръ гада, когда пригрѣтъ его солнце. Окапанный жиромъ змѣи или черепахи хлѣбъ сушатъ и трутъ въ порошокъ, который и всыпаютъ въ кушанье или питье: послѣднее подносятъ измѣнившему любовнику.

19) Чтобы маленькія дѣти не кричали и не плавали, „показываютъ“ ихъ въ трубу или выносятъ за ворота и приговариваютъ: „ворота скрипъ, а ты возьми младенца кризь“ *).

20) Когда женщины во время родовъ мучатся, то вѣшаютъ на матицу воловодъ или налыгачъ, полагая, что это успокаиваетъ боли у родильницы.

21) При падежѣ скота запрещаютъ въ домахъ зажигать огонь обыкновеннымъ способомъ, т. е. спичками: въ такомъ случаѣ старики собираются гдѣ-нибудь за станицей и добываютъ огонь путемъ тренія двухъ кусковъ дерева; огонь, добытый такимъ способомъ, называютъ „живымъ огнемъ“.

ПѢСНИ, ПОЮЩІЯСЯ ВЪ СТ. БОРОЗДИНСКОЙ.

I. Свадебныя пѣсни.

а) Пѣсни, поющіяся при „обывриваніи“.

- 1) Не во садикѣ, садикѣ,
Зеленомъ виноградикѣ,
Тамъ стояла въ саду яблонька;
На яблонькѣ да два яблочка,—
По блюдечку катаются,
Ровно сахаръ разсыпаются,
Ровно сахаръ, ровно сладкій медъ;
Какъ на первое яблочко—
Иванъ Алексѣвичъ,
На второе яблочко—

*) Сравни въ „Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VI. Отд. I. стр. 88, подъ рубр. 19.

Марья Павловна.

Вдоль улицы мятелица мятеть;
За мятелицей сугробы несеть;
За сугробицей слѣдинушка лежить;
По слѣдинушкѣ дѣтинушка идетъ,
За собою ворона коня ведетъ;
Какъ вырвался его добрый конь,
Какъ побѣгъ конь мимо тестина двора,
Мимо тестина, мимо тѣщинаго.
Марьюшка у дверюшекъ стоять,
Павловна у правого *дверя*:
— «Ты, Марьюшка, судержи моего коня!»
— «Хочу—держу, хочу—не удержу
За твою великую грубу».

2) Ой на горѣ, горѣ, горѣ,
На той на высокой красотѣ
Виситъ колыбель золота;
Во той колыбели золотой
Удалый добрый молодець.
По имени молодца зовуть
Петромъ Бузьмичомъ;
Бачають его двѣ сестры,
А третья матушка его.
— «Вы, нянюшки-матушки мои,
Бачните повыше меня,
Возбросьте подальше терема—
Увидѣлъ бы душечку свою,
Душу-Марью Павловну:
Вонъ моя душенька идетъ,
Во рученькахъ карточки несеть,
Въ карточкахъ черязики третъ—
Хочетъ меня, молодца, дарить
Золотыми черязиками,
Серебряными висюлочками.» *)

*) Сравн. пѣсню, подъ № 47, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа“. Вып. III. Отд. II. стр. 57. Ред.

3) Ой не во садикѣ, садочкѣ,
Въ саду зелененькомъ,
Тамъ Агаеюшка гуляла,
Иполитевна воду брала;
Тамъ Агаеюшка гуляла—
Бромысельки гнутся,
Съ ведеръ вода льется;
Во слѣдъ ходить Абрамъ-сударь—
Онъ слезою льется;
Во слѣдъ ходить Михайловичъ—
Да онъ горючею.
При долинь, при дорожкѣ
Ячень уродился;
Яченечекъ уродился—
Намъ жать пригодился.
Хорошая Агаеюшка
Яченечекъ жала,
Пригожая Иполитевна—
По одному колосочку.
По той стежкѣ, по дорожкѣ
Абрамъ-сударь ѣдетъ,
По той стежкѣ, по дорожкѣ
Михайловичъ ѣдетъ;
Да онъ ѣдетъ-возвѣзжаетъ
На ворономъ конѣ,
Въ золотомъ уборѣ:
—«Можно ль, можно ль, Агаеюшка,
Боня судержати;
Не можно ли, Иполитевна,
Рѣчи говорити?»
—«Можно, можно, Абрамъ-сударь,
Боня судержати;
Можно, можно, Михайловичъ,
Рѣчи говорити:
Нельзя ли, Абрамъ-сударь,
Во городъ поѣхать;
Нельзя ли, Михайловичъ,
Чаю-сахару купить—
Подругѣ напоити?»

— «Можно, можно, Агасьюшка,
Чаю-сахару купить;
Можно, можно, Ипполитевна,
Подругъ напоить» *).

4) Какъ со вечеру дождекъ,
Ко полуночи снѣжокъ,
Ко бѣлой зарѣ порошица,
Молоденькая, моложавенькая;
Не по той ли по порошѣ
Трое санушекъ бѣжать—
Двое саней съ козырями,
Третьи съ вырѣзами.
Во первыхъ саняхъ
По семи ребятъ сидятъ,
Во третьихъ саняхъ—
Иванъ Никифоровичъ;
Онъ сидитъ-то—сидитъ,
Ничего не говорить,
Только баеть-говорить—
Приворачивать велить:
— «Приворачивай, ребята,
Ко Андрею казаку:
У Андрея казака,
Хвалить, дочь хороша,
Что Аннушка душа!»
Аннушка по снѣюшкамъ похаживала;
Она бѣлыми ручками размахивала;
Она рѣзвыми ножками нотапывала;
Она умныя рѣчи разговаривала:
— «Ужъ бейтесь, башмачки,
Избивайтесь, каблучки:
Мнѣ не батюшка купилъ,
Не родимый подарилъ,—
Мнѣ милъ купилъ,

*) Сравни пѣсню, подъ № 2, въ „Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“
Вып. VI. Отд. I. стр. 97; также подъ № 56: Вып. III. Отд. II. стр. 61. *Ред.*

Иванъ-господинъ,
Душа-Никифоровичъ».

- 5) У насъ на дворѣ, на широкомъ дворѣ
Да выросла травушка шелковая,
Шелковая, полушелковая.
Да ходить по травушкѣ сизый павлинь,
Сизый павлинь со павушкою,
Сизый павлинь—Иванъ-господинъ,
Сизый павлинь—Алексѣевичъ;
Сизая павушка—Марьюшка,
Сизая павушка—что Павловна;
Сизыя косицы—что дѣти у нихъ;
Шелкова травушка—слуги при нихъ.
У насъ на столѣ, на дубовомъ столѣ
Да стоитъ купель зелена вина,
Да пущена чарочка серебряная,
Да никто за чарочку не возьметса;
Возьметса—не возьметса Иванъ-господинъ,
Возьметса—не возьметса Алексѣевичъ;
Подносилъ онъ чарочку что Марьюшкѣ,
Подносилъ онъ чарочку что Павловнѣ:
—«Ты прійми, прійми, моя Марьюшка,
Ты прійми, прійми, моя Павловна».
—«Иванъ-господинъ, пить не хочется;
Алексѣевичъ, мало можетса;
Ахъ кто бы это мой сонъ разсудилъ,
Сонъ бы разсудилъ—на словахъ бы разсказалъ».
-

- 6) Посѣяли дѣвки бѣлый ленъ,
Посѣявши пололи, пололи,
Бѣлы руки кололи, кололи.
Повадилса во ленокъ, во ленокъ
Абрамъ-сударь—животокъ, животокъ,
Михайловичъ—душа-сердце мое:
Онъ весь бѣлый ленъ примялъ-притопталъ.
Маковочки посорвалъ, побросалъ;

Онъ всѣхъ дѣвокъ разгонялъ, разгонялъ;
Онъ Агаеюшку поймалъ—цѣловалъ,
Онъ Ипполитевну поймалъ—цѣловалъ:
—«Ты, Агаеюшка, моя, ты моя».
—«Нѣтъ, я, сударь, не твоя, не твоя».
—«Ты, Ипполитевна, моя, ты моя».
—«Нѣтъ, я, сударь, не твоя, не твоя;
Я у Бога сиротой, а ты пань:
Ищи себѣ такую же, какъ и самъ».
—«Я три града изомель-изгѣзидилъ,—
Лучше тебя, Агаеюшки, не нашель,
Лучше тебя, Ипполитевны, не нашель».
Во горенкѣ во новой, во новой
Стоитъ столикъ дубовый, дубовый;
На столикѣ дубовомъ, дубовомъ,
На скатерѣ шелковой, шелковой
Стоитъ кубчикъ золотой, золотой,
Полонъ меду налитой, налитой,—
Агаеюшка скажетъ: «мой», скажетъ: «мой»;
Ипполитевна скажетъ: «мой», скажетъ: «мой».

- 7) Еще кто у насъ по бережку идетъ,
Еще кто у насъ по крутенькому?
Филиппъ-сударь по бережку идетъ,
Андреевичъ—по крутенькому:
Онъ идетъ-идетъ—не трехнется,
Самъ собою не ворохнется;
Черны кудри не шелохнутся на немъ,
Черны кудри—разсыпныя волоса.
Увидала Авдотьюшка съ терема,
Увидала Михайловна съ висока:
—«Сколь далече ли, Филиппъ-сударь, идешь,
Сколь далече ли, Андреевичъ, идешь?»
—«Я иду-иду во зеленъ садъ гулять,
Съ конопелюшекъ воробушекъ стонять!»
—«Еще что это за воробушки?»
—«Что воробушки—молодушки,
А соловьюшки—красны дѣвушки.»

— «Ты зайди, зайди, Филиппъ-сударь, ко мнѣ,
Ты зайди-зайди, Андреевичъ, ко мнѣ;
У меня вѣчоръ бѣда случилась:
Сѣра утушка съ двора моего сошла
Со малыши со дѣтушками,
Со красными со дѣвушками;
Очутилась моя утица,
Очутилась моя сѣрая
Въ Петербургѣ у боярина,
У того сына казачьяго,
У Филиппа Андреевича;
Моя утица примѣтливая—
Черезъ перышко серебряная,
Черезъ два-три позолоченая».

- 8) Цвѣли въ полѣ цвѣтики-цвѣточки,
Въ чистомъ полѣ лазоревы расцвѣли:
Да такіе на Николѣ *височки*,
Да такіе на Николаевичѣ русые.
По новымъ снѣжмъ Прасковьюшка ходила,
По новымъ снѣжмъ Антоневна гуляла,
Золотою цѣпочкою звонила,
Родимую матушку будила:
— «Ты встань-проснись, родимая матушка;
Ты встань-проснись, въ окошечко погляди—
Много, много князей-бояръ на дворѣ:
Хорошъ ли мой Николай-сударь на конѣ,
Хорошъ ли мой Николаевичъ на добромъ?»
— «Хорошъ, хорошъ, моя чадушка, какъ соколъ;
Хороша подъ нимъ лошадушка не его,
Моздовскаго купчина самого;
Хороша на немъ чересочка не его,
Бизлярснаго купчина самого;
Хорошо на конѣ сѣделечко не его,
Тифлисскаго купчина самого;
Хороша на немъ шапочка не его,
Московскаго купчина самого;
Хороша въ рукахъ плеточка не его».

Бизлярскаго купчина самого;
Хороши на немъ сапожечки не его,
Петербургскаго купчина самого».

- 9) И кто у насъ бѣлый, и кто кудряватый,
И кто у насъ холостъ, и кто не женатый?
Иванъ-сударь бѣлый, и онъ кудряватый,
И ой люди, и ой люди, и онъ кудряватый;

(Далѣе припѣвъ послѣ каждой строчки, со второй ея половиной.)

Сергѣевичъ холостъ, и онъ не женатый;
Онъ щепетко ходитъ, манерно ступаешь,
Сапогъ не мараетъ, каблукъ не ломаетъ;
Онъ на конь садится—подъ нимъ конь веселится;
Онъ плеточкой машеть—подъ нимъ коникъ пляшетъ;
Бъ лугамъ подъѣзжаетъ—луга зеленѣютъ;
Бъ садамъ подъѣзжаетъ—сады расцвѣтаютъ;
Бъ мостамъ подъѣзжаетъ—мосты починаютъ;
Бъ двору подъѣзжаетъ—матушка встрѣчаетъ;
Матушка встрѣчаетъ—сыну отвѣчаетъ:
—«Сынъ ты мой, сыночекъ, поѣзжай въ садочекъ,—
Тамъ дѣвки играютъ—тебя «звеличаютъ»:
«Бѣлый, хорошій—Иванъ Сергѣевичъ,
Бѣлая, хорошая—Анна Михайловна» *).

- 10) Да стелется, да вьется
По лугамъ трава зеленая;
Да цѣлуешь-милуешь
Владимиръ Екатеринушку;
Да цѣлуешь-милуешь
Васильевичъ Федотевну:
—«Да я тебя, другъ, люблю
Въ бѣломъ тѣлѣ какъ душу,
Въ зеленомъ саду какъ грушу».

*) Сравни пѣсни, подъ №№ 58 и 59 въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. III. Отд. II, стр. 61—62; а также пѣсни, подъ № 1, въ Вып. VI. Отд. I, стр. 81.

- 11) По двору, по двору, по двору широкому,
Тамъ ходилъ-гулялъ молодець,
Удалъ-добрый молодець, Василій Николаевичъ;
Связалъ свою голову лентою шелковою,
Лентою шелковою, шляпою пуховою;
Увидала матушка съ высокаго терема,
Съ терема высокаго, съ подворья широкаго:
— «Что же ты, мое чадушко; ходишь не веселое?»
— «Да какже мнѣ, маменька, ходить веселому:
Всѣ люди женятся, а я холостой хожу!»
— «Женись, мое чадушко, женись, дитя милое:
Возьми себѣ дѣвушку, ближнюю сосѣдушку,
Ближнюю сосѣдушку, Акулину Михайловну,
Съ большими придаными, съ деньгами немалыми».

-
- 12) Какъ у насъ на улицѣ, какъ у насъ на широкой,
Тамъ гуляли дѣвушки, шутили молодухи;
Между этихъ дѣвушекъ удалъ-добрый молодець,
Удалъ-добрый молодець, что Яковъ Федоровичъ;
Онъ пишетъ грамоту по бѣлому бархату,
Отсылаетъ грамоту къ родимому батюшкѣ:
— «Родимый мой батюшка, прочти мою грамоту,
Прочти мою грамоту по бѣлому бархату:
«Родимый мой батюшка, жениться мнѣ хочется».
— «Женись, мое чадушко, женись, дитя милое;
Возьми себѣ дѣвушку, ближнюю сосѣдушку,
Ближнюю сосѣдушку, Олимпіаду Григорьевну,
Съ большими придаными, съ деньгами немалыми».

-
- 13) Еще по двору, двору, по широкому,
По широкому, еще по широкомькому,
Ходить тутъ—гуляетъ Владимиръ-господинъ,
Что душа Захаровичъ,
Бличеть-воскликаетъ Марью Павловну:
— «Подъ, поди сюда, Марьюшка моя,
Душа что Павловна;
Я тебя люблю за походушку твою,

Душу, что за частенькую,
За ласковый разговор, веселый твой поцѣлуй:
Глянетъ—разутѣшитъ, поцѣлуешь—взвеселить,
Еще по двору идетъ, ровно павушка плыветъ».
Изъ поля, изъ поля, изъ поля изъ чистаго,
Изъ моря, изъ моря, изъ моря изъ синяго,
Изъ сада, изъ сада, изъ сада изъ зеленаго,
Тутъ текла, протекала что рѣчушка быстрая:
—«Чѣмъ рѣку, чѣмъ рѣку быстрюю,
Чѣмъ рѣку затынять будетъ?
Затынемъ, затынемъ рѣку быстрюю—
Выпустимъ, выпустимъ щеголя-щеголочка:
Щеголь нашъ, щеголочекъ—Владимиръ Захаровичъ,
Щеголка, щеголочка—что Марья Павловна».

14) У чарочки у серебряной
Позолоченный ея вѣночекъ;
У нашего у Ивана Алексѣевича
Дорогой у него все обычай:
Гдѣ ни ходить, ни гуляеть,
Домой идетъ да онъ ночевать:
—«Ты, Марьюшка, сустрѣть меня,
Ты, Павловна, сустрѣть меня,
Сустрѣчай свою всю надежду».
—«Не до *су* *), сударь, сустрѣчи:
Я сына вачаю—перемѣны чаю».

15) Вѣточка виноградовая,
Зачѣмъ рано бита лежишь?
—«Ранніе морозы убили меня,
Утреннія росы мочили меня;
Да въ ту пору Ивана нѣтъ,
Въ ту пору Михайловича
Дома не случилось:
Онъ поѣхалъ въ Москву—

*) *Су*, очевидно, здѣсь не имѣетъ внутреннего смысла: назначеніе его—
устроить стихъ. Ред.

Привезетъ московочку;
Онъ поѣхалъ въ Грузію—
Привезетъ грузиночку;
Онъ поѣхалъ въ *Литву* *)—
Привезетъ литовочку:
—«Ты, моя московочка,
Стели мнѣ постелюшку;
Ты, моя грузиночка,
Клади въ изголовьица;
Ты, моя литовочка,
Ты разуй-раздѣнь меня;
Ты, моя Агаеюшка,
Ложися на рученьку,
Ты, моя Антоневна,
Ложися на правую;
Да я тебя, другъ, люблю,
Въ бѣломъ тѣлѣ какъ душу,
Въ зеленомъ саду какъ грушу».

16) Не по полю, по полечку,
По широкому раздольечку—
Какъ наѣздникъ, удалъ-добрый молодець,—
На своемъ на добромъ конѣ,
На Литовскомъ *баимачкѣ* *),
Потнички его Бухарскіе,
А сѣделеце Черкасское;
По имени молодца зовутъ—
Душа-Ефимъ Александровичъ.
Натягивалъ онъ туго лукъ,
Накладывалъ онъ каленую стрѣлу:
Хочетъ онъ убить лебедушку,
Лебедушку бѣленькую, соколушку ясенъкую,—
Красну дѣвку во высокомъ терему,
Красну дѣвушку—Марьюшку,

*) Должно быть,—въ *Литву*. *Авт.*

*) *Баимакъ*—кожаная глухая трубка у стремени, для упора въ нее пятки копы, пики; бушметъ. „Толковый словарь живого великорусскаго языка“ В. И. Даля. I, 49 стр. М. 1863.

Браспу дѣвушку—Трофимовну.
—«Ты не бей, не бей, Ефимъ-господишь,
Ты не бей, не бей, Александровичъ:
Ужъ я на пору тебѣ пригожусь,—
Я натку тебѣ черязиковъ,
Я навью тебѣ висюлечекъ;
Ужъ я стану тебя, молодца, дарить
Золотыми черязиками,
Серебряными висюлечками,
Шелковой косыночкой,
Другою полушелковою,
А третьею всею шелковою».

- 17) Да винный мой колодезь,
Да винный мой студеный,
Почему въ тебѣ воды нѣтъ?
—«Да пилъ кониикъ—не выпилъ,
Копыточкомъ онъ выбилъ;
Въ ту пору Егора нѣтъ,
Въ ту пору Александровича
Дома не случилось:
Онъ сидитъ у князей, у бояръ,
Пьетъ и прохлажается,
Онъ своей невѣстою да онъ похваляется:»
—«У меня, братцы, невѣста хороша,
Хороша Прасковьюшка, пригожа Семеновна—
Пива не пьетъ, вина въ ротъ не беретъ,
Только пьетъ она сладкій медъ,
Еще изъ холоду, еще изъ погребу.
Ударьте копьемъ въ широки ворота:
Спитъ—не спитъ Прасковьюшка,
Спитъ—не спитъ Семеновна?
Когда спитъ,—не будите ея,
А не спитъ—подымите ее».
-

- 18) Да гордая, спесивая свекровья
Да не знала, что съ гордости дѣлать:

Заставила Абрама дворъ пахать,
Заставила Михайловича перепахать;
Сама пошла червоный макъ засѣвать,
Сама сѣять-засѣваетъ, говорить:
«Ты стой-расти, червоный макъ-лиственка».
Леталь-порхаль соловьюшесть во саду,—
Ходиль-гуляль Абрамъ-сударь въ терему,
Ходиль-гуляль Михайловичъ въ высокоемъ;
Еще скучно оставаться одному!
—«Если бѣ пошла Марьюшка со мною,
Если бѣ пошла Павловна со мною,
Говориль бы всю ноченьку я съ нею,
Говориль бы осеннюю—не молчалъ,
Послалъ бы ее въ высокъ теремъ за виномъ».
—«А тамъ сидятъ все бояры за столомъ».
—«А ты прійди—низехонья поклонись:
Люди скажутъ, что умнаго отца дочь,
Люди скажутъ—разуменькой матушки».

- 19) Не на морѣ рябинушка лежала,
Вотъ лежала, мой свѣтикъ, лежала;
Да никто по рябинушкѣ не пройдетъ,
Не пройдетъ, мой свѣтикъ, не пройдетъ:
Иванъ-сударь переходить,
Переходить, мой свѣтикъ, переходить,
Алексѣвичъ переходить,
Переходить, мой свѣтикъ, переходить,—
Агаѣюшку переводить,
Переводить, мой свѣтикъ, переводить,
Иполитевну переводить,
Переводить, мой свѣтикъ, переводить;
Переведши—слово молвить,
Молвить, мой свѣтикъ, молвить:
—«У меня, братцы, невѣста щекотлива,
Щекотлива, мой свѣтикъ, щекотлива,
Агаѣюшка щегольлива,
Щегольлива, мой свѣтикъ, щегольлива,
Иполитевна щегольлива,

Щегольлива, мой свѣтикъ, щегольлива:
Пѣшикомъ къ обѣденѣ не ходить,
Не ходитъ, мой свѣтикъ, не ходитъ,—
Она ѣздитъ *при* каретѣ,
При каретѣ, мой свѣтикъ, при каретѣ;
Каретушка, она—новая,
Новая, мой свѣтикъ, она—новая;
Агаѣюшка—молодая,
Молодая, мой свѣтикъ, молодая,
Иполитевна—молодая,
Молодая, мой свѣтикъ, молодая;
Подъ ней вонюки—воронье,
Воронье, мой свѣтикъ, воронье,
А извозчики—молодые,
Молодые, мой свѣтикъ, молодые;
У нихъ кнутики—смоленые,
Смоленые, мой свѣтикъ, смоленые».

20) Иванова матушка,
Неофитовича родная,—
Раннею зарею родила,
А самую заутреней
Калиною парила,
Калиною парила,
Малиною мазала:
—«Еще будь, мое дитя,
И бѣло, и румяно,
И чисто, и черноброво».
На Иванѣ рубашечка,
На Неофитовичѣ рубашечка,—
Бѣлымъ-то бѣлехонька:
Кто это рубашку шилъ?
Еще шила Прасковьюшка,
Вышивала Семеновна,
Во теремѣ сидючи,
На младѣ мѣсяцъ глядючи,
Глядючи на частыя звѣздочки.

21) Черезъ садикъ дороженька лежала,
Черезъ новый широкая лежала;
Мимо ѣхалъ Иванъ-сударь,
Мимо ѣхалъ Алексѣвичъ;
Привязалъ коня къ сыру дубу—къ яровому,
А самъ пошелъ кукушечку слушати:
Ему *мчалось**)—кукушечка кукуетъ:—
Ранняя сваха цвѣты рвала—играла,
Марьюшка косу плела—плакала,
Павловна заплетала—рыдала:
—«Мнѣ жаль, мнѣ жаль родимаго батюшки,
Жальтѣй того родимую матушку,—
Остается рута-мата у нея,
И вся моя дѣвичья красота;
Ты вставай, вставай, моя матушка, раненько,
Попивай руту-мату частенько,
И утреннею и вечернею зарей,
И (?) своею горячею слезой».

22) Былъ ли ты, лебедокъ, на морѣ,
Видѣлъ ли ты, лебедокъ, лебедушку?
—«Какже мнѣ на морѣ не бывать,
Какже мнѣ лебедушку не видать!
Спустилась моя лебедушка въ синее море,
А за ней лебедушекъ—въ три ряда,
А сѣрыхъ утушекъ—въ четыре».
Былъ ли Василій-сударь у тещи,
Видѣлъ ли Неофитовичъ Марьюшку,
Видѣлъ ли Неофитовичъ Трофимовну?
—«Какже мнѣ у тещи не бывать,
Какже мнѣ Марьюшку не видать,
Какже мнѣ Трофимовну не видать!
Пошла моя Марьюшка въ Божью церковь,
А за нею дѣвушекъ—въ три ряда,
А младыхъ молодущекъ—въ четыре».

*) *Мчалось*—не одного ли корня съ реченіемъ: *мекать, мекнуть*, т. е. полагать, гадать („Толк. слов.“ Далъ. II, 913.)? Ред.

23) Умная Аннушка, разумная Андреевна
Усыяла чистое поле жемчугомъ,
Изукрасила дубровушку атласомъ,
Поставила высокіе столбы съ мохрами,
Запрудила быстрыя рѣки тынами,
Помостила каменные мосты мостами,
А сама съѣла подѣ сосною въ бору:
Ждетъ она—поджидаетъ Георгія-господина,
Ждетъ она—поджидаетъ Александровича.

24) На песокѣ, на камушиѣ
Селезень косицы вьеть,
Молодой завиваетъ,
А утица полощется,
А дѣвица прихорашивается,—
Всѣ господа дивуются.
—«Не дивуйтесь, господа,
Не дивуйтесь, бояры:
Своей ли я красотой
Батюшку состарила,
Батюшку и матушку
Безъ разума оставила!»

*б) Пѣсни, поющіяся въ разные моменты свадебнаго ритуала,
съ самой „вечеринки“ *).*

(Поютъ на вечеринкѣ неvěстѣ-сиротѣ, а неvěста голоситъ).

1) Ужъ вы повѣйте, вы повѣйте, вѣтры буйные,
Соберитесь вы, тучи грозныя,
Прогремите вы, громы громкіе,
Вы прожгите, молоньи жаркія,
Упади ты, упади, бѣль-горючъ камень,
Пробей ты, пробей мать-сырую землю,
Мать-сырую землю, гробовую доску,
Подыми, подыми бѣлое полотно:

*) См. выше, стран. 45 и слѣд.

Ты встань, ты встань, родимая матушка,
(Если въ живыхъ нѣтъ отца, то обращаются къ «батюшкѣ».)
Прилети ты на широкій дворъ,
Прилети во высокій теремъ,
Сядь ты на окошечко,
Послушай ты своей чады горькихъ пѣсенокъ,
Какъ твоя-то сирота—она убивается
Горючей-то слезой она обливается,—
Не для пира, матушка, бесѣдушки,—
Для великаго благословеньца:
Провожать-то меня есть кому,
А благословлять-то меня будетъ не кому,—
Провожать будутъ все чужіе люди
И встрѣчать меня все незнаемые *).

(Тоже).

2) Ты, рѣка ли, моя рѣчушка,
Ты, рѣка ли, моя быстрая,
Съ горь течешь—не колхнешься,
Изъ яровъ вода—не выльешься!
Умная Маринушка,
Ты, разумная Павловна,
Ты сидишь же—не улыбнешься,
Говоришь рѣчи—не усмѣхнешься!
—Къ чему мнѣ веселиться,
Къ чему радоваться:
Еще нѣтъ у меня роднаго батюшки,
Только есть у меня родная матушка,
Еще есть у меня родный братецъ,—
Поди, братецъ, во чистое поле,
Поймай, братецъ, ворона коня,
Приведи, братецъ, на широкій дворъ,
Привяжи, братецъ, ко сырому дубу,
Пойди, братецъ, во Божью церковь,
Ударь, братецъ, трижды въ колоколъ,

*) Сравни пѣсню: „Выйду я“ и пр., въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. VI. Отд. I. стр. 91.

Пробуди, братецъ, родимаго бабушку,
Не для пира, не для бесѣдушки—
Для великаго благословеньца».

(Поютъ невѣстѣ-не-сиротѣ, а она голоситъ).

- 3) Орелъ дерево поломиль,
Черезъ тихій Дунай положиль;
По этому дереву соболь шелъ,
За собой онъ велъ собольюшку:
—«Ты иди, моя собольюшка,—не бойся:
Ты своихъ лапушекъ не обросишь!»
Орелъ дерево поломиль,
Черезъ тихій Дунай положиль;
По этому дереву Василій идетъ,
По этому дереву—Мироновичъ,
За собой Прасковьюшку велъ:
«Ты иди, Антоневна,—не бойся:
Своихъ ноженекъ ты не обмочишь!»*)

(Тоже).

- 4) Свѣтъ—ты, моя волюшка,
Свѣтъ—ты, моя нѣгушка,
Свѣтъ—ты, моя дѣвичья красота!
Волюшка, ты—моя бабушчина,
А нѣгушка—родной матушки,
А красота, ты—моя дѣвичья:
Поди ты, моя воля, во чистое поле,
А нѣга—во темные лѣса,
А красота—по краснымъ дѣвушкамъ;
Ходи ты, воля,—не захаживайся,
Гулай, нѣга,—не загуливайся,
А красота—долго не красуйся.

(Поютъ невѣстѣ, когда она голоситъ).**)

- 5) Тамъ на Дунаѣ, на бережочкѣ,

*) Сравни пѣсню, подъ № 48, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. III. Отд. II. стр. 58. **) См. выше, стран. 46. Fed.

Рано, рано (*притъсъ*),
На желтоѣ на песочкѣ,
 Душа моя (*притъсъ*),
Тамъ Аннушка чары мыла,
 Рано, рано,
Тамъ Аванасьевна чары мыла,
 Душа моя;
Мывши чары—поупускала,
 Рано, рано,
Полощемши взговорила,
 Душа моя:
—«Плывите, чары, къ свекору на дворъ,
 Рано, рано,
Бъ свекровьѣ въ теремъ,
 Душа моя,—
Я за вами скоро буду,
 Рано, рано,
Съ поѣздоѣ со храбрымъ,
 Душа моя».

(Поютъ—когда невѣсту одѣваютъ).

6) Тамъ въ огородѣ при народѣ,
 Рано, рано (*притъсъ*),
Марьюшка разумъ съеть,
 Душа моя (*притъсъ*),
Павловна красу садить,
 Рано, рано,
Павловна красу садить,
 Душа моя;
Посажемши говорила,
 Рано, рано:
—«Ты, мой разумъ, не всходи рано,
 Душа моя;
Ты, моя краса, не всходи красно,
 Рано, рано,—
Когда я выйду за старого,
 Душа моя;
Когда я выйду за молодого,

Рано, рано,
За Ивана,—ты взойди, мой разумъ,
Душа моя,
За Алексѣевича,—взойди, краса, красно,
Рано, рано,
Взойди, краса, красно,
Душа моя!»

(Когда невѣсту одѣнуть—поють).

- 7) Да темнымъ-то темно, темно на небѣ,
Да темнѣй-то того, темнѣй на землѣ:
Да бояры ворота облегли,
Да сватали у батюшки дѣвушку,
Да сватали у матушки Акулинушку.
Хорошая дѣвушка Акулинушка,
Пригожая дѣвушка Михайловна,
Говорила Акулинушка матушкѣ:
—«Торгуйся, торгуйся, матушка, за меня,
Проси за меня сто рублей,
За косу русую—тысячу,
За умъ-то, за разумъ—смѣты нѣтъ».
-

(Поють—когда садятъ невѣсту „на посадъ“).

- 8) Да летѣли сѣрые гуси черезъ садъ,
Да кликали Марьюшку на посадъ,
Да кликали Павловну на посадъ.
—«Еще что же вамъ, сѣрые гуси, надобно?
Еще есть у меня родный батюшка для того,
Еще есть у меня родная матушка для того:
Когда благословить меня батюшка—пойду,
Не благословить батюшка—не пойду».
-

(Поють—когда жениха ведутъ за невѣстой, чтобы затѣмъ,
вмѣстѣ съ нею, итти въ церковь *).

- 9) Лѣсомъ, лѣсомъ лебединымъ,

*) Въ этомъ случаѣ поютъ также пѣсню, поставленную въ предъидущемъ
разрядѣ (I. а), подъ № 4. Аст.

Рано, рано (*притъвь*),
Выбѣгаетъ стадо коней,
 Душа моя (*притъвь*),
Стадо коней—въ ста четыре,
 Рано, рано,
Ста четыре, вороны,
 Душа моя!
Еще чей конь впередъ бѣжить,
 Рано, рано,
Еще чей конь выбѣгаетъ,
 Душа моя?
Ивановъ конь впередъ бѣжить,
 Рано, рано,
Алексѣевича выбѣгаетъ,
 Душа моя.
И съ чего конь впередъ бѣжить,
 Рано, рано,
И съ чего конь выбѣгаетъ,
 Душа моя?
И съ влечочки, и съ шелковой,
 Рано, рано,
И съ платочка шерстяного,
 Душа моя,
И съ (?) дѣвушки, и съ Марьюшки,
 Рано, рано,
И съ дѣвушки, и съ Ипполитевны,
 Душа моя.

(Поютъ—когда жениха приведутъ въ сѣни).

10) Подъ новыя сѣни,—

(*Каждый стихъ—два раза*).

Тамъ бояры сѣли,
Бояры—рядами,
Шаночки съ мохрами:
Не такъ сѣни гнутса,
Какъ меду напьются,
Вина наберутся!

. (Поѣздъ жениха поеть въ сѣняхъ).

- 11) Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, кленовыя,
За рѣшетчатыя;
Выпускала молода
Яснаго сокола
Изъ правого рукава,
На-полѣтигъ соколику приказывала:
— «Ты лети, лети, соколикъ,
Ни далеко, ни высоко, —
На родиму сторону,
Гдѣ мой батюшка живетъ.
Ты, родной, родной, неразсудливый,
Не велишь мнѣ, красной дѣвушкѣ,
На улицу ходить,
Съ подружками ходить —
Хороводы заводить:
Не послушаю отца —
Распотѣшу молодца, —
Зовуть Ванюшкою, пивоварушкою;
Молодецъ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ поилъ;
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца.» *)

(Поютъ—когда за косу торгуются).

- 12) Сѣлъ братъ на колесницу,
Продаетъ сестрицу, —
Проситъ «червоннаго,»

*) Мы помѣщаемъ эту пѣсню, только, какъ *вариантъ* весьма распространенной пѣсни. *Ред.*

Князя молодого,
Со храбрыми поѣдомъ.

(Поютъ при продажѣ *косы*).

- 13) Продавъ братъ сестрицу
За рубль—за полтину,
За золоту гривну,
Продавъ—прожнялъ,
Черные *черечки* *) подвязалъ **).

(Поютъ три раза за обѣдомъ, когда женихъ съ невѣстой—на
посадѣ, при чемъ каждый разъ встаютъ молиться Богу; послѣ
третьяго раза „ведутъ жениха и невѣсту въ церковь“).

- 14) Подымайтесь, бояры,
Подымайтесь, большіе,—
Вѣточку не сломите,
Ягодку не спшибите!

(Поютъ, выводя жениха и невѣсту изъ дому въ церковь).

- 15) Оглянися, мати,
На свою на хату:
Какъ твоя хата—
Безъ милаго дитяти?
Съ нами пила-ѣла
Хорошая Марьюшка,
А теперъ отлетѣла.

(Поютъ—когда изъ церкви приведутъ молодыхъ).

- 16) Прилетѣла голубушка
Наша къ намъ;
Не шугайте, не гугукайте на нее,—

*) *Чарки*, *чары*—обычная сибирская обувь; *чарыки* (*черевички*)—мягкіе са-
пожки (*кавк.*). См. „Толк. слов.“ Даля. IV, 532.—Сравн. выше, стр. 73. *Ред.*

**) Сравн. припѣвъ, подъ № 82, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем.
Кавк.“. Вып. III. Отд. II. стр. 70. *Ред.*

Налейте ей ключевенькой водицы,
Насыпьте бѣлой-яровой пшеницы.

У Николаы святого

Два голубя вѣнчались:

Голубокъ—Иванъ-сударь

Голубокъ—Алексѣевичъ,

Голубушка—Марьюшка,

Голубушка—Павловна;

У Николаы святого

Два кусточка расцвѣли,—

Одинъ кустъ калиновый,

А другой—малиновый:

Калиновый—Иванъ-сударь,

Калиновый—Алексѣевичъ,

Малиновый—Марьюшка,

Малиновый—Павловна.

II. Любовныя пѣсни.

- 1) «Ты, зазноба, зазноба, зазноба моя,
Зазнобила сердечко свое и мое,
Да свое ли, мое ли, сердце ретивое,—
Можно ли моему сердцу
Безъ печали быть!
Да кто кого вѣрно любить—
Нельзя не тужить».
—«Любила я молодчина—
Лучше его нѣтъ;
Стала разставаться—
Не милъ бѣлый свѣтъ;
Съ этого горя—со кручины
Пойду млада въ лѣсъ;
Въ лѣсу пользы нѣтъ:
Листочки шумать,
И деревья всѣ печально стоять,
Печально стоять—*печаль говорятъ*—
Мнѣ, красной дѣвушкѣ, „сушиться“ велятъ».

2) «Разлука ты моя, разлука,
Разлучила меня далеко
Съ отцомъ—съ матерью,
Разлучила съ молодой женой!»
Какъ въ темномъ-то лѣсѣ
Она, горькая кукушечка,
Она стосковалась жалобно;
Какъ во теремѣ-то душа-Маша,
Душа-Маша, она воздохнула тяжело.
—«Какъ о чемъ ты, Маша,
О чемъ ты слезно плачешь,
Понапрасну слезы льешь?»
—«Еще какже мнѣ, душѣ-Машѣ,
Мнѣ не плакать и не рыдать,
Какъ одинъ-то у меня
Былъ садъ зелененькій,
И тотъ сталъ засыхать;
Какъ одинъ былъ у меня
Другъ мой миленькій,
И тотъ сталъ забывать!»

3) Тутъ шли-прошли ребята молодые,
А за ними идутъ матушки родныя,—
Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ,
Во рыданіи словечка не промолвятъ;
Оглянутся ребята молодые:
—«Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Не топите сыру землю слезами».
Молодой майоръ съ квартиры съѣзжаетъ,
Какъ никто-то, майора, его не провожаетъ,—
Провожала-то его одна красная дѣвушка;
Она плакала по майорику—рыдала,
Во слезахъ словечушко сказала:
—«Если бы я была младенька-лебеденька,
Возвилася бы я, младенька,—полетѣла,
Всѣ казачьи походы облетѣла,
Бъ молодому бы майорику прилетѣла:

Молодой майоръ въ палатухѣ гуляетъ,
Музыканты съ музыку играютъ,
Молодого майорика утѣшаютъ».

- 4) Злая скуна меня одолѣла,—
Не могу ее снести:
Буда служба отзываетъ,
Туда долженъ я идти,—
Долженъ, долженъ непременно
Сказать: «Милая, прощай;
Прощай ты, прощай, милая,
Прощай, радость дорогая».
Жить въ походѣ по неволѣ,
Не простившись съ милой, жаль;
Больше счастья не желалъ бы
Сизы крылушки имѣть:
Ужъ я взвился бы—опустился
Предъ сударушкой своей;
Ужъ я сѣлъ бы—посидѣлъ бы
На ея правомъ плечѣ,
Поглядѣлъ бы—посмотрѣлъ бы
На ея бѣло лицо,
Цѣловалъ и миловалъ бы
Во сахарныя уста.
-

- 5) Канарейка, канарейка, канареечка моя,
Пропой, пропой, канарейка, пѣсенку нову!
—«Ужъ я пѣсни пѣть не стану—
На словахъ вамъ расскажу:
Мой миленькій—во походѣ,
Въ чужой-дальной сторонѣ;
Бо мнѣ письмеца не пишетъ
И поклончиковъ не шлетъ;
Больше бѣ счастья не желала—
Сизы крылушки себѣ:
Воввилась бы—полетѣла
Бо милому своему;

Сѣла бы я—посидѣла
На правомъ его плечѣ;
Посидѣла бы—посмотрѣла
На его бѣлое лицо;
Цѣловала бы—миловала
Во сахарныя уста».

6) Сколь далече, мой милый, сердечный другъ,—
Другъ, куда убираешься?
Что со вѣми-то со красными дѣвушками
Милый мой простился,
А со мною-то, съ одною со красною дѣвушкою,
Милый не простился:
Что велѣлъ-то—приказалъ
Милый „прибраться“,
Во цвѣтное платьице
Велѣлъ сварядиться;
Еще велѣлъ-то—приказалъ
Выйти милый за ворота,
Еще что во то-то чистое поле
И подъ ту-то бѣлую березу;
Милый проѣздомъ ѣхалъ,—
Ко мнѣ не заѣхалъ:
Или батюшки моего побоялся,
Или матушки моей сторонился,
Или личка моего постыдился.

7) Что не по лугу-лужочку,
По зеленому садочку,—
Ходила млада—гуляла
Тамъ вдовушка молодая,
Глядѣла-смотрѣла
На свои высокіе хоромы:
—«Хоромы мои, хоромушки,
Развеселые мои теремы,
Отчего вы, мои хоромушки,
Непокрытые долго стоите?»

Или у вась, мои хоромушки,
Хозяина дома нѣту?
Гдѣ не взялся мальчишечка,
Удалой, бравый молодчикъ:
— «Скоро ли я у вась, хоромушки,
Хозяиномъ дома буду?» *)

8) По улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой
Да всѣ панни пили—гуляли,
Пили—гуляли, танцы водили;
Моей панни здѣсь нѣту:
Моя пання тонка-высока;
Платье на паннѣ—атласъ-бархатъ;
Ленты на паннѣ, какъ жарь, горять;
Серьги на паннѣ—уши ломать.

9) Ты прощай, ты прощай,
Да ты впередъ, да ты впередъ
Въ гости меня къ себѣ не жди:
— «У меня мужъ—ревнивый злодѣй:
Не пускаетъ злодѣй никуда,—
Все приневодиваетъ при немъ быть,
Принуждаетъ всю *нужду* его любить».

10) *Своему* **) *сыну* я,
Да я—своему милому,
Отеческому своему сыну:
— «Не ходи, милый, къ окошку
Не тори стежку-дорожку,
Не прокладывай слѣдочку
Къ зеленому садочку».

*) Ср. пѣсню, подъ № 90: тамъ же. **) Дѣвушка величаетъ своего милого „отеческимъ“ сыномъ и „своимъ“ сыномъ, очевидно, съ точки зрѣнія его родителей. Первое сочетание понятій столь обыкновенно въ народной поэзіи, что прилагательное „отеческій“ стало постояннымъ эпитетомъ понятія „сынъ“; второе сочетание—рѣдко.

Въ саду батюшка милый гуляетъ,—
Слѣды-то онъ разбираетъ
Распремилаго моего дружка;
Слѣды, они у насъ—всѣ бѣды;
Побѣдушки наши небольшія,—
Слова съ милымъ худыя:
Худа славушка проходитьъ,
А любовь съ милымъ большая,
Кроватушка тесовая,—
Срубленная наша кроватушка
Изъ безчастнаго изъ дерева,
Изъ горькой изъ осины,
Изъ самой изъ вершины;
Поставлена наша кроватушка
При пути же—при дорожкѣ,
У терема подъ окошкѣмъ.

- 11) Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ,
Валялась куница, она передъ соболемъ,
Стояла дѣвица, она передъ молодцемъ:
Во лѣвой-то рукѣ держитъ вина *сткляницу*,
Во правой-то рукѣ держитъ золотой поднось,
Со чарочками-то она съ позолочеными,
Со камушками драгоценными;
Наливала она зеленого вина,
Подносила она удалому-доброму молодцу:
—«Ты прійми, прійми, прійми, душа,—выкушай».
—«Принять-то чару—мнѣ, младцу, живому не быть,
А не принять-то чару—прогнѣвить дѣвку».
Принялъ-то душа-добрый молодецъ
У дѣвушки зеленого вина,
Выливалъ-то онъ вино во сырую землю:
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змѣя, она возвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.
-

12) Дѣвушка по саду ходила,
Красная въ зеленомъ гуляла;
Дѣвушка крапивушку жала,
Красная немножко нажала,—
Бажется, ни съ кѣмъ не стояла,
Только съ милымъ говорила:
—«Миленькій, мой милый дружочекъ,
Слышала я про твое несчастье:
Ѣдешь ты въ дальнюю службу,—
Возьми меня съ собою,
Назови меня сестрою родною».
—«Глупая ты, красная дѣвица,—
Всѣ полки—полковнички знаютъ:
Нѣтъ у меня сестрицы-дѣвицы,—
Только есть у меня жена молодая,
И съ той я живу не въ совѣтъ».

13) Ужь вы, кудерцы мои, кудри молодецкіе!
Съ радости-то кудри завиваются,
Съ печальюшки черные развиваются.
На-вдалече-то было, вдалече,—
Тамъ стоялъ-то, стоялъ,
Стоялъ высокій теремъ,
Со окошечками-то теремъ со косячатыми,
Со стеклышками-то теремъ со хрустальными;
Въ терему-то дѣвка Богу молилась,—
Помолившись-то Богу, спать ложилась,
Нехорошій-то сонъ *дѣвочки* привидѣлся:
—«Будто бы, мой-то теремъ, онъ растворенный стоять;
Всѣ окошечки, они распечатаны,—
Будто бы мой милый у кроватушки стоять,
У кроватушки стоять—со мной рѣчи говорить».

14) Ты, Иванушка, Иванушка-дружокъ!
Кудрява твоя головушка!
Еще кто тебя породилъ—молодца?
—«Породила младца матушка,

Вспонилъ-вскормилъ младца батюшка,
 Возлелѣяла чужая сторона,
 Чужа-дальняя сторонутка,
 Незнакомая слободутка;
 Завивала кудри *лапушка*,
 Завивала—приговаривала,
 Чесала—подрѣзывала:
 — «Когда рѣчушки разойдутся,
 У младца кудри разовьются!»
 Разливались быстры рѣки по лугамъ,
 Разсыпались черны кудри по плечамъ...
 Подъ порогомъ бѣль-горючь камень лежитъ;
 Изъ-подъ камушка быстра рѣчка бѣжитъ,
 На быстрой рѣчкѣ *студенышко* *) лежитъ,
 На студенышкѣ немножечко людей,
 Немножечко людей—всего восемь человекъ,
 Девятая красная дѣвушка,
 А десятый—удаль-добрый молодець,—
 По студенышку похаживаетъ,
 Туго лукъ натягиваетъ,
 Калену стрѣлу накладываетъ,
 Каленѣ-то стрѣлѣ приказываетъ:
 — «Полети, моя каленая стрѣла,
Высокомъ-то высокохонько,
 А *далекомъ*-то далекохонько;
 Ты убей-то, убей, моя каленая стрѣла,
 Сѣрю утушку въ тепломъ гнѣздѣ,
 Бѣлую лебедушку на свѣтлой водѣ,
 Красную дѣвушку въ *высокомъ* терему...
 Вернись-то, вернись, моя каленая стрѣла,
 Позабылъ я тебѣ словечушко сказать:
 Не бей ты, не бей, каленая стрѣла,
 Красную дѣвушку въ *высокомъ* терему,
 Не бей ты, не бей, каленая стрѣла,
 Бѣлую лебедушку на свѣтлой водѣ,
 Не бей ты, не бей, каленая стрѣла,
 Сѣрю утушку въ тепломъ гнѣздѣ:

*) Студенышко, безъ сомнѣнн, вл. *студенышко*. Ред.

Красная дѣвушка—невѣста моя,
Бѣлая лебедушка—своячина моя,
Сѣрая утушка что теща моя».

- 15) Да веселая-та бесѣдушка,
Гдѣ мой милый пѣть;
Онъ пѣть-то—не пѣть:
За мной, молодой, плетъ;
А ужъ я-то, жлада,
Младешенька, замѣшталася—
Да за утками, за гусями,
Да я все за лебедями,
За мелкою пташечкою,
За пташкой, за журабушкой:
Журабушка-то по бережку,
Она все похаживаетъ,
Мураву травушка
Она все пощипываетъ.

- 16) Ужъ ты, матушка родима,
На горе меня родила,
Худой долей надѣлила,
Худой долей—горькимъ счастьемъ!
Мнѣ сегодняшній день скука,—
Со милымъ дружкой разлука:
Разлучила насъ неволя—
Чужа-дальняя сторонка,
Что *грузинская* дорожка;
Я по этой по дорожкѣ
Во *Тифлисѣ* городъ ѣзжала,
Листъ бумаги заупала,
Дружку письмеца писала,
Съ курьерами отсылала;
Мои письма не доходятъ,—
Ихъ курьеры не довозятъ:
—«Вы, курьеры, вы, злодѣи,
Разлучить съ милымъ хотѣли!
Я умру—жива не буду:

Во гробъ-то меня положить,
Гробовой доской накроютъ,
Изъ горь желтымъ пескомъ засыпать,
Черной грязью примараютъ,
Рѣзвой ноженкой притопнуть,
Ретивымъ сердцемъ вдохнуть». —
Подуй, вѣтеръ-вѣтерочекъ,
Подуй, вѣтеръ полуденный,
Во мой садъ зеленый...
Полно, вѣтеръ, бушевать —
Сине море колыхать:
Сине море колыхливо,
Бѣла рыбаца пуглива,
Красна дѣвица стыдлива. *)

- 17) Что за садикъ, что за садикъ, что за зеленый такой,
Что за милый, что за милый, что за ласковый такой!
Вложилъ мысли въ мое сердце—не могу дружка забыть;
Полюбила я казаченьку—начала по немъ тужить;
Стали люди замѣчать и сосѣди говорить,
Стали дѣвушку ругать—во глаза меня стыдить;
Дѣвчончкѣ стыдно стало—стала плакать и рыдать;
Молодчику стыдно стало—сталъ дѣвчонку унимать:
—«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна, не плачь, кралячка моя!
Заболить мое сердце—убью, мальчикъ, самъ себя;
Разгорится мое ретивое—возьму тебя замужь за себя».
Я умру—жива не буду отъ любви отъ своей:
Отъ этой отъ любви приключилася болѣзнь;
Отъ этой отъ болѣзни излетаетъ злая смерть;
Я на гробъ распишуся—всѣмъ подружкамъ расскажу:
—«Ужъ вы, нянюшки-подружки, вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того—не любите никого,—
Ни армяневъ-купцовъ, ни офицеровъ-подлецовъ,
А любите вы, подружки, Ызлярскихъ казаковъ».

*) Первая половина данной пѣсни—*книжного* происхожденія: въ такомъ родѣ встрѣчаются, по разнымъ пѣсенникамъ, варианты, приуроченные къ *мѣстности*, гдѣ поется пѣсня,—по крайней мѣрѣ, относительно „города“ и „дорожки“.
Ред.

18) Свѣти, свѣти, свѣтелъ мѣсяць,
Свѣти, ясная луна;
Освѣщай путь-дорожку,
Гдѣ сударушка моя:
Пошелъ бы я ко дѣвчонкѣ,—
Самъ не знаю, гдѣ живетъ;
Попросилъ бы товарища:
Пускай меня проведетъ,
А товарищъ лицомъ краше,—
Боюсь, дѣвку отобьетъ;
Отобивши дѣвчоночку,
За себя замужъ возьметъ.

19) Ужъ ты, Сенюшка, ты, Семенушка,
Неходи, Сеня, по сѣнюшкамъ,
Не топай ногой, не качай головой,—
Мнѣ не быть за тобой:
Хоть *пойду*—не пойду
За Ивана Кудряша!
У Ивана Кудряша
Нѣту денегъ ни гроша;
Походуха зато хороша,—
Походка—павлиная,
А рѣчь—лебединая:
—«Про насъ съ тобой, лебедушка,
Люди бають-говорять,—
Разлучить съ тобой хотять».
—«Не боюсь я вѣчной муки,—
Боюсь съ миленькимъ разлуки,
Боюсь, боюсь матушки,
Опасаюсь батюшки».

20) Я разсѣю свое горе по чистому полю:
Уродися, мое горе,—*ни рожь, ни пшевица,*
Ни рожь, ни рожь, ни пшеница,—
Травой муравою,
Ни травушкой, ни муравушкой,—

Алыми цвѣтами.

Да всё цвѣты алые,—

Одинъ всѣхъ алѣе, да онъ розовѣе;

Какъ всё друзья милые,—

Одинъ всѣхъ милѣе;

Онъ недолго, *юсть, юстюетъ*,—

Одну ночь ночуетъ,

Одну ноченьку ночуетъ

И ту протоскуеть;

Подъ окошкомъ спать ложился,—

Свѣту дожидался:

—«Почто долго свѣту нѣту,

Бѣлаго разсвѣту?»

Онъ окошко отворяетъ,—

Свѣту дожидаетъ:

—«Почто долго свѣту нѣту,

Бѣлаго разсвѣту?»

Онъ другое отворяетъ,—

Онъ коня сѣдлаетъ;

Онъ третье отворяетъ,—

Со двора съѣзжаетъ:

—«Ты прощай, моя милая,

Радость дорогая!

Я не скоро къ тебѣ буду,—

Тебя позабуду».

—«Запрягай, милый, карету,

Сяду я—поѣду;

Запрягай, милый, другую,—

Сяду я въ любую;

Запрягай милый со третью,—

Сядетъ кучеръ съ пашью.»

- 21) Какъ пріѣхалъ урядничекъ ко Степочкѣ въ гости;
Онъ только пріѣхалъ—опять уѣзжаетъ;
Вышла Степа за ворота—его провожаетъ,
Она его провожаетъ, все плачетъ-рыдаетъ,
Молодого урядничка ночевать уймаетъ:
—«Ночуй, ночуй, урядничекъ, хоть ночку со мною!»

— «И три ночи и четыре я бѣ радѣ ночевати,—
Будуть меня, урядничка, товарищи ждати,
Будуть меня, молодого, во глаза ругати!
Хотя, Степа, заночую—буди меня рано,
Буди, Степа, меня рано, чтобѣ не разсвѣтало,
Чтобы мои товарищи коней не сѣдлали,
Чтобы мои музыканты музыки не *грам!*
Проспалъ я, урядничекъ, до бѣлаго свѣту,
Проспалъ я, молоденькій, до краснаго солнца;
Проспалъ я, урядничекъ, коня вороного,
Коня, коня вороного, сѣделеце ново;
А на сѣдлѣ попоночка—зеленаго шелка,
А самъ же я, урядничекъ,—Гребенского полка,
Гребенского я полка, Червленой станицы».

22) Гуляй, гуляй, дѣвица, у батюшки да ты во саду;
Гуляй, гуляй, красная, у матушки да ты во зеленомъ;
Вечоръ къ тебѣ, дѣвица, соловушекъ прилетитъ,
Соловушекъ прилетитъ—молодецъ въ гости придетъ;
Станеть тебя, дѣвицу, уговаривать, *улицать*,—
Не сдавайся, дѣвица, на ласковы его слова...
Сдалась, сдалась дѣвица на веселый разговоръ:
— «Бери, бери, дѣвица, свой тонкій, бѣлый шатеръ;
Я возьму, молодецъ, тесову нову кровать:
Пойдемъ мы, дѣвица, во чисто поле гулять;
Разобьемъ мы, красная, твой тонкій шатеръ;
Поставимъ, дѣвица, тесову нову кровать».
— «Ложись, ложись, молодецъ,—въ головушкѣ тебѣ
поищу,
Въ головушкѣ поищу—черны кудри расчесу».
Уснулъ, уснулъ молодецъ у дѣвушки на правой рукѣ;
Какъ проснулся молодецъ—нѣтъ ни дѣвки, ни шатра,
Нѣтъ ни дѣвки, ни шатра, ни добра его коня:
— «Заставила дѣвушка меня въ полѣ пѣшаго ходить,
Заставила красная сѣдельце на рукахъ носить».

23) Вспомни, вспомни, моя любезная,

Вспомни прежнюю любовь,—
Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
Осеннія темныя ночи не сыпывали,
Тайныя, секретныя рѣчи говаривали:
—«Тебѣ, мой другъ, не жениться,
А мнѣ—замужъ не итти».
—«Женись, женись, мой любезный,
А я замужъ выйду».
Въ чистомъ полѣ, широкомъ раздолѣ,
Разбить новый, бѣлый шатерь;
Въ томъ шатрѣ бѣломъ, полотняномъ
Цымбалушки бьютъ:
—«Не мою-ли любезную стовариваютъ?
Сговорили да мою любезную—къ вѣнчанью ведутъ:
Женихъ ведетъ ее за рученку,
Дружекъ идетъ впереди».
Этотъ стоитъ—сердцемъ болить,
Объ ней рѣчь говорить:
—«Поилъ, кормилъ сладкимъ *вкусомъ* (?),—
Чаялъ взять дѣвку за себя,
А теперь досталась моя любезная
Другому, а не мнѣ».

- 24) —«Перевозчикъ-мальчишечка, парень молодой,
Перевези-ка меня, красну дѣвицу, домой».
—«Ужъ ты, дѣвица, раскрасавица моя,
Перевозъ мой—мальчишечки очень дорогой».
—«Что ты хочешь—ты возьми за перевозъ свой».
—«Ужъ ты, дѣвица, раскрасавица моя,
Пойди замужъ за молодчика-парня, меня».
—«Ужъ ты, молодець-мальчишечка, парень молодой,
Не моя воля—воля батюшки моего».
—«Ужъ ты, дѣвица-раскрасавица моя—
По всему городу раскрасавицей слыла—
Скажи: любишь-ли размолодчика-парня, меня?»
—«Еще какъ же тебя, размолодчика-парня, не любить!
По тебѣ все мое сердечушко ноетъ-болить;
Что болить-то—щемить мое сердечушко,

Сердечушко ретивое—не знаю, какъ быть:
Со вздыханьица грудь бѣлая болитъ,
Со вздыханьица сердечушку моему тяжело;
Заме люди, они замѣчаютъ—глядятъ:
Я не слыхала, младая, въ свѣтѣ никого,
Полюбила тебя, размолодчика, въ свѣтѣ одного».

- 25) При широкой при долинѣ выросъ кустъ калины,
Не великій кустъ калины—широкіе листья:
Куда вѣтеръ ни подуетъ, туда кустикъ клонить,—
У меня ли, младешеньки, умъ-разумъ *расходится!*
Задумала мои мысли—ко милому въ гости:
Объщался мой миленькій жить со мной въ совѣтѣ,
Еще жить со мной въ совѣтѣ на бѣломъ свѣтѣ,
А теперь же, горюшечку, меня покидаетъ:
Вотъ на горе горюшечку матушка родила,—
Только дала мати доли—однѣ черны брови;
Еще горе со бровями, печаль со черными:
Нельзя миѣ, красной дѣвкѣ, на улицу выйти,
На улицу выйти—съ людьми постояти,
Съ людьми постояти—словечко сказать:
Постояла бъ я подолѣ—живу во неволѣ.

- 26) Ужъ ты, воля, моя волюшка;
Ужъ ты, воля, моя батюшкина,
А нѣга—матушкина!
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять:
Воля, воля—краснымъ дѣвушкамъ гулять,
А молодушкамъ мужья-то не велять.
Наша воля миновалася гулять,
Красота съ лица скатилася,
Черной грязью помаралася,
Черной грязью, самородною землей.
Еще что это за милый за такой:
Часто ходитъ мимо моего двора,—
Милъ не входить—не провѣдаетъ меня,
Милъ не спросить про здоровье про мое;

Мнѣ не скажетъ про несчастье про свое:
— «Ты здорова-ли, сударушка моя?»
— «Сударушка, я не смѣю *доложить*,—
Во твоему двору слѣдочка проложить».
Полно солнышку-то изъ лѣсу свѣтить,—
Моему-то сердцу горюшка давать:
Мое сердце станетъ пуще тосковать,
Съ тоски-грусти впапой грудью *покрывать*;
Не чаяла дружка до-вѣку видать,
Во сахарны уста цѣловать:
Цѣловалась—миловалась одинъ часъ,
Полились горькія слезы изъ глазъ *)).

- 27) Посажу я калинушку на круть бережочекъ:
— «Ты стой-расти, калинушка, расти—не шатайся;
Живи, моя сударушка, живи—не печалься;
Прійдетъ тоска-кручинушка—пойди-разгуляйся,
Еще пойди-разгуляйся—съ милымъ повидайся».
Почто рѣчка мутно бѣжитъ—иль погоду чуетъ?
Почто дѣвица плачетъ—иль маменька била?
— «Меня маменька не била—сами слезы льются,
Еще сами слезы льются—никакъ не уймутся:
Отъ моего ль отъ милаго долго вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрный, коня вороного:
— «Ты, дѣвица-красавица, душа моя—сердце!
Загадаю я загадку—изволь отгадати:
Ты напой моего коня среди синя моря,
Среди синяго моря, на камушкѣ стоя;
Загадаю я другую—отгадай люблю:
Чтобы коникъ мой напился—чепракъ не мочился».
— «Ты, молодець, молодець, душа моя—сердце!
Загадаю я загадку—изволь отгадати:
Сострой, милый, мнѣ хоромы бѣлы-снѣговые,
Еще бѣлы-снѣговые, тонки-высокіе,—
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ прохладны;
Загадаю я другую—отгадай люблю:

*) Сравни вариантъ въ „Сборн. свѣдѣній о Терской обл.“ Вып. I. стр. 231—
Ред.

Сшей ты, милый, черевички съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,—
Чтобъ дратва не рвалася—башмакъ не породся.»

III. Бытовья пѣсни.

а) Семейно-бытовья.

- 1) Не во садикѣ то было,
Въ саду зелененькомъ,
Какъ подъ грушею то было,
Подъ грушею садовой:
Матушка-то сына
Себѣ породила;
Породимши-то матушка сына,
Его вскормила;
Воскормивши-то матушка сына,
Сына она женила;
Женивши-то матушка сына,
Его стала спрашивать:
— Ужъ ты, чадо ли, мое чадушко,
Чадо милое мое,
Ты скажи, ты скажи, мое чадушко,
Кого тебѣ болѣе жаль:
Или тещу тебѣ жаль,
Или молодую жену,
Или родимую матушку?»
— Мнѣ тещу-то жаль,
Ее по совѣтушкѣ;
Молодую жену жаль,
Ее по привѣтушкѣ;
А тебя ли, родную матушку,
Жаль тебя по рожденію.»

- 2) Ужъ ты, улица моя,
Трава муравая, зеленая моя,
Еще чѣмъ ты изукрашена!
Изукрашена улица

Утвами и волынками,
Молодыми молодницами,
Еще красными дѣвицами...
Невеличка птичка-пташечка,
Сине море перелетывала
Частехонько перепархивала;
Какъ садилась птичка-пташечка
Среди моря на камушкѣ,
На ракиговомъ вусточкѣ;
Какъ слушала птичка-пташечка,
Какъ красная дѣвка плакала:
— «За стараго мужа итти,—
Старый мужъ—погубитель мой:
Погубить мою головушку,
Дѣвичью мою волюшку,
Всю мою дѣвичью красоту,
Молодую мою молодость.»

- 3) Тонехонька, малехонька, ей, береза,
Не тонкая, не высокая—москлявая,
Съ-противъ буйнаго вѣтра сусостояла.
— «Не я ли, красна дѣвка, сговорена
За стараго мужа—не за ровню:
Я у стараго мужа ночевала—
Горькую рѣдечку глотала,
Гнилую пень-колоду обнимала;
Я во темной темницѣ пролежала—
Стараго мужа проклинала:
Старый мужъ—погубитель мой,—
Погубилъ мою головушку;
Я у младого мужа ночевала—
Во свѣтлой свѣтлицѣ просидѣла,
На младого мужа проглядѣла.»

- 4) Ты свѣти-то, свѣти, младъ-свѣтель мѣсяць,
Просвѣти небо и землю, и весь бѣлый свѣтъ,
И новую мою горенку, и меня, младую, со старымъ
мужемъ;

У меня-то старый мужъ на рукѣ лежитъ,—
Тяжелѣй онъ камня тяжелаго!
Ты свѣти-то, свѣти, младъ-ясенъ мѣсяцъ,
Просвѣти небо и землю, и весь бѣлый свѣтъ,
И новую мою горенку, и меня, младу, съ молодымъ
мужемъ:
Молодой-то мужъ у меня на рукѣ лежитъ,—
Легче перышка лебединаго!

- 5) Продай, мужъ, кобылку буланенькую,
Купи, мужъ, шубенку тафтяненькую;
А я „уберусь“—къ обѣднѣ пойду;
Люди скажутъ: «Чья така идетъ?»
А другіе скажутъ: «Кушечка жена!»
Жена изъ обѣдни, а мужъ съ хомутомъ,
Съ смоленымъ кнутомъ:
—«Надѣвай, жена, хомутъ на плеча,—
Поѣдемъ, жена, въ лѣсъ по дрова,
По дубовыя, по тяжелыя.»
На горку взъѣзжаетъ—прихлыстываетъ,
Подъ гору съѣзжаетъ—посвистываетъ.
—«Не жалко того, что дрова везу,
Да жалко того, что мужъ на возу».
Пріѣхалъ къ двору—привязалъ жену,
Привязалъ жену къ сухому колу:
—«Вотъ тебѣ, жена, сухая трава,
Вотъ тебѣ, жена, въ лужѣ вода».
Къ нему взмолилась жена молода:
—«Продай, мужъ, шубенку тафтяненькую,
Купи, мужъ, кобылку буланенькую.»

- 6) Еще нѣтъ-то у насъ въ синемъ морѣ,
Нѣтъ такой бусочки *);

*) *Буса*—большая долбленая лодка, однодеревка, съ острымъ носомъ, отрубистомъ кормой и округлымъ дномъ, большею частію съ надѣлками, набоями, насадами, т. е. съ набивными досками по бортамъ. „Толковый словарь живого великорусскаго языка“ Дала. I, 127—128.

Еще нѣтъ-то у насъ въ синемъ морѣ.
Такого корабличка,
Который бы корабль изъ мачты построенъ,
Изъ бѣлаго, изъ тонкаго паруса;
Безъ якоря, безъ булатнаго
Корабль не становится.
Нѣтъ у насъ въ чистомъ полѣ
Такой травушки,
Которая бы безъ вѣтру шаталась;
Нѣтъ такой въ полѣ травушки,
Чтобы безъ цвѣтовъ росла,
Она—безъ лазоревыхъ.
Нѣтъ у насъ на свѣтѣ бѣломъ
Такой родной матушки,
Чтобы она, родимая матушка,
По сыну не плакала,
Не лила бы слезъ
Она во сырую землю:
Сырая земля отъ слезъ загоралася,—
Родимая матушка по сыну плакала.

в) Военно-бытовья.

- 1) Матушка-красно солнышко,
Со свѣтлымъ мѣсяцемъ оно порассорилось,—
Называло его, свѣтлаго мѣсяца,
Вотъ его измѣнщикомъ:
— «Ты—измѣнникъ, батюшка—свѣтель мѣсяць:
Свѣтишь ты со вечера, свѣтель мѣсяць,—
Во полуночи да ты примеркаешь;
Потаешь (?) ты, батюшка—свѣтель мѣсяць,
По ворахъ, по плутамъ,
Да ты по разбойничкамъ»..
Какъ воздалече было, ей, воздалече,
Во чистомъ-то полѣ,
Было во синемъ морѣ,—
Что не бѣлая лебедушка,
Она во пролетъ летить,

Что не красная-то дѣвушка,
Она изъ плѣна бѣжить;
За ней *юлятъ*, за красной дѣвушкой,
За ней-то *съ юнь* гонять;
Выбѣгаетъ она, красна дѣвушка,
На быстрый Терекъ—на крутой берегъ;
Что кричить-то она громкимъ голосомъ:
— «Перевозчики мои, перевозчики,
Вы, гребенскіе казаки,
Перевезите меня, красную дѣвушку,
Перевезите на свою сторонушку.»

2) Ужъ мнѣ, матушка, тошнехонько,
Государыня, мнѣ грустнехонько:
Ужъ мнѣ ѣсть-пить не хочется,
Ужъ игра-то—гульба, она на умъ неидеть;
Мнѣ сердечный-то другъ съ ума неидеть,
Съ великаго-то моего, крѣпкаго разума;
Ужъ я *свду*-то на крашенный *крылецъ*,
Стану-гляну я вдоль по улицѣ въ конецъ,—
Какъ всѣ-то друзья *изъ похода* идутъ,
А моего-то дружка вороного коня ведутъ,
Припотнаго, притомлеваго;
Въ торокахъ-то везутъ цвѣтное платье,
Цвѣтное-то платьице—рубашечку,
Боеву-то рубашечку, кровавую,
Острыми-то саблями изрубленную,
Мелкими-то пулями изстрѣляную;
Говорилъ-то милый,—умирая, наказывалъ,
Честью-дестью уговаривалъ:
— «Вы, друзья-братья, товарищи,
Поклонитесь моей молодой *женѣ*,
Молодой моей—горькой вдовушкѣ,
Малышъ *дѣтушкамъ*, горькимъ сиротамъ,
Чтобы *выбанила* эту горькую рубашечку—
Не въ Терекъ, не въ колодезѣ,
Чтобы *выбанила* рубашечку горючей слезой,

А высушила бы рубашечку—не на солнышкѣ, не на
печечкѣ,
А на своемъ ретивомъ сердечушкѣ.»

- 3) Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ, во ущельяхъ было глубокихъ,—
Лежить молодець, молодець *убитый*,
Молодець—молодой *урядничекъ*.
Какъ съ родной его сторонюшки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
—«Встань, встань, добрый молодець!
Какъ зима проходить—весна наступаетъ,
Твоя молодая *жена* по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ—мужа выбираетъ.»
Лежить молодець—не даетъ отвѣту...
Какъ съ родной его сторонюшки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
—«Встань, встань, добрый молодець!
Какъ прошло лѣто—осень наступила,
Твоя молодая *жена* весной по саду гуляла,
По саду гуляла—мужа выбирала,
А теперь *глазами разводитъ*—замужъ выходитъ;
Родимая твоя матушка слезно плачетъ.»
-

- 4) Куда ѣдешь—*отъгъжаешь*
Отъ меня ты *далеко*,—
На кого одну покидаешь?
Съ кѣмъ я буду эти ночи ночевать,
Съ кѣмъ я буду это горе горевать?
День настанетъ—во тоскѣ я провожу;
Ночь настанетъ—во слезахъ я пролежу.
Пойду съ горя во компанію гулять,
Да по совѣсти себѣ дружочка подбирать;
Да послушаю, что люди говорятъ:
А тамъ люди и ругаютъ и бранять...
Полно, полно про насъ, люди, говорить,—

Научите, какъ на свѣтѣ одной жить!
Ужъ ты, судьба, разнесчастная моя,—
Почто, судьба, на бѣлый свѣтъ создала?
Ни въ чемъ судьба мнѣ отрады не дала!

- 5) Свѣтла звѣздочка возсіяла
На небесной высотѣ,—
Красна дѣвица вздыхала,
Лежа грудью на огнѣ.
Да не буря зашумѣла
Во сырость бору зимой,—
Вѣсть въ народѣ пролетѣла:
Намъ съ походомъ итти весной.
Выступай войска сотнями,
Какъ онъ въ составѣ есть,—
Ружья съ новыми кремнями,
Шашки острыя имѣть;
Подъ начальствомъ *Воронцова*,
Друзья, лестно умереть,
Какъ онъ скажетъ два три слова:
— «Шашки вонъ—итти на смерть!»
Пусть *Шамилъ* свои *завалы*—
Строить *башни* до небесъ,
Намъ чеченцы рассказали,—
Его башни—тотъ же лѣсъ:
Мы разрушимъ ихъ—порвемъ,—
Не для насъ сего предѣлъ!
За *Арчуномъ*, за рѣкой
Въ басурманской сторонѣ,
Умирая послѣ боя,
Воинъ молвилъ слово мнѣ:
— «Отнесите въ край родимый,
Друзья, послѣ похоронъ
Моей *матушки* родимой—
Отцу родному повлонъ,
А *женѣ*—ей своя воля
Стать другой разъ подъ вѣнецъ;

Отнесите вѣсть такую:

Я не мужъ жевѣ—мертвецъ. *)

6) *Служба явлена въ походъ:*

Какъ со вечера добрый молодець
Коя своего ловилъ,
Ко полуночи сѣдельцемъ осѣдлалъ,
Ко бѣлой-то зорѣ съ широка двора съѣзжалъ.
Какъ никто-то его, добраго молодца, провожать неидеть:
Ни батюшка его, ни матушка, ни роду его, ни
племени,—
Провожала его, добраго молодца, молодая жена,
Провожала его добраго молодца,—
Слезно плакала по немъ,
Во слезахъ-то ему, молодцу,
Словечушко молвила:
—«Ты вернись, воротись, душа—добрый молодець,
Воротись, душа, назадъ!
Уберу-то я добраго молодца хорошононько,
Провожу-то я тебя, добраго молодца, далекононько».
—«Ужъ ты—глупая, да ты—неразумная,
Молодая моя жена:
Какъ всё-то они, друзья мои,
Во строю стоять,
Какъ меня-то они, добраго молодца, дожидаются».

7) Ты взойди, ты взойди, красное солнышко:

Надъ горою взойди—надъ высокою,
Надъ ущельями взойди—надъ глубокими,
Надъ лѣсами взойди—надъ дремучими,
Надъ долинами взойди—надъ широкими,
Надъ лугами взойди—надъ зелеными,

*) Сравни „Пѣсню о походѣ за Аргунъ“, похъ № 5, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II. стр. 95. Печатаемая здѣсь пѣсня съ цитируемой имѣетъ общее въ военно-историческомъ отношеніи; бытовой элементъ ея подходит къ таковому же какъ въ „Пѣснѣ о походѣ за Аргунъ“, такъ и въ „Пѣснѣ объ умирающемъ казакѣ“. Тамъ же, стр. 96, № 7. *Ред.*

Надъ родимой взойди—надъ сторонушкой!
Сторона-ль моя, ты, сторонушка,
Сторона-ль моя незнакомая,
Незнакомая—невеселая!
Какъ не самъ-то, не самъ
Я, добрый молодець,
Какъ не самъ-то, не самъ
Я зашелъ-заѣхалъ:
Занесла-то меня служба царская. *)

8) Да ты, служба наша, службица,
Служба Государева!
Надоѣла намъ служба,
Она надогучила намъ, казаченькамъ;
Всѣхъ добрыхъ нашихъ коней,
Вотъ нашихъ лошадушекъ,
Она призамучила;
Мы день-то стоимъ, казаченьки,
Стоимъ на пикетушкахъ;
Ночь-то мы лежимъ, казаченьки,
Лежимъ на секретушкахъ **).

с) Пѣсни, приуроченныя къ некоторымъ моментамъ въ году,
важнымъ въ какомъ-либо отношеніи.

а) Троицкая (Семицкая).

—«Ты, грушица, грушица моя,
Грушица зелена-садова!
Да что же ты, грушица, не зелена стоишь.
Почто не лазорево цвѣтешь?»
—«Груша издалечка везена,—

*) Сравни пѣсню, подъ № 95, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ В. III. Отд. II. стр. 74. Сравни также пѣсни, подъ №№ 8 и 9, у Кирѣвскаго: „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ. Изд. Общ. Любит. Росс. Словесн., подъ ред. Безсонова“. Вып. IX. Дополненія къ VIII и IX вып.“ стр. XXVI—XXXIII. М. 1872. Ср. XXII—XXVI.—См. выше, стр. 86, № 16. *Ред.*

**) Сравни у Кирѣвскаго: Вып. IX, стр. 153—154, 161, 229. *Ред.*

Изъ матушки—каменной Москвы;
Груша на Петровъ день сажена,
На Ильинъ день груша полита.»
—«Да что жъ ты не зелена стоишь,
Почто не лазорево цвѣтешь?»
—«Да какъ мнѣ зеленой быть,
Да какже мнѣ лазорево цвѣсти:
Со вершины солнышко печеть,
Со кореня ключики бьютъ.»
Подъ грушею свѣтлица стоять,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидить,
Разумныя рѣчи говорить:
—«Нынче ужъ плохія времена,—
Любятъ женъ хорошіе мужья,
Дѣвушекъ же дальніе друзья:
Дальній другъ—велика *сухота*,
Ближній другъ—свиданье навсегда.
Съ горя-кручины, молода,
Пойду я въ зеленые луга,
Пойду я на рѣчку, на рѣку,
Пойду я на быстру, на большу,
Стану я на круть бережокъ,
Совью на головушку *вѣнокъ*,
Пушу я по рѣчкѣ, по рѣкѣ,
Пушу я по быстрой, по большой:
Тонетъ—не тонетъ мой вѣнокъ,—
Тужитъ—не тужитъ мой милой?
Да сталъ мой *вѣночекъ* *заплывать*,—
Да сталъ меня *милой* *забывать*,—
Во чужой, во дальней сторонѣ,
Да во матушкѣ—во каменной Москвѣ:
Хотѣлъ милый до *вѣка* любить,
До вѣка, до смертнаго часа,
А теперь погинулъ навсегда.»

β) Колядскія.

- 1) На яру, яру, на желтомъ песку,
Святой вечеръ, святой вечеръ (*притѣвъ*),

Древенка стоит тонка-высока,
(*Припѣвъ слѣдуетъ послѣ каждаго стиха.*)

Корнемъ глубока, листомъ широка;
На той древенкѣ соколикъ сидѣть,
Соколикъ сидѣть, далеко глядѣть,—
Во синемъ море, во чисто поле:
Во синемъ морѣ корабли плывутъ;
Въ первомъ кораблѣ—свекоръ-батюшка;
Въ другомъ кораблѣ—свекровь-матушка;
Въ третьемъ кораблѣ—Абрамъ-господинъ,
Свѣтъ-Михайловичъ.

—«Не спи, не дремли ты, Марьюшка,
Не спи, не дремли ты, Павловна,—
Столы станови все дубовые,
Скатерти стели все шелковыя:
Прийдутъ къ тебѣ три гостюшка,—
Какъ первый гость—свекоръ-батюшка;
Какъ второй гость—свекровь-матушка,
А какъ третій гость—Абрамъ-господинъ,
Свѣтъ-Михайловичъ».

- 2) Шла Марія изъ монастыря,
Аллилуія, аллилуія, изъ монастыря;
Встрѣтились Маріи трое жидовьевъ,
Аллилуія, аллилуія, трое жидовьевъ:
—«Не вы ли, жида, Христа мучили,
Аллилуія, аллилуія, Христа мучили?»
—«Не мы, Марія,—наши предки,
Аллилуія, аллилуія, наши предки».
Пошла Марія на Сіонъ-гору,
Аллилуія, аллилуія, на Сіонъ-гору;
На Сіонъ-горѣ крыжи крыжуютъ,
Аллилуія, аллилуія, крыжи крыжуютъ;
Крыжи крыжуютъ—церкви будущють,
Аллилуія, аллилуія, церкви будущють;
Во этихъ церквахъ три гроба стоятъ,
Аллилуія, аллилуія, три гроба стоятъ:

Во первомъ гробу—самъ Исусъ Христосъ,
Аллилуія, аллилуія, самъ Исусъ Христосъ;
Во второмъ гробу—Іоаннъ Креститель,
Аллилуія, аллилуія, Іоаннъ Креститель;
Во третьемъ гробу—Дѣва Марія,
Аллилуія, аллилуія, Дѣва Марія;
Надъ Исусомъ Христомъ книги читають,
Аллилуія, аллилуія, книги читають;
Надъ Іоаннъ-Крестителемъ свѣчи горять,
Аллилуія, аллилуія, свѣчи горять;
Надъ дѣвой Маріей риза расцвѣла,
Аллилуія, аллилуія, риза расцвѣла;
Изъ этой ризы вылетѣла птаха,
Аллилуія, аллилуія, вылетѣла птаха;
Полетѣла птаха, да на небеса,
Аллилуія, аллилуія, да на небеса;
Ей небеса растворилися,
Аллилуія, аллилуія, растворилися;
Ей всѣ святые поклонилися,
Аллилуія, аллилуія, поклонилися:
Не есть ли ты, птаха,—есть Сынъ Божій,
Аллилуія, аллилуія, есть Сынъ Божій!

γ) Веливпостная.

Да три года дѣвушка
Церковь строила,
 Рано, рано, рано, мое,
Церковь строила;
Четвертый годъ дѣвушка
Богу молилась,
 Рано, рано, рано, мое,
Богу молилась:
Бакъ батюшкины грѣхи
Всѣ отмолила,
 Рано, рано, рано, мое,
Всѣ отмолила;

А матушкины грѣхи—
Ихъ не отмолила,
 Рано, рано, рано, мое,
Ихъ не отмолила.
—«Поѣхалъ мой папенька
За царскимъ сыномъ,
 Рано, рано, рано, мое,
За царскимъ сыномъ;
Сударыня матушка—
За игумножь-поможь,
 Рано, рано, рано, мое,
За игумножь-поможь:
Хочеть меня батенька
Замужъ одати,
 Рано, рано, рано, мое,
Замужъ одати;
Сударыня матушка—
Въ черницы постричь,
 Рано, рано, рано, мое,
Въ черницы постричь.
Скрипнули воротечка
Притворчатя,
 Рано, рано, рано, мое,
Притворчатя;
Щелкнуло колечушко
Серебряное,
 Рано, рано, рано, мое,
Серебряное;
Брехнула собаченька
Бѣл-пестренькая,
 Рано, рано, рано, мое,
Бѣл-пестренькая;
Тѣгнуло сердечушко
Дѣвунюшкино,
 Рано, рано, рано, мое,
Дѣвунюшкино;
Глянула въ окошечко
Хрустальненькое,
 Рано, рано, рано, мое,

Хрустальненькое:
Я думала, мой батюшка—
Со царскимъ сыномъ,
 Рано, рано, рано, мое,
Со царскимъ сыномъ;
Сударыня жъ матушка—
Съ игуномъ-попомъ,
 Рано, рано, рано, мое,
Съ игуномъ-попомъ».
—«Скидай, скидай ты, чадушко,
Цвѣтное платье,
 Рано, рано, рано, мое,
Цвѣтное платье;
Надѣвай ты, милая,
Черное платье,
 Рано, рано, рано, мое,
Черное платье;
Садись, садись ты, чадушко,
Въ золото *стуло*,
 Рано, рано, рано, мое,
Въ золото *стуло*».
—«Позволь ты мнѣ, матушка,
На рѣчку сходить,
 Рано, рано, рано, мое,
На рѣчку сходить,
На рѣчку сходить,—
Бѣлилица смыть,
 Рано, рано, рано, мое,
Бѣлилица смыть,
Бѣлилица смыть,
Румянца стереть,
 Рано, рано, рано, мое,
Румянца стереть».
—«Смоешь, смоешь ты, чадушко,
Горючей слезой,
 Рано, рано, рано, мое,
Горючей слезой;
Сотрешь моя, милая,

Злосчастнымъ рукавомъ,
Рано, рано, рано, мое,
Злосчастнымъ рукавомъ.»

IV. Шуточные пѣсни. *)

- 1) Ужь вы гостюшки, гости милые,
Посидите у меня, да вы побесѣдуйте,—
Я вамъ расскажу всю исторію;
Вы исторіи не повѣрите—
На брехню ее перевернете:
—«На дубу свинья гнѣздо свила,
Гнѣздо свила—дѣтей вывела:
Ужь вы, дѣточки-поросяточки,—
На небо глядятъ—жолуди ѣдятъ...
На печи старикъ, онъ рыбу ловилъ,—
Сѣтку намочилъ, каюкъ упустилъ.»
- 2) Воробей пиво варилъ—молодой сына женилъ,
Всѣхъ гостей собралъ, всѣхъ соловьюшекъ,—
Одну сову не позвалъ, одну Савельевну;
А совушка сама прилетѣла, Савельевна незваная;
Сама сѣла среди двора, среди двора па-цыпочки,
Заиграла сова на скрипочкѣ,—
Воробей плясать пошелъ,
Молодой вмѣстѣ съ совушкой;
Онъ совшкѣ на ножку наступилъ,
Савельевнѣ ноженку отдалъ,
А совушка разсердилась, Савельевна прогнѣвилась,
Воротами скрипнула, верями хлопнула;
Воробей въ погонь пошелъ, молодой за совушкой:
—«Ты, совушка, вернись, Савельевна, воротись».
Она ему отвѣтъ отвѣчала:

*) Пѣсню: „Продай, мужъ, кобылку буланенькую“ (стр. 96), съ сильнымъ комическимъ элементомъ, мы не помѣстили въ разрядъ „шуточныхъ“, по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, потому—что въ ней *бытовая* сторона играетъ важную роль; во-вторыхъ, потому—что ея комизмъ—*юмористическаго* характера, тогда-какъ внутренній смыслъ *этихъ* двухъ пѣсней—*забава*, веселость, *шутка*. *Ред.*

— «Я роду не простого,
Не простого, а княжескаго,
Я майорская дочь, генеральская сноха,
И, сова, офицерская жена.»

V. Историческія пѣсни.

- 1) Какъ на рѣчкѣ, на рѣкѣ, было на *Камышинкѣ*,—
Собирались казаки-друзья, они всѣ охотнички:
Кизлярскіе, Гребенскіе, они все со *Семейными* *).
Командиромъ у нихъ былъ, братцы,
Что *Ермакъ Тимофеевичъ*;
Ужъ рѣчи онъ говорилъ, братцы,
Какъ въ трубу трубилъ:
— «Ужъ вы слушайте, братцы,
Вы, Ермака ли, меня послушайте!
Какъ проходить у насъ, братцы,
Лѣто теплое;
Наступаетъ у насъ, братцы,
Зима холодная;
А и гдѣ же мы, братцы, будемъ
Эту зиму зимовать?
На Уралъ, братцы, пойдемъ—
Переходъ великъ;
На круты горы пойдемъ—
Намъ живымъ не быть;
Во *Кизляръ* городъ пойдемъ—
Мы *домой* зайдемъ.» **).

*) Историческія свѣдѣнія о происхожденіи *Семейнаго войска* см. выше, стр. 3—4.—Присвоеніе *новому* Терскому войску званія „Семейное“, въ отличіе отъ Кизлярскаго, имѣло основаніемъ, „быть можетъ, говорить г. Пошко, то обстоятельство, что вслѣдствіе разореній, испытанныхъ на Аграхани (онъ произноситъ: „Аграханъ“) ему отпускался провіантъ отъ казны не только на служившихъ казаковъ, но и на всѣхъ сиротъ, вдовъ и церковно-служителей“. „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ. Соч. Ив. Пошко. Вып. I. *Гребенское войско*.“ Стр. XIV. С.-Пб. 80. Ред.

**) Сравни пѣсню, подъ № 2, въ „Сборн. свѣдѣній о Терской области“. Вып. I. стр. 219.—Въ печатаемой здѣсь пѣснѣ говорится о рѣкѣ Камышинкѣ; но въ ука-

2) Всю ночь-то не спалъ вотъ *Степанъ Даниловичъ*,—
 Съ москалемъ-то ли онъ въ карты проигралъ,
 Проигралъ-то онъ, проигралъ Степанъ Даниловичъ,
 Да онъ славный-тхій Донъ;
 Проигравши-то, Степанъ Даниловичъ
 Брѣвно призадумался, да опъ прикручинился;
 Выходилъ-то онъ, выходилъ Степанъ Даниловичъ,
 На крашеный онъ на *крылецъ*,
 Воскричалъ-то онъ—возычалъ,
 Вотъ Степанъ Даниловичъ:
 —«Ужъ вы, слуги-то мои, вы, служители,
 Вы, мои Донскіе казаки!
 Вы подайте мнѣ, вы, мои казаченьки,
 Вы мнѣ вражяго сына, молодого полковничка:
 Мы сядемъ съ нимъ, съ молодымъ полковничкомъ,
 Мы сядемъ во легкую лодочку,—
 Ужъ мы пустимся съ молодымъ полковничкомъ,
 Съ молодымъ полковничкомъ во сине море;
 Мы заѣдемъ съ молодымъ полковничкомъ,
 Да мы заѣдемъ съ нимъ во *Сибирскій край*.»

3) Не во матушкѣ было во Россіюшкѣ,—
 Во Россіюшкѣ было, во каменной Москвѣ:
 У крыльца, у дворца было Государева,—
 Молодой казакъ, онъ на часахъ стоялъ,
 На часахъ стоитъ, какъ свѣча горитъ,
 Какъ свѣча горитъ, самъ слезно плачетъ;
 Во слезахъ-то молодець словечушко молвить:
 —«Вы подуйте, вѣтры буйныя,
 Разсыпьте вы весь желтый песокъ;
 Распорхнись, царская могилушка,

заннымъ вариантѣ упоминается рѣка *Кумышинка*,—очевидно, р. *Кума*. О первой г. Попоко говорить, что переходъ съ Дону на Волгу, по калачецарицннскому перешейку, при многоводн Камышинки, *тогда* былъ дѣломъ обычнымъ; о второй онъ говорить слѣдующее: „кому недостаточно широко было волжинское раздолье, кто не находилъ тамъ своей доли или, бѣжавши отъ бѣды, паталкивался на новое ли-хо, тотъ шелъ уже на край свѣта, тогдашняго русскаго свѣта—„на Куму“—излюбленный когда-то у казаковъ-несогласниковъ возгласъ“.—Тамъ же, стр. 14, 46.

Ред.

Ты возстань, ты возстань,
Нашъ православный Царь!
Посмотри ты, посмотри,
На свою армію и на царскую гвардію,—
Какъ твоя гвардія стоитъ не по-прежнему:
Русы косы у нихъ, онѣ—пообрѣзаны,
Черныя бороды, онѣ—пообрѣтыя *)).

- 4) Не во матушкѣ было, во Россіюшкѣ,
Какъ на ровной-то было на площади,—
Тамъ стояла Божья церковь:
Нашъ православный Царь,
Стоялъ-то онъ у заутрени
Со князьями, со боярами;
Какъ на всѣхъ-то князьяхъ,
На всѣхъ боярахъ,
На нихъ платья цвѣтныя,
Платья цвѣтныя на нихъ—*кармазинныя*:
На самомъ-то Царѣ—на батюшкѣ,
На немъ-то платье черное;
Какъ всѣ-то князья, какъ всѣ бояры,
Они веселы стоятъ,—
Православный нашъ Царь
Невеселый стоялъ:
Онъ повѣсилъ свою буйну голову
На свои на буйныя плечи;
Онъ потушилъ свои очи ясныя
Во матушку—во сыру землю...
Приутихло-то наше войско Донское:
Безъ своего-то оно было безъ служителя,
Безъ *Ивана*, безъ *Матвѣевича*;
Какъ разбили-то ее, славную армейку,
Ее *тѣмцы* мудрыя;

*) Сравни пѣсню, подъ № 4, въ „Сборн. свѣд. о Терск. обл.“ Вып. I. стр. 221.—Любопытно, что тамъ обращеніе часового направлено къ Ивану Васильевичу Грозному.—Некрасовъ-атаманъ, по одной пѣснѣ, пишетъ грамотку горячими слезами (Вас. Влад.) Долгорукову—на него жалуется, что онъ захотѣлъ „старикамъ усы-бороды сбрить“. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Вып. VIII. стр. 73. *Ред.*

Взяли-то они младого хорунжаго,
Младого его племянничка;
Связали ему руки бѣлыя,
Сковали ему ноги рѣзвыя,
Повели-то его къ нѣмцу мудрому;
Какъ нѣмецъ сталъ его, добраго молодца, выпрашивать:
— «Ты скажи, ты снажи, добрый молодець,
Снажи, чѣмъ Царю служилъ?
Или сотничкомъ служилъ, или полковничкомъ,
Или служилъ рядовымъ солдатикомъ?»
— «Я не сотничкомъ служилъ, не полковничкомъ,
А служилъ-то я молодымъ солдатомъ;
Если бы была предо мною сабля острая,
Я взялъ бы и снялъ съ себя буйну голову».

- 5) Во Крыму-то было, во славномъ было городѣ,
На широкой было, на широкой было площади:
Пристроена была тамъ злодѣюшкой
Тюрьма темная, —
Безъ оконъ, безъ дверей,
Тюрьма была безъ дверешекъ;
Что была та тюрьма
Съ одной дымчатой трубой.
Во тюрьмѣ-то сидѣлъ
Тридцать три года,
Съ быстрога Терека
Сидѣлъ Гребенской казагъ.
Довелось-то Царю мимо тюрьмы ѣхать,
Пришлось молодцу—во шелочку ему глянуть:
— «Ужъ ты, батюшка, нашъ православный Царь!
Ты любилъ, ты меня,
Ты меня со младости;
Пой ты—корми меня,
Корми меня до старости;
Если не хочешь меня кормить-поить,
Выпусти меня на волюшку» *).

*) У Кирѣевского есть соотвѣтственная пѣсня: Вып. VIII. стр. 103. Въ другой пѣснѣ (Вып. VIII. стр. 78—80) казагъ съ подобной просьбой обращается къ „самому

- 6) Куда ты, куда, нашъ *Салтыковъ князь*,
Князь, да ты убираешься,—
Черезъ матушку—Кубань-рѣку
Да ты переправляешься?
Переправившись Кубань-рѣчущку,
Да ты самъ становишься—
Занимать себѣ лагерь на пятнадцать версть,
Со пикетушками, со разъѣздушками—
Ровно на двадцать:
Не грозная туча, туча грозная,
Она, туча, поднималася,—
Поднималася въ горахъ *ордычушка*,
Она сила невѣрная.

- 7) Безсчастливо Король *служилъ*, безталанливо,
Служилъ да онъ, *Король Прусскій*;
Онъ на ворономъ своемъ конѣ,
Да онъ разъѣзжаетъ,—
Ничегохонько Король про свою армейшку,
Ничего Король не знаетъ:
Да *разбили* его славную армейшку,
Разбили его армейшку *французъ*;
Во полонь-то взяли его славную армейшку,
Двухъ думчихъ его сенаторовъ,
Еще взяли его племянничка
И братца его роднаго.
Какъ востужится Король—возгорюнится
О своихъ думныхъ сенаторахъ:
Онъ повѣсилъ свою буйную голову,

царю Турецкому“ (сравни пѣсню, подъ № 4: Вып. IX. стр. 131—133). „Эта знаменитая пѣсня—читаемъ у Кирѣевского—прошла весь длинный періодъ и остановилась на самыхъ любимыхъ народныхъ именахъ, отъ Ермака до Разина (см. Вып. VII. стр. 135—137), потомъ до Краснощокова, Чернышова и даже Платова, въ томъ или другомъ видѣ, съ передвиженіемъ мѣста дѣйствій... отъ Азова до Шведскаго стана, Кистрина, Берлина и даже Парижа. На такомъ протяженіи времени и пространства, она, конечно, легко освобождалась отъ историческихъ именъ, переходила въ *Безымянную*..., пока дошла до всякой „темничной“, „военной.“ (Вып. VIII. стр. 80).—Нашъ вариантъ вводитъ *новое лицо и новое мѣсто* (Крымъ).

Ред.

Онъ на правую сторону;
Онъ потупилъ свои очи ясныя,
Да онъ во сырую землю,—
Сталъ просить француза:
—«Выдайте мнѣ двухъ думныхъ сенаторовъ,
Третьяго выдайте *племянничка* *)
И брата роднаго» **).

8) Сидитъ Боролю на крутой горѣ;
Сидючи-то Боролю крѣпко призадумалось:
—«Ты кому, ты кому, славный Берлинъ-городъ до-
станешься?»

Мнѣ не жаль-то, не жаль Берлина-города,—
Жаль въ городѣ три палатушки:
Бакъ во первой палатушкѣ
Живеть родимый мой батюшка,
А въ другой палатушкѣ—родимая матушка,
А въ третьей палатушкѣ—молодая жена,
Молодая жена со малыми дѣтушками.
Доставался *Берлинъ-городъ*
Царю Бѣлому—*Петру Первому*. ***)

*) Въ одномъ изъ цитируемыхъ ниже вариантовъ Кирѣвскаго племянничекъ именуется *Влатовымъ*; у Кирѣвскаго въ примѣчаніи пояснено, что это—*Плат-тень*. Ред.

**) У Кирѣвскаго, подъ заглавіемъ: „Разбезчастный Король Прусскій“ при-
ведено двѣ пѣсни (Вып. IX. 110—112). Если тамъ въ одной (2) пѣснѣ Король
говоритъ:

„Хотать-то, хотать нашу силушку побить-порубить“;
если въ другой (1) пѣснѣ—ужъ ясный намекъ на поражение этой силушки:

„Не воветь-то наша армеюшка,

Горечко горюеть:

Что горюеть-то наша армеюшка,

Сама слезно плачетъ“,—

то въ нашемъ вариантѣ поражение прусской арміи французами является фактомъ.

Ред.

***) Думы Короля Прусскаго о своей „укрѣпѣ—укрѣпушкѣ“ развиваются, у
Кирѣвскаго, въ 11 вариантахъ. Вып. IX стр. 158—172.—Наши пѣсни, 7-ая и
8-ая, очевидно, отголоски „Прусской войны“. При этомъ нужно помнить, что Прус-
ская война вообще близко сливается съ Шведскою. (Кирѣвскій. Вып. IX. 95).
Срав.: „Исторія Россіи“ Соловьева. т. XXIV. 314; вообще: II—VI гл. Ред.

- 9) Изволилъ нашъ *Долгорукий князь*,
Да онъ на тихій Донъ погулять:
Встрѣчали князя Долгорукаго
Съ тихаго Дона его казаки;
Подхватили князя Долгорукаго,
Подъ бѣлыя руки его!
Повели же князя Долгорукаго
Во станичную избу;
Посадили его, князя Долгорукаго,
На «большое мѣсто» его, подъ окно;
Стали князя Долгорукаго,
Брѣвно спрашивать его:
— «Ты скажи-ка, скажи,
Князь Долгорукий нашъ,
Скажи всю правдицу:
Еще сколько у насъ на тихомъ Дону
Донскихъ казаковъ?»
— «На всякаго казака—
По пятьсотъ бурлаковъ».

- 10) Вдоль улицы было, вдоль было по широкой:
Мимо дворца-то—крыльца было Государева,
Что ведутъ-то—ведутъ князя, его, Долгорукаго,
Что ведутъ-то его—его руки связаны,
Руки связаны, ноги скованы;
Что ведутъ-то его въшать-казнить,
Что ведутъ его пятьсотъ солдатъ;
Впереди-то его идутъ барабанщики,
Барабанщики съ музыкантами.
Во ряду-то съ нимъ отецъ съ матерью,
Позади идетъ молодая жена,
Молодая жена съ малыми дѣтушками;
Что отецъ-то плачетъ,
Какъ рѣка-то льется;
Что мать его плачетъ,
Какъ въ морѣ волна бѣется;
Малыя его дѣтушки плачутъ,
Что сильный дождь идетъ;

А жена-то плачеть,
Какъ утренняя роса падаетъ *).

- 11) Ужь вы, горы мои, горы! **)
- Позвольте подь собою
Хоть ночь почевать
И ту всю не спать,—
Какъ поидежь мы, ребята,
Въ бѣлокаменны палаты:
Тамъ нито насъ не увидить,
Голосочку не услышитъ..
Графъ Паскевичъ слово скажетъ:
— «Стойте, турки, не стрѣляйте,—
Вы зарядовъ не теряйте:
Вѣдь насъ пушечка не возьметъ;
Меднаго ружья не боимся,—
Бъ *Сырокъ-Сыру* торопимся,
До *Бурбута* доберемся».

- 12) Какъ не два сокола, они изъ дубровушки, они вы-
летали,
Изъ Царя-то ли *града* не два молодца, они вы-
ѣзжали:
Два корабличка, они изъ синя моря, они выѣзжали.
Во корабличкахъ тамъ сидятъ *муздрушки*,
Что храбрые они турки;

*) Судьба князя *Ивана Алексеевича* и *Натальи Борисовны Долгорукиной* отразилась въ памятной русской пѣснѣ: у Кирѣвскаго приведено 3 такыхъ пѣсни. Нашъ вариантъ не противорѣчитъ пѣснямъ Кирѣвскаго и даже, въ главномъ, согласенъ съ ними и относительно обстановки казни, и относительно семейныхъ проводовъ; только рѣчь о женѣ князя вовсе противорѣчитъ и пѣснямъ Кирѣвскаго, и исторической правдѣ (результатъ вліянія извѣстныхъ семейно-бытовыхъ пѣсенъ).— „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ“. Вып. VIII. 8—12; вообще: 1—14.

Ред.

**) Съ подобнымъ обращеніемъ къ *горамъ* нерѣдки русскія пѣсни на *Кавказѣ*. Сравн. пѣсни, подъ №№ 91 и 93, въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II. стр. 73—74.—Началу настоящей пѣсни почти вполнѣ соответствуетъ начало пѣсни: „Искушеніе и опасность *Разины* въ Астрахани“ (Кирѣвскій. „Пѣсни“. Вып. VII. стр. 141).

Ред.

Раскрашенными своими веселочками,
Турки ими корабль *погребаютъ*,
Позолоченными своими рулечками
Турки корабль управляютъ.
Среди кораблика стояло тамъ значечко,—
Позолоченными своими босицами сине-море покрываетъ;
За значечкомъ тамъ стояло *стулечко*,
Черное *стуло*, оно—юхтовое;
Во стулу-то сидѣлъ православный Царь,
Православный Царь—*Николай Павловичъ*;
Передъ нимъ-то стоять два писаря,
Писаря-то, они—молодые;
Во рукахъ-то они держатъ по перышку,
Они—по перышку лебединому:
Дожидаются они себѣ повелѣньяца,
Повелѣньяца Государева.

-
- 13) Изъ горъ изъ высокихъ,
Не черныя онѣ—тучи
Изъ горъ поднимались;
Не грозныя ли громы,
Они изъ тучъ, они приударили;
Что не князь *Воронцовъ* по своей армейшикѣ,
Да онѣ разъѣзжаетъ,
Онѣ своихъ-то, своихъ казаченьковъ
Князь Воронцовъ увѣщаетъ:
—«Кзаки-ли, вы, мои казаченьки,
Кзаки, вы, слуги вѣрные!
Послужите вы, мои казаченьки,
Послужите Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому—*Петру Первому*,—
Вы поймите, вы *пашу* того,
Пашу Турецкаго,
Вы свяжите ему руки бѣлыя,
Вы закуйте ему ноги рѣзвыя,
Приведите его къ Царю Бѣлому
Къ Царю Бѣлому—*Петру Первому*».
-

- 14) Ты, Россія, Россія, ты, Россійская земля!
Ты, Россійская земля, много горя приняла,
Много горя, много нужды—
Невозможно вспомануть!
Какъ Платовъ-генераль
По арміи разъѣзжалъ,
По арміи разъѣзжалъ—
Во Французу заѣзжалъ;
Французъ на ноги всталъ,
Чару вина наливалъ,
Чару вина наливалъ,—
«Купчиною» называлъ:
— «Ты, купчина-любчина,
Ты, купеческій сынъ!
Я вѣдь всѣхъ изъ васъ знаю
Генераловъ и господъ,—
Одного изъ васъ не знаю
Я Платова-казака:
Кто бы его мнѣ указалъ,—
Много тому казны бы далъ!»
— «Зачѣмъ казнушку терять,—
Его такъ можно узнать:
Его личко—бѣло личко,
Ото всѣхъ господъ отличка;
Черны брови у него,
Какъ у дяди моего;
Черны кудры у него,
Какъ у брата моего».
Платовъ на крыльцо всходилъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
— «Ужъ вы, Донцы-драгуны,
Вы, Донскіе казаки!
Вы подайте мнѣ коня
Отъ точенаго столба,
Отъ злаченаго кольца».
Платовъ на коня садился,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
— «Ты, карга, шельма, ворона,
Ты, французскій *Бонапартъ!*

Не умѣлъ, карга-ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать—
На правой рукѣ держать». —
Французъ на крыльцо сходилъ,
Его громче закричалъ:
— «Если бъ я его поймалъ,
Крылья-перья бъ ощипалъ» *).

- 15) Ужь ты, батюшка нашъ, батюшка,
Терекъ Горыновичъ!
Про тебя-то лежить,
Батюшка, быстрый Терекъ,
Лежить рѣчь хорошая
И славушка добрая:
— «Какъ прорылъ, прокопалъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Горы высокія;
Что устьичкомъ впадаетъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Да онъ во синее море;
Что изъ горъ выкопалъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Бѣль-горючій камень».
Тутъ шли-то, прошли
Бизлярскіе казаки,
Они—со батальицы,
Съ той-то было
Со батальицы со Турецкой;

*) У Кирѣевского въ X вып. страницы 38—82 посвящены вообще Платову, а страницы 50—80 заняты вариантами пѣсенъ на тему: „Платовъ въ гостяхъ у Француза, Французскаго короля, Бонапарта“. Такихъ вариантовъ 15. Въ заключеніе ихъ у Кирѣевского сказано: „Для русскаго пѣснотворчества своего времени Платовъ остается... первымъ, главнымъ и высшимъ представительнымъ лицомъ, исторически былевымъ героемъ. Выше, лучше и краше его пѣсня, изъ эпохи „отечественной войны“, ничего не создала.“—Печатаемая здѣсь пѣсня—новый вариантъ.—Интересно, что у Кирѣевского пѣсня: „Краснощочковъ и Король Пруссій“ подобнаго же содержанія и съ подобными же оборотами рѣчи (Вып. IX. стр. 150—152), какъ и нашъ вариантъ.

Ред.

Не дошедши они,
 Бизлярскіе казаки,
 До бѣлаго камушка,
 Они остановилися;
 Про-между-то себя,
 Бизлярскіе казаки, они *задували* *):
 Доставалось имъ,
 Бизлярскимъ казакамъ,
 Имъ по пятисотъ рублей;
 Атаману съ есаулушкой—
 Имъ по тысячѣ;
 Одному-то изъ нихъ,
 Бизлярскому казаку,—
 Красна дѣвица:
 Убору-то на ней—
 Во пятьсотъ рублей,
 Что коса-то руса
 У красной у дѣвушки
 Стоитъ рублей тысячу;
 За умъ ея—разумъ
 Красной дѣвушки—
 Ей и смѣты нѣтъ **).

- 16) Ужъ не по морю было, по моречку,
 Было по морю синему:
 Не по синему морю было—*по Хвалынскому*,—
 Тамъ плыли, всплывали
 Они, тридцать кораблей.
 Одинъ изъ нихъ—*Черменъ-корабль*—

*) *Дуванить*—дѣлать добычу.

Ред.

**) И. Д. Попоко въ своемъ, цитированномъ нами выше, трудѣ приводитъ весьма любопытную *легенду*, подъ заглавіемъ: „*Гитъ Терекъ Горынича*“. Здѣсь, между прочимъ, гнѣвный Терекъ съ любовью напоминаетъ, какъ казаки чествовали его: „А они, напоивши коней, сбивши шапочки на ухо, стануть въ кружокъ и затынуть пѣсенку руссійскую, новгородскую или разанскую. А то и *меня*, старика, *повеличаютъ* ину пору такъ-то важно да азхительно“, именно—пѣсней, вариантъ которой мы теперь печатаемъ.—Терскіе казаки. В. І. Гребенское войско. Стр. 227; 228—241 (легенда).—Другой вариантъ печатаемой пѣсни—въ „Сборн. свѣд. о Терской обл.“ Вып. І. стр. 220, подъ № 8.

Ред.

Напередъ рѣзво бѣжить,
Какъ ясенъ соколъ летить,—
Хоботъ-корму держать,
Ровно *по-звѣриному*;
Рулемъ править Чермень-корабль,
Ровно *по-змѣиному* *);
Хорошо корабль изукрашень,
Бѣлымъ серебромъ корабль изукованъ,
Желтымъ золотомъ корабль изусѣченъ,
Бѣлымъ жемчугомъ корабль изувѣшенъ **).
На корабликѣ бесѣдушка,
Она вновъ построена;
Во бесѣдушкѣ сидѣли *люди вольные*,
Люди вольные сидѣли—*купцы торговые*,
Армяне, они сидѣли съ *кызылбашами* ***);
Не во шашечки они играли
Во шашечки *тувалторовыя*,
Не объ стахъ они рубляхъ играли,
Они не объ тысячѣ,—
Играли вотъ эти армяне
О своихъ *буйныхъ головушкахъ*:
Что на морѣ погодушка, она поднималась
Бѣлые паруса, погодушка, она сорывала,—
Этихъ купчиковъ, купцовъ торговыхъ,
Она потопляла.

Слѣдующія три пѣсни трудно подвести подъ которую-либо изъ предыдущихъ группъ. Несомнѣнно однако то, что въ нихъ кроется глубокой *аллегорическій* смыслъ (Ред.).

- 1) Еще что это во полѣ за диковина:
Отчего-то, отчего бѣлая ковылушка въ полѣ загоралася?
Не отъ вѣтру, да не отъ вихорю

*) Вылевая поэзія знаетъ „Соколъ-корабль“. Такъ, у Кирѣвскаго есть три пѣсни, подъ общимъ заглавіемъ: „Илья Муромецъ на Соколѣ-кораблѣ“. *Ходъ и манера держатъ* себя—общія и у Сокола-корабля, и у Чермена-корабля (Вып. VIII. Дополн. къ вып. I. стр. 305—308). Ред.

**) „Муравей-корабль“ также былъ убранъ. (Вып. VIII. 167). Ред.

***) Такъ называются персіяне. Ред.

Бѣлая ковылушка загоралася,—
 Загоралася бѣлая ковылушка
 Отъ солнышка красного...
 Сидючи-то, сидючи, ясному *соколику*
 На бѣломъ камушкѣ ему придремнулося;
 Что не грѣхъ-то—бѣда надъ яснымъ соколикомъ,
 Бѣда сочинилася,—
 Какъ поджегъ—опалилъ свои сизые крылушки;
 Налетали на него что *черные вороны*,—
 Они надъ нимъ насмѣхались,
 Насмѣхались надъ яснымъ соколомъ.
 —«Вы не смѣйтесь, да вы, черные вороны,
 Вы надъ яснымъ соколомъ:
 Охъ, какъ создасть-то Господь сильного дождичка
 На мои, мои сизые крылушки,—
 Отростутъ-то мои сизые крылушки,
 У яснаго сокола, у соколика;
 Какъ вспорхну-полечу снизу я до-верху,
 Опущусь я, младъ-ясеень соколъ, сверху до земли,
 Что найду же я тутъ стадо черныхъ вороновъ,
 Я убью-застрѣлю своихъ насмѣшниковъ».

2) Какъ при *буйной*-то, при новой было дороженькѣ,
 Тамъ стоялъ-то—выросталъ сыр-матеровый дубъ:
 Корешечки у дуба чистые, они—хрустальные;
 Листочки, они у дуба тонки, они—бумажные;
 Что вершина у дуба, она—позлащенная;
 На вершинѣ на дубу—гнѣздо соколиное;
 Что подъ дубомъ—стойло коня добраго,
 Боня добраго—богатырскаго.
 Какъ не *соколъ*-то съ *конемъ*, они позаспорили,
 Не объ ста они рубляхъ, они не объ тысячѣ,
 Призаспорили они о буйныхъ *головушкахъ*:
 Какъ и соколъ летить, онъ—по поднебесью,
 Какъ и конь-то бѣжить—вся земля подъ нимъ дро-
 жить.

3) Скучно, грустно сидѣть *пташкѣ* въ клеткѣ:

Злая скука ее одолѣла.

Ради грусти она, бѣдная, свищетъ,—

Всю свою *неволюшку* видитъ;

Видитъ волю она насквозь клетки;

Какъ рыбица ходитъ она въ сѣткѣ,—

Освободиться, бѣдная, не можетъ;

Она видитъ сѣтку, сѣтку крѣпку;

Сивые крылушки свои приломила,—

Знать, по клеточкѣ она летала;

Острый носикъ да свой затупила,—

Знать, по щелочкамъ клевала.

—«Ты вспомни, бѣдный *соловейко*:

Да и гдѣ же ты родился?

Приведи-ко ты себѣ на память:

Съ кѣмъ гулялъ ты—веселился?

Имѣлъ пищу *всяку сотворенну*,—

Сладкій медъ—сытой;

А теперь, бѣдный *соловейко*,

Ржаной сахаръ съ водой;

Имѣлъ прежде мягкія перины,

А теперь спишь *на голой рогожѣ*».

СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ СТ. БОРОЗДИНСКОЙ.

1. Жена-спорщица *).

Одинъ казакъ женился, и ему попалась жена—такая спорщица, такая „противная“ **), *что хуже да и не надо*: тѣмъ больше онъ живетъ съ ней, тѣмъ „противнѣе“ она дѣлается.

*) А. Н. Аванасьевъ издалъ, подъ такимъ заглавіемъ, три сказки. Если его сказки, подъ литерами *a* и *c*, сходны съ печатаемой здѣсь сказкой только *по идѣ*, то сказка, подъ литерою *b*, имѣетъ общее съ послѣдней и *въ фактической* сторонѣ; но нашъ вариантъ обстоятельнѣе и цѣльнѣе, по крайней мѣрѣ, относительно мотивовъ, въ силу которыхъ мужъ рѣшился отдѣлаться отъ жены.—„Народныя русскія сказки.“ Книга III. стр. 446—448; кн. IV. 529—530. Изд. 2. М. 1873. *Ред.*

**), „Противная“—въ смыслѣ: „склонная противорѣчить“, *спорщица*. *Ред.*

Мужъ ей скажетъ: „неси дровъ—печь топи“, а она воды принесетъ; скажетъ ей мужъ: „пойди—воды принеси“, а она травы принесетъ; мужъ скажетъ: „пойдемъ картофель огребать“, а она серпъ возьметъ, да жать пойдетъ.

Мужъ и думаетъ, какбы отъ жены отдѣлаться, и придумалъ, наконецъ. Разъ сидитъ онъ утромъ съ женой и говоритъ: „на той сторонѣ рѣчки да и малина хорошая!—только ты не ходи. рвать ее: я не хочу, а лучше возьми кошолку да ступай—грибовъ набири“.

А протекала рѣчка возлѣ ихъ дома, напротивъ котораго былъ мостъ черезъ нее, а вверхъ по теченію лежала „кладка“, но ужь очень плохая—ходить было опасно по ней.

Жена и говоритъ: „пойду за малиной“.

— „Я же тебѣ говорю—не ходи, а то ты пойдешь, да, пожалуй, еще черезъ кладку! Ужь итти—такъ хоть черезъ мостъ“.

— „Вотъ нарочно пойду черезъ кладку!“

— „Ну, хорошо,—только ты не вздумай на кладкѣ подпрыгнуть“.

— „Нарочно подпрыгну—это ужь мое дѣло!“

— „Да ты утонешь!“ говоритъ ей мужъ.

— „Утону—такъ утону!“ отвѣчаетъ жена.

Взяла она кошолку и скорѣй изъ хаты, да къ рѣкѣ; но не пошла черезъ мостъ, а черезъ кладку; дошла до середины рѣчки, да какъ прыгнетъ: кладка переломилась, а баба упала въ воду и утонула.

Видитъ мужикъ, что жена утонула,—взялъ багоръ и пошелъ жену искать *сверху по рѣкѣ*. Встрѣчаются люди—спрашиваютъ:

— „Что дѣлаешь?“

— „Жену ищу: утонула недавно“.

— „Гдѣ утонула?“

— „На кладкѣ стояла: кладка переломилась, а жена въ воду упала“.

— „Да зачѣмъ же ты ищешь ее здѣсь? Тебѣ нужно искать внизъ по теченію, а ты *противъ* теченія“.

— „Эхъ, да вѣдь она у меня „противная“ была,—все *напротивъ* дѣлала: навѣрно, она *сверху* поплыла“.

2. Про коня-молодца *).

Жили старикъ со старухой; у нихъ былъ сыночекъ. Старикъ повелъ сына отдать кому-нибудь въ ученье. Шель-шель—присталъ и сѣлъ подъ кустикъ отдохнуть; отсюда ни возьмись колдунъ, и говорить стариву:

— „Отдай мнѣ своего сына,—я буду учить его; отдай на три года и каждый годъ приходи сюда: узнаешь своего сына—будетъ твой, а не узнаешь—будетъ мой“.

Старикъ согласился. Колдунъ взялъ мальчика за руку и повелъ его, а старикъ за ними пошелъ. Тутъ колдунъ говорить мальчику:

„Пойди—отца проводи, да скорѣе сюда воротись“.

Мальчикъ пошелъ отца проводить и говорить ему:

— „Когда чрезъ годъ ты придешь меня узнавать, то мы будемъ *голубями*: насъ будетъ *двѣнадцать* голубей, и я своего товарища *ущипну*“.

Отецъ ушелъ, а колдунъ провалился съ мальчикомъ подъ землю. Чрезъ годъ приходитъ отецъ и видитъ: сидятъ на лу-гу двѣнадцать голубей. Сынъ стариковъ ущипнулъ товарища; старикъ и говорить колдуну:

*) У Аванасьева приведено *пять* сказокъ на подобную тему, подъ заглавіемъ: „*Хитрая наука*“. Нашъ вариантъ такъ же, какъ и сказки Аванасьева, вполне удержалъ основную идею языческаго вѣрованія въ чудесное искусство превращеній въ птицъ, звѣрей и т. п., а также вполне выразилъ юридическій обычай, состоящій въ томъ, что продавецъ долженъ, вмѣстѣ съ животнымъ, передать покупщику и ту веревку или узду, на которой оно приведено на базаръ, въ знакъ дѣйствительной и окончательной продажи.—„Народныя русскія сказки“. Кн. II. стр. 463—485; кн. IV. стр. 329—332.

Подобная же сказка, подъ заглавіемъ: „*Про коня-сапожника*“, помѣщена въ предстоящемъ выпускѣ „Сборника мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа“. Вып. VI. Отд. II. стр. 197—200.

— „Вотъ мой сынъ!“

Колдунъ велѣлъ ему опять чрезъ годъ прийти. Сынъ пошелъ отца провожать и говорить:

— „Когда ты придешь, мы всё будемъ на озерѣ *утями* сидѣть: я *встрепенусь*—ты и узнаешь меня“.

Чрезъ годъ приходитъ старикъ: видитъ—громадное озеро, и сидятъ *двѣнадцать утей*. Сынъ его встрепенулся; старикъ и говорить колдуну:

— „Вотъ мой сынъ!“

Колдунъ привазываетъ, чтобы онъ пришелъ чрезъ годъ. Сынъ пошелъ провожать отца и говорить:

— „Когда ты чрезъ годъ придешь, мы будемъ *одномастными* жеребцами стоять; я *лягну* товарища, ты и узнаешь меня“.

Приходитъ старикъ чрезъ годъ. Колдунъ выводитъ *двѣнадцать* одномастныхъ жеребцовъ; одинъ изъ нихъ лягнулъ товарища; старикъ и говорить:

— „Вотъ мой сынъ!“

Колдунъ отдалъ сына старику; старикъ повелъ его домой. Дома сынъ сдѣлалъ недоуздокъ и говорить отцу:

— „Я обернусь жеребцомъ; ты надѣнь на меня недоуздокъ и иди въ городъ меня продавать,—только *съ недоуздомъ не отдавай*, а то больше не увидѣть меня“.

Сынъ *обернулся конемъ*; отецъ надѣлъ на него недоуздокъ и повелъ продавать; пришли,—бушцы даютъ 300 руб., а отецъ просить 400; наконецъ, поладили—отецъ получилъ деньги, снялъ недоуздокъ и пошелъ домой. Купецъ, который купилъ коня, осѣдлалъ его, сѣлъ, проѣхалъ шагомъ—хорошо идетъ; поѣхалъ рысью—хорошо; ударилъ его—хотѣлъ проскакать,—глядь, сидитъ на одномъ сѣдлѣ на землѣ: уздечка въ рукахъ, а лошади нѣтъ; а сынъ стариковъ *обернулся воробьемъ*, прилетѣлъ къ отцу и опять обернулся лошадю.

Отецъ надѣлъ на него недоуздокъ и повелъ продавать; при-

шли, — кушцы даютъ 500 руб.; продалъ старикъ жеребца. Сѣлъ вупецъ на лошадь, проѣхалъ шагомъ — хорошо; проѣхалъ рысью — хорошо, хотѣлъ проскакать, — глядь, сидитъ на одномъ сѣдлѣ: уздечка въ рукахъ, а коня нѣтъ; конь же обернулся *въ голубя* и улетѣлъ къ старику; здѣсь опять обернулся конемъ, да такимъ, что любо посмотреть. И говорить онъ старику:

— „Веди меня продавать, да когда продашь — не забудь уздечку снять“.

Отецъ повелъ сына; какъ разъ подходитъ къ нимъ тотъ колдунъ, у котораго жилъ сынъ старика; узналъ онъ своего ученика, подошелъ къ старику и даетъ ему 1000 руб. Старикъ продалъ жеребца, да съ радостей, что много денегъ дали, забылъ недоуздохъ снять. Старикъ ушелъ, а колдунъ сѣлъ на коня, взялся за недоуздохъ и ну — скакать: скакалъ, скакалъ колдунъ — конь весь въ мылѣ; тутъ онъ поѣхалъ домой, завелъ коня въ конюшню и привѣсилъ его къ матицѣ вверхъ ногами, а самъ ушелъ. Жена колдуна вышла, заходить въ конюшню — видитъ: лошадь виситъ; она сама себѣ и говорить:

— „Вотъ умоталъ лошадь! Гдѣ бы покормить, а онъ повѣсилъ ее!“ Она отвязала лошадь, а эта обернулась въ голубя и улетѣла.

Пришелъ колдунъ, заходить въ конюшню, а коня уже нѣтъ, — поругалъ жену и пошелъ искать его. Голубь же леталъ-леталъ, да упалъ у колодца и *сдѣлался перстнемъ*.

Пришла къ колодцу одна красивая дѣвушка, подняла перстень, надѣла на руку, почерпнула воды и пошла домой; дома перстенокъ и говорить ей:

— „Когда на дворъ придетъ пѣтухъ, тыними меня, ударь о-земь, — я *разсыплюсь пшеномъ*, а ты на одно зернышко наступи ногою“.

Приходитъ на дворъ пѣтухъ; дѣвушка ударила о-земь кольцо, — оно рассыпалось пшеномъ, а дѣвушка наступила на одно зернышко; только пѣтухъ началъ пшено клевать, какъ изъ-

подъ ноги дѣвушки вылетить *ястребъ*: онъ и убилъ пѣтуха, а пѣтухъ-то колдунъ былъ; ястребъ же обернулся *добрымъ молодымъ*, женился на дѣвушкѣ, и вотъ они живутъ себѣ—поживаютъ, да добро наживаютъ.

3. Несчастный садъ *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ одинъ царь; у него было три дочери. У этого царя былъ „несчастный“ садъ:—кто входилъ или вѣзжалъ въ него, сію же минуту поднималась сильная буря и попавшаго въ садъ уносила, неизвѣстно—куда. Прежде было много охотниковъ ходить въ этотъ садъ, а потомъ, когда ни одинъ изъ ходившихъ туда не возвращался, о садѣ и вспоминать боялись.

Когда у царя выросли дочери—стали невѣстами, старшая дочь просить у отца позволенія поѣхать въ садъ. Царь и царица и просили, и плакали, чтобы она не ѣздила въ садъ, но не соглашается дочь—говорить: „хоть и не пустите, все равно умру“. Тутъ царь приказалъ ей одѣться въ самую лучшую одежду, посмотрѣли на нее въ послѣдній разъ и отправили въ садъ. Только царица вѣхала въ садъ, какъ поднялась буря и унесла ее.

Царь съ царицей поплакали-поплакали, —искать негдѣ; стали ужь понемногу и забывать дочь, какъ чрезъ годъ про-

*) Содержаніемъ данной сказки вызывается другое заглавіе; настоящее же заглавіе относится только до точки отправленія разсказа, до его завязки.—Настоящей сказкѣ соответствуютъ у Аванасьева сказки подъ заглавіемъ: „*Три царства—мѣдное, серебряное и золотое*“. Изъ трехъ вариантовъ, помѣщенныхъ въ I кн. „Народныхъ русскихъ сказокъ“ ближе къ данной сказкѣ—второй, подъ литерой *б*; существенная же разница между ними—въ томъ, что Ивану-царевичу, по послѣднему варианту, приходится подниматься на горы, а по нашему варианту—спускаться въ подземное царство. Въ этомъ отношеніи настоящая сказка сходствуетъ съ вариантомъ, подъ литерой *а*; соответственно этому и выбирается Иванъ-царевичъ на Русь: его выносить орелъ, какъ здѣсь Грифъ-птица. Со всѣми тремя вариантами наша сказка имѣетъ нѣкоторыя общія подробности въ обстановкѣ или въ средствахъ, или въ обстоятельствахъ, при которыхъ Иванъ-царевичъ достигаетъ цѣли. Кн. I. 264—289; сравн. сказку: „Норка-звѣрь, I. 298—299. Кн. IV. 87—97. *Ред.*

ситъ отца вторая дочь, чтобы онъ ее отпустилъ въ садъ. Царь и царица стали говорить, что и сестра ея пропала въ саду; но дочь плакала—просила до тѣхъ поръ, пока ея не отпустили. Одѣли ее въ самую лучшую одежду, посадили въ золотую *карету* и отправили въ садъ. Какъ доѣхала она до середины сада, поднялась сильная буря и унесла ее.

Черезъ годъ третья дочь плачетъ—проситъ, чтобы ее отпустили посмотрѣть садъ и попытать счастья: можетъ быть, она и останется. Царь съ царицей не соглашаются ее отпустить—говорятъ, что и такъ двѣ дочери пропали, а если и она пропадетъ, то имъ ужъ не будетъ никакого утѣшенія въ жизни. Но дочь говоритъ: „если меня не отпустите, то я съ горя умру“.

Царь собралъ всѣхъ своихъ *сенаторовъ* на совѣтъ. Тѣ придумали сдѣлать желѣзную кровать, положить на нее царевну, приковать ее къ кровати и покрыть пологомъ желѣзнымъ,—только оставить отверстие для дыханія, а поставить это въ саду, въ комнатѣ, съ *двѣнадцатью* желѣзными дверями, и замкнуть каждую дверь *двѣнадцатью* желѣзными замками. Такъ и сдѣлали: отвезли царевну въ садъ и заперли.

Ночью поднялся сильный вихрь: прилетѣлъ змѣй о *двѣнадцати* головахъ, выбилъ всѣ двери, подхватилъ царевну вмѣстѣ съ кроватью, поднялся на воздухъ и полетѣлъ; но кровать была тяжелая, и змѣй очень высоко подняться не могъ,—кровать касалась верхушекъ высокихъ деревьевъ, и всѣ верхушки поломала.

Царь и царица послѣ исчезновенія третьей дочери чуть, было, не ослѣпли отъ слезъ: такъ они плакали.

Недалеко отъ этого царства было другое, и у царя того царства былъ сынъ, Иванъ-царевичъ. Услышалъ онъ о пропажѣ царскихъ дочерей и захотѣлъ отыскать ихъ; надѣлъ онъ плохонькую одежду и пошелъ въ сосѣднее царство. Прибылъ онъ въ городъ, гдѣ жилъ царь. Здѣсь онъ зашелъ на дворъ къ

самой бѣдной старухѣ, подошелъ къ окну и говорить: „пусти, бабушка, переночевать“; онъ назвался портнымъ.

Старуха пустила царевича, собрала ужинать и за ужиномъ разговорилась съ гостемъ о томъ—о семь и о пропажѣ царскихъ дочерей. Иванъ-царевичъ и говорить ей: „ты, бабушка, сходи къ царю и скажи ему, что я берусь отыскать его дочерей“. Старуха, поужинавъ, легла спать, но ей не до сна: ждетъ—не дожидется утра, чтобы пойти къ царю и сказать, что нашелся человекъ, который берется отыскать его дочерей; думаетъ, конечно, старуха, что царь наградитъ ее за извѣстіе. Рано утромъ старуха побѣжала къ царю съ извѣстіемъ. Царь обрадовался и тотчасъ поѣхалъ со старухой къ ней домой за мнимымъ портнымъ; царь увезъ его во дворецъ.

— „Правда ли, что ты, берешься отыскать моихъ дочерей?“ Иванъ-царевичъ подтвердилъ, что правда.

— „Что нужно—бери все, только отыщи моихъ дочерей“, приказываетъ царь.

Иванъ-царевичъ потребовалъ, чтобы дали ему *трехъ молодыхъ* генераловъ въ помощники, *подзорную трубу* и провіанта на *три* года, для четырехъ человекъ. Царь исполнилъ это требованіе, и Иванъ-царевичъ со своими помощниками пошелъ въ путь-дорогу.

Какъ шли они мимо „несчастнаго“ сада, Иванъ-царевичъ замѣтилъ въ подворную трубу, что верхушки у деревьевъ поломаны. Вотъ онъ со спутниками и отправился по тому направлению, какъ были сломаны верхушки. Шли они въ томъ же направленіи два съ половиною года и, наконецъ, пришли къ проходу въ подземное царство; остановились они недалеко отъ отверстія. Иванъ-царевичъ и говорить: „насъ четверо, и мы должны сегодня ночь не спать, а по-очереди караулить проходъ; я буду послѣдній стоять на часахъ“. Поставилъ онъ часовымъ одного генерала, а самъ съ двумя ушелъ играть въ карты,—играетъ и думаетъ, какъ бы часовой не заснулъ,—бро-

силъ онъ карты, смѣнилъ часового, приказалъ генераламъ играть въ карты, а самъ стоялъ всю ночь на часахъ за всѣхъ. Въ самую полночь онъ увидѣлъ, что вылетѣлъ изъ прохода, сначала, змѣй о двѣнадцать головахъ, потомъ о девяти и о шести. Утромъ онъ подошелъ къ товарищамъ и видитъ, что они сидятъ и все въ карты играютъ; онъ и говоритъ имъ:

— „Вы дремали за картами, — ничего во снѣ не видѣли?“

— „Ничего“, отвѣчаютъ ему.

— „А я, говорилъ онъ, какъ начну дремать, такъ мнѣ все работа снится“. Тѣ его спрашиваютъ: „какая же работа?“ Онъ имъ и говоритъ: „а вотъ закусимъ, выпьемъ хорошенъко и пойдемъ въ лѣсъ лыво драгъ, да канатъ вить“. Такъ и сдѣлали.

Лыво драли, драли они цѣлый мѣсяцъ; затѣмъ навили изъ него веревокъ и свили изъ нихъ канатъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ своимъ помощникамъ: „несите канатъ къ проходу въ подземное царство“. Тѣ взялись, было, за канатъ, но не могли его поднять. Тогда Иванъ-царевичъ самъ поднялъ канатъ, донесъ его къ проходу и одинъ его конецъ привязалъ къ себѣ у пояса и говоритъ генераламъ: „повлянитесь ждать меня здѣсь 6 мѣсяцевъ; если я за это время не вернусь, то можете итти къ царю и сказать, что я пропалъ, а если чрезъ 6 мѣсяцевъ я дерну канатъ, тогда тащите: значить, я выручилъ царскихъ дочерей“. Генералы *стѣли по горсти земли* и повлялись ему ждать его 6 мѣсяцевъ, а потомъ, въ случаѣ его смерти, итти къ царю и сказать ему, что нужно. Ивана-царевича опустили въ проходъ.

Вотъ и пошелъ Иванъ-царевичъ искать царскихъ дочерей по подземному царству. Заходитъ онъ въ одну землю и видитъ: сидятъ тамъ въ одномъ городѣ все портные и шьютъ. Спрашиваютъ они Ивана-царевича: „что онъ, — по волѣ или по неволѣ въ нимъ попалъ?“ Иванъ-царевичъ говоритъ: „не всѣ ходятъ по неволѣ, — заходятъ и по волѣ“. Они стали сожалѣть,

что онъ зашелъ въ подземное царство, — потому-что изъ него никто не выходилъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ: „а можетъ быть, я выйду и другихъ выведу“; потомъ спросилъ ихъ, не знаютъ ли они, гдѣ находятся царскія дочери. Портные рассказали ему, что царскія дочери унесены змѣями, и что каждая живетъ въ своемъ дворцѣ; затѣмъ дали ему *клубокъ* нитокъ, велѣли бросить клубокъ впереди себя: куда клубокъ поватится, туда ему итти. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ.

Долго клубокъ катился и, наконецъ, остановился у одного дворца. Дворецъ былъ очень красивый: такого Иванъ-царевичъ не видѣлъ на землѣ. Взошелъ онъ на крыльцо, а на крыльцѣ стоитъ красивая женщина — умывается: это была царевна, старшая дочь того царя. Увидѣла она Ивана-царевича и спрашиваетъ: „зачѣмъ ты пришелъ сюда, добрый молодецъ? видно, тебѣ жизнь надоѣла? какъ ты сюда попалъ: по волѣ или по неволѣ?“ Иванъ-царевичъ отвѣчаетъ ей: „не все ходятъ сюда по неволѣ, — приходятъ и по волѣ — другихъ выручать изъ неволи“. Она спрашиваетъ у него: „кого же ты пришелъ выручать?“ Онъ рассказалъ ей, отъ кого, какъ и зачѣмъ онъ попалъ сюда, — только промолчалъ о себѣ, кто онъ. Обрадовалась царевна и говоритъ ему: „жаль мнѣ тебя, добрый молодецъ, — какъ бы тебя не разорвалъ мой мужъ — шестиглавый змѣй; но дѣлать нечего, заходи въ комнату — я тебя спрячу“.

Иванъ-царевичъ зашелъ въ комнату, а въ комнатѣ, у правой и у лѣвой стѣны, въ углахъ стоитъ по кадушѣ воды: у правой — *сильная* вода, а у лѣвой — *безсильная*. Иванъ-царевичъ спрашиваетъ у царской дочери: „что это за вода въ кадушкахъ?“ Она объяснила ему. Тогда онъ подошелъ къ кадушѣ съ сильной водой, взялъ *корецъ*, почерпнулъ воды, выпилъ и почувствовалъ въ себѣ силу; потомъ кадушку съ сильной водой поставилъ на мѣсто безсильной, а кадушку съ безсильной на мѣсто сильной. Тутъ онъ спрашиваетъ у цар-

своей дочери: „гдѣ лежитъ *мечъ-кладенецъ*?“ Она подала ему мечъ и посадила его за печь.

Только Иванъ-царевичъ усѣлся за печью, какъ поднялась сильная буря, поднялся громъ, пошелъ дождь: это—прилетѣлъ шестиглавый змѣй, ударился о косякъ и сталъ человѣкомъ.

— „Что это русскимъ духомъ мертвить?“ спрашиваетъ онъ у жены; а она ему отвѣчаетъ: „это—ты все по свѣту гулялъ и набрался русскаго духу,—мнѣ и то слышенъ запахъ“.

Мужъ-змѣй кинулся въ правый уголъ, напился воды, потерялъ силу и легъ на кровать. Иванъ-царевичъ вылѣзъ изъ за печи и бросился къ нему, а на кровати ужъ не человѣкъ, а шестиглавый змѣй лежитъ; Иванъ-царевичъ размахнулся и сразу отрубилъ ему всѣ шесть головъ. Такъ одна царевна была спасена отъ змѣя. Теперь спрашиваетъ Иванъ-царевичъ у нея: „гдѣ твоя вторая сестра?“ Она подала ему клубокъ нитокъ и говоритъ: „брось его впереди себя—куда онъ прикатится, тамъ и сестра моя“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается... Дошелъ, наконецъ, Иванъ-царевичъ до одного дворца: клубокъ остановился. Дворецъ этотъ былъ еще лучше прежняго. Зашелъ Иванъ-царевичъ на дворъ и видитъ, что на балконѣ стоитъ красивая женщина—умывается. Онъ взошелъ на крыльцо; она увидѣла его и спрашиваетъ:

— „Ты какъ сюда попалъ, добрый молодецъ,—по волѣ или по неволѣ?“

— „Не всѣ сюда попадаютъ по неволѣ,—ходятъ и по волѣ—другихъ выручать изъ неволи: я пришелъ выручить тебя,“ онъ ей въ отвѣтъ. Обрадовалась царевна и вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась и говоритъ Ивану-царевичу:

— „Жаль мнѣ тебя, добрый молодецъ,—прилетитъ мой мужъ, девятиглавый змѣй,—разорветъ онъ тебя.“

— „Не бойся“, говоритъ Иванъ-царевичъ: „я твою сестру ужъ выручилъ“.

Царевна повела его въ комнату. Здѣсь, какъ и у первой царевны, Иванъ-царевичъ напился сильной воды и переставилъ кадушки; а царевна дала ему мечъ-кладенецъ и спрятала его за печь. Только онъ сѣлъ туда, какъ прилетаетъ змѣй, ударился о косякъ, сталъ человѣкомъ и говорить: „что это русскимъ духомъ мертвить?“ Царевна отвѣчаетъ ему: „это—ты все рыскалъ по бѣлу свѣту, набрался русскаго духу, и мнѣ даже слышно“. Мужъ царевны тогда напился въ правомъ углу безсильной воды, совсѣмъ потерялъ силу и легъ на кровать. Иванъ-царевичъ кинулся къ нему, а ужъ вмѣсто человѣка лежитъ змѣй; но онъ сразу отрубилъ ему всѣ девять головъ. Такъ спасъ Иванъ-царевичъ отъ змѣя и вторую сестру. Тутъ онъ спрашиваетъ:

— „Какъ я могу найти и младшую вашу сестру?“ И эта царевна, какъ и старшая, дала Ивану-царевичу клубокъ нитокъ.

— „Куда онъ приватится—тамъ и есть наша младшая сестра“, сказала она: „да только врядъ ли ты, добрый молодецъ, освободишь ее: у ней мужъ—о двѣнадцати головахъ змѣй, и *свекоръ* тоже о двѣнадцати головахъ, слѣпой; свекоръ-то закованъ сыномъ въ подвалѣ за двѣнадцатую желѣзными дверьми, на двѣнадцати желѣзныхъ замкахъ.“ Иванъ-царевичъ говоритъ ей:

— „А можетъ, и выручу; ты ожидай меня: я и первой сестрѣ свазаль—какъ выручу третью, найду за ней и за тобой и выведу васъ на бѣлый свѣтъ“. Взялъ Иванъ-царевичъ клубокъ, кинулъ его впереди себя и пошелъ.

Клубокъ долго катился и, наконецъ, остановился предъ *хрустальнымъ* дворцомъ. Дворецъ до того былъ красивъ, что Иванъ-царевичъ чуть, было, не ослѣпъ. Зашелъ онъ на дворъ и видитъ, что на балконѣ стоитъ красавица, какихъ онъ и не видывалъ еще; онъ взомель на крыльцо; она стояла—умывалась. Увидѣла она его и спрашиваетъ:

— „Ты зачѣмъ сюда пришелъ, добрый молодецъ: по волѣ или по неволѣ?“ Иванъ-царевичъ говоритъ ей:

— „Не всё здѣсь по неволѣ,—ходятъ сюда и по волѣ — другихъ выручать изъ неволи; я пришелъ тебя выручить“.

Она заплакала и говоритъ:

— „Напрасно ты пришелъ,—меня выручить трудно: мужъ мой—змѣй о двѣнадцати головахъ, да и свекоръ таковой.“

Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— „Ничего,—можетъ быть, и выручу“.

Въ комнатѣ Иванъ-царевичъ напился сильной воды и переставилъ кадучки съ водою, а царевна дала ему мечъ-кладенецъ и спратала за печь. Вдругъ поднялась сильная буря: прилетѣлъ змѣй, ударился о косякъ, сталъ человѣкомъ и говоритъ: „что это у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?“ Царевна отвѣчаетъ ему: „это—ты леталъ по свѣту да набрался русскаго духу,—я и то слышу“. Онъ винулся къ кадучкѣ съ безсильной водою, напился, потерялъ всю силу и говоритъ: „какъ я усталъ“, и легъ на кровать. Иванъ-царевичъ вылѣзъ изъ-за печи и, бросился къ нему, а онъ ужъ сталъ змѣемъ. Иванъ-царевичъ размахнулся, ударилъ мечомъ и отрубилъ девять головъ: змѣй началъ такъ сильно рычать и биться, что его отецъ услышалъ громъ и стукъ, рванулся на цѣпяхъ и оборвалъ ихъ шесть. Иванъ-царевичъ и говоритъ царевнѣ: „бѣги къ свекору скорѣе;—если онъ спроситъ, что это за шумъ, ты скажи, что поднялась сильная буря, выворотила съ корнемъ большой дубъ, который стоялъ у окна: этотъ дубъ ударилъ-де о дворецъ и побилъ всё стекла; да возьми вилы желѣзныя, горячія; когда свекоръ скажетъ: „подыми мнѣ вилами вѣки—я посмотрю, что дѣлается“, ты и коли вилами въ глаза, а я приду тебѣ помогать“.

Царевна взяла вилы и побѣжала въ подвалъ, а Иванъ-царевичъ отрубилъ змѣю остальные три головы, взялъ мечъ и побѣжалъ въ подвалъ. А змѣй-свекоръ ужъ выбилъ шесть

дверей. Царевна отомкнула первыя двери и вошла, а онъ ее спрашиваетъ: „что это за шумъ?“ Она отвѣчаетъ ему, какъ научилъ Иванъ-царевичъ.

— „Возьми вилы, да подыми мнѣ вѣки—я посмотрю, что дѣлается“, сказалъ ей свекоръ-змѣй; а царевна горячими вилами какъ *ширнетъ* ему въ глаза:—змѣй еще не успѣлъ опомниться, какъ Иванъ-царевичъ прибѣжалъ и убилъ его. Такъ и младшая царевна была спасена.

Теперь надо отправляться въ путь-дорогу. Пошли они, но Ивану-царевичу стало жаль, что такого дворца онъ не увидитъ на землѣ; царевна догадалась, дала ему *шелковой платокъ* и говоритъ: „махни имъ,—я дарю тебѣ этотъ дворецъ“. Иванъ-царевичъ махнулъ платкомъ, и у него въ рукѣ очутилось *золотое яйцо*. Онъ спряталъ платокъ и яйцо, бросилъ впереди себя клубокъ нитокъ и пошелъ съ царевной ко второй сестрѣ.

Закусили они тамъ, взяли запасовъ на дорогу и пошли. А Иванъ-царевичъ жалѣетъ, что больше не увидитъ на землѣ такого дворца. Вторая царская дочь дала ему шелковый платокъ: онъ имъ махнулъ, и у него въ рукѣ очутилось *серебряное яйцо*; завязалъ онъ его въ платокъ и спряталъ въ карманъ. Затѣмъ Иванъ-царевичъ бросилъ клубокъ нитокъ впереди себя и пошелъ съ обѣими царевнами къ ихъ старшей сестрѣ.

Какъ пришли сюда,—закусили, отдохнули, взяли на дорогу запасовъ и отправились въ путь. Ивану-царевичу жаль стало и этого дворца; тогда царевна дала ему шелковый платокъ: онъ тряхнулъ имъ и у него въ рукѣ очутилось *мѣдное яйцо*; спряталъ онъ и это яйцо въ карманъ, и отправились они въ путь-дорогу.

Долго они шли и, наконецъ, добрались до прохода, который вель изъ-подъ земли. Иванъ-царевичъ привязалъ къ канату старшую царевну и дернулъ канатъ; видятъ генералы, что

дернули канатъ, обрадовались и побѣжали тащить; вытащили царскую дочь и говорятъ: „вотъ невѣста!“ Старшій прибавилъ: „это—моя“. Канатъ опустили, и Иванъ-царевичъ привязалъ вторую царевну и дернулъ канатъ: генералы вытащили вторую царевну. Средній генераль и говоритъ: „это—моя невѣста“.

Наконецъ, Иванъ-царевичъ привязалъ третью царевну, взялъ царевну за руку попрощаться и снялъ съ ея руки *перстенъ* именной. Генералы по знаку вытащили и третью царевну; а младшій изъ нихъ сказалъ: „это—моя невѣста“.

Тутъ генералы порѣшили не вытаскивать Ивана-царевича, а сказать царю, что они сами спасли его дочерей, и попросить царя выдать царевенъ замужъ за нихъ, а про *портного* сказать, что онъ пропалъ, и искать имъ царевенъ не помогать. Пока они совѣтъ держали, времени прошло немало. Почувалъ бѣду Иванъ-царевичъ, сѣлъ на камень и думаетъ себѣ: „эхъ, какъ я глупъ! Мнѣ бы нужно привязать себя *первымъ*: вытащили бы меня, а я ужъ царевенъ бы вытащилъ; это они оттого долго не вытаскиваютъ меня, что совѣтуются, вѣрно, погубить меня.“

Догадался, оказалось, Иванъ-царевичъ: онъ привязалъ къ канату камень; генералы видятъ, что канатъ дернули, а потому потащили, но дотащили до середины и разомъ опустили: камень ударился о-земь и разбился въ дребезги.

Генералы думали, что Иванъ-царевичъ погибъ теперь. Вотъ они и направились съ царевнами домой къ царю; прибыли и сказали, что они выручили его дочерей. Двѣ старшихъ дочери держали сторону генераловъ—своихъ жениховъ, а младшая не согласилась идти замужъ за третьяго генерала: она *любила Ивана-царевича*; она и отцу говорила, что ихъ спасъ портной, котораго генералы бросили въ подземелье. Царь, конечно, не повѣрилъ ей одной противъ пятирехъ; но все-таки отложилъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока младшая дочь не согласится выйти замужъ за третьяго генерала.

Иванъ-царевичъ, когда камень разлетѣлся въ дребезги, ударяя о-земь, сказалъ себѣ: „вѣрно, судьба мнѣ здѣсь пропадать!“ Надѣлъ онъ на плечо ружье и пошелъ свитаться по подземелью. Свѣтился онъ не день и не два, не мѣсяць и не шесть, а *ровно* два года съ половиной. Весь онъ оборвался: отъ верхней одежи у него только и осталось, что воротникъ, да одна пола. Кормился онъ травой да землей, а стрѣлять боялся *въ чужой* землѣ.

Разъ былъ Иванъ-царевичъ въ лѣсу. Шелъ сильный дождь, и вѣтеръ былъ до того холодный, а дождь крупный и сильный, что Иванъ-царевичъ думалъ, что или дождь забьетъ его, или онъ отъ холода замерзнетъ. Сидитъ онъ подъ деревомъ и видитъ, что недалеко отъ него на высовомъ деревѣ громадное *гнездо*. Онъ и говоритъ себѣ: „влѣзу я на дерево, сяду въ гнездо,—можетъ быть, тамъ теплѣе.“ Влѣзъ онъ на дерево и сѣлъ, было, въ гнездо, а въ гнездѣ *три птенца* Грифъ-птицы, да такъ они жалобно пищать, что у Ивана-царевича слезы выступили изъ глазъ. Онъ своей послѣдней полой накрывъ птенцовъ и обогрѣлъ ихъ. Когда пересталъ дождь, онъ слѣзъ съ дерева и сѣлъ подъ то, гдѣ сидѣлъ раньше. Вдругъ, видитъ онъ, летитъ громадная птица; испугался Иванъ-царевичъ, прижался къ дереву и сидитъ. Птица и спрашиваетъ у дѣтей:

— „Какъ вы, дѣточки, спаслись отъ дождя, да холода? Вы сами не могли этого сдѣлать,—скажите мнѣ: кто васъ спасъ?“ Они и говорятъ:

— „Мы бы сказали, да боимся, какъ бы ты не съѣла нашего спасителя.“ Грифъ-птица говоритъ имъ:

— „Глупыя вы, дѣти,—я буду благодарна цѣлый вѣкъ тому, кто васъ спасъ.“

Тутъ дѣти указали на Ивана-царевича. Грифъ-птица полетѣла къ нему и спрашиваетъ:

— „Какъ ты попалъ сюда, добрый молодецъ,—по волѣ или по неволѣ?“ Онъ и говоритъ:

— „Сначала—по волѣ; а теперь сижу по неволѣ“, и рассказалъ ей, какъ онъ выручилъ царскихъ дочерей, и какъ его бросили генералы. Грифъ-птица и говоритъ:

— „Хочешь—я тебя вынесу на бѣлый свѣтъ?“ Иванъ-царевичъ обрадовался:

— „Какъ не хотѣть!“

— „Ну, добрый молодецъ, ты долженъ заготовить мнѣ *провіанту*; у тебя, я вижу, есть ружье: набей ты дичи 12 бочекъ и налей воды 12 бочекъ и связывай бочку съ бочкой; воду повѣсь на меня съ правой стороны, бочки съ дичью съ лѣвой стороны: какъ я глянущу налѣво, ты отрѣжь кусокъ мяса и бросай мнѣ, а глянущу направо—воды корцемъ плесни въ ротъ, да такъ рассчитывай бросать мясо, чтобы до мѣста хватало, а то я тебя проглочу.“

Иванъ-царевичъ набилъ дичи 12 бочекъ, налилъ воды столько же бочекъ, связалъ бочку съ бочкой, нагрузилъ ихъ на Грифъ-птицу, взялъ ножъ и корецъ въ руки, сѣлъ самъ на птицу, и они полетѣли. Какъ глянетъ птица направо, онъ воды ей плеснетъ; глянетъ налѣво—кусокъ мяса броситъ.

Летѣли они *три* мѣсяца, а свѣта все еще не видать. Наконецъ, свѣтъ *завиднѣлся* далеко-далеко, какъ звѣздочка, а мяса ужъ мало осталось. Грифъ-птица и говоритъ Ивану-царевичу: „бросай мнѣ мяса по фунту, а то еще далеко до мѣста.“ Иванъ-царевичъ сталъ бросать по фунту, потомъ, по приказанію птицы, по полуфунту, по четверти и по восьмой, а свѣта все еще нѣтъ.

Вотъ и мясо кончилось! Что дѣлать? Иванъ-царевичъ *отрѣзалъ* у себя съ ноги *икру* и бросилъ Грифъ-птицѣ, потомъ отрѣзалъ и другую икру: она проглотила, вылетѣла на свѣтъ и опустилась на землю. Иванъ-царевичъ слѣзъ; она его спрашиваетъ: „что это за мясо было, что ты бросалъ въ послѣдніе разы? Очень ужъ вкусно!“ Иванъ-царевичъ сказалъ, что онъ, лишь бы вылетѣть на свѣтъ, отрѣзалъ икры на но-

гахъ. Грифъ-птица велѣла ему лечь на-земь, а сама *отхарила икры* и приложила ихъ къ ногамъ Ивана-царевича: онѣ мигомъ *приросли*.

Иванъ-царевичъ всталъ, поблагодарилъ Грифъ-птицу за спасеніе свое и спросилъ, какъ ему попасть въ царство къ тому царю, у котораго онъ спасъ дочерей. Грифъ-птица и говоритъ: „иди *кругомъ*,—хотя пройдешь больше, за то живъ будешь; а *прямой* дорогой пойдешь—никогда не дойдешь.“

Иванъ-царевичъ направился въ путь. Долго онъ шелъ; но, наконецъ, пришелъ въ тотъ городъ, гдѣ жилъ царь съ спасенными дочерьми. Иванъ-царевичъ зашелъ опять къ той старушкѣ, гдѣ въ первый разъ ночевалъ, и просится ночевать. Старушка впустила его въ хату, поставила на столъ, что было, и сѣли они ужинать. Она не узнала Ивана-царевича: сильно онъ оборвался и похудѣлъ. Разговорились они со старушкой; Иванъ-царевичъ и спрашиваетъ:

— „Что новаго въ ихъ царствѣ?“ Старушка говоритъ:

— „Пропали было, у нашего царя три дочери въ „несчастномъ“ саду; прошло немало времени, какъ выискался одинъ человекъ отыскать ихъ: царь далъ ему трехъ генераловъ въ помощники. Пошли они всѣ вмѣстѣ,—только человекъ тотъ пропалъ, а генералы нашли и привезли царскихъ дочерей; теперь они посватали ихъ за себя замужъ: двѣ старшія дочери согласны, а третья—нѣтъ; царь же назначилъ всѣ свадьбы вмѣстѣ, и вотъ онъ все ожидалъ, пока младшая дочь согласится; но она увѣряетъ отца, что ихъ спасъ *тотъ* человекъ, и что генералы бросили его въ подземелье. Царь все-таки настоялъ на своемъ,—принудилъ и младшую дочь итти замужъ, и сегодня у царя „вечерника,“ а завтра будутъ вѣнчать всѣхъ трехъ дочерей.“ Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— „А что, бабушка, можно мнѣ пойти въ царю на вечеринку?“ Она отвѣчаетъ ему:

— „Иди, батюшка,—тамъ много людей, и подарки раздаетъ всѣмъ младшая дочь“.

Иванъ-царевичъ поужиналъ и пошелъ во дворецъ, протѣснился въ балкону и сталъ. Выходить младшая дочь—нести на подносѣ подарки: Иванъ-царевичъ протянулъ, было, лѣвую руку чрезъ перила—хотѣлъ взять себѣ подарокъ, а придворные ударили его по рукѣ. Вышла въ другой разъ царевна съ подарками; но Ивана-царевича такъ же, какъ и въ первый разъ, ударили по рукѣ. Когда вышла она въ третій разъ, Иванъ-царевичъ протянулъ правую руку; а на его рукѣ было царевнино кольцо! Она узнала кольцо, вскрикнула отъ радости: подхватили Ивана-царевича подъ руки, завели въ комнаты; царевна позвала отца и говоритъ ему: „вотъ нашъ спаситель, и кольцо мое у него!“

Царь позвалъ генераловъ, а тѣ стали бѣлѣе снѣгу—испугались сильно. Царь приказалъ привязать генераловъ къ конскимъ хвостамъ и пустить по полю, а младшую дочь отдать замужъ за Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ махнулъ шелховыми платками, и стало три дворца; одинъ онъ отдалъ старшей царевнѣ, другой—второй царевнѣ, а въ третьемъ живетъ самъ съ молодой женой.

4. Незнайко *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ

*) У Аванасьева, подъ такимъ заглавіемъ, помѣщено въ текстѣ двѣ сказки и къ нимъ—точнѣе—къ нѣкоторымъ частямъ ихъ, въ примѣчаніяхъ, нѣсколько вариантовъ. Наша сказка, если сравнить ее съ матеріаломъ у Аванасьева, носитъ, повидимому, *эклетическій* характеръ: дѣло въ томъ, что важнѣйшія, любопытныя черты, разсѣяныя, у Аванасьева, по отдѣльнымъ сказкамъ и вариантамъ къ нимъ, въ нашей сказкѣ стянуты въ одно цѣлое, такъ-что нашъ вариантъ, по сравненію съ матеріаломъ Аванасьева, обильнѣе *разнообразными* подробностями. Интересно, что эллективизмъ не нарушаетъ цѣльности сказки: напротивъ, стройность ея очевидна.

Начало нашего варианта вовсе отлично отъ сказокъ Аванасьева: у Аванасьева дѣло завязывается то въ семьѣ купца, то въ семьѣ крестьянина, а здѣсь—въ

Гиппанскомъ королевствѣ, именно—въ томъ, въ которомъ мы живемъ, въ городѣ *Москва*, спать на голой доскѣ, въ городѣ *Парижъ*—къ семейству поближе,—жилъ невѣрный царь, *Магометанъ Магометановичъ*. У него было 12 женъ; но сколько лѣтъ онъ съ ними ни жилъ, дѣтей у него не было. Сильно его заботила судьба царства: не кому было послѣ его смерти управлять царствомъ! Вотъ онъ созвалъ сенатъ и спрашиваетъ: „что мнѣ дѣлать?“ Сенатъ говорить: „есть у тебя одинъ *старецъ-Пиригимъ*; позови его и спроси у него совѣта“. Царь послалъ за старцемъ-Пиригимомъ и спрашиваетъ у него, какъ быть; старецъ говорить ему: „пошли одного человѣка,—пусть онъ объѣздитъ все твое царство и по вечерамъ слушаетъ у оконъ, что люди говорятъ, тогда и увидимъ, что нужно дѣлать“. Царь послалъ самого старца-Пиригима.

Ѣздилъ старецъ *три года и три мѣсяца*: объѣздитъ все царство, а ничего хорошаго не слышалъ; наконецъ, прѣзжаетъ онъ въ одну бѣдную деревню, остановился около одной хаты, гдѣ жилъ самый бѣдный человѣкъ, у котораго было 12 дочерей. Онѣ были хорошія хозяйки, и у нихъ было такъ заведено, что каждая только своимъ дѣломъ занималась: одна кроить, другая шить, третья вышиваетъ, четвертая въ иглу нитки вдѣваетъ и т. д. Старецъ-Пиригимъ обождалъ, пока стемнѣло, а вечеромъ подошелъ подъ одно окно и слушаетъ, что дѣвицы говорятъ. Когда отецъ ихъ уснулъ, онѣ разговорились о женихахъ. Одна и говорить: „если бы я вышла замужъ, то мужу все бы *рубахи* шила,—тавیا рубахи, что и во всемъ царствѣ нѣтъ“. Другая говорить: „я бы все *ковры* вышивала“; третья говорить: „я бы все *бумаги писала*...“; а самая младшая и говорить: „если я выйду замужъ—12 *сыновьевъ* рожу“.

семь *царской*, у *какого-то* Магометана Магометановича. Къ тому же совѣтникъ у царя, старецъ-Пиригимъ (вм. Пилигимъ), — *новое* лицо для *русской* сказки. Последние элементы отъявляютъ ужъ *восточнымъ* вліаніемъ. См. „Народныя русскія сказки“. Кн. III. 62—86; кн. IV. 391—405. Ред.

Какъ только меньшая дочь сказала, такъ старецъ-Пиригримъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ царю; прїѣзжаетъ и говоритъ: „вздиль я по всему царству и ничего хорошаго не слыхалъ; а вотъ въ одной бѣдной деревнѣ у одного бѣднаго старика есть 12 дочерей, и самая младшая дочь говоритъ, что если она выйдетъ замужь, то мужу 12 сыновьевъ родить: ты, царь, поѣзжай въ эту деревню и женись на меньшей дочери старика“.

Царь собрался въ путь, набралъ разнаго добра, взялъ и старца-Пиригрима. Прїѣхали въ деревню,—время уже въ вечеру клонилося. Подѣхали они къ хатѣ старика и просятъ ночевать, а старикъ отказываетъ—говоритъ, что не можетъ такихъ знатныхъ людей пустить въ свою хижину: „у него-де и ѣсть не чего, и сами-де они спать на голыхъ доскахъ“. Царь говоритъ, что у него все есть свое; тутъ старикъ пустилъ ихъ ночевать. А царь приказалъ своимъ слугамъ прибрать комнату: убрали ее всю коврами, принесли разныхъ напѣтковъ—*напѣтковъ* и сѣли всѣ вмѣстѣ ужинать. За ужиномъ царь сталъ сватать меньшую дочь у старика; старикъ согласился,—сыграли свадьбу и поѣхали домой.

Вотъ живутъ молодые и годъ, и два, и три, а дѣтей нѣтъ и нѣтъ. Магометанъ Магометановичъ и говоритъ: „каже, дорогая моя супруга, обѣщалась ты родить мужу 12 сыновьевъ, а межъ тѣмъ и одного не родила?“ Царица отвѣчаетъ ему: „ты пошли старца-Пиригрима на базарь,—дай ему денегъ, и пусть онъ у *перваго встрѣчнаго* купитъ, что *тотъ* будетъ нести“. Царь далъ денегъ старцу и послалъ его на базарь. Старецъ только пришелъ на базарь, какъ несетъ одинъ старикъ яблоки продавать. Старецъ-Пиригримъ купилъ десятокъ яблокъ и понесъ царю, а царь передалъ царицѣ. Она выбрала одно яблоко, разрѣзала его *пополамъ*,—одну половину сѣбла сама, другую половину дала царю, чтобы онъ сѣблъ. *Оттого* царица зачала и родила сына; его назвали Магометаномъ Магометановичемъ.

Царевичъ растеть не по днямъ, а по часамъ,—выросъ ужъ порядочный мальчижъ. Отдали его *въ школу*. Станеть онъ съ товарищами играть,—тѣ его ударять, какъ кошка лапкой, а онъ ихъ, какъ медвѣдь пятой.

Вздумалъ царь, Магометанъ Магометановичъ, объѣздить все свое царство, а вмѣсто себя оставилъ управлять царствомъ одного молодого генерала. Генераль этотъ началъ *улаживать* за царицей: сталъ онъ ее подъ руку водить, въ одно кресло съ ней садиться и разныя непристойныя рѣчи говорить. Сынъ царя, Магометанъ Магометановичъ, замѣтилъ, что дѣло не ладно, и говоритъ матери: „дорогая родительница, мнѣ очень неприятно, что ты такъ ведешь себя съ генераломъ,—неужели мой отецъ хуже *его*?“ Царица сыну ничего не сказала, а пожаловалась генералу. Генераль и говорить: „давай, изведемъ его! У меня есть одна знакомая колдунья: я сегодня поѣду къ ней и спрошу ея совѣта.“ Царица согласилась.

Въ *это же* время, когда генераль совѣтовался съ царицей, Магометану Магометановичу старыя отцовскія *слухи* говорятъ: „есть у твоего отца *заклятый конь, Черный Вихрь*!“ онъ стоитъ подъ землею тридцать лѣтъ, на 12-ти желѣзныхъ цѣпяхъ, за 12-ю желѣзными дверьми, на 12-ти желѣзныхъ замкахъ.“ Мальчижъ сталъ ходить—провѣдывать воя, Чернаго Вихря.

Генераль пріѣхалъ къ *колдуньѣ*, а она развернула свою гадательную, волшебную книгу, посмотрѣла въ нее и говоритъ: „пусть царица испечетъ *хлѣбъ на змѣиномъ салтѣ* и дасть его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его *разорветъ* на нѣсколько частей.“

Царица испекла такой хлѣбъ. Приходитъ сынъ *изъ училища*; а она говоритъ ему: „дорогой мой сынокъ, ты долго былъ на занятяхъ,—покушай хлѣбца: для тебя испекла.“ А онъ отвѣчаетъ ей: „нѣтъ, дорогая *мамаша*, мнѣ нужно прежде

провѣдать и покормить коня, Чернаго Вихря: я человекъ — захочу ѣсть и самъ спрошу, а онъ, безсловесное животное, будетъ голодный стоять“. Мальчикъ такъ сказалъ потому, что конь, Черный Вихорь, предупреждалъ его, чтобы онъ, какъ домой придетъ, прежде заходилъ къ нему“.

Мальчикъ пошелъ къ коню, а конь *забился по котмнн* въ землю. Магометанъ Магометановичъ спрашиваетъ у него: „что съ тобою, конь, Черный Вихорь? или ты бѣду чуешь?“ Конь говорить: „чую бѣду — только не надъ собою, а надъ тобою!. Будетъ тебя мать угощать хлѣбомъ, на змѣиномъ салѣ, — хлѣбъ ты возьми, поломай, да *собакамъ* побросай при матери и при генералѣ“. Мальчикъ пришелъ, да такъ и сдѣлалъ. Только собаки хлѣбъ съѣли, ихъ и рѣзорвало на нѣсколько частей.

Генералъ на другой день поѣхалъ въ колдунѣ. Она развернула волшебную книгу, посмотрѣла въ нее, дала генералу разныхъ *травъ* и говорить: „пусть царица положить эти травы *въ чайникъ* и напоить сына чаемъ: какъ онъ выпьетъ, такъ и умретъ“. Генералъ передалъ царицѣ совѣтъ колдуньи: царица такъ и сдѣлала. Пришелъ Магометанъ Магометановичъ изъ училища; мать налила стаканъ чаю и говорить: „выпей, дорогой сыночекъ, а то ты, вѣрно, пить хочешь“. Сынъ отвѣтилъ ей: „нѣтъ, дорогая мамаша, я прежде пойду — провѣдаю коня, Чернаго Вихря, а то онъ, безсловесное животное, вѣрно, теперь ѣсть хочетъ“.

Пришелъ царевичъ къ коню, а конь *вбился выше котмнн* въ землю. Магометанъ Магометановичъ спрашиваетъ: „что съ тобою, конь, Черный Вихорь? или ты бѣду чуешь?“ — „Чую я бѣду“, отвѣчаетъ конь: „только не надъ собою, а надъ тобою: будетъ тебя мать угощать чаемъ, — ты не пей, а вертись на стулѣ за столомъ до тѣхъ поръ, пока не уронишь и не разобьешь стакана съ блюдцемъ; начнетъ она тебя ругать, а ты ей и скажи: „неужели у моего родителя не хватитъ капитала стаканъ съ блюдцемъ купить!“ — Магоме-

танъ Магометановичъ пришелъ домой; мать налила ему стаканъ чаю; сълъ онъ за столъ, — вертѣлся-вертѣлся на стулѣ, опрокинулъ стаканъ и разбилъ. Начала его мать ругать, а онъ говорить: „дорогая моя мамаша, неужели у моего отца не хватитъ капитала купить стаканъ съ блюдцемъ!“

На третій день генераль опять поѣхалъ къ волдунѣ. Она развернула свою волшебную книгу, посмотрѣла въ нее и говорить: „вотъ тебѣ *красная рубашка*; пусть царица прикажетъ истопить жарко баню; когда придетъ мальчикъ изъ школы, она должна послать его въ баню мыться и дать ему красную рубашку“. Генераль приѣхалъ — сказалъ царицѣ совѣтъ волдуньи и отдалъ ей красную рубашку. Царица приказала натопить жарко баню, а какъ пришелъ царевичъ изъ училища, она и говорить ему: „дорогой мой сыночекъ, какъ ты *зачернился* въ школѣ! Возьми красную рубашку, пойдѣ — попарься въ банѣ“. А мальчикъ отвѣчаетъ ей: „нѣтъ, дорогая мамаша, я прежде пойду — провѣдаю коня, Чернаго Вихря, а то стоитъ безсловесное животное, можетъ быть, голодное“.

Пришелъ мальчикъ къ коню, а конь вбился *по самое брюхо* въ землю. Спрашиваетъ его мальчикъ: „что съ тобою, конь, Черный Вихорь?“ Конь отвѣчаетъ ему: „чую бѣду надъ тобою, Магометанъ Магометановичъ: пошлетъ тебя мать въ баню париться и дастъ тебѣ красную рубашку, а какъ ты ее надѣнешь, такъ и обратишься въ пепель. . . Но ты возьми-ка желѣзныя вилы — подыми у меня въ правомъ глазу вѣко и смотри: тамъ въ одномъ углу есть красная рубашка, — возьми ее и спрячь въ карманъ, а какъ мать будетъ тебя въ баню посылать, ты заторопись да засуетись — схвати одинъ тазикъ и бѣги въ баню; до бани дойдешь и скажи своему слугѣ: „эхъ, забылъ я дома взять бѣлье, — пойдѣ къ мамашѣ за нимъ“, а самъ вскочи скорѣй въ баню, купайся — не купайся, а, просто, облейся холодной водой, надѣнь мою рубаху и выбѣгай скорѣй изъ бани“.

Магометанъ Магометановичъ пришелъ домой, а мать по-

сылаетъ его въ баню. Онъ взялъ мѣдный тазикъ и одного слугу и пошелъ въ баню, а у самой бани слугѣ и говорить: „иди, вѣрный мой человекъ, къ матери, — возьми у нея бѣлье: я забьлю!“ Слуга вернулся въ домъ, а царевичъ вскочилъ въ баню, облился холодной водой, надѣлъ рубашку, которую получилъ отъ Чернаго Вихря, и вышелъ изъ бани здоровъ и невредимъ.

Генераль и царица, просто, не знаютъ, что и дѣлать съ царевичемъ. Вотъ опять поѣхалъ генераль къ колдунѣ и говорить ей: „если ты не научишь меня, какъ извести царскаго сына, то я тебя злой смерти предамъ!“ Колдунья развернула свою волшебную книгу, смотрѣла-смотрѣла въ нее и говорить генералу: „есть у царя конь *заклятый*, Черный Вихоръ: онъ стоитъ подъ землею, на 12-ти желѣзныхъ цѣпяхъ, подъ 12-ью желѣзными замками, за 12-ью желѣзными дверьми; этотъ конь и спасаетъ мальчика отъ смерти: пока будетъ конь живъ, и мальчика нельзя будетъ извести! Такъ пусть царица, въ день пріѣзда царя, мужа своего—а это будетъ чрезъ два дня—разорветъ свое цвѣтное платье, „кидается“, *лзетъ на стѣны* и кричитъ не своимъ голосомъ: царь пріѣдетъ—позоветъ докторовъ, а тѣ болѣзни не узнаютъ и ничего съ больной не подѣлаютъ; тогда царица пусть положить къ царю голову на плечо и какъ будто заснетъ; а потомъ, какбы проснувшись, пусть скажетъ мужу, что видѣла она во снѣ, будто у него есть закланый конь, Черный Вихоръ, на 12-ти желѣзныхъ цѣпяхъ, за 12-ью желѣзными дверьми, подъ 12-ью желѣзными замками, и будто ей одинъ старецъ сказалъ во снѣ, что выздоровѣетъ она только въ такомъ случаѣ, если этого коня зарѣжутъ, вынуть изъ него *сердце и печень*, изжарятъ то и другое и дадутъ ей *поить*“.

Царица такъ и сдѣлала. Чрезъ два дня, на третій, она морвала на себѣ цвѣтное-дорогое платье, стала метаться и кидаться на стѣны, кричать не своимъ голосомъ. Какъ разъ въ эту пору пріѣзжаетъ царь, заходить въ комнаты и видитъ,

что царица заболѣла,—онъ посылаетъ за докторами. Доктора явились: всякъ свое лѣкарство даетъ, а царица все въ одномъ положеніи. Царь сѣлъ, задумался—не знаетъ, что и дѣлать съ царицей; а царица видалась-видалась, наконецъ, угомонилась, положила голову на плечо къ царю да, будто бы, и уснула. . Съ часъ времени прошло. . Вдругъ она, будто бы, проснулась и говорить царю: „видѣла я во снѣ старца,—онъ мнѣ сказалъ, что у тебя есть залятый конь, Черный Вихорь, и что, если зарѣзать этого коня, вынуть его сердце и печень, изжарить ихъ и накормить ими меня, то я буду здорова“.

Обрадовался царь—приказалъ вывести коня, Чернаго Вихря, на убой. Магометанъ Магометановичъ раньше ужъ успѣлъ спровѣдать своего коня: смотритъ онъ—конь забился *по самую шею* въ землю. Магометанъ Магометановичъ и спрашиваетъ: „что съ тобою, конь мой любимый? или ты бѣду чуешь?“ Черный Вихорь говорить: „чую я бѣду не надъ тобою, а надъ собою: мать твоя притворилась больной; отецъ позвалъ докторовъ,—тѣ не могли ее вылѣчить, а она сказала твоему отцу, будто бы во снѣ старецъ ей сказалъ, что если убить меня, вынуть печень и сердце мое ей на жаркое, то она поправится. . . Много разъ я тебя выручалъ изъ бѣды,—спаси ты теперъ меня, да и тебѣ тогда нечего будетъ бояться злой смерти“. Магометанъ Магометановичъ спрашиваетъ у Чернаго Вихря: „какже я тебя спасу?“ Черный Вихорь отвѣчаетъ ему: „когда приведутъ меня на дворъ, ты упади предъ отцомъ и матерью на колѣни, плачь и проси, чтобы они позволили тебѣ поѣздить на мнѣ, въ первый и послѣдній разъ, не больше полчаса,—они тебѣ позволяютъ“.

Только успѣлъ конь проговорить это, какъ приходятъ за нимъ люди и просятъ царевича итти домой; коня они повели на дворъ. Когда привели коня, мальчикъ упалъ предъ царемъ и царицей на колѣни и говорить: „дорогіе мои родители, позвольте мнѣ, въ первый и послѣдній разъ, поѣздить на конѣ“.

Черномъ Вихрѣ: столько времени я его кормилъ—поилъ, а поѣздить на немъ мнѣ не доведется". Отецъ и мать позволили.

Магометанъ Магометановичъ сѣлъ на коня, а конь ему велѣлъ крѣпче держаться и пошелъ по двору, сперва шагомъ, а потомъ „въ-трусши". Прошло полчаса. Мальчикъ, по приказанію коня, опять упалъ предъ родителями на колѣни и сталъ просить ихъ, чтобы они позволили ему еще минутъ 20 поѣздить на конѣ. Они позволили.

Магометанъ Магометановичъ сѣлъ на коня, а конь началъ свавать и прыгать, выше сажени. Прошло назначенное время—конь говоритъ мальчику: „я пробую твои и свои силы; проси у отца въ послѣдній разъ десять минутъ сроку посказать на мнѣ: какъ онъ позволить, и пройдетъ 10 минутъ, мы подѣдемъ въ крыльцу,—ты и скажи: „прощайте, дорогіе родители“, а тамъ ужъ положишься во всемъ на меня".

Мальчикъ слѣзъ съ коня, сталъ на колѣни и просить отца съ матерью, чтобы позволили ему еще десять минутъ поѣздить на конѣ. Отецъ и мать позволили. Мальчикъ сѣлъ на коня: конь началъ прыгать выше 10 сажень. Прошло десять минутъ,—мальчикъ подѣхалъ въ крыльцу, гдѣ стояли отецъ съ матерью, скинулъ шапку и говоритъ: „прощайте, мои дорогіе родители, навсегда“, а самъ пришпорилъ коня подъ бока и понесся подъ облака.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Летѣли они, близко ли—далеко, а только залетѣли въ тридцатое царство. Конь опустился на землю и говоритъ: „я усталъ,—веди меня за поводъ, и, что тебѣ будетъ встрѣчаться дорогой, бери: тебѣ пригодится". Мальчикъ повелъ коня; идетъ и видитъ: лежать на дорогѣ *порини* съ восьмисаженными оборками,—онъ поднялъ ихъ; идетъ дальше—лежать *портянки*, *восьмиаршинныя*,—онъ поднялъ ихъ. Прошелъ онъ еще немного—лежитъ старый сертучишко и старая фуражка,—онъ и это взялъ.

Конь и говорить царевичу: „теперь я отдохнул, — садись опять на меня“. Магометанъ Магометановичъ сѣлъ, пришпорилъ коня подъ бока и понесся подъ облака. Летѣли-летѣли — прилетѣли въ *Вареоломеевское* царство и опустились въ заповѣдныхъ лугахъ царя Вареоломея. Магометанъ Магометановичъ слѣзъ съ коня, — конь ему и говорить: „теперь ты, Магометанъ Магометановичъ, скидай свое цвѣтное платье, царское, да надѣвай, что нашелъ дорогой; вотъ тебѣ пузырекъ зелья, — иди къ царю Вареоломею въ домъ; царь спитъ въ своей комнатѣ, и окно растворено; ты посыпь въ окно зельемъ, что у тебя въ пузырькѣ, и комната наполнится комарами, а въ этомъ царствѣ комаровъ нѣтъ, — и начнутъ они царя Вареоломея беспокоить: онъ проснется, глянетъ въ окно, а ты стой воулѣ окна, — царь Вареоломей испугается — подумаетъ: „что это за чучело „распялось“ подъ окномъ!“ Станетъ онъ звать своихъ слугъ, а тѣ станутъ бить тебя и спрашивать, но ты одно отвѣчай: „не знаю — такъ и былъ“. Тебя оставитъ царь жить у себя; но ты и послѣ всегда, кто спроситъ тебя, о чемъ бы ни было, хоть бы и самъ царь, говори одно: „не знаю — такъ и былъ“.

Магометанъ Магометановичъ скинулъ свое цвѣтное платье, надѣлъ поршни, обмотался оборками до пояса, надѣлъ сертучишко и фуражку, а свое платье свернулъ и положилъ въ *саквицы* *), привязалъ къ сѣдлу и взялъ у коня пузырекъ съ зельемъ, а конь и говорить ему: „когда я тебѣ буду нуженъ, ты вздохни и скажи: „гдѣ-то мой конь, Черный Вихоръ?“ я и буду сейчасъ *предъ тобой*.“

Магометанъ Магометановичъ попрощался съ конемъ и пошелъ. Пришелъ онъ къ царю Вареоломею на дворъ, поднялся на крыльцо, ходилъ-ходилъ и, наконецъ, нашелъ комнату, гдѣ спалъ царь; тогда царевичъ чрезъ окно посыпалъ зельемъ изъ пузырька, и налетѣла *сила* комаровъ, а самъ онъ, какъ чучело,

*) Сумы холщовыя. *Авт.*

распался подъ окномъ и стоитъ. Царь проснулся, глянулъ въ окно, испугался, сталъ звать слугъ и спрашиваетъ у нихъ: „что это за чучело распалось подъ окномъ?“ Тутъ слуги бросились бить Магометана Магометановича, а онъ молчитъ, какъ вонь велѣлъ. Спрашиваютъ его: „откуда онъ, зачѣмъ пришелъ?“ А онъ одно твердитъ: „не знаю—такъ и былъ“. Такъ отъ него ничего и не добились.

Царь Вареоломей созвалъ сенать и спрашиваетъ: „что дѣлать съ этимъ дуракомъ?“ Сенать три дня и три ночи думалъ и далъ такой отвѣтъ царю: „если бы это былъ умный человѣкъ, то его нужно было бы злой казни предать, а съ дуракомъ нечего дѣлать: пусть онъ живетъ у тебя—помогаетъ на кухнѣ поварамъ“. Царь Вареоломей согласился.

Отвели Магометана Магометановича на кухню... Онъ и дровъ тащить: кому нужно было бы разъ десять сходить, а онъ за-разъ несетъ, и печи затопить; поварамъ было хорошо съ нимъ, и его никто не обижалъ. Однимъ было плохо: царь поздно обѣдалъ, а рабочему человѣку трудно не ѣсть такъ долго. Вотъ разъ Магометанъ Магометановичъ, еще до царскаго обѣда, вытащилъ изъ котла кусокъ говядины и съѣлъ. Повара кинулись, было, его бить, но онъ какъ *магнетъ*, такъ двери и повывлетѣли съ притолками. Повара пошли жаловаться царю; царь разсердился и велѣлъ ему на кухню не ходить, а помогать работать на дворѣ.

Магометанъ Магометановичъ все дѣлалъ и на дворѣ исправно, лучше другого умнаго. Разъ какъ-то не хватило воды; работники и говорятъ ему: „пойди въ конюшню и выведи лошадь; водовозня съ бочонкомъ подъ сараемъ стоитъ, тамъ же лежитъ хомутъ и вся сбруя: запряги лошадь и поѣзжай на рѣчку за водой.“ Магометанъ Магометановичъ вывелъ лошадь, поставилъ ее въ оглобли головой къ водовознѣ, на хвостъ надѣлъ хомутъ, привязалъ за хвостъ вожжи и хочетъ ѣхать. Его начали ругать, а онъ говорить: „не знаю—такъ и было.“

Тогда запрягли ему лошадь, дали вожжи въ руки и приказываютъ ѣхать; онъ вожжи взялъ, отошелъ далеко отъ лошади, какъ будто бы боится, какъбы она его не укусила, и поѣхалъ къ рѣчкѣ. Онъ пріѣхалъ къ самой кручѣ, толкнулъ лошадь съ водовозней съ кручи въ рѣку, спустился и самъ, налилъ бочонокъ воды, вывезъ на себѣ водовозню, схватилъ лошадь за хвостъ, сдернулъ съ нея шкуру, пустилъ ободранную лошадь, а самъ запрягся въ водовозню и повезъ домой. Слуги царскіе стоятъ—смотреть, что онъ дѣлаетъ. Пріѣхалъ Магометанъ Магометановичъ домой,—слуги и спрашиваютъ у него: „гдѣ лошадь? почему ты на себѣ воду привезъ?“ Онъ отвѣчаетъ: „не знаю—такъ и было“. Доложили царю Вареоломею: царь разсердился и отправилъ его на работу въ садъ.

Магометанъ Магометановичъ оказался такимъ хорошимъ садовникомъ, что въ *мартѣ* мѣсяцѣ у него въ саду спѣли фруеты, каждую ночь, по *три штуки* на каждомъ деревѣ, и онъ по утрамъ носилъ царю по три фруета, съ каждаго дерева. Царь былъ очень доволенъ.

Въ это самое время у царя Вареоломея бѣда случилась. Одинъ царь сваталъ у него старшую дочь,—царь Вареоломей не отдалъ, а тотъ объявилъ ему войну, собралъ сильныхъ богатей и 40000 войска. Царь Вареоломей созвалъ сенатъ,—сочли, сколько у него ратныхъ людей:—оказалось только 20000. Царь призадумался: „что ему дѣлать?“—Не ѣсть царь—не пьеть. Сенатъ думалъ-думалъ и тоже не знаетъ, какъ быть.

У царя Вареоломея было 6 дочерей. Младшая дочь все приглядывалась къ Магометану Магометановичу и замѣтила, что онъ не дуракъ, да что и собой онъ очень красивъ; потому она все думала, что онъ за человѣкъ. Когда отецъ и мать не знали, что дѣлать, она говоритъ отцу: „дорогой родитель, спрости совѣта у нашего садовника: мнѣ кажется, что онъ не дуракъ,—все у него выходитъ такъ хорошо“. Отецъ впередъ посмѣялся, а потомъ все-таки приказалъ привести садовника къ себѣ.

Пошли за Магометаномъ Магометановичемъ слуги; принесли ему одежду изъ царской кладовой, но онъ упирается— не хочетъ одѣваться и пошелъ, въ чемъ былъ. Царь и сенатъ спрашиваютъ у него: „что намъ дѣлать?—или придется всѣмъ намъ погибнуть?“ А онъ отвѣчаетъ: „не знаю—такъ и будетъ“. Царь разсердился—приказалъ посадить его въ темницу и велѣлъ собирать войско—итти на войну.

Лежить Магометанъ Магометановичъ въ темницѣ и говорить: „ахъ, гдѣ-то мой конь, Черный Вихорь!“ Только успѣлъ онъ выговорить это, какъ конь возлѣ темницы стоитъ; Магометанъ Магометановичъ толкнулъ плечомъ стѣну, и стѣна отвалилась,—онъ вышелъ изъ темницы, а стѣна опять на свое мѣсто стала. Магометанъ Магометановичъ говоритъ коню, за что его посадили въ темницу, и жалѣетъ царя Вареломея, что его побьетъ непріятель. Черный Вихорь и говоритъ: „не тужи, Магометанъ Магометановичъ! Царь Вареломей выступилъ со своимъ войскомъ, но мы его опередимъ; да вотъ возьми у меня въ сумахъ, у сѣдла, богатырское платье, надѣнь его, садись на меня и поѣдемъ—полетимъ“.

Магометанъ Магометановичъ одѣлся, сѣлъ на своего коня, Чернаго Вихря, прищпорилъ его подъ бока и понесся подъ облака. Прилетѣли они къ непріятелю: войска видимо-невидимо; богатырей тоже много-премного. Магометанъ Магометановичъ разбѣзжаетъ по полю, посматриваетъ на богатырей. Царь видитъ, что пріѣхалъ незнакомый человѣкъ изъ чужой земли, и приказалъ спросить, зачѣмъ онъ пожаловалъ; а Магометанъ Магометановичъ отвѣчаетъ, что онъ явился сюда попробовать силу съ его богатырями.

Вотъ и вышли богатыри—стали съ нимъ драться: онъ ихъ всѣхъ уложилъ, а потомъ началъ бить направо и налево, да такъ, что все войско побилъ. А царь Вареломей ждалъ три дня и три ночи, пока Магометанъ Магометановичъ расправлялся съ непріателемъ. Но вотъ онъ видитъ, что на не-

го не нападаютъ; тутъ онъ поѣхалъ въ непріятелю, а непріятель весь побитый лежитъ, и какой-то богатырь ѣздитъ— считаетъ, сколько онъ народу побилъ. Это былъ Магометанъ Магометановичъ,—только его ни царь Вареоломей и никто изъ его подданныхъ не узналъ. Подѣхалъ царь Вареоломей къ богатырю и спрашиваетъ его, что онъ дѣлаетъ, а Магометанъ Магометановичъ говоритъ, что онъ изъ жалости къ царю Вареоломею разгромилъ его непріятеля и теперь считаетъ убитыхъ.

Царь Вареоломей крѣпко благодарилъ Магометана Магометановича, пригласилъ въ свой лагерь, а тамъ просилъ его, чтобы онъ пожаловалъ къ нему на балъ, который онъ устроить по случаю счастливой побѣды надъ непріателемъ. . . . Магометанъ Магометановичъ выпилъ ставанъ *пунша* и говоритъ: „хорошо, да мало“. Ему подали цѣлый бочонокъ: онъ выпилъ его весь, простился съ царемъ Вареоломеемъ, сѣлъ на своего коня, Чернаго Вихря, прищпорилъ его подъ бока и понесся подъ облака.

Притетѣли они въ Вареоломеево царство и очутились возлѣ темницы. Магометанъ Магометановичъ слѣзъ съ коня, отпустилъ его, самъ зашелъ въ темницу такимъ же манеромъ, какъ вышелъ оттуда; а такъ-какъ онъ очень усталъ и сильно спать хотѣлъ, то онъ забылъ переодѣться и легъ спать въ богатырскомъ убранствѣ. Въ то время, какъ богатырь-царевичъ спалъ крѣпкимъ сномъ въ своей темницѣ, царь Вареоломей вернулся домой, задалъ мѣсячный балъ и пригласилъ всѣхъ богатырей къ себѣ на пиръ: онъ хотѣлъ узнать того богатыря, который спасъ его, чтобы наградить его, какъ слѣдуетъ, по-царски.

Стали сѣзжаться богатыри; уже гуляютъ три дня, и каждый богатырь говоритъ, что онъ дрался съ непріателемъ, но только царь Вареоломей не признаетъ изъ нихъ никого за того богатыря, который спасъ его: онъ хоть и разъ его видѣлъ, да ему онъ очень понравился,—онъ такого красавца не встрѣчалъ никогда.

Царь ужь сталъ горевать, что не ѣдетъ къ нему тотъ богатырь — брезгуетъ его пиромъ. Младшая дочь царя и говорить отцу: „дорогой мой родитель, ужь не садовникъ ли нашъ — тотъ самый богатырь, который дрался съ непріателемъ?“ Царь разсердился на дочь, а потомъ одумался и послалъ въ темницу посмотриѣть, что дѣлаеть его садовникъ-дуракъ. Слуги приходять — докладывають царю, что въ темницѣ дурака-садовника нѣтъ, а спить какой-то красивый богатырь крѣпкимъ сномъ, такъ-что, сколько они его ни будили, разбудить не могли. Царь пошелъ самъ въ темницу — смотреть: лежить *тотъ* самый богатырь, который выручилъ его изъ бѣды.

Вернулся царь домой и приказалъ прекратить пиръ до тѣхъ поръ, пока богатырь не выспится. Магометанъ Магометановичъ проснулся на двѣнадцатая сутки вечеромъ: какъ только онъ проснулся, слуги доложили царю. Пошелъ царь въ темницу и пригласилъ богатыря къ себѣ на пиръ, а пріѣзжіе богатыри надулись на него, — каждый изъ нихъ о себѣ говоритъ, что онъ побѣдилъ непріателя. Магометанъ Магометановичъ крѣпился-крѣпился, — досадно было ему, что они хвалятся не своимъ дѣломъ, и говоритъ онъ царю: „позволь, царь, попробовать силу съ богатырями, — пусть они меня хоть всѣ сразу бьютъ, хоть по-одиночѣ“. Богатыри кинулись всѣ на него; но ничего не могли съ нимъ подѣлать: Магометанъ Магометановичъ какъ хватилъ — сразу положилъ 30 богатырей; но тутъ ужь всѣ повѣрили, что это онъ выручилъ царя изъ бѣды. Послѣ того опять стали пировать.

Царь Вареоломей и спрашиваетъ за пиромъ: „чѣмъ тебя наградить, добрый молодецъ? Проси у меня, чего хочешь, хоть половину царства, — все отдамъ!“ Магометанъ Магометановичъ говоритъ царю: „коли милость твоя будетъ, отдай за меня замужъ младшую дочь свою“. Царь Вареоломей отвѣчаетъ ему: „хорошо — только ты долженъ узнать ее: завтра утромъ я выведу тебѣ всѣхъ дочерей своихъ, — если ты узнаешь, которая младшая, то отдамъ, а не узнаешь — на себя пеняй“.

Магометанъ Магометановичъ вышелъ на крыльцо, вздохнулъ и говорить: „гдѣ-то конь мой, Черный Вихорь?“ Только успѣлъ онъ это сказать, какъ прилетѣла муха, сѣла къ нему на плечо и говорить: „я—здѣсь, Магометанъ Магометановичъ; когда ты утромъ пойдешь къ царю, я сяду къ тебѣ на затылокъ—ты со мной войдешь въ ту комнату, гдѣ будетъ царь и дочери его; я прежде сяду на окно, а когда царь спроситъ у тебя, гдѣ его младшая дочь, ты смотри на меня—я сяду на лобъ младшей дочери царя“.

Утромъ царь Вареломей сдѣлалъ такъ, что всѣ шесть дочерей его стали одинаковаго роста и лицомъ одинаковы, и толосомъ, однимъ словомъ—всѣ, какъ одна. Магометанъ Магометановичъ только-что проснулся, одѣлся, какъ „муха“ прилетѣла и сѣла къ нему на плечо. Пошелъ онъ съ мухой къ царю, сталъ подходить ко двору, а муха пересѣла къ нему на затылокъ; какъ вошелъ онъ въ комнату, она сѣла на окно. Въ комнатѣ стояли рядомъ шесть царскихъ дочерей, шесть красавицъ такихъ, что смотрѣть на нихъ хочется цѣлый вѣкъ. Царь и спрашиваетъ у Магометана Магометановича: „гдѣ же моя младшая дочь?“ Магометанъ Магометановичъ только глянулъ, а у одной изъ нихъ муха на лбу сидитъ: онъ и указалъ царю младшую его дочь. Тогда царь согласился отдать за него свою дочь и еще половину царства... И живетъ себѣ Магометанъ Магометановичъ, и конь, Черный Вихорь,—съ нимъ!...

Учительница Бороздинскаго станичнаго

училища *Е. Бутова.*

СТРАНИЧКА

изъ жизни грузинъ-поселенцевъ въ Малороссіи *).

Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны „вступившіе въ службу и вечное подданство Ея Императорскаго Величества“ грузинскіе князья, „секундъ-маіоръ“ Мирвелъ Тумановъ, капитаны—Иванъ Бедауровъ и Павелъ Гогибедовъ, прапорщикъ Петръ Челокаевъ, въ силу указа Императрицы, отъ 26 марта 1738 года, пожалованы были въ Прилуцкомъ

*) Предлагаемая вниманію читателя замѣтка составлена по документамъ, извлеченнымъ изъ архива Малороссійской Коллегіи, хранящагося при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ въ вѣдѣніи Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Всѣхъ дѣлъ о грузинахъ въ архивѣ—пять, именно: 1) связка, подъ № 1053, заключается въ себѣ дѣло „по доношеніямъ грузинскихъ князей секундъ-маіора Мирвела Туманова и капитановъ Ивана Бедаурова Павла Гогибедова прапорщика Петра Челокаева о захватѣ зъ числа данныхъ имъ по билетамъ въ мѣстечкѣ Срібномъ тридцати дворовъ подданныхъ и обѣ обидяхъ“; 2) связка, подъ № 1763,—дѣло „объ отводѣ грузинскому князю Николаю Саако(а)дзеву и сыну его Алексѣю взрослому и малолѣтнимъ дѣтямъ его Егору и Ивану 70 дворовъ“; 3) связка, подъ № 2834,—дѣло „о перемѣнѣ негодныхъ грунтовъ другими годными грунтами князю Ратіеву“; 4) связка, подъ № 3291,—дѣло „о выключеніи по указу Министерской канцеляріи казака Мовсея Боженкова изъ подданства отъ грузинскаго князя Орбеліанова“; 5) связка, подъ № 15828,—дѣло „о гвалтовномъ нападеніи сотеннымъ монастырскимъ атаманомъ Шевченкомъ на землю князя Саако(а)дзеву“.—Настоящая замѣтка составлена по первому изъ дѣлъ. Пользуясь случаемъ, не могу не выразить глубокой признательности завѣдывающему архивомъ, профессору Д. И. Багалѣю, коего просвѣщенное вниманіе и рѣдкая заботливость дали мнѣ возможность работать въ архивѣ, въ теченіе всего лѣтнаго канвулярнаго времени настоящаго года.

Авт.

полку свободными войсковыми *посполитыми* *) „въ вечное потомственное владеніе, въ пропитаніе и содержаніе.“ **)

По 30 дворовъ *посполитыхъ*, въ мѣстечкѣ „Срібномъ“, въ селеніи „Зайкахъ“, получили секундъ-маіоръ Мирвелъ Тумановъ и капитанъ Павелъ Гогибедовъ; 10 дворовъ въ томъ же мѣстечкѣ, но въ селеніи Никоновеѣ получилъ капитанъ Иванъ Бедауровъ; на долю же прапорщика Петра Челокаева пришлось 30 дворовъ, уже по наслѣдству отъ дяди его, князя Іосифа Эристова. Прошло однако 4 года прежде, чѣмъ состоялся указъ Правительствующаго Сената (отъ 24 августа 1742 г.) въ Министерскую канцелярію объ отводѣ и передачѣ грузинскимъ князьямъ жалованныхъ имъ *посполитыхъ*. Въ силу этого указа дѣло отчужденія дворовъ *посполитыхъ* поручено было Прилуцкой полевой канцеляріи и Коллегіи Экономіи чиновнику, капитану Нѣмчинову. Какъ выше-названные власти отнеслись къ своимъ обязанностямъ, можно судить по тому, что въ 1743 г. понадобился вторичный указъ Императрицы Елизаветы Петровны (отъ 24 октября), подтверждавшій указъ Императрицы Анны Іоанновны. Такимъ образомъ, такъ или иначе, къ началу 1744 года дѣло о поселеніи грузинскихъ князей въ Малороссіи уладилось.

Но едва новые поселенцы успѣли пріобрѣсти къ своему мѣстожительству, какъ въ 1746 году ихъ потребовали на службу „въ заграничную армію Ея Императорскаго Величества“, гдѣ они и пробыли вплоть до 1762 г., оставивъ свои земли и угодья на произволъ сильныхъ міра того. Такимъ сильнымъ лицомъ оказался „Его Превосходительство камергеръ и кавалеръ Михаилъ Власовичъ Будлянскій.“ Пользуясь отсутствіемъ владѣльцевъ и заручившись необходимыми молчаніемъ всѣхъ тѣхъ, на коихъ возложено было „наблюдать *полицію* и всякое благо-

*) *Посполитый*—крестьянинъ. *Авт.*

**) Въ выраженіяхъ и отдѣльныхъ реченіяхъ документовъ удержаны правописание и пунктуация памятниковъ. *Авт.*

чиніе“, Будлянскій, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Бунчуковымъ товарищемъ—Власомъ Будлянскимъ, постарался „гвалтовно и самоправно“ разгромить земли своихъ новыхъ сосѣдей; въ тому же недостатка въ исполнителяхъ не ощущалось. Къ услугамъ Будлянскаго явились разомъ два его приказчика и капитанъ Нѣмчиновъ. Надо полагать, что каждому изъ этихъ лицъ, сообразно ихъ способностямъ, даны были и особья инструкции. Такъ, приказчикъ Василій Петровъ, дѣйствуя во всѣхъ случаяхъ смѣло и рѣшительно, лично производилъ наѣзды и, не боясь никого и не опасаясь ничего, грабилъ и опустошалъ, какъ говорится, съ-налету все, что попадалось подъ руку, тогда-какъ другой приказчикъ, Иванъ Кукурановъ, долженъ былъ, при случаѣ, наносить потерпѣвшимъ „крайне не-сносніе обиды“, что ему до нѣкоторой степени и удавалось выполнить. Что же касается Нѣмчинова, то послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, дѣйствовалъ на почвѣ закона, т. е. въ силу указовъ, предписаній и проч., о чемъ, необходимо добавить, вѣдалъ только онъ самъ.

Первый повелъ атаку Петровъ, вся тяжесть которой, главнымъ образомъ, обрушилась на голову Петра Челобаева, сошны болѣе мелкой, чѣмъ секундъ-маіоръ Мирвель Тумановъ и капитаны—Бедауровъ и Гогибедовъ. Такъ, въ теченіе 1775 г. Петровъ завладѣлъ грунтомъ и лѣсомъ „подданнаго“ Челобаева, Кириленка, и „сверхъ того гвалтомъ“ отнялъ у посполитаго, Степана Яеовенка, пару воловъ, цѣной въ 10 руб., корову, цѣной въ 4 р., деньгами одинъ рубль; у Савки Жилибенка—луку „косарей на три“; у Иляша Доценка завладѣлъ полемъ „дней на десять“, забравъ съ него пшеницы 8 копъ, и взялъ деньгами 50 коп.; у жены Тимоша Олѣйниченка вырубилъ лѣсъ, образовавъ „поле на 6 дней“; у Тимоша Коцара вырубилъ „березину“; у Ивана Бурсая „мельницу вѣтряную цѣною въ 10 руб. разрушилъ“, взялъ коня одного, цѣною въ 3 руб., корову, цѣною въ 5 руб., вола, цѣною въ 2 руб., быка,

цѣною въ 5 руб., 5 свиней, цѣною въ 5 руб., „жита яму что въ ней по вимеру четвертей двѣ“ и вырубилъ лѣсъ. Бромѣ того, онъ же, Петровъ, „самоправно и гвалтовно“ отнялъ у посполитаго, Степана Калюжнаго, пахотное поле и сѣнокось, у Радченкова—лугъ, Оомы Копичукова и Дан. Гриценка—пахотное поле, огорождъ и садъ, и, наконецъ, у самого Челобаева 9 четвертей молоченой ржи, „которая была въ коморѣ за замкомъ гвалтомъ разломавъ заграбилъ“.

Нѣсколько иначе отнесся Петровъ къ Бедаурову. Оставя въ покоѣ крестьянъ послѣдняго, онъ „незнаемо по какой причинѣ“, какъ выражается въ жалобѣ Бедауровъ, напалъ „самоправно и гвалтовно“ на его собственную усадьбу и разорилъ ее въ конецъ, какъ то: снесъ „светлицу съ комнатою сенми и коморою и со всемъ строеніемъ, разрушилъ конюшню на помостѣ, плетеный лехъ и разорилъ кругомъ двора огорождъ, черезъ которое разореніе“ Бедауровъ принужденъ былъ по возвращеніи изъ арміи жить „за наемъ въ чужомъ дворѣ и несть всекрайнейшую обиду и разореніе съ убитви“.

Въ то время, какъ Петровъ хозяйничалъ въ имѣніяхъ Челобаева и Бедаурова, Капитанъ Нѣмчиновъ, въ свою очередь, отобралъ у Бедаурова „жалованного ему посполитаго Ивана Павленка зъ сынами и со всемъ его имуществомъ“, а у Челобаева 4-хъ посполитыхъ—Терешка Дяченка, Ивана Кобзаря, Кириленка и Широкова „зъ сынами зъ грунтами угодыми и со всемъ ихъ имуществомъ“ и передалъ ихъ, не замѣнивъ никѣмъ другимъ, во владѣніе Бунчуковаго товарища, Власа Будлянскаго. Вскорѣ къ Нѣмчинову присоединился и „компанѣйскій“ полковникъ, Иванъ Чеснокъ. Этотъ послѣдній отобралъ у Бедаурова 5 жалованныхъ дворовъ, не смотря на то, что Бедауровъ владѣлъ ими въ теченіе 5 лѣтъ. На этомъ пока Будлянскій и остановился, поджидая прїѣзда своихъ сосѣдей.

Само собой разумѣется, что, едва-лишь послѣдніе верну-

лись, какъ немедленно подняли процессъ съ своими обидчиками. Оказалось, что всё они пострадали, только не въ одинаковой степени: кто больше, а кто меньше. Первый подалъ жалобу въ Войсковую генеральную канцелярію Бедауровъ. Немедленно, 21 января 1763 г., послѣдовалъ ордеръ вышеозначенной канцеляріи, предписывавшій Бунчуковому товарищу, Оболонскому, „съ товарищи“ „изслѣдовать дѣло и удовлетворять“. Однако ордеръ такъ и остался ордеромъ. Ни Оболонскій, ни его товарищи въ теченіе полугода не приступали къ дѣлу, а тѣмъ временемъ выступилъ на сцену третій пристрастный Будлянскаго, Иванъ Кукурановъ. Онъ началъ съ того, что сталъ сманивать „подданныхъ“ Будлянскихъ, жившихъ въ качествѣ „подсудковъ“ на земляхъ Туманова и Гогибедова, и „въ противность ордерамъ“ гетмана, принимать ихъ „со всемъ имуществомъ“. Пришлось, такимъ образомъ, и судиться, и отбиваться отъ новыхъ покушеній Будлянскаго. Впрочемъ, съ Кукурановымъ пришлось больше имѣть дѣло Туманову и Челокаеву, ибо Бедаурова и Гогибедова онъ оставилъ въ покоѣ. Сущность столкновеній кн. Туманова съ Кукурановымъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ селеніи Зайкахъ, въ одной изъ хатъ Туманова, проживалъ въ теченіе 8 лѣтъ въ качествѣ подсудка подданный Будлянскаго. По силѣ малороссійскихъ правъ подсудокъ обязанъ былъ отбивать повинности Туманову, чего онъ не только не исполнилъ, но, подстрекаемый Кукурановымъ, „вознамерился съ того двора совсемъ сойти и поставить себѣ хату на землѣ Будлянскаго“, захвативъ съ собой и „пожитое на владельческихъ грунтахъ имущество“. Видя такое явное нарушеніе своихъ правъ, Тумановъ отнялъ, было, у подсудка „пару воловъ“, но Кукурановъ „оттрабилъ ихъ обратно“ и, мало того, „о техъ взятыхъ пари воловъ“ прислалъ къ нему письмо „на измаранномъ доскутѣѣ бумаги и нимало чести Туманова непристойно“. Непристойность эта, по мнѣнію кн. Туманова, главнымъ образомъ, заключалась въ „непо-

чтении и пренебрежении жалованного ему за собственною Ея Императорского Величества рукою штабского патента“. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обидѣться было Туманову на Кукуранова, когда послѣдній не только позволилъ себѣ написать письмо на грязномъ влочкѣ бумаги, но и не повеличалъ Туманова княземъ и „секундъ-маіоромъ“, а просто „написалъ тако:

Государь мой
Мирвелъ Тумановъ

Подателю сего взятіе Вами пара воловъ прошу неспорно возвратить. А ежели якая отъ Васъ на одного претенсія есть, то имѣ(е)те порядкомъ, а не сами черезъ себе въ противность нашимъ малороссійскимъ правамъ гвалтомъ грабительство чините, чего честному офицеру и незапристойно есть. Буди же бы Вы по сему тѣхъ воловъ сему подателю не возвратите, то я имею за одно то самоправное гвалтовное грабительство самоправно жѣ поступить имею

подписалъ тако:

Государь мой Вашъ всеповорній слуга
Иванъ Кукурановъ“.

Конечно, суть дѣла заключалась не въ этой обидѣ, а въ томъ, что Кукурановъ, человекъ, видимо, весьма ловкій, постарался обставить дѣло такимъ образомъ, что нарушителемъ правъ малороссійскаго народа явился не онъ, Кукурановъ, а секундъ-маіоръ Мирвелъ Тумановъ, и послѣднему по-неволѣ пришлось жаловаться на него лишь „за пренебреженіе жалованного отъ Ея Императорского Величества штабского патента и за непочтеніе писанного письма“. Такъ насолилъ Кукурановъ Туманову; съ Челобаевымъ же онъ обошелся и того хуже. „Незнаемо по коимъ повеленіямъ“—пишетъ въ своей жалобѣ на имя гетмана Челобаева—Иванъ Кукурановъ захватилъ подданнаго Челобаева, Моусея Явовенка, „якобы въ какомъ воровствѣ“ и привелъ во дворъ Будлянскаго. Здѣсь, посадивъ Явовенка „на быка“, онъ сталъ разыскивать покра-

жу „нещаднымъ боемъ“ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Когда же Челокаевъ послалъ старосту своего и служителя съ заявленіемъ, что „ежели Яковенко въ какомъ воровствѣ изобличенъ, то должно его представить владѣльцу или въ сотенную канцелярію“, то Кукурановъ „неоднократно“ объявлялъ посланнымъ, что всѣхъ ихъ „будетъ бить плетью“, не исключая и самого Челокаева. Такія невзгоды злосчастныхъ, „вступившихъ въ подданство Ея Императорскаго Величества“, грузинскихъ князей побудили ихъ къ совмѣстной жалобѣ въ Войсковую генеральную канцелярію, каковая и была подана ими въ іюль 1763 г. Удовлетворена ли она была, изъ приложенныхъ къ дѣлу документовъ—не видно, но всего вѣроятнѣе, что была оставлена безъ всякихъ послѣдствій.

Учитель Тифлисскаго женскаго учебнаго
заведенія св. Нины *П. Федоровскій.*

Тифлисъ.
1888 г.

ГОРОДЪ АХАЛЦИХЪ,

Тифлисской губерніи.

Внѣшній видъ.

Городъ Ахалцихъ, раскинувшись болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину, по склонамъ небольшой котловины, образовавшейся, съ одной стороны, изъ отроговъ горы Шабанъ-Гель (8400 фут.), съ другой—изъ отроговъ Месхійскаго хребта и горы Ситавъ-цминда, лежитъ по обѣимъ берегамъ рѣки Поцховки, въ томъ мѣстѣ котловины, гдѣ она начинается довольно тѣснымъ скалистымъ ущельемъ. Самымъ расположеніемъ города объясняется то обстоятельство, что однѣ части города, напр., близъ католической церкви св. Креста, возвышаются слишкомъ на 3376 ф. надъ уровнемъ моря, другія же, напр., у береговъ Поцховки, лежатъ, приблизительно, на 300 ф. ниже. Рѣкой Поцховкой дѣлится городъ Ахалцихъ на двѣ части: старую и новую; старая часть, это—старый Ахалцихъ, до покоренія его русскими; новая часть—позднѣйшаго заселенія, по покореніи.

Старая часть города, болѣе возвышенная, чѣмъ другія части, расположена полуугломъ около крѣпости, по замѣтно поднимающемуся склону; круто спустившись по глинистому обрыву, она образуетъ Еврейскій кварталъ, расположенный уже въ лоцинѣ и по ея бокамъ; еще ниже,—постройки скучиваются у самаго берега Поцховки: громоздятся также по довольно крутому спуску крѣпостной возвышенности, онѣ обра-

ють слободу, или, какъ еще ее называютъ, „Ахалцихскую Швейцарію“. Въ старой части города селились и селятся тамъ, гдѣ кому вздумается, тамъ, гдѣ кто облюбуетъ себѣ мѣсто, а потому о правильности улицъ нечего и говорить. Постройки здѣсь идутъ кучей, безъ всякаго порядка; самый характеръ построекъ не можетъ произвести пріятнаго впечатлѣнія: здѣсь по преимуществу одноэтажные домики, съ плоскими земляными крышами; а по улицамъ въ сырое время свылазная грязь, такъ-какъ мостовыхъ здѣсь нѣтъ; воздухъ зараженъ всевозможными миазмами; при всемъ томъ эта часть города совершенно лишена зелени. Только старинная крѣпость, и четыре церкви, въ этой части, безмолвно повѣствуютъ о томъ, что здѣсь когда-то было большее и болѣе богатое население. Теперь не то: достаточно бѣгло взгляда, чтобы убѣдиться, что теперь это—заброшенная, населенная бѣднячимъ классомъ, часть города.

Новая часть города основана эрзерумскими переселенцами-армянами (при заселеніи, они просили, чтобы она была названа Новымъ Эрзерумомъ); она соединена со старой мостомъ, на каменныхъ устояхъ (построилъ его Хаджи-Ахмедъ-ша). Она расположена по правую сторону Поцховки, на значительномъ возвышеніи, въ началѣ довольно ровномъ, затѣмъ поднимающемся къ отрогамъ горы Шабанъ-Гель, и распространяется по склонамъ и впадинамъ этихъ отроговъ. Эта часть вдоль пересѣкается небольшимъ ручьемъ, Марда-чаемъ. Новая часть города имѣетъ большинство правильныхъ улицъ, мощенныхъ булыжникомъ, а по многимъ красивымъ зданіямъ, обилію зелени, она представляетъ видъ небольшого, довольно, красиваго городка.

Ахалцихъ дѣлится на слѣдующіе кварталы: Рабатъ—рейскій кварталъ, двѣ слободы, Бахча-сарай, Верхняя и нижняя Марда, Вери-бланъ и Новая часть.

Всѣхъ зданій въ городѣ 3250; изъ нихъ лавокъ—735 и

2515 жилых помѣщеній; въ томъ числѣ, казенныхъ зданій — 77, общественныхъ — 1.

Дома преимущественно каменные, выложенные на глиняѣ, рѣже — на извести; кирпичныя и деревянныя постройки встрѣчаются, но рѣдко, — больше въ видѣ надстроекъ и пристроекъ въ каменнымъ. Послѣ послѣдней Русско-турецкой войны 1877—78 гг. Ахалцихъ украсился, благодаря довольно значительнымъ капиталамъ, попавшимъ въ руки мѣстныхъ горожанъ, нѣсколькими двухъэтажными красивыми зданіями, почти въ европейскомъ вкусѣ. Преобладающее большинство зданій — одноэтажныя, съ небольшими дворами и съ небольшими же при нихъ садами фруктовыхъ деревьевъ.

Особенность старыхъ построекъ — а ихъ большинство — отсутствіе оконъ на улицу, или замѣна ихъ небольшими рѣшетчатыми отверстіями; большія окна обращены во дворъ: это, *можно* полагать, остатокъ азіатскаго вліянія; другая особенность, свойственная, впрочемъ, большинству закавказскихъ городовъ, это — плоскія земляныя крыши.

Всѣхъ улицъ въ городѣ около 20, за исключеніемъ переулковъ; главная изъ нихъ — Милліонная, — названіе, даже несоотвѣтствующее своему назначенію; она тянется вдоль всей новой части города, отъ моста до зданія военнаго собранія. Эта улица — прямая, но плохо вымощена и неопрятна: рядъ низенькихъ одноэтажныхъ лавокъ, разнохарактерныя постройки, мастерскія-лачуги, кучи навоза, близъ лѣсопильни, все это, вмѣстѣ взятое, производитъ невыгодное для нея впечатлѣніе; а небольшой, чистенькій городской садикъ, да два-три красивыхъ зданія еще болѣе отгнѣняютъ невыгодныя стороны Милліонной. Тѣмъ не менѣе Милліонная для Ахалциха — главная улица: это — мѣсто гулянья лучшей части жителей города. Рядомъ съ Милліонной и поперекъ нея идетъ нѣсколько вымощенныхъ и довольно ровныхъ улицъ, на которыхъ иногда попадаются красивыя одноэтажныя и двухъэтажныя зданія.

Въ городѣ 12 церквей: изъ нихъ—2 православныхъ: соборъ и Маріинская церковь; 4—армяно-григоріанскихъ; 2—римско-католическихъ и 4—армяно-католическихъ. Кромѣ церквей, есть еще двѣ каменные синагоги, лучшія постройки еврейскаго квартала, и одна деревянная.

(По оцѣнкѣ Городской Управы въ 1880 году, всѣ постройки и усадьбы города оцѣнены въ 1,217,360 руб.; но эта цифра не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости: на самомъ дѣлѣ, она должна быть значительно увеличена).

Впрочемъ, благодаря вѣрности, рѣзко выдающейся на общемъ фонѣ, террасообразному положенію нѣкоторыхъ частей города, значительному количеству садовъ, наконецъ, тому, что лучшія зданія расположены на первомъ планѣ, городъ, *со стороны*, производитъ общее впечатлѣніе, довольно, пріятное.

Говоря о внѣшней фizioноміи Ахалциха, нельзя не упомянуть о томъ переходномъ состояніи, въ которомъ онъ теперь находится: медленно, шагъ за шагомъ, онъ измѣняетъ свою внѣшнюю фizioномію,—старый, азіатскій Ахалцихъ замѣняется новымъ, европейскимъ.

Мѣстоположеніе, границы и величина.

Городъ Ахалцихъ лежитъ подѣ 41°39' с. ш. и подѣ 60°32' в. д., отъ Ферро, или подѣ 42°58' в. д., отъ Гринича. Надъ уровнемъ моря онъ возвышается, по барометрическому наблюденію Ходзько, на 3376 ф. или 482,28 саж., а по даннымъ, помѣщеннымъ въ наблюденіяхъ надъ атмосферными осадками, въ 1886 г., Г. Ф. О., на 1070 метровъ.

Ахалцихъ отстоитъ отъ Тифлиса на 185¹/₂ верстѣ, отъ Ахалкалакъ—на 63³/₄, отъ Абастумана—на 25, отъ Боржома—на 46³/₄, отъ Михайлова—станціи Закавказской желѣзной дороги—на 73¹/₂, отъ Москвы—на 1786¹/₂ и отъ С.-Петербурга—на 2390¹/₂.

Главная дорога, соединяющая Ахалцихъ со всѣми озна-

ченными пунктами, кромѣ Ахалкалакъ *), — шоссе, идущее по ущелью рѣки Куры отъ Михайлова до Ахалциха и Абас-тумана. Кромѣ того, Ахалцихъ соединяется со многими пунктами вновь завоеванныхъ областей у Турціи, а также съ самой Турціею и Кутаисомъ: съ послѣднимъ — чрезъ Зекарскій переваль, разстояніемъ въ 107 верстѣ. Все это — дороги выч-ныя, доступныя лѣтомъ и непроходимыя въ распутицу или зимой; впрочемъ, въ Ардаганъ и Кутаисъ идутъ и колесныя дороги, годныя и для передвиженія войскъ.

Городъ граничитъ съ востока съ землями селеній: Чала и Черекъ, съ юга — Грель, Абъ и Хакъ, съ запада — Садзель, Суфлись и Цхрутъ, съ сѣвера — Цира, Свирь и Клде. Въ этихъ границахъ величина площади, со всѣми угодыми, равняется приблизительно, 1224 дес. и 2175 кв. саж. Изъ этого пространства *точно* опредѣленныхъ земель, лежащихъ внѣ чер-ты города, — 704 дес. и 2175 кв. саж.; въ частности, изъ 704 дес. и 2175 кв. саж. находится:

подъ пашнями	271 дес.	450 кв. саж.
„ садами и огородами. . .	31 „	1600 „ „
„ выгонами и лугами . . .	332 „	1310 „ „
„ постройками (внѣ чер- ты города).	1 „	20 „ „
„ дорогами.	3 „	215 „ „
„ Поцховвой и Лаши- хеввой.	9 „	1150 „ „
„ скалами, обрывами и осыпями.	55 „	2230 „ „

Изъ прочихъ 520 десятинъ находится подъ постройками, улица-ми, площадями города, приблизительно, до 120 десятинъ **).

*) Съ Ахалкалаками Ахалцихъ соединяется шоссею, *вновь* проложенной по ущелью рѣки Куры, дорогой, пока довольно плохо содержащейся. *Авт.*

**) Городъ не имѣетъ плана: пространство опредѣлялось авторомъ, совме-стно съ городскимъ головой и членами управы. *Авт.*

Орошение.

Городъ Ахалцихъ орошается, главнымъ образомъ, Поцховкой, однимъ изъ небольшихъ лѣвыхъ притоковъ рѣки Куру. Начало она беретъ нѣсколько выше селенія „Дегуръ“—административнаго центра Поцховскаго приставства, Карсской области. Первоначальное направленіе этой рѣки—сѣверное; въ этомъ направленіи она протекаетъ по ущелью, съ крутыми спусками, которые въ болѣе пологихъ мѣстахъ поросли строевымъ лѣсомъ (ель, сосна, отчасти—дубъ). Близъ селенія Вале Поцховка, почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на востокъ, проходитъ по тѣсному ущелью у Ахалциха и, наконецъ, разлившись, по довольно ровному дну Ахалцихской котловины, вливается въ Куру, въ 7 верстахъ отъ Ахалциха.

Характеръ теченія Поцховки измѣняется съ измѣненіемъ топографіи мѣста, по которому протекаетъ рѣка: въ своемъ сѣверномъ теченіи, это—значительный горный потокъ, шумливый и бурливый, — напротивъ, съ измѣненіемъ направленія (сѣвернаго на восточное) измѣняется и сила паденія: высота паденія здѣсь не болѣе 8—10 ф. на версту, а за Ахалцихомъ и того меньше.

Высота уровня воды въ Поцховѣ неравномѣрна въ различные времена года: во время весеннихъ разливовъ, которые здѣсь начинаются въ началѣ марта и продолжаются до конца апрѣля, рѣдко позже, высота ея водъ—значительная: она представляетъ тогда значительную горную рѣку; во время же лѣта, это—небольшая рѣчка, доступная для переправы и конному, и пѣшему. Но было время, и не такъ давно, когда Поцховка была богата водами и лѣтомъ; причина такого рѣзкаго измѣненія—безпощадное истребленіе лѣсовъ, покрывающихъ окружныя горы. Истребленіе лѣсовъ идетъ и по притоку Поцховки, Кобліанъ-чаю, и по притоку послѣдняго—Оцхе-Абастуманкѣ, особенно богатой лѣсами. Такимъ обра-

зомъ, уже оголены значительныя пространства по Поцховѣ и ея бассейну, также и по рѣкѣ Курѣ; а окрестности Ахалциха, съ трехъ сторонъ, представляютъ безжизненные, лишенные растительности пространства, подавляющія своимъ однообразнымъ колоритомъ.

Мѣстное значеніе Поцховки невелико: сплавъ лѣса, главнымъ образомъ, для топлива, орошеніе небольшой площади пахотныхъ земель и садовъ близъ селеній: Суфлисъ и Вале и близъ города Ахалциха, небольшой уловъ рыбы исчерпываютъ ея значеніе.

Другая неважная рѣчка, собственно, ручеекъ, протекающій къ востоку отъ Ахалциха, — Лашихевка: она орошаетъ сады и огороды, расположенные по дну небольшого ущелья, того же имени.

Наконецъ — Марда-чай: это — тоже небольшой ручеекъ; онъ орошаетъ сады, а ниже пересѣкаетъ новую часть города и вливается, какъ и Лашихевка, въ Поцховку. Роль Мардачая, въ той части, которая протекаетъ по городу, чисто отрицательная: это — мѣсто всевозможныхъ нечистотъ (общее ретирадное мѣсто лавокъ, лавчонокъ и мастерскихъ, расположенныхъ по обоемъ его берегамъ).

Кромѣ этого, для садовъ, устроены ирригаціонныя каналы.

Климатъ.

О климатѣ Ахалциха писалъ В. Н. Геескій *). Для большей рельефности, онъ сравнивалъ климатъ Ахалциха съ климатомъ Сурама, Бѣлаго-Ключа, Тифлиса, Кутаиса и Владикавказа **), — съ мѣстами, гдѣ въ то же время производились наблюденія. Но онъ располагалъ правильными и полными ме-

*) „Очеркъ садоводства въ Ахалцихскомъ уѣздѣ“. Сборникъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Вып. II. Стран. 7—11. 1879.

**) Сурамъ лежитъ на 3027 ф., Бѣлый-Ключъ на 5110 ф., Тифлисъ на 1350 ф., Кутаисъ на 670 ф. и Владикавказъ на 2429 ф., надъ уровнемъ моря.

теорологических наблюденіями только за первые 10 мѣсяцевъ 1874 года. Кромѣ того, годъ былъ неудачный, по выраженію самого автора, для вывода общаго заключенія о климатѣ, такъ-какъ начало и середина зимы были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края довольно теплы и почти безсніжны; въ февралѣ выпалъ большой снѣгъ и наступили самые сильные холода; весна отличалась сухостью, а осень была дождлива.

Изъ данныхъ, приведенныхъ В. Н. Геевскимъ, видно: во 1-хъ, что средняя температура зимы ($-4,55^{\circ}$ по Ц.) была въ Ахалцихѣ ниже, чѣмъ въ Сурамѣ и Бѣломъ-Ключѣ ($-0,83^{\circ}$), Тифлисѣ ($+2,16^{\circ}$), Кутаисѣ ($+5,1^{\circ}$) и во Владикавказѣ ($-2,89^{\circ}$); во 2-хъ, — средняя температура лѣта ($+20,74^{\circ}$) въ Ахалцихѣ была выше, чѣмъ въ Сурамѣ ($19,37^{\circ}$), Бѣломъ-Ключѣ ($18,62^{\circ}$) и Владикавказѣ ($18,53^{\circ}$), но ниже, чѣмъ въ Тифлисѣ ($23,42^{\circ}$) и Кутаисѣ ($22,09^{\circ}$); въ 3-хъ, — средняя температура весны ($+7,9^{\circ}$) въ Ахалцихѣ была почти такая же, какъ на Бѣломъ-Ключѣ ($7,57^{\circ}$) и во Владикавказѣ ($7,04^{\circ}$), нѣсколько ниже, чѣмъ въ Сурамѣ ($8,39^{\circ}$), и гораздо ниже, чѣмъ въ Тифлисѣ ($11,41^{\circ}$) и Кутаисѣ ($12,41^{\circ}$); въ 4-хъ, — разность между средними температурами зимы и лѣта въ Ахалцихѣ была наибольшая, именно: въ Ахалцихѣ она равнялась $25,29^{\circ}$, Сурамѣ $20,2^{\circ}$, на Бѣломъ-Ключѣ $19,45^{\circ}$, въ Кутаисѣ $16,99^{\circ}$ и только во Владикавказѣ приближалась болѣе другихъ пунктовъ въ ахалцихской ($21,42^{\circ}$).

Изъ этихъ данныхъ В. Н. Геевскій приходитъ къ тому выводу, что въ Ахалцихѣ случаются очень холодныя зимы, а лѣто бываетъ, сравнительно, жаркое. Тотъ же выводъ онъ подтверждаетъ сравнительными данными крайнихъ колебаній температуръ; такъ, самая низкая температура, за взятое время, въ Ахалцихѣ была -23° по Ц., высшая $+34^{\circ}$, а потому разность колебаній выразится въ 57° ; въ другихъ же пунктахъ, взятыхъ для сравненія, она меньше и только во Владикавказѣ доходитъ до $55,7^{\circ}$.

Другая особенность климата Ахалциха, по выводам В. Н. Геевского, заключается въ незначительномъ количествѣ атмосферныхъ осадковъ; такъ, въ Ахалцихѣ всего болѣе выпало влаги въ июнѣ (62 м. м.), затѣмъ въ маѣ (61,₆) и въ декабрѣ (54,₆), меньше всего въ январѣ (15,₉), мартѣ (21,₃) и августѣ (23,₂); при этомъ за первые 10 мѣсяцевъ 1874 г. всего въ Ахалцихѣ выпало 374 м. м., тогда-какъ въ Сурамѣ 5348, на Бѣломъ-Ключѣ 4258, въ Кутаисѣ 1388,₇, во Владикавказѣ 1011,₂, и только Тифлисъ, въ этомъ отношеніи, болѣе подходит къ Ахалциху: тамъ выпало за то же время 516,₃ м. м. Слѣдовательно, въ Ахалцихѣ наибольшее количество влаги выпадаетъ на лѣтній мѣсяць, июнь (62 м. м.), тогда-какъ въ другихъ мѣстахъ максимумъ влаги приходится на осенній мѣсяць—сентябрь, какъ на Бѣломъ-Ключѣ (108) и въ Тифлисѣ (199,₆), или на зимній мѣсяць—декабрь, какъ въ Сурамѣ (118,₆) и Кутаисѣ (233,₈), и только во Владикавказѣ максимумъ влаги выпалъ также на июнь (226,₅) и июль (227,₉), именно—на тѣ мѣсяцы, когда воздухъ наиболѣе нуждается во влагѣ. Если сравнить количество выпавшей влаги по временамъ года, то выйдетъ что лѣто (130,₄ м. м.) въ Ахалцихѣ отличается наибольшимъ количествомъ влаги, по сравненію съ зимой (103,₅) и весной (108).

Вообще же, на основаніи психрометрическихъ наблюдений, приводимыхъ В. Н. Геевскимъ, о влажности воздуха въ Ахалцихѣ и въ другихъ сравниваемыхъ пунктахъ можно заключать слѣдующее: 1) зимніе мѣсяцы въ Ахалцихѣ были сырѣе (84,₉⁰/₁₀), чѣмъ на Бѣломъ-Ключѣ (76), въ Тифлисѣ (71,₅) и Кутаисѣ (65,₇), и только во Владикавказѣ (88,₆) зима была сырѣе, чѣмъ въ Ахалцихѣ; 2) въ лѣтніе мѣсяцы въ Ахалцихѣ была такая же сухость воздуха (55,₉⁰/₁₀), какъ въ Тифлисѣ (55,₉), тогда-какъ въ другихъ пунктахъ замѣчалось больше сырости: такъ, на Бѣломъ-Ключѣ она равнялась 69,₆, въ Сурамѣ—73,₉, Кутаисѣ—75,₄ и во Владикавказѣ—79,₁₁;

3) весна отличалась почти тою же влажностью ($63,2^{\circ}/_{0}$), какъ и въ остальныхъ пунктахъ, и только во Владикавказѣ она была значительно влажнѣе ($75,5$), чѣмъ въ Ахалцихѣ; 4) наибольшая сухость была въ Ахалцихѣ въ августѣ ($53^{\circ}/_{0}$), наибольшая влажность въ февралѣ ($88^{\circ}/_{0}$); 5) разность марта и апрѣля въ Ахалцихѣ была значительная ($25,5$), тогда какъ въ другихъ пунктахъ весьма мала и только во Владикавказѣ болѣе всѣхъ пунктовъ приближалась къ ахалцихской ($19,5$); наибольшія колебанія относительно влажности воздуха падаютъ на Ахалцихъ (35).

Въ заключеніе В. Н. Геевскій говоритъ: „какъ ни отрывочны приводимыя метеорологическія данныя, но онѣ вполне согласуются съ другими, приведенными выше, наблюденіями надъ климатомъ Ахалцихскаго уѣзда (Ахалциха), именно—что воздухъ здѣсь сухъ, дождей выпадаетъ мало, лѣтомъ бываетъ довольно жарко, а зимою очень холодно.“

Теперь помѣстимъ *таблицу среднихъ температуръ*, составленную нами изъ наблюденій за 1883 и 1884 гт., которыя произведены учителями Ахалцихскаго городского училища. Должно оговориться, что наблюденія производились, хотя и не по провѣренному термометру, но довольно вѣрному, и что средняя температура за іюнь 1883 г. выведена изъ 20 дневныхъ наблюденій, а за августъ того же года изъ 26. (Наблюденія производились по термометру Реомюра и послѣ переведены на градусы Цельсія).

	1882 г.	1884 г.	Оба года.
Декабрь	—1,50 ^o	—4,11 ^o	—2,80 ^o
Январь	—5,16	—3,26	—4,21
Февраль	+1,22	—4,43	—1,45
Мартъ	7,01	+4,13	+5,72
Апрѣль	13,12	11,54	12,33

	1882 г.	1884 г.	Оба года.
Май	+17, ⁰ ₈₃	+17, ⁰ ₀₇	+17, ⁰ ₂₀
Июнь	21, ₀₉	20, ₅₉	20, ₈₄
Июль	25, ₆₅	24, ₀₆	24, ₈₆
Августъ	22, ₅₉	19, ₁₃	20, ₈₆
Сентябрь	17, ₄₅	14, ₉₇	16, ₂₁
Октябрь	9, ₃₆	11, ₅₄	10, ₄₅
Ноябрь	4, ₁₂	5, ₀₂	4, ₅₇
Зима	-1, ₈₁	-3, ₈₃	-2, ₈₂
Весна	+12, ₇₃	+11, ₂₃	+11, ₉₈
Лѣто	23, ₀₈	21, ₂₆	22, ₁₇
Осень	10, ₃₁	10, ₅₁	10, ₄₁
Годъ	11, ₀₇	9, ₇₉	10, ₄₃
Разница крайнихъ валебаній	58, ₇₅	51, ₂₅	55, ₀₀

Разсматривая эту таблицу мы видимъ слѣдующее: 1) зима 1884 года была значительно холоднѣе, чѣмъ 1883 г.: она выражается почти тою же степенью холода, какъ и въ 1874 г.; средній выводъ изъ зимъ 1883—84 гг. ($-2,82^{\circ}$) значительно ниже, чѣмъ средній выводъ зимы 1874 и даже 1884 г. Отсюда до нѣкоторой степени будетъ справедливо заключеніе, что зимы въ Ахалцихѣ, будучи вообще холодными, не отличаются постоянствомъ (послѣднее мы можемъ подтвердить своими личными наблюденіями, охватывающими почти восьмилѣтній періодъ жизни въ Ахалцихѣ). 2) Весна въ Ахалцихѣ довольно теплая ($+11,98^{\circ}$); въ этомъ отношеніи замѣчается значительная разница съ данными (1874) выше цитированнаго автора ($+7,9^{\circ}$). 3) Лѣто—жаркое ($+22,17^{\circ}$); по нашимъ даннымъ, температура лѣта нѣсколько даже выше, чѣмъ по даннымъ Геевского. 4) Осень ($+10,41^{\circ}$) нужно признать, сравнительно, прохладною, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ ($+4,57^{\circ}$)—значительно. 5) Разность между температурами зимы и лѣта ($24,99^{\circ}$)—такъ же рѣзкая, какъ и въ 1874 г. Самые край-

ніе предѣлы температуры были въ 1883 г.— $21,25^{\circ}$ въ январѣ и $+37,5^{\circ}$ въ іюлѣ, а въ 1884 г.— $16,25^{\circ}$ въ февралѣ и $+35^{\circ}$ также въ іюлѣ. 6) Если разсмотрѣть мѣсячныя колебанія температуръ, то мы замѣтимъ, что самыя сильныя холода въ Ахалцихѣ бывають въ январѣ, въ февралѣ и въ декабрѣ (по степени пониженія); впрочемъ, эти переходы температуры нѣсколько измѣняются въ 1884 г.: такъ, послѣ болѣе холоднаго декабря наступилъ болѣе теплый январь, затѣмъ температура стала повышаться и дошла до максимум'а холода, въ этомъ году, въ февралѣ. 7) Самый жаркій мѣсяць—іюль ($+24,86^{\circ}$), а по даннымъ у Геевского—августъ. 8) Болѣе всего къ годовой температурѣ приближается осенній мѣсяць—октябрь и весенній—апрѣль. 9) Въ общемъ замѣтенъ, довольно, постепенный переходъ какъ отъ одного времени года къ другому, такъ и помѣсячно, что, естественно, должно говорить въ пользу климата Ахалциха.

Приводимъ дальше *таблицу атмосферныхъ осадковъ*. (Наблюденія производились инспекторомъ Ахалцихскаго городского училища, В. Е. Воробьевымъ).

	Общее количество атмосферныхъ осадковъ въ мѣсяцъ и въ часть года.		Максимумъ осадковъ въ известное число мѣсяца.		Число дней съ осадками.	
	м. п.	ш. п.	Количество.	Число мѣсяца.		Изъ нихъ со снѣгомъ.
Январь	15,1	5,5	24	4	4	
Февраль	10,7	5,0	20	4	4	
Мартъ	39,3	16,5	4	10	7	
Апрѣль	79,6	15,8	26	14	1	
Май *)	61,2	24,0	10	8	1	
Іюнь	31,5	11,8	16	8	—	
Іюль	24,7	9,4	27	8	—	
Августъ	14,0	9,5	28	2	—	
Сентябрь	27,0	12,0	16	3	—	

*) Первые 5 мѣсяцевъ—за 1887 г., прочіе—за 1886 г.

	Общее количе- ство атмосфер- ныхъ осадковъ въ мѣсяцъ и въ часть года.	Максимумъ осад- ковъ въ известное число мѣсяца.		Число дней съ осадками.	
		Коли- чество.	Число мѣ- сяца.		Изъ нихъ со снѣгомъ.
Октябрь	43,8	19,0	28	7	1
Ноябрь	36,1	17,0	16	5	4
Декабрь	7,7	6,4	7	3	3
Зима	33,5	6,4	XII 7	11	11
Весна	180,1	24,0	V 10	32	9
Лѣто	70,2	11,3	VI 16	18	—
Осень	106,9	19,0	X 28	15	5
Годъ	390,7	24,0	V 10	76	25

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ слѣдующее: 1) наибольшее количество осадковъ выпало въ апрѣлѣ (79,6 м. м.) и въ маѣ (61,2); наименьшее—въ декабрѣ (7,7), въ августѣ (14) и июлѣ (24,7); 2) максимумъ влаги выпалъ въ маѣ (24), 10 числа; 3) всего дней съ осадками было 76; изъ нихъ 25 со снѣгомъ; при этомъ послѣдній снѣгъ выпалъ въ маѣ, а первый—въ октябрѣ. Дней безъ атмосферныхъ осадковъ было 289; 4) общее количество влаги за годъ равно 390,7 м. м. Это подтверждаетъ выше приведенныя данныя В. Н. Геевского, именно—что въ Ахалцихѣ выпадаетъ вообще незначительное количество атмосферныхъ осадковъ; 5) если обратить вниманіе на распредѣленіе атмосферныхъ осадковъ по временамъ года,—по нашимъ даннымъ, окажется, что весна отличается наибольшимъ количествомъ ихъ (180,1 м.), затѣмъ (въ понижающемся порядкѣ) осень (106,9 м.), далѣе лѣто (70,2 м.); послѣднее мѣсто занимаетъ зима (33,5 м.); на весну выпадаетъ наибольшее число дней съ осадками (41), чѣмъ на другія времена года; она же отличается большимъ количествомъ снѣжныхъ дней (9), чѣмъ осень (5).

Итакъ, данныя, приводимыя В. Н. Геевскимъ, съ нашими сходятся только относительно общаго количества атмосферныхъ

осадковъ за цѣлый годъ,—въ остальномъ между ними замѣтна значительная разница; а потому нѣтъ возможности сдѣлать общаго заключенія относительно распредѣленія количества влаги, по временамъ года: на это нужны наблюденія цѣлаго ряда годовъ (такія данныя будутъ имѣться, такъ-какъ при учтищѣ производятся наблюденія надъ осадками).

Въ 1886 г. въ Ахалцихѣ было всего грозъ 34; онѣ распредѣлялись по мѣсяцамъ такъ: въ маѣ—11, въ іюнѣ—8, въ іюлѣ и августѣ—по 7 и въ сентябрѣ—1; при этомъ число грозъ съ градомъ составляетъ 3⁰/₀ *).

Изъ приводимыхъ данныхъ видно, что первыя грозы въ Ахалцихѣ появляются въ маѣ, но намъ приходилось слышать грозы и въ началѣ марта.

Что же касается до града, то онъ здѣсь не отличается ни силой, ни величиной, и вредъ, причиняемый имъ садамъ, —весьма незначительный, о чемъ, между прочимъ, упоминаетъ также и Геевскій.

Въ Ахалцихѣ, „преобладающіе вѣтры, по наблюденіямъ г. Рибке,—читаемъ у В. Н. Геевского—западные, восточные, сѣверо-западные и юго-восточные“; по нашимъ же личнымъ наблюденіямъ, они распредѣляются иначе: преобладающіе вѣтры —западные и сѣверо-восточные; прочіе вѣтры не отличаются ни правильностью, ни періодичностью.

Западные вѣтры, съ начала іюня и до сентября, дуютъ почти каждый день; притомъ, они поднимаются около 2-хъ часовъ пополудни и стихаютъ къ 6—7 ч. вечера, замѣтно ослабѣвая къ концу. Сѣверо-восточные вѣтры дуютъ осенью и зимой, отличаются рѣзкостью и почти всегда холодны.

*) Сравн.: Наблюденія надъ грозами въ 1886 г. Гл. V. Стран. 12, въ „Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи, издаваемыхъ Г. Вильдомъ, Членомъ Императорской Академіи Наукъ и Директоромъ Главной Физической Обсерваторіи. 1886-й годъ. Ч. I. Метеорологическія и магнитныя наблюденія станцій 1 разряда и экстраординарныя наблюденія станцій 2 и 3 разряда.“ Спб. 1886.

Какъ на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и на основаніи отзывовъ разныхъ лицъ, климатъ Ахалциха можно признать здоровымъ. Это понятно: значительно возвышенное положеніе города, отсутствіе болотъ въ его окрестностяхъ, умѣренная сухость воздуха, болѣе или менѣе правильное распредѣленіе влаги, сравнительно равномерные переходы отъ одного времени года къ другому, наконецъ, періодичность вѣтровъ, все это говорить въ пользу климата города. Къстати вспомнимъ здѣсь, что д-ръ Тороповъ *) относитъ Ахалцихскій уѣздъ къ мѣстамъ, лишеннымъ лихорадокъ, и въ приложенной къ этому труду пиретологической картѣ зеленая краска, обозначающая лихорадочныя мѣста, едва касается Ахалциха.

Заканчивая наши замѣтки о климатѣ **) Ахалциха, сдѣлаемъ бѣглый очеркъ внѣшнихъ климатическихъ проявленій.

Первые холода въ Ахалцихѣ появляются въ серединѣ и концѣ ноября, рѣдко раньше, заканчиваются же въ серединѣ марта, рѣдко позже. Какъ на исключеніе, можно указать, что въ 1882 г. выпалъ снѣгъ, довольно значительный, въ началѣ іюня (онъ немало повредилъ плодовымъ деревьямъ), а въ 1887 г.—въ концѣ сентября. Вообще же, если снѣгъ и вы-

*) *Д-ръ Тороповъ*: „Опытъ медицинской географіи Кавказа, относительно перемежающихся лихорадокъ“. Изданіе Военно-Медицинскаго Департамента. 1864. „Трудъ доктора Торопова, по своему свѣтлому взгляду, одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые появляются не часто и составляютъ эпоху въ наукѣ... Хотя уже прошло 14 лѣтъ со времени перваго (т. е. этого) труда, но добавить къ нему ничего не приходится, развѣ новыя факты, добытыя метеорологіею.“ (*Б. Статко-ский*: „Задачи климатологіи Кавказа.“ Стр. 164. Спб. 1878). Въ виду этого нашъ авторъ могъ смѣло опереться на авторитетъ д-ра Торопова. *Ред.*

**) Сравни о климатѣ Ахалциха въ статьѣ учителя-инспектора Ахалцихскаго городского училища, *Гонадзе*: „Замѣтки о состояніи промышленности въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи“. См. въ „Сборникѣ мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. I. Отд. I. Стр. 71.

Небезынтересно сопоставить со всѣми этими данными о климатѣ Ахалциха свѣдѣнія о климатѣ Псковскаго участка, связь котораго съ Ардаганскимъ округомъ „чисто искусственная“: „онъ скорѣе долженъ быть присоединенъ къ Ахалцихскому уѣзду, центральный городъ котораго отстоитъ отъ него всего въ какихъ-либо восемнадцати верстахъ“. „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. V. Отд. I. Стр. 19; 24—25 (статья г. Садовскаго). *Ред.*

падаетъ позже или раньше обыкновеннаго указаннаго срока, то незначительный, — съ первыми лучами солнца онъ исчезаетъ. Зимы бываютъ малоснѣжныя, такъ-что санная дорога держится не болѣе 3—5 дней; мы помнимъ долгую санную дорогу только въ 1881 г., при довольно значительной глубинѣ снѣга. Мартъ и апрѣль — мѣсяцы цвѣтенія плодовыхъ деревъ; кизиль начинаетъ цвѣсти въ срединѣ марта; тогда же находится въ цвѣту мелкій орѣхъ; крупный же орѣхъ цвѣтетъ въ концѣ апрѣля, когда цвѣтетъ и айва; а нѣсколько раньше, т. е. въ срединѣ апрѣля, — груши, персики, абрикосы, сливы; тута начинаетъ выбрасывать цвѣты и листья въ концѣ апрѣля. Кизиль поспѣваетъ къ концу сентября; вишни — къ концу іюня: яблоки и груши — въ августѣ и сентябрѣ, смотря по сортамъ; сливы — къ концу августа и въ сентябрѣ; айва и персики — въ сентябрѣ; абрикосы — въ концѣ іюля; тута — съ середины іюля; мелкій орѣхъ — въ августѣ, а крупный орѣхъ — въ октябрѣ.

Лѣто вообще жаркое: жаръ нрѣдко въ тѣни доходить до 30⁰ по Р. и даже выше. Осень, обыкновенно, постоянная, ясная, ровная, съ постепенно понижающейся температурой. Рѣзкія перемены температуры вообще рѣдко встрѣчаются *).

*) Данными В. Н. Геевского о климатѣ Ахалциха воспользовался, раньше нашего автора, Х. А. Вермишевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ Тифлисской губерніи.“ Стр. 6—11. См. въ „Матеріалахъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края.“ Т. III. Ч. II. Тифлисъ. 1886. Относительно климата Ахалциха есть ежемѣсячныя среднія температуры, по стоградусному термометру, за первые 9 мѣсяцевъ 1874 г., въ трудѣ Академика Вильда: „О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи“. Ч. III. Таблица VII. Отд. подъ № 288. Стран. СС. Слб. 1882. Объясненіе къ таблицѣ, подъ № 288, — въ „Приложеніи“, на стран. 266.

„Кавказскій календарь на 1888 годъ“ только послѣдними данными и пользуется для характеристики климата Ахалциха. Отд. I. Стр. 42. Тифлисъ. 1887.

Ред.

Строение почвы: минеральные богатства.

По обще-распространенному мнѣнію, встрѣчающемуся у различныхъ авторовъ *) писавшихъ объ Ахалцихской котловинѣ, Ахалцихскій уѣздъ лежитъ на вулканическихъ образованияхъ; въ окрестностяхъ же Ахалциха встрѣчаются слѣды мѣловой и третичной формаций (молассовой), перемѣшанные съ различными породами осадочныхъ образований, болѣе ранняго періода, а также—порфиръ, трахитъ, мелофиръ, базальтъ и, какъ рѣдкая порода, варіолитъ; кромѣ этого, близъ селенія Суфлисъ находятся незначительныя залежи каменнаго угля, а въ различныхъ мѣстахъ уѣзда—алебастръ, известъ, болѣе или менѣе цѣнные виды глины, вполне пригодной для гончарныхъ издѣлій.

Окрестности Ахалциха богаты также минеральными источниками. Такіе источники, какъ Абастуманскіе, Уравельскіе, Аспиндзскіе, Цинубанскіе и др., извѣстны своими цѣлебными свойствами. Въ самомъ Ахалцихѣ, за Еврейскимъ кварталомъ и во многихъ мѣстахъ старой части города, находятся горько-соленые источники; по мѣстамъ, гдѣ протекаетъ вода этихъ источниковъ, остаются осадки, напоминающіе вкусомъ морскую соль. Эту воду жители употребляютъ вмѣсто слабительнаго: одинъ стаканъ ея вполне замѣняетъ значительный приемъ слабительнаго; въ ней также купаются, при навозныхъ болѣзняхъ. Температура этой воды, по Морицу, равна $+17^{\circ}$ R. „По наблюденіямъ д-ра Теляфуса она оказывается полезною

*) Сравн. въ указанномъ выше изслѣдованіи Х. А. Вермишева, стр. 4—5. Кромѣ свѣдѣній о минеральныхъ водахъ, есть любопытныя свѣдѣнія, по *этому* вопросу, и въ статьѣ Ф. Г. ф.-Кошкуня: „Геологическія изслѣдованія минеральныхъ источниковъ Ахалцихскаго и части Горійскаго уѣздовъ, произведенныя лѣтомъ 1871 года.“ См. „Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“. Кн. VIII. Тифлисъ. 1873.

Въ „Атласѣ къ VIII книжкѣ Зап. Кавк. Отд. Императорскаго Рус. Геогр. Общ.“ есть профиль (Ю. В.—С. З.) породы, отъ Уравеля до Зикарскаго перевала, чрезъ Ахалцихъ и Абастуманъ.

при страданіяхъ печени и вызываемыхъ ими болѣзняхъ, при навозныхъ страданіяхъ и катаррѣ легкихъ (Анановъ)“ *).

Санитарныя условія; вода для питья.

Какъ уже было сказано выше, Ахалцихъ имѣетъ здоровый климатъ; но, не смотря на это, смертность въ немъ довольно значительная: причины этого явленія кроются въ тѣхъ антисанитарныхъ условіяхъ, которыми такъ богатъ Ахалцихъ.

Прежде всего, значительная часть новой части города построена на бывшемъ, при турецкомъ правительствѣ, кладбищѣ; кромѣ этого, въ той же части во время чумы въ 1830 году было погребено немало жертвъ этой эпидеміи. Притомъ, всѣ 7 кладбищъ города находятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилыхъ помѣщеній, а 3 изъ нихъ: православное, еврейское и армяно-григоріанское, — положительно рядомъ съ дворами.

Въ новой части города прогрессивно увеличиваются разсадники заразы, не смотря на то, что здѣсь санитарныя условія далеко лучше. Къ такимъ разсадникамъ заразы нужно отнести склонъ, идущій отъ городского училища вплоть до казармъ Таманскаго полка, ручей Марда-чай, рядъ темныхъ улицъ, идущихъ параллельно или пересекающихъ Базарную улицу, полуразрушенныя зданія близъ городской управы, наконецъ, большинство улицъ на окраинахъ города: все это — хранилища годами скопленнаго мусора, отбросовъ, навоза, нерѣдко, труповъ животныхъ и, наконецъ, всевозможныхъ другихъ нечистотъ. Все это разлагается, гниетъ и заражаетъ воздухъ. Городская бойня, построенная рядомъ съ жилыми помѣщеніями, въ свою очередь распространяетъ, особенно лѣтомъ, специфическій вредный запахъ на далекое пространство кругомъ себя. Даже и болѣе людныя улицы, площади и ба-

*) См. статью *д-ра Карповича*: „Бальнеологическій очеркъ Тифлисской губерніи.“ Стр. 239—240: „Сборникъ матеріаловъ для описанія Тифлисской губерніи, издаваемый при канцеляріи Тифлискаго губернатора подъ редакціею правителя оной К. Д. Зиссермана.“ Т. I. Вып. II. Тифансь. 1871. *Авт.*

зары не отличаются чистотой: на нихъ есть мѣста, обладающія убійственнымъ зловоніемъ.

Мы уже говорили, что старая часть города, вмѣстѣ съ Еврейскимъ кварталомъ, находится въ еще худшихъ условіяхъ. Если къ этому прибавить отсутствіе во многихъ домахъ сортировъ, плохое устройство ихъ въ прочихъ, скученность построекъ, бѣдность населенія, а въ силу этого—скопленіе въ одной-двухъ клѣтушкахъ 5—6 человѣкъ, совмѣстно съ домашнимъ скотомъ, поглощеніе массы дешевой зелени и гнилыхъ фруктовъ лѣтомъ, то отсутствіе санитарныхъ условій будетъ говорить само за себя.

Къ числу условій, дѣйствующихъ на здоровье человѣка, положительно или отрицательно, надо отнести воду для питья. Вода для питья въ Ахалцихѣ берется изъ Пощовки и фонтановъ; послѣднихъ во всемъ городѣ до 15. По общему отзыву большинства врачей Ахалциха, вода Пощовки безвредна *); съ этимъ вполне можно согласиться только относительно той части рѣки, которая находится выше бойни и впаденія Марда-чая; что же касается остальной части, то безвредность ея подлежитъ крайнему сомнѣнію, а между тѣмъ здѣсь берутъ воду для питья и поятъ скотъ. Вода же большинства фонтановъ положительно вредна; это зависитъ отъ дурного устройства трубъ и засоренія ихъ органическими и неорганическими веществами, да и самыя трубы, какъ деревянныя, скоро подвергаются гніенію и порчѣ и въ тому же плохо содержатся. Качество фонтанной воды характеризуютъ слѣдующія свойства: она не утоляетъ жажды; налитая въ графинъ или стаканъ, даетъ слизистый осадокъ и принимаетъ синеватый цвѣтъ; вкусъ ея напоминаетъ вкусъ болотной воды; кроме того, она даетъ незначительный настой чая; мыло въ ней

*) Объ источникахъ, образующихъ рѣку Пощовку, и о качествѣ ея воды сравн. у Гопадзе: „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. V. Отд. I. Стр. 20—22. *Ред.*

трудно растворяется, а мясо, будучи положено въ нее на нѣсколько часовъ, принимаетъ темный цвѣтъ; по сравненію съ рѣчной водой, она сохраняется не такъ долго, какъ рѣчная. Все это указываетъ на то, что въ фонтанной водѣ много постороннихъ примѣсей. Фонтанной водѣ, можно полагать, жители обязаны многими желудочными болѣзнями, присутствіемъ въ желудкахъ паразитовъ, напр., ленточной глисты, а также и тѣмъ, что такъ долго и упорно держится въ Ахалцихѣ брюшной тифъ.

Для большаго уясненія вредно дѣйствующихъ условій на мѣстное населеніе прилагаемъ двѣ таблицы (А. и В.) смертности, за 10 лѣтъ, составленныя по даннымъ, собраннымъ нами изъ всѣхъ церквей города Ахалциха.

Разсматривая таблицу, подъ литерой А., мы замѣчаемъ, что за десятилѣтній періодъ, съ 1877 г. по 1886 г., лицъ разныхъ національностей умерло въ Ахалцихѣ—если не считать 191 ч., умершихъ по Абастуманскому госпиталю, бывшему тогда въ городѣ,—всего 3881 человекъ: изъ нихъ 2030 мужчинъ и 1851 женщина. Слѣдовательно, среднимъ числомъ въ городѣ умерало каждый годъ по 388,1 ч.

Наибольшая смертность была въ 1877 г.: именно—умерло 552 ч.; затѣмъ въ 1880 г.—489 ч.; наименьшая—въ 1884 г.: умерло 344 ч. Значительная смертность въ 1877 г. объясняется какъ годомъ войны, такъ и тѣмъ, что въ этомъ году оспа приняла эпидемическій характеръ и поглотила 78 ч.; а въ 1880 г. эпидемическій характеръ имѣла корь, отъ которой умерло 100 ч. (См. ниже, 186 стр.).

Въ виду того, что за 1886 г. имѣются болѣе широкія и точныя статистическія данныя о числѣ населенія города, возможно сдѣлать болѣе опредѣленныя указанія относительно смертности въ этомъ году. Въ 1886 г. умерло лицъ разныхъ національностей 430 ч.; за то же время числилось постоянно и временно проживающихъ въ городѣ 13391 ч.: на 1000

приходится умершихъ болѣе 32 ч. (32,₁₁). При этомъ, по національностямъ смертность распредѣлялась такъ: русскихъ на 1000 ч. умерло 23 ч. (23,₀₇), армянь—31 ч. (31,₅₅), грузинъ—34 ч. (33,₉₄), евреевъ—33 ч. (33,₅₄) и прочихъ національностей—29 ч. (29,₂₇); т. е. наибольшая смертность была между грузинами, затѣмъ между евреями; наименьшая—между русскими; армяне и прочія національности занимаютъ середину между указанными крайностями, болѣе приближаясь, впрочемъ, въ смертности евреевъ и грузинъ.

Само собою понятно, что продолжительность жизни человека зависитъ въ значительной степени отъ тѣхъ условий въ которыхъ онъ живетъ въ данное время. Выше было указано, что старая часть города, гдѣ живетъ бѣднѣйшее грузинское населеніе, и Еврейскій кварталъ, въ санитарномъ отношеніи, стоятъ ниже, чѣмъ прочія части. Отсюда понятно, почему между грузинами смертность достигла высшей цыфры, по сравненію съ прочими національностями, а также—почему евреи занимаютъ второе мѣсто, послѣ грузинъ. Разсматривая ту же таблицу, видимъ, что наибольшая смертность падаетъ на августъ мѣсяць, вообще неблагоприятный для здоровья, а въ Ахалцихѣ въ особенности: въ это время на базарахъ Ахалциха появляется масса зелени, фруктовъ, зачастую, гнилыхъ, а еще болѣе, зеленыхъ; при дешевизнѣ, масса фруктовъ поглощается бѣднѣйшимъ населеніемъ, для котораго они служатъ, лѣтомъ, главною пищею. Отсюда появляются всевозможныя гастрическія болѣзни, весьма часто остраго характера, чѣмъ и объясняется значительная смертность въ августѣ. За 10 лѣтъ въ августѣ умерло 405 ч. *), что въ среднемъ выводѣ составляетъ болѣе 40 ч., въ мѣсяць (40,₅).

*) Въ это число не входятъ умершіе въ августѣ, по 1883 г., русскіе, по Абастуманскому госпиталю, и евреи. Число такихъ—134 (1877—83). *Асм.*

381.

1886.

За 10 лѣтъ.

Грузинъ.		Русскихъ.		Армянъ.		Грузинъ.		Евреевъ.		Проч. нац.		Всего.				
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	Об. пог.		
4	3	—	—	9	11	3	1	—	1	—	—	158	137	295		
1	3	—	—	6	8	4	2	1	2	1	—	166	123	289		
3	4	—	—	12	6	2	1	2	1	1	—	186	167	353		
4	3	—	—	15	7	3	5	—	3	—	—	181	154	335		
4	1	—	1	16	16	5	2	3	11	—	—	189	137	326		
4	3	—	1	16	6	7	7	4	3	—	—	169	125	294		
3	2	—	—	12	12	3	4	3	3	—	—	163	165	328		
2	2	—	1	7	11	2	2	1	3	1	1	225	180	405		
4	2	—	—	12	12	4	2	1	3	—	1	185	132	317		
5	1	—	—	9	17	1	2	3	1	1	—	117	114	231		
3	—	—	—	18	6	2	3	2	1	—	—	139	115	254		
—	4	—	—	16	18	8	10	1	3	—	—	173	147	320		
												2051	1696	3747		
37	23	2	1	148	132	44	41	21	35	4	2	} 4072				
65				3	230	85	56	6								
360				430												

2 ч., 5 ч., — всѣ м. п. Всего—191 ч.

	1877.										1878.												
	Русскихъ.		Армянъ.		Грузинъ.		Евреевъ.		Прочихъ національностей.		Русскихъ.		Армянъ.		Грузинъ.		Евреевъ.		Проч. нац.		Русскихъ.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.
До 1-го года.	1	5	18	30	12	10	—	—	—	—	3	2	24	22	6	9	—	—	—	1	2	4	37
Отъ 1 до 10 л.	—	3	79	84	8	7	—	—	1	1	3	1	32	32	11	7	—	—	3	—	3	2	36
„ 10— 20 „	1	—	11	14	3	6	—	—	1	—	—	—	8	4	5	2	—	—	—	—	—	—	6
„ 20— 30 „	38	—	9	8	—	2	—	—	8	—	—	—	4	1	6	2	—	—	16	—	26	—	3
„ 30— 40 „	22	1	7	6	1	—	—	—	1	—	—	—	3	6	3	3	—	—	8	—	1	—	6
„ 40— 50 „	7	—	5	6	1	2	—	—	1	—	—	—	4	5	3	2	—	—	1	—	3	—	5
„ 50— 60 „	3	—	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	4	5	2	—	—	—	—	—	1	1	8
„ 60— 70 „	1	—	9	7	1	5	—	—	—	—	—	—	6	5	1	1	—	—	—	—	—	1	5
„ 70— 80 „	—	2	5	10	1	—	—	—	—	—	—	—	7	7	—	1	—	—	1	1	—	—	10
„ 80— 90 „	—	1	4	9	—	—	—	—	—	—	—	—	3	5	—	1	—	—	—	—	—	—	8
„ 90—100 „	—	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Свыше 100 „	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего .	73	12	153	178	29	32	33	29	12	1	6	3	98	93	38	28	29	28	29	2	36	8	126
	85		331		61	62	13				9		191	66	57	31			44		2		
	552										354												

Послѣ августа, больше всего умерло, за 10 лѣтъ, въ мартѣ: именно—353 ч., затѣмъ въ апрѣлѣ—335 ч.; менѣе всего умерло въ октябрѣ—231 ч. По временамъ года смертность распредѣляется такъ: лѣтомъ, за 10 лѣтъ, умерло 1027 ч., среднимъ числомъ—въ 1 годъ 102,7; весной—1014 ч., въ 1 годъ—101,4; зимой—904 ч., въ 1 годъ—90,4; 802 ч.—осенью, въ 1 годъ—80,2; значить, лѣтомъ и весной умерло наибольшее число, осенью и зимой—наименьшее.

Изъ таблицы, подѣ литерой В., видно, что наибольшая смертность падаетъ вообще на дѣтскій возрастъ: дѣтей обоого пола, до одного года, за 10 лѣтъ, умерло 869; отъ 1 года до 10 лѣтъ—1111 ч., или, до 10-лѣтняго возраста, умерло всего 1980 ч., что составляетъ 52,84% общаго числа умершихъ, за тотъ же періодъ времени. Въ преклонныхъ лѣтахъ, отъ 60 лѣтъ до 100 и свыше 100, за 10 лѣтъ, умерло 542 ч., среднимъ числомъ въ каждый годъ 54,2; изъ нихъ, отъ 90 лѣтъ до 100, за 10 лѣтъ, умерло 42 ч., въ 1 годъ 4,2, и свыше 100 лѣтъ, за 10 лѣтъ,—12 ч., въ 1 г.—1,2. Нельзя не отмѣтить того факта, что изъ 42 ч., умершихъ, за 10 лѣтъ, въ возрастѣ отъ 90—100 лѣтъ, 36 ч. было армянъ, а 12 ч. за то же время, умершихъ свыше 100 лѣтъ,—всѣ армяне; объяснить этого факта перевѣсомъ армянскаго населенія нельзя, такъ-какъ процентное отношеніе всего населенія къ армянскому не оправдываетъ такого вывода: скорѣй это объясняется лучшими условіями, въ которыхъ живетъ армянское населеніе.

Кстати здѣсь мы приведемъ цифровые выводы хоть относительно нѣкоторыхъ главныхъ и болѣе извѣстныхъ болѣзней, отъ которыхъ умирало наибольшее число лицъ.

Смертные случаи отъ чахотки занимаютъ первое мѣсто, среди другихъ причинъ смертности, за исключеніемъ старости: такъ, отъ чахотки умерло, въ 10 лѣтъ, 368 ч., среднимъ числомъ въ годъ—36,8; чахотка, въ силу наследственной пере-

дачи, иногда поражаетъ въ Ахалцихъ цѣлыя семейства. Второе мѣсто, послѣ чахотки, занимаетъ коклюшь: отъ него, за 10 лѣтъ, умерло 363 ч., въ 1 г.—36,3; наибольшая смертность была въ 1882 г., когда умерло отъ этой болѣзни 69 ч. Отъ поноса, за 10 л., умерло 322 ч., въ 1 г.—32,2; отъ кори—222 ч., въ 1 г.—22,2 (изъ нихъ 100 ч. въ 1880 г.); отъ тифа—182 ч., въ 1 г.—18,2; отъ родовъ—262 ч., въ

С. Число

	1877.					1878.					1879.					1880.					1881.					
	Русскихъ.	Армянскихъ.	Грузинскихъ.	Еврейскихъ.	Прочихъ національностей.	Русскихъ.	Армянскихъ.	Грузинскихъ.	Еврейскихъ.	Проч. нац.	Русскихъ.	Армянскихъ.	Грузинскихъ.	Еврейскихъ.	Проч. нац.	Русскихъ.	Армянскихъ.	Грузинскихъ.	Еврейскихъ.	Проч. нац.	Русскихъ.	Армянскихъ.	Грузинскихъ.	Еврейскихъ.	Проч. нац.	
Январь . . .	16	1	—	—	—	1	4	7	—	—	1	15	8	—	2	—	4	4	—	1	1	2	4	—	—	—
Февраль . . .	10	—	—	—	—	1	31	6	—	—	—	24	15	—	1	2	30	5	—	—	—	14	7	—	—	—
Мартъ . . .	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрѣль . . .	1	2	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—
Май	—	4	1	—	—	1	—	2	—	—	—	—	3	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Июнь	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	14	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	4	—	—	—
Июль	—	2	—	—	—	1	3	3	—	2	—	5	1	—	—	—	5	2	—	—	1	3	—	—	—	—
Августъ . . .	—	3	1	—	—	1	4	—	—	—	—	9	3	—	—	—	3	3	—	1	—	3	1	—	—	—
Сентябрь . . .	—	5	1	—	1	—	6	—	—	—	—	10	—	—	—	—	6	—	—	—	1	1	1	—	—	—
Октябрь . . .	—	7	—	—	—	1	28	1	—	1	—	21	—	—	—	—	5	1	—	—	—	8	2	—	—	—
Ноябрь . . .	1	9	4	—	—	3	18	4	3	1	11	3	—	1	1	10	4	—	1	—	11	3	—	—	—	—
Декабрь . . .	—	15	1	—	—	—	17	—	—	—	—	16	—	—	—	—	8	—	—	—	—	5	5	—	—	—
В с е г о .	2	72	11	15	1	9	116	24	15	4	5	125	33	23	4	3	75	24	14	3	4	48	29	16	—	—
	101					168					190					119					102					

1—г. 26,₂; отъ оспы—170 ч., въ 1 г.—17; отъ скарлатины—173 ч., въ 1 г.—17,₃. Отъ другихъ болѣзней умерло, за 10 л., сравнительно съ приведенными данными, значительно меньше (менѣ ста), за исключеніемъ, впрочемъ, дифтерита (143), горячки (138) и воспаленія легкихъ (111).

Въ дополненіе очерка, приводимъ таблицы числа браковъ (С) и родившихся (D) въ Ахалцихѣ.

Б р а к о в ь.

1882.			1883.			1884.			1885.			1886.			За 10 лѣтъ.														
Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Грузинскіхъ.	Еврейскіхъ.	Проч. нац.	Всего.											
6	8	—	1	—	6	2	—	—	1	9	7	—	—	1	20	8	—	1	5	4	—	1	5	87	48	—	6	146	
15	2	—	—	1	25	3	—	—	29	6	4	—	—	6	2	2	—	—	38	2	2	—	4	222	48	8	2	284	
—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	6	4	4	—	14	
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	2	2	13	3	3	23
—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	3	1	—	2	2	3	1	—	2	1	3	1	1	8	12	9	4	34	
3	3	—	—	—	1	1	—	—	1	7	1	2	—	3	—	4	—	—	1	2	2	4	1	2	33	14	10	1	60
6	2	—	—	—	—	1	—	—	—	7	3	—	—	4	—	1	—	—	1	1	1	—	5	36	13	1	—	55	
—	—	—	—	—	7	1	—	—	—	2	—	—	—	4	1	—	—	—	1	—	1	1	—	2	35	11	1	1	50
—	1	—	—	—	4	1	—	—	—	—	5	1	—	4	1	10	—	—	6	3	6	—	1	43	7	21	2	74	
—	9	—	—	—	12	3	—	1	—	17	—	2	—	7	—	3	1	—	15	2	4	1	2	129	9	9	3	152	
—	5	7	—	—	7	1	—	—	—	17	5	1	—	4	5	1	1	—	9	4	—	—	8	101	40	2	6	157	
—	13	3	—	—	6	1	—	—	—	3	5	—	—	11	—	4	—	—	15	3	3	—	—	109	18	7	1	135	
															32	811	237	75	29	1184									
2	58	20	25	3	1	68	19	14	1	2	91	34	18	2	1	65	19	29	4	3	93	24	28	4					
108			103			147			118			152			1308														

Изъ таблицы, подъ литерой С., видно, что всѣхъ браковъ, за 10 лѣтъ, въ городѣ было 1308, среднимъ числомъ за каждый годъ 130,8. По національностямъ, за 10 лѣтъ, браки распадаются такъ: русскихъ—32, армянскихъ—811, грузинскихъ—237, еврейскихъ—199 (124 бр. за первые 7 лѣтъ), прочихъ національностей—29. Наибольшее число браковъ падаетъ на 1878 г. (168) и 1886 г. (152), наименьшее — на 1877 г. (101). Болѣе благоприятный мѣсяць для заключенія браковъ—февраль: въ этомъ мѣсяцѣ, за 10 лѣтъ, было 284 брака, среднимъ числомъ въ каждый февраль—28,4; затѣмъ ноябрь (157, за 10 лѣтъ) и октябрь (152); менѣе всего было браковъ, за весь періодъ времени, въ мартѣ (всего—14); зима отличается наибольшимъ числомъ браковъ: за 10 лѣтъ, въ это время года было 565 браковъ, весна—наименьшимъ (71—за 10 л.).

Наконецъ, рассматривая таблицу, подъ литерой D., о числѣ родившихся, мы видимъ, что, за 10 л., родилось дѣтей, обоюга пола, всѣхъ національностей 5942 ч., или среднимъ числомъ въ годъ было около 594 рожденій (594,2); а такъ-какъ, за тотъ же періодъ, среднимъ числомъ умирало въ годъ 407,2 ч. (со включеніемъ умершихъ и по Абастуманскому госпиталю), то перевѣсъ родившихся надъ умершими будетъ равенъ, въ 1 г., 187 ч., а въ 10 л.—1870 ч. Мальчиковъ родилось въ 10 лѣтъ—3039; дѣвочекъ—2903. Наибольшее число родившихся въ январѣ (571) и октябрѣ (532), за 10 лѣтъ. Среднимъ числомъ отъ каждаго брака родилось болѣе 4 дѣтей (4,53), чѣмъ и объясняется значительный приростъ населенія, не смотря на значительную смертность.

Половая зрѣлость женщинъ наступаетъ съ 13 лѣтъ, рѣдко раньше; старѣютъ женщины съ 40 лѣтъ, а въ 50 лѣтъ онѣ выглядываютъ уже старухами. Случай выхода замужъ въ 13 лѣтъ рѣдки: такихъ случаевъ, за 10 лѣтъ, было около 20; главнымъ образомъ выходили замужъ, въ этомъ возрастѣ,

Р О Д И

								1886.								За 10 лѣтъ.			
Евреевъ.				Проч. нац.				Русскихъ.				Армянъ.				Всѣхъ націй.			
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	Об. пола.			
—	—	1	—	—	—	21	18	17	22	9	8	5	6	—	—	290	281	571	
—	—	1	1	—	—	10	21	18	23	5	1	2	3	1	1	247	224	471	
—	—	—	1	—	—	18	19	15	18	2	4	3	3	—	—	238	224	462	
—	1	1	—	—	—	1	21	19	15	3	7	3	—	1	1	221	219	440	
—	1	—	—	—	—	1	13	20	21	17	1	3	6	2	1	2	197	213	410
—	1	—	—	—	—	13	10	13	8	5	6	6	4	1	1	204	176	380	
—	—	—	—	—	—	19	12	12	14	3	3	1	3	1	—	204	201	405	
—	—	1	—	—	—	1	20	21	15	5	4	4	6	1	3	227	231	458	
—	—	1	1	—	—	19	13	7	7	6	6	4	2	2	2	193	180	373	
—	1	—	—	—	—	2	21	24	28	34	3	10	6	—	—	258	274	532	
—	—	2	—	—	—	14	25	19	3	1	2	4	1	—	1	242	232	474	
—	—	1	—	—	—	13	20	9	11	5	3	3	7	2	4	208	226	434	
																2729	2681	5410	
27	4	8	3	5	202	220	99	187	48	57	47	37	10	15					
2	12		8		422		386	105	84	25					5942				
610																			

вра-
ими
ятся
, за

гру-
цио-
ются
бно-

СТВО

отло-
(3—
сред-
веть,
обен-
ючти
къ и
рест-
вли-
лось,
ливъ,

жимъ
сѣль-
ство-
лосе-
оору-

гру-

ковъ,
за ка
браки
грузи
лѣтъ,
ковъ

—на
ченія
284

тѣмъ
го би
—14
10 л
меньш

числѣ
обоимъ
число
какъ,
407,2
госпит
равен
родил
число
лѣтъ.

4 дѣт
наделе

I

ко ра
онѣ в
13 лѣ
20;

еврейки и грузинки. Больше всего выходятъ замужъ въ возрастѣ между 15 и 20 гг.; за 10 л., въ возрастѣ между этими годами вышло 793 дѣвицы. Большинство мужчинъ женятся въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ; такихъ лѣтъ женилось, за 10 лѣтъ, 867 мужчинъ.

Смѣшанные браки встрѣчаются между русскими и грузинами, а также у этихъ послѣднихъ съ другими національностями, хотя въ послѣднемъ видѣ браки встрѣчаются рѣже; рѣдки также браки армянъ съ другими національностями.

Садоводство, огородничество, хлѣбопашество, птицеводство и рыболовство.

Городъ Ахалцихъ да и вообще вся Ахалцихская котловина, лежа на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря (3—4 т. ф.), отличается поэтому климатомъ, свойственнымъ средней полосѣ Россіи. Но флора котловины во многомъ уступаетъ, какъ по разнообразію растительнаго царства, такъ въ особенности по нѣжности, тѣмъ мѣстамъ, которыя лежатъ почти подъ той же широтой съ ней, какъ, напримѣръ, Сигнахъ и Закаталы; поэтому и сельское хозяйство города и его окрестностей должно было получить направленіе, сообразное съ климатическими особенностями: въ садоводствѣ оно направилось, главнымъ образомъ, на культивированіе яблوكъ, грушъ и сливъ, т. е. плодовъ, свойственныхъ указанной полосѣ.

Плоды садовъ Ахалцихскаго уѣзда отличаются высокимъ достоинствомъ. Это зависитъ уже отъ того, что они воздѣлываются съ давняго времени, чему положительно способствовали и почвенныя богатства данной мѣстности, и малоземельность, и возможность проведенія ирригаціонныхъ сооруженій.

Главный предметъ садоводства составляютъ яблоки и гру-

ши *). Изъ яблокъ въ числу болѣе замѣчательныхъ сортовъ относятся *шахъ-алма*—шахское (царское) яблово; *паша-алма*—яблоко паши; *сюдъ-алма*—молочное яблово; *собъ-алма*; *карам-филъ*—гвоздичное яблово; *махара* и др.; послѣдній видъ болѣе долго сохраняется (до мая).

Изъ грушъ можно отмѣтить слѣдующіе лучшіе сорта: *нана-зыръ*—бабушкина груша; *бекъ-армудъ*—груша бека; *кабахъ-армудъ*—тыквообразная груша; *илынъ-бармаги*—палецъ невѣсты; *ишихъ-мамадъ*—свѣтъ Мамада; *паль-армудъ*—медовая груша; *се-села* и мн. др.; всѣхъ сортовъ яблокъ и грушъ считаютъ болѣе 35.

Въ садахъ разводятъ до 9 видовъ сливъ, бѣлую туту, вишни, грецкій орѣхъ; такіе же фрукты, какъ персики, курага, айва, хотя и разводятся, однако не отличаются сочностью и ароматомъ и довольно низкаго достоинства. Виноградъ въ Ахалцихѣ не растетъ,—были попытки разведенія винограда, но неудачныя: онъ получался нѣсколько выше дикаго,—хотя нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на болѣе низменныхъ окрестныхъ мѣстахъ обработка винограда возможна; это подтверждается уже тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уѣзда находили старые мараны (кувшины для вина), и не такъ еще давно: въ 1886 г. въ Сафарскомъ монастырѣ былъ открытъ маранъ, и въ немъ болѣе 10-ти кувшиновъ; въ одномъ изъ нихъ находилось вино, впрочемъ, съ значительною примѣсью воды, должно быть, просочившейся извнѣ.

Близъ города, по ущельямъ, орошаемымъ Лашихевкой, и по верховью Марда-чая, а также съ южной стороны города и въ самомъ городѣ расположены значительныя сады, площадь которыхъ, приблизительно, равна 60 десятинамъ.

Доходность одной десятины фруктоваго сада въ городѣ,

*) *Научно* и обстоятельно рассмотрѣны различныя сорта яблокъ, грушъ и др., по Ахалцихскому уѣзду, В. Н. Геевскимъ въ указанной выше статьѣ. Стран. 18—30.

Сравни также въ указанной выше статьѣ: „Замѣтки о состояніи промышленности въ Ахалцихскомъ уѣздѣ“ и пр., стр. 72—73. *Ред.*

приблизительно, равна 200—300 руб.; есть сады, доходность которых значительно выше и достигает 400—500 руб. и больше (съ десятины?); конечно, доходность сада опредѣляется тѣми сортами яблокъ и грушъ, которые растутъ въ саду. Доходность могла бы быть значительно увеличена, если бы пользование садами отличалось меньшею примитивностью, и практиковалась бы, при разведеніи садовъ, сортировка деревь.

Особенность Ахалцихскихъ садовъ та, что они даютъ обильный урожай въ 2 года разъ, за исключеніемъ туты, которая даетъ урожай, каждый годъ.

Главный рынокъ яблокъ и грушъ—Ахалцихъ. Здѣсь они сортируются, укладываются въ особо изготовляемые въ городѣ деревянные ящики (такихъ ящиковъ готовится до 2000; въ каждый помѣщается отъ 3 до 6 пуд.) и отправляются въ другіе города—Тифлисъ, Кутаисъ, Елисаветполь, многіе города Сѣвернаго Кавказа, Ростовъ-на-Дону и даже въ Одессу. Всего вывозится фруктовъ, приблизительно, на 40 т. руб. *) въ годъ. Цѣны на яблоки и груши различны: отъ 30—40 коп. и до 2—4 руб. за пудъ и больше; груши дешевле: цѣна на лучшіе сорта ихъ рѣдко поднимается выше 2 руб. за пудъ.

Изъ туты, сливъ, кивиля мѣстные жители готовятъ незамысловатые консервы **).

Бакмазъ готовится изъ сова туты: предварительно совъ сильно кипятятъ, доводятъ тѣмъ до надлежащей густоты и въ такомъ видѣ сохраняютъ.

*) В. Н. Геевскій, въ цитированной выше статьѣ (стран. 39), между прочимъ говоритъ: „Г. Азарашетовъ въ газетѣ „Кавказъ“ за 1872 годъ сообщаетъ, что изъ Ахалцихскаго уѣзда (отъ котораго тогда еще не былъ отдѣленъ Ахалгалакскій) отпускается въ годъ 20 т. пуд. яблокъ и грушъ на 30 т. руб. Г. Загурскій въ статьѣ: „Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ“ (стран. 56—57. *Ред.*), приводитъ ту же цифру. Я полагаю, что цифра эта нѣсколько увеличилась“.

Нашъ авторъ приводитъ *новую* цифру.

Ред.

**) Сравни у Геевского, стр. 29, 36—37.

Сравни у Вермишева, стр. 184—186, вообще—главу: „Садоводство и огородничество“.

Ред.

Пастила готовится изъ туты, сливъ и кизила: пастилу изъ туты готовятъ съ примѣсью муки, а изъ сливъ и кизила—безъ этой примѣси. Чтобы приготовить пастилу изъ туты, сокъ послѣдней путемъ кипяченія доводятъ до густоты бакмаза, затѣмъ смѣшиваютъ его съ мукой (на 1 пудъ соку владуть 10 фунтовъ муки), потомъ опять кипятятъ и послѣ всего этого распускаютъ его тонкимъ слоемъ на бумажную матерію; въ этомъ видѣ и засушиваютъ его на солнцѣ, и пастила готова.

Парварда похожа на бакмазъ: она готовится изъ сливъ, съ примѣсью $\frac{1}{3}$ грушъ, главнымъ образомъ, кабахъ-армудь.—Кромѣ этихъ консервовъ, готовятъ изъ сока ту-ты и муки *кома*.

Всѣ эти консервы служатъ предметомъ мѣстнаго потребленія и только весьма незначительнаго вывоза. Сушка фруктовъ неособенно распространена: сушатъ яблоки, груши, сливы и кизиль. Сушеные фрукты не отличаются высокимъ достоинствомъ, а потому вывозъ ихъ незначителенъ: главнымъ образомъ, они продаются на мѣстныхъ рынкахъ.

То же богатство почвы и благоприятныя климатическія особенности дали возможность мѣстному населенію успѣшно заниматься огородничествомъ. Площадь распахки подъ огороды все болѣе и болѣе увеличивается: не далѣе, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, о посѣвѣ картофеля здѣсь не было и помину, между тѣмъ въ настоящее время, онъ служитъ не только предметомъ повсемѣстнаго употребленія, но его вывозятъ въ значительномъ количествѣ въ Тифлисъ, Кутаисъ и другіе города. Ахалцихскій картофель отличается величиной, рассыпчатостью и пріятнымъ вкусомъ. Кромѣ картофеля, въ Ахалцихскихъ огородахъ сажаютъ капусту, служащую также предметомъ вывоза, рѣдьку, редиску, рѣпу, морковь, фасоль, лукъ, огурцы, сельдерей, подсолнечникъ, петрушку, укропъ, стручковый перецъ, астра-

гонь, кресь-салатъ и разную другую зелень, которая идетъ, напр., къ обѣду мѣстнаго туземнаго населенія.

Изъ городскихъ жителей занимаются хлѣбопашествомъ весьма немногіе: сѣютъ пшеницу, которая родится на неполивныхъ мѣстахъ сама 5—6-ая, а на поливныхъ сама 8; сѣютъ и рожь; послѣдняя даетъ болѣе значительный урожай: на неполивныхъ поляхъ родится она сама 10-ая, а на поливныхъ— сама 15.

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ вообще о флорѣ описываемой мѣстности.

Изъ *мкарственныхъ* растений въ окрестностяхъ Ахалциха встрѣчаются звѣробой, тысячелистникъ, ромашка, дурманъ, мальва, калина, вероника, подорожникъ, блошная трава, служащая предметомъ торговли, малина, липа и др.

Изъ *техническихъ* растений встрѣчается, въ дикомъ состояніи, марена.

Для личнаго обихода, а также и съ промышленной цѣлью держать рогатый скотъ, преимущественно, коровъ; число ихъ, приблизительно, 800 штукъ. Продукты молочнаго хозяйства: молоко, масло, сыръ, потребляются на мѣстѣ. Лѣтомъ 3 стагана молока стоятъ 5 к., зимой вдвое дороже; сыръ отъ 2—4 руб. за пудъ; масло отъ 6—10 руб. за пудъ. Впрочемъ, эти продукты доставляются въ городъ большею частью сельскими жителями.

Для домашняго обихода держать также свиней, ослось, катеровъ и лошадей.

Но вообще фауна Ахалциха и его окрестностей неразнообразна и рѣдкихъ видовъ не имѣетъ.

Птицеводство въ городѣ не распространено: держать, въ незначительномъ количествѣ, куръ, гусей, индѣевъ, утокъ и голубей; обыкновенно же птица доставляется изъ окрестныхъ селъ барышниками-евреями.

Отсутствіе болотъ, значительныхъ озеръ и рѣкъ, въ окре-

стностяхъ Ахалциха и вообще во всемъ уѣздѣ, не дало привольныхъ мѣстъ для царства пернатыхъ, а потому оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ. Отрадь болотныхъ птицъ почти отсутствуетъ: на небольшихъ озерахъ водятся дикія утки, гуси, а пролетомъ попадаютъ бекасы, дупеля, вальдшнепы, чирки; водятся горлицы, куропатки, горныя курочки, скворцы, сѣрые и черные. Изъ хищныхъ птицъ водятся коршуны, ястребы, луны, пустельга. Есть, конечно, и повсемѣстно распространенныя ласточки. Весенній перелетъ птицъ начинается въ концѣ марта и въ апрѣлѣ, а осенній—въ октябрѣ и въ началѣ ноября. Зимой остаются воробьи, сороки, вороны, да прилетаютъ изъ лѣсовъ и спускаются съ горъ цѣлыми стаями коршуны.

Въ рѣкѣ Подховкѣ и ея притокахъ водятся слѣдующіе виды рыбъ: форель, *мурца*—усачъ (особый видъ его—*шморра*), *напта*—плотва, *чанари*—крупный усачъ, *карчхана*—пескаръ (?), *илянъ-палухъ*—змѣя-рыба (по буквальному переводу), *кара-палухъ*, или *шави-тевзи*,—черная рыба, *цители-тевзи*—красная рыба, *мурджа*—синяя рыба; попадаетъ изрѣдка шамая.

Для ловли рыбы употребляютъ навидки, сачки, переметы, а также ловятъ ее посредствомъ особыхъ приспособленій—*осаро* и *очхи*. Осаро устраивается такъ: вся рѣка перепружается, и оставляется одинъ свободный проходъ у котораго-нибудь берега; надъ этимъ проходомъ дѣлаютъ помость для рыбака. Ловятъ тутъ рыбу, собственно, сачкомъ, который опускаютъ противъ свободнаго прохода. Такимъ способомъ ловятъ рыбу во время хода ея, съ марта по конецъ октября.

Забойки *) устраиваются иначе: выкапывается у одного берега рѣки канава, одной стороною которой служить берегъ рѣки, а другую выкладываютъ изъ камней. Канава узкимъ концомъ обращена въ сторону теченія рѣки, а оканчивается

*) Сравни у Вермишева въ его изслѣдованіи: „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ“ и пр. Стр. 211—212.

она довольно значительнымъ спускомъ, который огораживаютъ рѣшеткой; рыба загоняется въ канаву, проходитъ ее и попадаетъ на рѣшетку, гдѣ ее и берутъ. Посредствомъ такого приспособленія рыба ловится во время мелководья; лучший уловъ бываетъ въ октябрѣ и ноябрѣ.

Ловля рыбы даетъ значительный доходъ жителямъ прибрежныхъ селъ, а также и жителямъ города, занимающимся рыбнымъ промысломъ. Главный рынокъ свѣжей рыбы—Ахалцихъ; продаютъ ее больше вареною, въ сильно просоленной водѣ, а подъ видомъ извѣстной *пичхуми*, или не менѣе извѣстной *храмуи*, отправляютъ въ Тифлисъ и Кутаисъ, гдѣ она продается по 6—8 руб. за пудъ.

Торговля и промышленность.

Не такъ еще давно городъ Ахалцихъ лежалъ на пути караванной торговли; здѣсь же проходила такъ называемая Большая транзитная дорога въ Персію, а близость границы дѣлала его значительнымъ торговымъ пунктомъ двухъ сосѣднихъ государствъ—Россіи и Турціи; благодаря тому же соудству, онъ былъ мѣстомъ обширной и бойвой контрабандной торговли. Патріархальныя же потребности и условія жизни прежняго азіатскаго города и промышленнаго центра создали въ немъ значительныя и разнообразныя цехи ремесленниковъ, а потому Ахалцихъ былъ однимъ изъ бойвихъ уѣздныхъ городовъ западной части Закавказья. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ Ахалцихская таможня „очищала“ слишкомъ на полмилліона руб. товару въ годъ. Если къ этому прибавить, что городъ былъ центромъ значительнаго привоза изъ Россіи, а также и вывоза, то ясно, что торговые обороты Ахалциха въ это время должны были доходить до крупныхъ размѣровъ. Но, вслѣдствіе проведенія Поти-тифлисскаго желѣзнодорожнаго пути и вслѣдствіе отдаленія отъ границы съ послѣдней Русско-турецкой войны, торговля Ахалциха упала: по офици-

ціальнымъ даннымъ, за 1886 годъ, привозъ товаровъ въ этомъ году равнялся 200000 руб., а вывозъ—55000 рублей.

Въ настоящее время торговля города нѣсколько оживляется. Этому способствуетъ, во 1-хъ, то обстоятельство, что въ городѣ расположенъ 150-й пѣхотный Таманскій полкъ и двѣ батареи 38-й дивизіи, а во 2-хъ, и то, что дивизионный лагерь находится въ 6 верстахъ отъ Ахалциха, хотя и временно.

Въ Ахалцихѣ два базара—въ старой и новой частяхъ; они, по вѣшнему виду, представляютъ смѣсь европейскаго съ азиатскимъ. Базаръ старой части напоминаетъ базаръ большого грузинскаго села; не отличается своею вѣшностью базаръ и новой части: магазиновъ и лавокъ, которые производили бы своимъ наружнымъ видомъ впечатлѣніе опрятности и чистоты и отличались бы порядочной выставочной группировкой предметовъ, здѣсь нѣтъ; нѣтъ также обособленія торговцевъ однороднымъ товаромъ: рядомъ съ продавцомъ краснаго товара помѣщается туземный башмачникъ; тутъ же ютится продавецъ фруктовъ и разной мелочи; далѣе—кондитеръ; потомъ—опять продавецъ краснаго товара или бакалейная лавка и т. д. Характеръ торговли болѣе, чѣмъ примитивный: цѣль ея получить въ данный моментъ возможно больше барыша, хотя бы чрезъ это пришлось лишиться впоследствии болѣе значительной прибыли; заламываніе цѣнъ, въ-три-дорога, вещь обыкновенная; обмануть, обвѣсить, продать товаръ низшаго достоинства за высшій—также; вѣжливость между торговцами—рѣдкое исключеніе. Ни прихода-расходныхъ книгъ, ни точнаго расчета, ни наблюденія за цѣнами товаровъ на другихъ рынкахъ у ахалцихскихъ торговцевъ нѣтъ; только, какъ на исключеніе, можно указать на двухъ-трехъ торговцевъ изъ армянъ и евреевъ.

Ахалцихскіе торговцы привозятъ товаръ изъ Тифлиса, Одессы, Варшавы, Москвы, Ростова-на-Дону, а также изъ

Нижняго Новгорода; непосредственныя сношенія съ заграничными торговыми домами вообще весьма рѣдки и ограничиваются Константинополемъ, Эрзерумомъ, Тавризомъ, Вѣной и Марселью, да и это—переживаніе прежняго торговаго положенія города.

Предметомъ привозной торговли служатъ мануфактурныя, колоніальныя и гастрономическія товары, а также посуда, готовое платье и обувь, а предметомъ вывозной, въ незначительномъ количествѣ, служатъ серебряныя, золотопшвейныя, коженныя и шелковыя издѣлія; въ болѣе же значительномъ количествѣ—фрукты, сырыя кожи, желѣзныя издѣлія, туземная обувь, лѣсъ, табакъ, продукты огородничества (картофель, капуста), молочнаго хозяйства и скоть (на убой).

Ахалцихъ, по числу ремесленниковъ, въ Тифлисской губерніи—второй, послѣ Тифлиса, городъ. Цехи развились въ Ахалцихѣ, благодаря тому, что онъ былъ столицею прежняго Саатабаго и административнымъ центромъ значительнаго пашлыка, а при русскомъ правительствѣ ихъ поддерживали традиціи. Находясь болѣе двухъ сотъ лѣтъ подъ властью Турціи, Ахалцихскіе цехи многое, въ своемъ устройствѣ, переняли у этой послѣдней, а потому по своей организаціи имѣютъ много общаго съ устройствомъ цеховъ въ азіатскихъ городахъ (что обуславливается одинаковыми причинами, породившими цеховое устройство и развитіе). Но первоначальныя формы цеховъ въ настоящее время замѣтно разрушаются, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, напр., вслѣдствіе постепенно возрастающаго господства крупнаго фабричнаго производства.

Всѣхъ главныхъ *аснафовъ* (цеховъ) въ Ахалцихѣ — 18 (остальные ремесленники входятъ въ однородные цехи). Устройство ихъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее: мастера известнаго цеха изъ своей среды выбираютъ *устабаша*—главу, обязанности котораго заключаются въ томъ, что онъ слѣдитъ за порядками своего цеха, а въ случаѣ нарушенія порядка чинить

судъ и расправу. Впрочемъ, съ введеніемъ новыхъ судовъ, роль усташа, въ этомъ отношеніи, значительно упала. Усташаши, а также и мастера выбираютъ *усталари-усташа*—главу всѣхъ цеховъ. Посвященіе въ подмастерья и мастера сопровождается нѣкоторыми обрядностями: напримѣръ, при посвященіи въ мастера, читаютъ молитву, имѣющуюся у каждаго цеха; посвящающійся долженъ поцѣловать руки мастера, у котораго онъ учился, и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ; каждый, вновь посвященный, подмастерье и мастеръ, долженъ внести вкладъ въ цеховую кассу, назначеніе которой—помогать бѣднымъ ремесленникамъ и ихъ семействамъ.—Каждый цехъ имѣетъ свой значокъ.

Таково было устройство цеховъ въ прежнее время; въ настоящее время оно замѣтно разрушается: теперь для полученія степени подмастерья и мастера, въ большинствѣ случаевъ, ѣдутъ въ Тифлисъ и тамъ держать экзаменъ въ ремесленной управѣ.

Изъ издѣлій Ахалцихскихъ ремесленниковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія шитье золотомъ, изготовленіе и окрашивание шелковыхъ тканей, производство серебряныхъ ажурныхъ издѣлій, тканье *эйрамъ* (женскія покрывала) и выдѣлка кожъ *).

Когда-то Ахалцихъ славился производствомъ разнаго рода оружія, но въ послѣднее время, съ измѣненіемъ потребностей, а также съ измѣненіемъ рода оружія это производство упало до незначительныхъ размѣровъ.

Шитье золотомъ по сукну и бархату, а также филиграновыя серебряныя издѣлія—такого достоинства, что ими могутъ гордиться ахалцихскіе ремесленники. Эти издѣлія отли-

*) По настоящему вопросу, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія можно найти въ статьѣ: „Замѣтки о состояніи промышленности въ Ахалцихскомъ уѣздѣ“ и пр. См. въ „Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“. Вып. I. Отд. I. Стр. 76—80.

Еще болѣе обширныя свѣдѣнія, только другого характера,—у Вермишева, въ главѣ: „Кустарные промыслы“. Стр. 182—189.

чаются изяществомъ и тонкостью работы и не разъ удаивались похвальныхъ отзывовъ и наградъ медалями на русскихъ выставкахъ; но они носятъ печать однообразія какъ въ рисункѣ, такъ и въ формѣ; это и послужило, отчасти, причиною паденія филиграноваго производства, тѣмъ болѣе, что съ Ахалцихомъ стали успѣшно конкурировать, въ этомъ отношеніи, Ростовъ-на-Дону и Москва, на своихъ фабрикахъ. Шитье золотомъ, по сукну и бархату, стало падать съ уменьшеніемъ спроса на предметы туземной роскоши.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Ахалцихѣ было, по официальнымъ даннымъ, до 2000 ремесленниковъ; затѣмъ ихъ число съ каждымъ годомъ стало уменьшаться, и въ описываемое время (1886) всѣхъ ремесленниковъ, входящихъ въ 18 цеховъ, всего 1115 ч.; слѣдовательно, за 10 лѣтъ число ремесленниковъ упало почти на половину. Паденіе ремеслъ въ Ахалцихѣ обуславливается прежде всего и больше всего чистомѣстными причинами, каковы, напр., уменьшеніе спроса на предметы мѣстнаго обихода съ распространеніемъ европейскаго вліянія, уменьшеніе рынка сбыта издѣлій ремесленниковъ, съ отдаленіемъ Турецкой границы и проведеніемъ Поти-тифлисской желѣзной дороги, а въ связи съ уменьшеніемъ работы дома, выѣздъ ремесленниковъ во вновь завоеванные города.

Общая стоимость изготовляемыхъ издѣлій ахалцихскими ремесленниками простирается, по официальнымъ даннымъ, до 100000 руб. въ годъ, а общій торговый, промышленный и промысловый, оборотъ города, приблизительно, равенъ 800000 руб. въ годъ.

Фабричная и заводская дѣятельность города незначительна; притомъ она замѣтно падаетъ: еще въ концѣ 70-хъ годовъ въ Ахалцихѣ работало три табачныхъ фабрики, — теперь работаетъ одна. Значительно также понизилось производство кожевенныхъ заводовъ.

Въ городѣ въ 1886 г. работали слѣдующія фабрики и заводы:

	Число заводов или фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма произ- водства.
1) Табачная фабрика.	1	16	13000 руб.
2) Мыловаренныхъ заводовъ.	3	5	5420 "
3) Кожевенныхъ "	3	23	19600 "
4) Пивоваренныхъ "	1	2	5240 "
5) Кирпичныхъ "	6	15	7000 "
6) Искусств. мин. водъ "	1	2	1280 "
Всего.	15	63	51540 руб.

Таблица торговыхъ заведеній и распределеіе торговцевъ,
по національностямъ:

№ №	Наименованіе торговыхъ заведеній или торговцевъ, по роду дѣятельности.	Число за- веденій.	Число торговцевъ.			
			Арм.	Груз.	Евр.	Всего.
1	Лавокъ бакалейныхъ	6	8	2	—	10
2	" гастрономическихъ	1	1	—	—	1
3	" мануфактурныхъ	28	31	8	10	49
4	" галантерейныхъ	8	11	—	—	11
5	" канцелярскихъ при- надлежностей	1	1	—	—	1
6	" съ готовымъ платьемъ	1	2	—	—	2
7	" мелочныхъ	136	118	27	2	147
8	" кожевенныхъ	5	8	2	—	10
9	" скобенныхъ	2	4	—	—	4
10	" мебельныхъ	1	—	—	—	1 *)
11	" табачныхъ	1	1	—	—	1
12	Продавцовъ мыла	1	1	—	—	1
13	Продавцовъ церковныхъ свѣ- чей	2	1	1	—	2
14	Маркитантовъ	2	2	—	—	2
15	Продавцовъ шерсти	1	1	—	—	1
16	Ренсковыхъ погребовъ	1	1	—	—	1
17	Духановъ	52	43	12	—	55
18	Складовъ спирта	4	8	2	—	10
19	" желѣзныхъ товаровъ.	1	1	—	—	1

*) Нѣмецъ.

№ №	Наименованіе торговых заведеній или торговцевъ, по роду дѣятельности.	Число заведеній.	Число торговцевъ.			
			Арм.	Груз.	Евр.	Всего.
20	Пивныхъ	1	1	—	—	1
21	Трактирныхъ заведеній . .	2	1	1	—	2
22	Кофейнъ	15	10	5	—	15
	Всего	272	255	60	12	328

Кромѣ этого, въ городѣ находится одинъ складъ зернового хлѣба, 3 склада дровъ; гостинницъ—1; общественныхъ клубовъ—3; аптекъ—1; аптекарскихъ магазиновъ—1; торговыхъ бань—5; конторъ—1; мѣняльныхъ лавокъ—1; общественныхъ садовъ—1; площадей—3; кладбищъ—7; мукомольныхъ мельницъ—3; фонарей 108.

Таблица ремесленниковъ и промышленниковъ.

№ №	Наименованіе лицъ или заведеній, по роду занятій.	Число заведеній.	Число лицъ.		
			Маст.	Подм. и учен.	Всего.
1	Аробщиковъ	—	—	—	26
2	Башмачниковъ	43	81	127	208
3	Водовозовъ и водоносовъ	—	—	—	13
4	Горшечниковъ	—	6	—	6
5	Гребенщиковъ	—	2	—	2
6	Золотыхъ и серебр. дѣль мастеровъ .	25	25	37	62
7	Золотошвейниковъ	3	3	—	3
8	Жестянниковъ	10	10	6	16
9	Извозчиковъ тяжелыхъ	—	23	—	23
10	„ легкихъ	—	38	—	38
11	Каменщиковъ	—	30	20	50
12	Корзинщиковъ	—	18	—	18
13	Каретныхъ мастерскихъ	2	3	5	8
14	Красильщиковъ (матерій).	10	10	—	10
15	Кровельщиковъ	—	2	—	2
16	Кружевницъ	—	1	—	1
17	Кузнецовъ и слесарей	52	75	60	135

№ №	Наименованіе лицъ или заведеній, по роду занятій.	Число заведеній.	Число лицъ.		
			Маст.	Подм.	Всего.
18	Лудильщико́въ	25	25	22	47
19	Маляро́въ	—	1	—	1
20	Мельнико́въ	3	3	—	3
21	Мѣднико́въ	10	14	17	31
22	Мяснико́въ	12	12	47	59
23	Музыканто́въ (зурначей)	—	—	—	17
24	Оружейнико́въ	9	14	14	28
25	Пастухо́въ	—	—	—	10
26	Пильщи́ковъ	—	—	—	15
27	Плотнико́въ и столяро́въ	28	56	69	125
28	Подвошчи́ковъ	19	36	36	72
29	Портныхъ европейскихъ	25	50	78	128
30	„ туземныхъ	27	27	6	33
31	Поваро́въ	—	—	—	31
32	Печнико́въ	—	4	—	4
33	Рѣзчи́ковъ	1	1	—	1
34	Садовнико́въ и огоро́дниковъ	—	—	—	20
35	Сапожнико́въ	22	28	75	103
36	Стевольщи́ковъ	1	2	—	2
37	Сѣдельщи́ковъ	9	20	14	34
38	Типографщи́ковъ и наборщи́ковъ	1	3	—	3
39	Ткачей	4	28	—	28
40	Трубочисто́въ	4	5	15	20
41	Угольщи́ковъ	—	—	—	7
42	Цирульнико́въ и париемахо́ровъ	18	18	5	23
43	Чемоданщи́ковъ	1	1	—	1
44	Штукатуро́въ	—	15	—	15
45	Шелвовнико́въ (?)	16	30	23	53
46	Шорнико́въ	11	11	2	13
47	Шубнико́въ (?).	1	1	—	1
48	Часовыхъ дѣлъ мастеровъ	7	7	2	9
49	Шерстобито́въ	—	2	—	2
50	Мастеровъ инстр. для треп. шерсти	1	1	—	1
Всего		400	742	680	1561

Доходъ и расходъ города за 1886 годъ.

I. Доходъ.

1) Съ городскихъ общественныхъ имуществъ и оброчныхъ статей	5605 р. 22 к.
2) Оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ	6016 „ 72 „
3) Налоговъ на торговля и промышленныя заведенія	2138 „ 65 „
4) Косвенныхъ налоговъ	836 „ 27 „
5) вспомоствованіе отъ казны	6900 „ —
6) „Разныхъ“ доходовъ	559 „ 46 „
7) Отъ взысканія недоимокъ	7152 „ 71 „
8) Оборотныхъ доходовъ	76 „ 96 „
<hr/>	
Всего	29285 р. 99 к.
9) Остатокъ отъ 1885 года	6 „ 35 „
<hr/>	
Всего	29292 р. 34 к.

II. Расходъ.

1) Содержаніе городской управы	5603 р. 7 к.
2) Пособія разнымъ учрежденіямъ	1457 „ 60 „
3) Содержаніе арестантскихъ помѣщ.	407 „ 25 „
4) Благоустройство города	1394 „ 98 „
5) Отправленіе воинскаго постоя	10866 „ 8 „
6) Единовременные расходы	967 „ 72 „
7) Непредвидѣнные расходы	733 „ 75 „
8) Удовлетвореніе невыполненныхъ расходовъ за 1885 годъ	3510 „ 71 „
<hr/>	
Всего	24941 р. 16 к.

Въ кассѣ въ 1 января 1887 года оставалось 4351 р. 18 коп.

Приходы и расходы города за послѣднія 5 лѣтъ были слѣдующіе: въ 1882 г. приходъ—29767 р. 13 к., расходъ—29464 р. 80 к.; въ 1883 г. приходъ—26619 р. 5 к., рас-

ходъ—26044 р. 35 в.; въ 1884 г. приходъ—27337 р. 74 в., расходъ—27887 р. 88 в.; въ 1885 г. приходъ—22519 р. 25 в., расходъ—22512 р. 90 в. и въ 1886 г. приходъ—29292 р. 34 в., расходъ—24941 р. 16 в. Средній приходъ за 5 лѣтъ 27107 р. 10 в., расходъ—26170 р. 22 в.

За то же время теченіе долговъ и недоимокъ города было слѣдующее: въ 1882 г. было долгу 37507 р. 25 в., недоимки—34196 р. 58 в.; въ 1883 г. долгу—43941 р. 72 в., недоимки—48564 р. 38 в.; въ 1884 г. долгу—47570 р. 29 в., недоимки—48063 р. 48 в.; въ 1885 г. долгу—51725 р. 2 в., недоимки—41444 р. 85 в. и въ 1886 г. долгу—58273 р. 89 в., недоимки—51102 р. 93 в.

Народонаселеніе города въ 1886 г.

Всѣ данныя о народонаселеніи Ахалциха извлечены нами изъ посемейныхъ списковъ, составленныхъ въ 1886 году. Но сами посемейные списки по Ахалциху не отличались надежащею полнотою и правильностью; напр., по посемейнымъ спискамъ число грамотныхъ города почти было такое же, какъ и число учащихся, что прямо указываетъ на полную произвольность цифрового матеріала о грамотности.

При распредѣленіи жителей города, мы ихъ подраздѣлили на коренныхъ, временно проживающихъ и временно выѣхавшихъ въ разныя мѣста.

I. Распредѣленіе числа жителей города Ахалциха по національностямъ.

1. Коренное населеніе.

Русскихъ.			Армянъ.			Грузинъ.			Евреевъ.			Проч. нац.		
Семейств.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.
11	20	26	1699	4291	4211	436	1082	1157	340	846	809	14	34	24
	46			8502			2289			1655			58	

Всего: сем. 2500; м. п. 6273 ч., ж. п. 6227: обоого пола 12500.

2. *Временно проживающіе.*

Русскихъ.			Армянъ.			Грузинъ.			Евреевъ.			Проч. нац.		
Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.
25	44	40	128	281	152	114	152	118	2	6	6	62	85	62
	84			388			265			12			147	

Всего: сем. 326; м. п. 518 ч., ж. п. 373: об. п. 891.

3. *Вытхавшіе въ разныя мѣста.*

Русскихъ.			Армянъ.			Грузинъ.			Евреевъ.			Проч. нац.		
Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.	Сем.	м.	ж.
5	14	10	819	1016	659	117	322	148	188	425	210	8	22	11
	24			1675			465			685			93	

Всего: сем. 637; м. п. 1799 ч., ж. п. 1033: об. п. 2832.

II. Распредѣленіе жителей города Ахалциха по вѣроисповѣданіямъ.

1. *Коренное населеніе.*

Православн.		Арм.-григор.		Арм.-католич.		Иудейск.		Проч. вѣроисп.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
246	260	4001	3908	1150	1232	846	809	30	28
506		7904		2882		1655		58	

2. *Временно проживающіе.*

Православн.		Арм.-григор.		Арм.-католич.		Иудейск.		Проч. вѣроисп.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
196	139	159	122	58	42	6	6	99	64
335		281		100		12		163	

3. *Выехавшіе въ разные мѣста.*

Православн.		Арм.-григор.		Арм.-католич.		Иудейск.		Проч. вѣроисп.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
78	44	909	599	373	177	425	210	14	3
122		1508		550		635		17	

III. Распределение жителей гор. Ахалциха по сословіямъ.

1. *Коренное населеніе.*

Духов.		Потомств. и личн. двор. и чин.		Офиц. и ихъ семействъ.		Почетн. гражд.		Мѣщанъ.		Отст. солд.		Неизвѣстн. сосл.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
169	162	46	56	23	16	26	19	5931	5879	19	27	59	68
331		102		39		45		11810		46		127	

2. *Временно проживающіе.*

Духов.		Пот. и личн. двор. и чин.		Офиц. и ихъ семействъ.		Почетн. гражд.		Мѣщанъ.		Отст. солд.		Крест.		Неизв. сосл.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
16	12	65	78	12	7	8	3	126	86	46	39	155	71	90	77
28		143		19		11		212		85		226		167	

3. *Выехавшіе въ разные мѣста.*

Духов.		Пот. и личн. двор. и чин.		Офиц. и ихъ семействъ.		Почетн. гражд.		Мѣщанъ.		Отст. солд.		Крест.		Неизв. сосл.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
42	22	31	13	8	3	15	8	1606	912	3	1	75	66	19	8
64		44		11		23		2518		4		141		27	

IV. Распределение жителей города Ахалциха по возрастамъ.

1. Коренное население.

До 1 г.	отъ 1 до 5		5—10		10—15		15—20		20—25		25—30		30—40		40—50		50—60		60—70		70—80		80—90		90—100		неизв.л.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.			
374	335	776	792	790	869	609	652	604	642	472	476	496	473	793	735	584	516	411	414	220	196	72	84	15	13	4 *	8	53	27
709	1568	1659		1261	1246	948	969	1628	1100	825	416	156	28	7	80														

*) 1—свыше 100 лѣтъ

2. Временно проживающие.

До 1 г.	отъ 1 до 5		5—10		10—15		15—20		20—25		25—30		30—40		40—50		50—60		60—70		70—80		80—90		90—100		неизв.л.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.			
27	28	50	40	39	41	46	35	59	49	69	49	55	28	88	48	45	28	12	12	12	8	2	1	—	—	—	24	11	
50	90	74		81	108	88	112	88	136	68	24	24	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35

3. Выехавшие въ разныя мѣста.

До 1 г.	отъ 1 до 5		5—10		10—15		15—20		20—25		25—30		30—40		40—50		50—60		60—70		70—80		80—90		90—100		неизв.л.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.			
71	66	152	139	129	149	120	90	172	90	185	88	203	100	329	121	195	58	113	53	54	23	14	5	4	1	—	—	58	50
137	291	278		210	262	278	308	450	283	166	77	19	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108

По камеральному описанію, произведенному въ 1873 г., въ городѣ жителей обоого пола числилось всего 13265. Какъ видно изъ приведенныхъ таблицъ, число жителей города за 13 лѣтъ почти не увеличилось; причина этого—выселеніе жителей изъ Ахалциха, главнымъ образомъ, во вновь присоединенные послѣ Русско-турецкой войны города: Ардаганъ, Ольты, Артвинъ и др.; всего выселилось семействъ 637, или 2832 чел. (изъ нихъ 1799 м. п. и 1033 ж. п.). Въ дѣйствительности, выселившихся значительно больше, такъ-какъ въ посемейныхъ спискахъ, зачастую, изъ выселившихся обозначались только главы семействъ.

Изъ таблицъ видно, что три народности: армяне, грузины и евреи, составляютъ преобладающее населеніе Ахалциха; всѣ же остальные народности, въ общей сложности, составляютъ лишь 335 чел. обоого пола.

Общественныя учрежденія.

18 іюня 1876 г. въ городѣ Ахалцихѣ была открыта *ду-ма* и *городская управа*. Въ первой засѣдаютъ 30 гласныхъ; изъ нихъ 4 грузина, 2 еврея, а прочіе—армяне; вторая состоитъ изъ городского головы, двухъ членовъ и секретаря.

4 января 1879 г. открыта *мѣщанская управа*; она состоитъ изъ старосты и его помощника.

Къ правительственнымъ учрежденіямъ относятся:

1) *Уѣздное управленіе*. Оно состоитъ изъ уѣзднаго начальника, двухъ помощниковъ, секретаря, двухъ дѣлопроизводителей, архивариуса и двухъ переводчиковъ.

2) *Мировой судъ*. Онъ состоитъ изъ мирового судьи и его помощника, или слѣдователя. При судѣ имѣются секретарь и его помощникъ, а также судебный приставъ.

3) *Уѣздное казначейство*. Въ немъ служатъ казначей и бухгалтеръ съ помощникомъ. При казначействѣ въ 1886 г. открыта ссудо-сберегательная касса Государственного банка.

4) *Почтово-телеграфная станція* (1 сентября 1886 года послѣдовало соединеніе почтовой конторы съ телеграфной станціей). Этимъ учрежденіемъ завѣдуетъ начальникъ станціи; при немъ 8 служащихъ.

5) Ахалцихскій *продовольственный магазинъ*, которымъ завѣдуетъ смотритель.

6) Ахалцихское *по воинской повинности присутствіе*: оно состоитъ изъ воинскаго начальника и письмоводителя.

7) *Управленіе Ардаганской инженерной дистанціи*.

8) *Городская полиція*: ее составляютъ два пристава съ ихъ помощниками и пр.

Въ городѣ 5 военныхъ врачей. Кромѣ нихъ, есть еще уѣздный врачъ, съ двумя фельдшерами, и повивальная бабка.

Есть еще слѣдующіе чиновники: три лѣсничихъ окрестныхъ дачъ, агентъ государственныхъ имуществъ, мировой посредникъ, нотаріусъ, акцизные (младшій помощникъ надзирателя, одинъ старшій и два младшихъ контролёра). Въ Ахалцихѣ же находится армяно-католическое правленіе Закавказья, состоящее изъ трехъ старшихъ священниковъ и секретаря; оно подчиняется Саратовскому епископу. Здѣсь же армяно-григоріанское правленіе двухъ уѣздовъ, Ахалцихскаго и Ахалкалаксккаго.

Для полноты очерка скажемъ нѣсколько словъ объ Ахалцихской *тюрьмѣ*. Она помѣщается въ каменномъ одноэтажномъ зданіи, специально выстроенномъ для этой цѣли однимъ мѣстнымъ жителемъ. Въ ней въ 1886 г. содержалось 96 ч.: изъ нихъ 23 ахалцихскихъ жителя. По родамъ преступленій, заключенные распредѣлялись такъ:

	Всего.	Изъ нихъ—ахалц.
За убійство	10	—
„ вразу	21	15
„ сопротивленіе власти	7	—

За ложное показаніе	1	—
„ поджогъ	4	—
„ пораненіе	5	1
„ неимѣніе письменныхъ видовъ (вмѣстѣ съ пересылочными) . .	32	4
„ грабежъ	4	—
„ самоуправство	5	—
„ нанесеніе оскорбленія	5	3
„ побѣгъ	2	—
<hr/>		
Всего	96	23

Сосланныхъ во внутреннія губерніи было 2; въ ка-
торжныя работы, до 10 лѣтъ, — 1.

При тюрьмѣ имѣется тюремный комитетъ.

Народное образованіе.

По стремленію къ образованію, всѣхъ жителей города можно раздѣлить на двѣ неравныхъ группы: къ первой, въ которой это стремленіе съ каждымъ годомъ увеличивается, относятся всѣ національности города, кромѣ евреевъ; ко вто-
рой — евреи: между ними оно доходить до minimum'a, и только, благодаря воинской повинности и льготамъ, которыя предоставляются получившимъ образованіе, евреи стали отдавать своихъ дѣтей въ правительственныя школы, какъ, напримѣръ, въ мѣстное городское училище; ранѣе же они довольствовались знаніями, которыя получали ихъ дѣти въ еврейской школѣ, находящейся при синагогѣ. Но и такая школа посѣщалась, сравнительно, немногими. Изъ приложенной таблицы, подъ литерой F., видно, что въ мѣстномъ городскомъ училищѣ въ 1886 году училось только 8 еврейскихъ мальчиковъ, и это можно считать первымъ поступленіемъ, за 10 лѣтъ, еврейскихъ дѣтей въ означенное училище. Правда, раньше поступали дѣти

евреевъ въ городское училище, но число ихъ ограничивалось 5—6 мальчиками, которые, научившись кое-какъ читать и писать, выбывали изъ школы.

Что же касается домашняго воспитанія дѣтей мѣстнаго населенія, то его, въ истинномъ значеніи этого слова, нѣтъ: дѣти растутъ безъ всякаго присмотра со стороны старшихъ; притомъ авторитетъ послѣднихъ крайне ограниченъ. Улица—первая школа, куда поступаетъ и только-что начинающій ходить, и уже формирующійся юноша; здѣсь они получаютъ первыя сознательныя впечатлѣнія, здѣсь у нихъ формируются и создаются нравственныя понятія, зачастую, остающіяся на всю жизнь. Безспорно, что и домашняя взрослая среда дѣйствуетъ на душу ребенка, но и это не помогаетъ дѣлу,—наоборотъ: духъ наживы, господствующій между большинствомъ мѣстнаго населенія, оцѣнка поступковъ съ точки зрѣнія выгодъ заинтересованныхъ сторонъ, по принципу—что прибыльно то и хорошо, не могутъ не подѣйствовать отрицательно на мягкую и воспримчивую душу ребенка и, конечно, создаютъ соотвѣтствующій кодексъ нравственныхъ понятій.

Въ Ахалцихѣ существуютъ слѣдующія училища.

1) *Городское четырехклассное училище* было преобразовано въ 1875 году изъ уѣзднаго училища, существовавшаго съ 1831 г. Училище состоитъ изъ 4 классовъ; въ III и IV кл.—по одному отдѣленію, а во II и I кл.—по два отдѣленія. При училищѣ имѣется подготовительное отдѣленіе, открытое съ цѣлью облегчить доступъ въ училище дѣтямъ мѣстнаго населенія, незнакомымъ съ русскою рѣчью. Такимъ образомъ, полный курсъ училища—*семилѣтній*.

Предметы, проходимые въ училищѣ, слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, исторія, географія, естествознаніе, физика, французскій, грузинскій и армянскій языки, черченіе, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Въ

виду того, что для мѣстнаго населенія болѣе необходимо профессиональное образованіе, чѣмъ знаніе французскаго языка, предполагается открыть при училищѣ слесарное и кузнечное отдѣленія, на сумму, составляющуюся изъ отпускаемыхъ городомъ, на французскій языкъ, 300 рублей и ассигнованныхъ, сверхъ этихъ суммъ, городомъ, по постановленію думъ отъ 6 ноября 1886 года, 340 (всего 640 руб. ежегодно) рублей.

Училище помѣщается въ казенномъ зданіи, приблизительная стоимость котораго равняется 15 т. руб. Въ виду недостаточности помѣщенія, для подготовительнаго отдѣленія нанимается зданіе у частнаго лица. При училищѣ имѣются два большихъ двора, но отсутствіе рекреационной залы или хоть помѣстительнаго коридора сильно чувствуется, особенно, зимой, когда дѣти принуждены, и во время рекреаций, находиться въ классахъ.

Въ фундаментальной бібліотекѣ училища, къ 1-му января 1887 года, состояло книгъ и пособій 653 названія въ 2035 томахъ, а въ ученической—247 названій въ 374 т. Въ училищномъ физическомъ кабинетѣ, къ тому же времени, было приборовъ и пособій 222, именно: по физикѣ—106, по зоологіи—21, по минералогіи—60 и по химіи—35; учебныхъ пособій, по разнымъ предметамъ, было 261.

На содержаніе училища отпускается изъ государственнаго казначейства 4045 руб. въ годъ, а отъ городского общества—1050 руб., изъ коихъ на 4-й классъ—750 р. и 300 р.—на преподаваніе французскаго языка; сверхъ этого, за право обученія собирается довольно значительная сумма, напр., въ 1886 году, 1404 руб., при платѣ по 8 руб. въ годъ.

Изъ таблицы, подъ лит. Е., видно, что въ городскомъ училищѣ, за 10 лѣтъ, обучалось 2114 мальчиковъ, среднимъ числомъ, въ 1 годъ по 211 ч. (211,4). Окончило курсъ въ

училищъ, за 11 выпусковъ, 96 мальчиковъ: среднимъ числомъ въ годъ болѣе 8 ч. (8,₇₂). Число поступающихъ въ училище вообще съ каждымъ годомъ увеличивается.

Всѣхъ учащихся въ училищѣ 10 человекъ; изъ нихъ четверо получили образованіе въ Тифлискомъ Александровскомъ учительскомъ институтѣ, прочіе—съ низшимъ образованіемъ, кромѣ законоучителя православнаго исповѣданія, который кончилъ курсъ въ Тифлисской духовной семинаріи.

2) *Армянское Карапетовское училище*. Оно основано въ 1836 году и содержится на доходы отъ церковныхъ имѣній, приобрѣтенныхъ епископомъ Карапетомъ, располагавшимъ значительными суммами. За 10 лѣтъ, въ этомъ училищѣ училось 4197 чел., среднимъ числомъ, по 419 чел. въ годъ (419,₇). Въ 1886 году въ немъ обучалось 428 мальчиковъ; учащихся было 16.

3) *Армянское Елизаветинское женское училище*. Это училище основано въ 1869 г.; оно содержится также на доходы съ церковныхъ имѣній. За 10 лѣтъ, въ немъ обучалось 3556 дѣвушекъ, среднимъ числомъ, въ 1 годъ по 355 (355,₆). Въ 1886 г. училось 424 дѣвушки. Учащихъ было въ томъ же году 11: изъ нихъ 5 жен. п., а 6 муж. п. (Эти лица—изъ учителей Карапетовскаго училища, почему и въ итогѣ таблицы, подъ литерой F., они не присчитаны).

Оба эти училища относятся къ числу благоустроенныхъ. Благоустройство и самое преподаваніе въ нихъ могли бы еще лучше быть, если бы иногда не мѣшала этому сложная администрація училища, въ особенности попечительство, въ члены котораго могутъ попадать люди, мало образованные и еще менѣе понимающіе дѣло народнаго образованія.

Училища помѣщаются въ трехъ зданіяхъ, которыя однако недостаточны для 852 (1886 г.) мальчиковъ и дѣвушекъ, учащихся въ означенныхъ двухъ училищахъ. Въ настоящее вре-

мя отстраивается хорошее двухэтажное каменное здание, для помѣщенія Карапетовскаго училища *).

4) *Безплатная женская школа.* Она основана, по почину Анны Виссаріоновны Мухеловой, въ 1872 году. На эту школу городъ отпускаетъ 300 руб. въ годъ; прочія суммы состояются изъ членскихъ взносовъ (въ 1886 г. членскихъ взносовъ поступило только 20 руб.), изъ частныхъ пожертвованій, изъ сборовъ со спектаклей, даваемыхъ въ пользу этого училища, и изъ выручки отъ продажи ученическихъ работъ, по рукодѣлю. Все-таки средства школы крайне ограничены, и она перебивается кое-какъ.

За 9 лѣтъ училось въ этой школѣ 463 дѣвушки и 12 (1883—85) мальчиковъ: всего—475 чел., среднимъ числомъ, въ 1 годъ по 47,5 чел.

Въ 1886 году училось 56 дѣвушекъ; учащихся было двое (ж. п.).

5) *Армяно-католическое 1-ое.* Оно основано въ 1851—1852 г.; содержится на доходы съ имѣній и на проценты съ 3000 руб., завѣщанныхъ церквю, во имя Іоанна Крестителя, управлявшимъ католической паствой, Погосомъ Шахуліаномъ.

Въ училищѣ за 10 лѣтъ училось 579 мальчиковъ, среднимъ числомъ, въ годъ по 58 чел. (57,9). Въ 1886 году учащихся было 61 чел.; учащихся—одинъ.

Это училище, какъ и Бесплатная женская школа, находится въ старой части города.

6) *Армяно-католическое 2-ое, смѣшанное.* Оно основано въ 1832; содержится на доходы съ принадлежащихъ училищу имѣній и на сборъ за право обученія, по 2 р. 40 к. въ годъ. За 10 лѣтъ, учащихся было 292 мальчика и

*) Въ Карапетовскомъ и Елизаветинскомъ училищахъ бралась плата, по 3 р., за пользованіе учебными пособиями; въ 1887 г. эта плата обращена въ плату за право обученія.

89 дѣвушекъ: всего—381 ч., среднимъ числомъ, въ 1 годъ по 38 ч.

Учащихся въ 1886 году было 49: 25 м. п. и 24 ж. п.; учащихся—2 (1 м. п.; 1 ж. п.).

7) *Еврейское училище*. Такого учебнаго заведенія, которое подходило бы подъ наше представленіе школы, у евреевъ въ Ахалцихѣ нѣтъ: просто, собираются дѣти въ раввину, который и учитъ ихъ, за незначительную плату, молитвамъ и, въ примитивной формѣ, основамъ религіи; надо замѣтить, что обученіе ведется на *непонятномъ* для дѣтей еврейскомъ языкѣ. Знаніе извѣстнаго числа молитвъ опредѣляетъ плату; оно же опредѣляетъ и курсъ ученія. За 10 лѣтъ, у раввиновъ обучалось 375 чел., среднимъ числомъ, въ годъ по 37 чел. (37,₅). Наибольшее число училось въ 1884 и 1886 годахъ—по 50 мальчиковъ.

Такимъ образомъ, всѣхъ училищъ въ городѣ 7 (съ Еврейскимъ): изъ нихъ—4 мужскихъ, 2 женскихъ и одно „смѣшанное“.

Изъ таблицы, подъ литерой F., видно, что во всѣхъ 7 училищахъ въ 1886 г. было 38 учащихся (30 м. и 8 ж.), учащихся—1310 (860 м. и 504 ж.). На каждаго учащаго, среднимъ числомъ, приходится болѣе 34 учащихся (34,₄₇). По сравненію общаго числа учащихся съ числомъ населенія города, оказывается, что на 100 ч. населенія (1886 г.) приходится болѣе 9 учащихся (9,₇₈); если же вычестъ изъ общаго числа учащихся 45 ч. сельчанъ, то, въ такомъ случаѣ, отношеніе нѣсколько уменьшится (9,₄₅).

Изъ таблицы, подъ лит. E., которая ниже и слѣдуетъ, видно, что, за 10 лѣтъ, во всѣхъ училищахъ училось 11677 чел. (7569 м. п. и 4108 ж. п.), среднимъ числомъ, въ 1 годъ по 1167,₇ чел., причеиъ м. п. 64,₈⁰/₁₀, а жен. п. 35,₂⁰/₁₀.

Е. Ч и с л о

	1877		1878		1879		1880	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Ахалцихское городское училище....	159	—	184	—	205	—	210	—
Карапетовское училище.....	226	—	358	—	410	—	475	—
Елизаветинское училище.....	—	254	—	302	—	313	—	320
Армяно-католическое 1-ое.....	72	—	70	—	60	—	62	—
Армяно-католическое 2-ое (свѣшан.).	24	—	34	—	21	—	25	—
Безплатная женская школа.....	—	60	—	60	—	52	—	52
Еврейское училище.....	30	—	40	—	33	—	40	—
Всего... }	511	314	686	362	729	365	812	372
	825		1048		1094		1184	

Не смотря на значительное число учившихся въ разныхъ училищахъ, образованіе большинства обитателей ограничивается простою грамотностью, такъ-какъ полный курсъ училищъ проходится меньшинствомъ.

Для характеристики мѣстнаго читающаго общества скажемъ, что въ 1885 году въ Ахалцихѣ выписывалось различныхъ газетъ и журналовъ 73 названія, въ 310 экземплярахъ, т. е., одинъ экземпляръ приходился почти на 43 чел. Самый большой запросъ—на ежедневныя газеты, новости: „Нива“ выписывалась въ 22 экземплярахъ; „Кавказъ“—20; „Досугъ и Дѣло“—20; „Мшабъ“ и „Ахпюръ“—по 18; „Норъ-Даръ“—въ 14; „Пчела-Арменія“ и „Ардзагангъ“—по 12; „Новое Обозрѣніе“—въ 10, „Иверія“—6 и др. На армянскомъ языкѣ выписывалось 74 экземпляра, на грузинскомъ—7, на польскомъ—2 и прочіе (227)—на русскомъ. Значительное число газетъ и журналовъ выписывается тремя мѣст-

учащихся.

1881		1882		1883		1884		1885		1886		За 10 лѣтъ.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
208	—	226	—	229	—	287	—	214	—	242	—	2114	—
534	—	495	—	464	—	390	—	417	—	428	—	4197	—
—	371	—	415	—	350	—	388	—	419	—	424	—	3556
55	—	61	—	58	—	40	—	40	—	61	—	579	—
21	—	32	16	42	—	34	23	34	26	25	24	292	89
—	42	—	—	8	54	3	41	1	46	—	56	12	463
40	—	35	—	32	—	50	—	25	—	50	—	375	—
858	413	849	431	833	404	754	452	731	491	806	504	7569	4108
1271		1280		1237		1206		1222		1310		11677	

ными клубами и учрежденіями; частныя лица, сравнительно, немного выписываютъ; исключеніе составляютъ люди спеціальныхъ профессій.

Учитель Ахалцихскаго городского училища *В. Ивановъ.*

Ахалцихъ.
1888 г.

	Число учащихся.								Дворья и	
	Русских.		Армян.		Грузин.		Евреев.			
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		м.
1) Ахалцхское город. училище . . .	2	—	3	—	5	—	—	—	—	19
2) Карапетовское училище	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—
3) Елизаветинское училище	—	—	(6)	5	—	—	—	—	—	—
4) Армяно-католическое 1-е	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
5) Армяно-католическое 2-е (смѣшан.).	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
6) Бесплатная женская школа	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
7) Еврейское училище	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
	2	—	20	6	6	2	2	—	—	19
	2		26		8		2			2
	38									

ОТДѢЛЪ П.

СКАЗАНИЯ О НАРТАХЪ.

Предисловіе. Печатаемыя сказанія объ осетинскихъ богатыряхъ—*нартахъ* являются дополненіемъ къ сказкамъ, изданнымъ раньше въ Осетинскихъ Текстахъ Шифнера (Приложеніе къ XIV тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ № 4), Осетинскихъ Этюдахъ (часть 1-ая, М. 1881 г.) Вс. Миллера и въ „Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дагъовскомъ Этнографическомъ Музеѣ.“ (Выпускъ I. стр. 113—140. Осетинскія сказки Вс. Миллера).

Богатый матеріалъ для сравненія представляютъ также сказанія о нартахъ, напечатанныя въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.“ Вып. I. Отд. II. стр. 1—42 и въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ.“ Выпускъ III. Отдѣлъ 2. стр. 1—40.

„ V. „ 2. „ 1—70.

„ VII. „ 2. „ 1—31.

„ IX. „ 2. „ 1—64.

Ред.

I.

Ахснартъ и его дѣти.

Нарты представляли изъ себя очень сильный народъ. Не удовлетворяясь простой, сповойной жизнью, они проводили все свое время въ набѣгахъ, войнахъ или охотѣ. Между ними было много силачей и великановъ; если же кто не обладалъ физической силой, тотъ, въ большинствѣ случаевъ, отличался замѣчательнымъ умомъ, хитростью, смѣтливостью, и, съ помощью этихъ качествъ, побѣждалъ чуть ли не цѣлыя племена. Осо-

беннымъ геройствомъ и удалью отличались потомки одного изъ нартовъ—*Бара* и сына его *Уархага*. Сами *Бара* и *Уархагъ* жили спокойно, набѣговъ никакихъ не дѣлали, но гордились тѣмъ, что между нартами, этими славными *уазданами*, они первые *уазданы*. Работать они не любили, поэтому жили бѣдно. Особенно бѣдно жилъ *Уархагъ*, который едва могъ провормить свою семью. Онъ имѣлъ двухъ сыновей-близнецовъ: *Ахснарта* и *Ахснартага*. Братья считали для себя унижительнымъ работать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣли во что бы то ни стало разбогатѣть какимъ-нибудь легкимъ способомъ. Но, такъ-какъ удобнаго случая въ тому не представлялось, то имъ даже часто приходилось голодать. Разъ, во время по-боса, когда весь аулъ былъ въ полѣ, *Ахснартъ* и *Ахснартагъ* вздумали тоже косить; купили хорошія косы и усердно принялись за работу, поражая всѣхъ своей силой и неутомимостью. Косили они до обѣда, пока всѣ кругомъ не бросили работы и не стали обѣдать. Тогда бросили свои косы и братья и оглядѣлись кругомъ: послѣдній бѣднякъ—и тотъ имѣлъ хоть какой-нибудь обѣдъ, только они одни сидѣли безъ куска хлѣба.

— „Ээй! это не жизнь,“ сказалъ *Ахснартъ* младшему брату: „бросимъ лучше такую жизнь и пойдемъ по свѣту искать счастья!“

— „Давай возьмемся стеречь садъ *Буронъ-богача!*“ предложилъ младшій братъ въ свою очередь; и пошли они въ *Буронъ-богачу*.

— „Мы прослышали, сказали они ему,—что у тебя изъ сада каждую ночь кто-то похищаетъ лучшіе плоды: хочешь ли, мы поймемъ тебѣ вора?“

— „Какъ не хотѣть!“ отвѣтилъ имъ *Буронъ-богачъ*: „но знаете ли вы мои условія?“

— „Какія?“ спросили братья.

— „А такія, что если поймаете вора, я дамъ вамъ половину своего сада, если же нѣтъ—отсѣку вамъ головы. Давно я ищу охотниковъ стеречь садъ, но никто не соглашается.“

Подумали братья и, несмотря на такія строгія условія, все-таки взялись стеречь садъ Буронъ-богача. Настала ночь. Братья засѣли въ серединѣ сада и стали ждать вора. Въ пол-ночь—видятъ они—скачетъ олень; всочилъ онъ въ садъ и сталъ топтать траву, ломать деревья и ѣсть плоды, выбирая самые лучшіе. Прицѣпились братья и, какъ только олень хотѣлъ высочить изъ сада, пустили въ него стрѣлы. Старшій братъ Ахснартъ попалъ ему въ ляжку и такъ удачно, что отлетѣли даже кусочки мяса; но олень все-таки убѣжалъ.

— „Мы найдемъ его по кровавому слѣду,“ сказалъ Ахснартъ младшему брату: „подожди, я спрячу кусочки мяса въ сумку и пойдемъ за нимъ по слѣдамъ.“ Долго шли они по слѣдамъ оленя; наконецъ, дошли до берега моря, гдѣ слѣды уже пропадали.

— „Олень, должно быть, живетъ въ морѣ, но я и тамъ его найду,“ говоритъ Ахснартъ брату: „подожди меня здѣсь на берегу, а я нырну въ море.“

Такъ онъ и сдѣлалъ. Достигнувъ дна, Ахснартъ наткнулся на громадный камень, изъ-подъ котораго шелъ дымъ. Обойдя камень, онъ увидѣлъ подъ нимъ отверстіе, вродѣ дверей, а у отверстія собаку-суку. Собака спала, но изъ чрева ея раздавался лай щенятъ, которые, вѣроятно, почували присутствіе чужого.

— „Вотъ чудо! подумалъ Ахснартъ: собака спитъ и меня не видитъ, а щенята ея во чревѣ лаютъ на меня. Чтобы это значило? Вѣроятно, тутъ не мало чудесъ; войду-ка я подъ камень.“

Прошедши мимо собаки въ отверстіе, Ахснартъ очутился въ саялѣ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ видитъ: по серединѣ саяла разведенъ огонь, а надъ огнемъ, рядомъ, висятъ три громадныхъ котла. Крайніе полны мяса и такъ сильно кипятъ, что изъ нихъ выбрасываются вверхъ куски мяса, попадая изъ одного котла въ другой; средній же котелъ былъ совершенно

пустой, въ него даже не попадало капли супа изъ другихъ котловъ.

„Это еще удивительнѣе,“ — сказала Ахснартъ: „какъ куски мяса такъ удачно падаютъ изъ полного котла въ полный-же, а среднй остается пустымъ. И кому все это принадлежитъ? Не домъ-ли это оленя?“ Храбрецъ рѣшился во чтобы то ни стало все хорошенько осмотрѣть, узнать, и направился дальше въ дверь, которая была прямо противъ него. Отворивъ дверь, Ахснартъ чуть не былъ ослѣпленъ: онъ увидѣлъ савлю до того блестящую, какъ будто она была сдѣлана изъ стекла, и ее разомъ освѣщали солнце, луна и звѣзды. Такъ-же, какъ и въ первой савлѣ, тутъ по срединѣ былъ разведенъ огонь, и вокругъ него сидѣли люди. Присмотрѣвшись, Ахснартъ замѣтилъ, что они сидятъ возлѣ большой дѣвушки, которая была такъ красива, что, какъ показалось Ахснарту, едва-ли на всемъ свѣтѣ сыщется еще такая.

— „Отъ ея красоты, должно быть, и свѣтъ такой въ савлѣ!“ подумалъ онъ.

— „Миръ и благодать да снидутъ въ вашу савлю!“ привѣтствовала Ахснартъ сидѣвшихъ.

Четыре молодца, одинъ краше другого, поднялись ему навстрѣчу и, въ свою очередь, привѣтствовали его. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что у изголовья больной сидитъ мать ея.

— „Здравствуй, если ты принесъ куски тѣла моей дочери, а не то будь проклятъ и лучше бы ты сюда совсѣмъ не приходилъ!“ сказала ему мать дѣвушки.

Ахснартъ поторопился достать изъ сумки кусочки мяса и подаль ихъ матери; та прилегла ихъ въ ранамъ на ногѣ дѣвушки, и дѣвушка тотчасъ-же всочила совершенно здоровою и радостно привѣтствовала Ахснарта, какъ своего жениха. Ахснарту было очень пріятно имѣть такую красивую жену, и тутъ-же сыграли ихъ свадьбу.

Прошло уже около полугода съ тѣхъ поръ, какъ Ахс-

нартъ жилъ съ подводными жителями. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что, вѣдь, братъ до сихъ поръ ждетъ его на берегу моря, и рѣшился выплыть съ женой на сушу и зажить на своей родовой землѣ. Мать наградила ихъ разными сокровищами, и они, дружески простившись, оставили первую саялю. Проходя мимо котловъ, Ахснартъ не могъ удержаться, чтобы не спросить у родныхъ жены, что это значить, что крайніе котлы полны, а средній виситъ надъ огнемъ совершенно пустымъ?

— „А это знакъ того, отвѣтили ему, что скоро люди будутъ поступать такъ-же, какъ и котлы: богатые только богатымъ будутъ оказывать помощь, а бѣдный между ними будетъ умирать съ голоду.“

— „А что обозначаетъ спящая собака, и отчего не она сама лаетъ, а щенки изъ ея чрева!“

— „Это знакъ того, что у людей скоро не будетъ уже почтенія въ старшимъ, и младшіе будутъ поступать, какъ сами хотятъ, не спрашивая старшихъ.“

Вотъ, наконецъ, Ахснартъ выплылъ съ женой на берегъ моря и на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ брата, видитъ шатеръ изъ звѣриныхъ шкуръ. Догадался Ахснартъ, что братъ, ожидая его возвращенія, поселился здѣсь и занимается охотой. Вошелъ онъ съ женой въ шатеръ, но брата тамъ не засталъ.

— „Я поищу брата, а ты насъ подожди здѣсь,“ — сказала онъ женѣ и вышелъ. Вскорѣ послѣ его ухода, возвратился и братъ его Ахснартагъ. Увидя молодую женщину, онъ догадался, что это жена брата, и, не говоря ни слова, усѣлся поодаль. Жена Ахснарта, не зная о томъ, что братья похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, приняла деверя за мужа и подошла къ нему; но тотъ, объяснивъ ей ошибку, отстранилъ ее мизинцемъ руки. Въ это время возвратился Ахснартъ и, заставъ брата и жену вмѣстѣ въ шалапѣ, возмѣлъ подозрѣніе, что братъ, по невѣдѣнію жены, могъ вос-

пользоваться своимъ сходствомъ съ нимъ, и, не говоря ни слова, мрачный, сѣлъ на скамейку. Ахснартагъ же всталъ и радостно сталъ привѣтствовать брата, но тотъ не отвѣчалъ ему ни слова. Ахснартагъ не могъ понять причины его молчанія, но, догадавшись, влялся и божился, что въ первую же минуту свиданія объяснилъ своей невѣстѣ ея ошибку. Когда братъ и тутъ еще ему не повѣрилъ и продолжалъ молчать, Ахснартагъ досталъ лукъ и сказалъ:

— „Богъ боговъ! порази меня этимъ лукомъ въ то самое мѣсто моего тѣла, которымъ я прикасался къ женѣ моего брата!“

Сказавъ это, Ахснартагъ натянулъ тетиву. Лукъ поднялся высоко-высоко и, разломившись на двое, упалъ обратно: съ страшною силою онъ вонзился въ мизинецъ Ахснартага и раздробилъ ему руку, отчего онъ тутъ-же въ судорогахъ и умеръ. Тогда только повѣрилъ Ахснартъ брату и, въ сильномъ горѣ, выхвативъ кинжалъ, вонзилъ его себѣ въ грудь и тоже умеръ. Такъ погибли оба брата.

Жена Ахснарта, видя трупы мужа и деверя, стала горько плавать, рвать на себѣ волосы и звать на помощь. Вѣдь сама одна она не могла даже похоронить братьевъ! Вдругъ она видитъ у дверей палата красиваго всадника, который ласково спрашиваетъ ее о причинѣ такого сильнаго горя. Она рассказала ему все, какъ было, и спросила, кто онъ самъ.

— „Я—Георгій,“ отвѣтилъ онъ: „я помогу тебѣ, похороню трупы, но потомъ возьму тебя къ себѣ, потому-что ты все равно теперь одна.“

Ударилъ онъ хлыстомъ о землю, и явился серебряный гробъ, ударилъ хлыстомъ трупы—и они очутились въ одеждѣ, шитой золотомъ. Тогда онъ похоронилъ ихъ, и потомъ, подойдя къ молодой женщинѣ, сказалъ ей:

— „Ну, теперь пойдемъ со мной.“

— „Хорошо, отвѣтила она: я только пойду и умоюсь въ

морѣ, а то какъ я пойду съ тобой въ такомъ видѣ—растрепанная и въ крови.“

Сказавъ это, она ушла на берегъ моря, бросилась въ море и мгновенно скрылась въ глубокихъ волнахъ. Георгій, видя, что она его обманула, поклялся во что бы то ни стало отомстить ей. Между тѣмъ, у жены Ахснарта черезъ нѣсколько времени родились два сына, тоже близнецы—Урузмагъ и Хамыць. Они выросли силачами и прекрасно владѣли лукомъ, но были въ той-же мѣрѣ жестоки, какъ ихъ отецъ, и никому во всемъ подводномъ аулѣ не давали проходу. Всѣ ихъ боялись, и женщины часто сидѣли безъ воды, боясь выйти на улицу и встрѣтиться съ Урузмагомъ или Хамыцомъ. Разъ двѣ дочери бѣдной вдовы вышли съ кувшинами по воду; ихъ замѣтили братья и разбили имъ кувшины стрѣлами. Вышли онѣ въ другой разъ, но братья опять разбили ихъ кувшины. На третій разъ съ ними вышла мать и, видя Хамыца и Урузмага, стала ихъ упрекать тѣмъ, что они пробуютъ свои стрѣлы надъ кувшинами, тогда какъ савля и башня ихъ отца обращены жителями и холопами его въ нечистое мѣсто, куда весь аулъ сбрасываетъ всякую дрянь. Задумались братья, пошли къ матери и стали требовать, чтобы она сказала имъ—кто былъ ихъ отецъ и повела-бы ихъ въ его землю. Мать долго не соглашалась, но, наконецъ, рассказавъ имъ исторію ихъ отца, выплыла съ ними изъ моря и привела въ аулъ отца. Домъ отца они нашли, дѣйствительно, въ такомъ состояніи, какъ говорила имъ та женщина. Они вычистили его, и всѣ нечистоты побросали въ трубы жителей аула. Дѣдъ ихъ Уархагъ былъ еще живъ, но отъ старости ослѣпъ, и, живя безъ всякаго присмотра, весь покрылся грязью. Они его вымыли, одѣли и рѣшили выдать за него замужъ свою мать. Вскорѣ у нихъ родился еще братъ, названный Цыбалцомъ; но въ красотѣ, силѣ и ловкости Цыбалць уже много уступалъ братьямъ, вѣроятно, оттого, что у него былъ очень

старый отецъ. Урузмагъ и Хамыць и здѣсь не остепенились и своими продѣлками держали въ страхѣ весь аулъ. Ихъ боялись и родственники ихъ изъ нартовъ. Прошло много времени. Однажды ихъ повзала мать и говорить имъ:

— „Я больна и скоро умру, но прошу васъ, послѣ моей смерти, стеречь мою могилу трое сутокъ, потому-что я обманула Георгія, и онъ будетъ мстить мнѣ и въ могилѣ.“

Сыновья обѣщались исполнить ея просьбу, и вскорѣ, она, дѣйствительно, умерла. Первые двѣ ночи склепъ, куда она была положена, стерегли Урузмагъ и Хамыць, а на третью ночь пришла очередь Цыбалца, но онъ, утомившись, скоро заснулъ; этимъ воспользовался Георгій, и, отпервъ склепъ, надсмѣялся надъ трупомъ; мало того, онъ пустилъ къ нему лошадь, а потомъ и собаку. Братья, конечно, объ этомъ ничего не узнали. Прошло уже не мало времени, какъ однажды приходитъ къ нимъ ихъ родственникъ, Сырдонъ, и объявляетъ имъ, что изъ могилы ихъ матери слышны плачъ дѣвочки, ржаніе жеребенка и ворчаніе щенка. Урузмагъ ночью пошелъ въ могилѣ матери и, дѣйствительно, нашелъ въ ней дѣвочку, жеребенка и щенка. Догадался онъ тогда, что Цыбалць не устерегъ могилы, но дѣлать было нечего, и онъ сталъ смотрѣть и ухаживать за дѣвочкой, жеребенкомъ и щенкомъ. Изъ дѣвочки выросла красивая дѣвушка, которая своей красотой могла затмить и солнце; ее назвали Сатана *). Жеребенокъ превратился въ красиваго пестраго коня, за которымъ не могла утнаться и пуля. Изъ щенка-же выросла цѣнная собака, которая одна могла ловить дичихъ звѣрей. Собакѣ дали имя „Силамъ.“

Сатана влюбилась въ Урузмага, и стала уговаривать его

*) Въ вышеуказанной литературѣ о нартахъ произношеніе и правописаніе даннаго имени варьируется такъ: *Сатана, Сатаной*. Въ печатаемыхъ же сказаніяхъ какъ въ отношеніи этого, такъ и, вообще, другихъ нартовскихъ собственныхъ именъ, удержана орфографія рукописи. Прим. Ред.

жениться на ней. Урузмагъ не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что это и грѣшно, и люди будутъ надъ нимъ смѣяться. Тогда она придумала средство женить его на себѣ: она упростила его сѣсть на осла задомъ непередъ и проѣхаться такимъ образомъ по аулу. Когда онъ вернулся, она спрашиваетъ его, какъ посмотрѣли люди на его поступокъ?

— „Даже камни смѣялись!“ отвѣтилъ онъ.

— „Попробуй проѣхать во второй разъ по аулу!“

Онъ поѣхалъ.

— „Смѣялись меньше, чѣмъ въ первый разъ!“ сказалъ онъ, когда возвратился.

— „Възжай еще разъ!“ говоритъ Сатана. Онъ поѣхалъ и въ третій разъ, сѣвъ на осла задомъ напередъ, и, возвратившись, объявилъ Сатана, что и вниманія на него никто уже не обратилъ.

— „Такъ точно будетъ и тогда, когда ты женишься на мнѣ, посмѣются и перестанутъ,“—сказала ему Сатана. Урузмагъ согласился жениться на ней. И онъ не раскаивался, что на ней женился: такой жены онъ нигдѣ бы не отыскалъ. Мало того, что она была красива, — она считалась такой рукодѣльницей, что не имѣла себѣ соперницъ; она-же придумала способъ варить и гнать араку, пиво и квасъ; а умомъ она не уступала даже мужчинамъ, и самъ Сырдонъ, родственникъ Урузмага, хитрѣйшій изъ людей, не могъ перехитрить ея. Мужу своему Сатана родила двухъ сыновей — Сосруко и Сослана. Хамыцъ тоже былъ женатъ и имѣлъ сына — Батрадза.

II.

Битва между Бяслановыми и Куртатинцами *).

Сдѣлавшись подданными русскаго царя, Куртатинцы однажды задумали провѣдать его въ дальнемъ Петербургѣ. Не

*) Печатаемая сказанія о нартахъ предлагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они записаны въ рукописи, хотя несомнѣнно, что данное сказаніе составилось уже въ позднѣйшее время. Прим. Ред.

извѣстно, сколько времени они тамъ пробыли, но вотъ они возвращаются назадъ, щедро одаренные царемъ. Не доѣзжая до горъ, близъ р. Терека, въ мѣстности, подъ названіемъ *Дуринъ-худъ* (каменная шапка), въ полдень они сдѣлали привалъ. Во время отдыха одинъ изъ нихъ сталъ озираться кругомъ. День съ самаго утра былъ ясный, и потому Кайтео удивился, примѣтивъ на краю неба что-то подобное облачку. Взявъ подзорную трубу, онъ навелъ ее на эту точку: это была пыль, поднимающаяся отъ конскихъ копытъ. Съ минуту посмотрѣвъ въ трубу, Кайтео опустилъ ее, проговоривъ:

— „Ребята, подымайтесь, на насъ ѣдутъ Бяслановы,“ — а самъ направился къ своему оружію, находившемуся на арбѣ.

Черезъ минуту всѣ были на ногахъ и, удостовѣрившись въ справедливости словъ Кайтео, стали готовиться къ смерти: телѣги были расположены полукругомъ, имѣвшійся порохъ весь высыпанъ на бурки, оружіе осматрѣно. Тѣмъ временемъ подѣхали и Бяслановы и, остановившись на нѣкоторомъ разстояніи, слѣпились. Съ ними находился и одинъ балкарецъ (?), братъ котораго незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ Куртатинцами; его-то и подослали Бяслановы къ Куртатинцамъ, прося полагающееся по обычаямъ, при такихъ случаяхъ, „за *встрѣчу*“ *). Тѣ отвѣтили, что согласны дать, сообразно обычаю, быковъ, лошадей, денегъ, словомъ, чего Бяслановы захотятъ. Балкарецъ, возвратившись къ Бяслановымъ, передалъ имъ, что Куртатинцы-де ни на волосъ ихъ не уважаютъ, и не даютъ ничего.

— „Не дѣлайте этого лучше, не оскорбляйте насъ, отдайте намъ, что слѣдуетъ, по обычаю,“ — велѣли снова передать Бяслановы. Балкарецъ и Куртатинцамъ передалъ слова Бяслановыхъ въ извращенномъ видѣ, что они не животныхъ у нихъ просятъ, а требуютъ „мальчика.“

*) Еще въ настоящее время охотникъ даетъ первому встрѣтившему его шашки изъ печени, легкихъ и т. п. убитой дичи, а также часть сырого мяса; это называется *амбаламагъ*. Прим. Состав.

— „Не отрѣжемъ части отъ головы своей, не возьмемъ такого стыда на свою голову,“ — отвѣтили Куртатинцы: „Бяслановы хотятъ сразиться съ нами, таеъ пусть дѣлають, что хотятъ!“

Балкарецъ объявилъ Бяслановымъ, что Куртатинцы и слышать ничего не хотятъ и обѣщаютъ дать только „пулю.“ Тогда Бяслановы, разостлавъ бурки, принялись за намазъ. Куртатинцы уже догадывались, что послѣдуетъ вслѣдъ за этимъ, и нѣкоторые даже подали голосъ ударить по нимъ, но были остановлены другими. Намазъ кончился. Бяслановы сѣли на своихъ лошадей, и чрезъ минуту стрѣла просвистѣла надъ головами Куртатинцевъ, за первой—вторая, потомъ третья—и началось кровопролитіе. Хотя у Куртатинцевъ было не мало хорошихъ стрѣлковъ, но они падали, какъ цвѣты, подкошенные острой косой, между тѣмъ какъ Бяслановыхъ почти совсѣмъ не трогала пуля.

— „Что это за чудо,—говорили Куртатинцы: вѣдь мы хоропо и цѣлимъ, и стрѣлаемъ, а изъ Бяслановыхъ никто не падаетъ!“

— „Мѣйте въ глазъ и надвогннную чашечку, а то на нихъ броня!“ крикнулъ тогда Задже.

И съ этого времени Бяслановы посыпались, какъ спѣлыя груши съ отяжелѣвшаго дерева, потрясеннаго могучею рукою человѣка. Но по всему было видно, что *Уасдырдж* (Георгій Побѣдоносецъ) уже оставилъ Куртатинцевъ: сейчасъ же набѣжала туча, пошелъ дождь, и находившійся на буркахъ порохъ превратился въ черную, липкую массу.

— „За шапки, за шапки,—бросайте ружья!“ раздался голосъ Карадау,—и началась рѣзня, еще болѣе ужасная. Еле стоя на ногахъ, прислонившись къ колесу, смертельно раненный Задже смотрѣлъ на свою шапку. А шапка у него была славная: не одна и не двѣ брони были ею разсѣчены, и жалко было оставлять врагу наслѣдство отцовъ. Не разъ вонецъ

и рукоять воткнутой въ спицы колеса шапки сходились, но, спущенная, она только свистѣла.

— „Отець, воды мнѣ, воды!“ — произнесъ на смерть раненый молодой Сосланъ, обращаясь къ Карадау. Алая кровь струей лилась изъ прозенной стрѣлой его груди. Карадау, пораженный, какъ громомъ, видомъ сына *), съ минуту, молча, уставилъ на него широко раскрытый взглядъ.

— „А я, какъ медвѣдь, погибаю съ медвѣженкомъ!“ крикнулъ онъ потомъ неистово и, напоивъ сына изъ своихъ рукъ его же собственною кровью, какъ разъяренный звѣрь, съ обнаженной шапкой бросился въ самую середину сраженія.

Такъ, славную смертью умерли Куртатинцы! Изъ нихъ спаслись только двое: мальчикъ, взятый путниками въ Кабардѣ, гдѣ онъ находился у своихъ молочныхъ братьевъ; онъ былъ узнавъ, во время рѣзни, однимъ изъ нихъ, и тайкомъ отъ своихъ спрятанъ въ листьѣ дерева; — спасся и Адилджери, который постыдно бѣжалъ и про котораго, залейменнаго вѣчнымъ стыдомъ, поется въ одной пѣснѣ: „Кто это бѣжить, нагнувшись, ища высокой камышь? — это укрывается отъ мухъ желтая корова — Адилджери. . .“

III.

Котель нартовъ.

У нартовъ былъ громадный пивоварный котель, изъ-за котораго между ними иногда происходили неприятности, такъ какъ нерѣдко имъ хотѣли пользоваться нѣсколько въ одно и тоже время. Поэтому они рѣшили отдать его тому, кто заставить вскипѣть въ немъ воду одними словами, безъ огня. Собравшись въ одно мѣсто, нарты наполнили котель Тарпсвимъ глетчеромъ, но, перепробовавъ всѣхъ отъ стараго до

*) Рассказываютъ, что Карадау Маміевъ везъ своего сына на лѣто домой изъ Петербурга, гдѣ онъ учился. Прим. Состав.

малаго, ни къ чему не пришли, такъ-какъ никто не смогъ заставить котель вицѣть, хотя испытаніе продолжалось съ ранняго утра до поздняго вечера. Подъ вечеръ возвращается съ охоты Батрадзь. Увидавъ собравшихся нартовъ, онъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, в чемъ они разсуждаютъ. Когда нарты объяснили ему, въ чемъ дѣло, онъ сталъ упрашивать ихъ оставить котель, по-прежнему, общимъ; но всѣ отвергли его совѣтъ и просили его также попробовать свои силы.

— „Въ такомъ случаѣ,—сказалъ тогда Батрадзь,—да заслужить мнѣ гнѣвъ Божій, если я хоть чуточку солгу вамъ: былъ я на охотѣ и, проходя по отрогамъ одной высокой горы, убилъ семь *Уацмлла*.“ *)

Весь ледъ, находившійся въ котлѣ, послѣ этихъ словъ сейчасъ-же растаялъ.

— „Проходя по другимъ отрогамъ,—продолжалъ Батрадзь, я убилъ семь *Уасдырджи*.“ **)

Съ котла слегка сталъ подыматься паръ,—вода, очевидно для всѣхъ, нагрѣлась.

— „Проходя по третьимъ отрогамъ, я убилъ семь *Мкалгабровъ*.“ ***)

Едва успѣлъ произнести Батрадзь эти слова, какъ изъ кипящаго котла стали летѣть брызги во всѣ стороны. Батрадзь взялъ котель и отнесъ его къ себѣ домой. Соразмѣрно съ котломъ для него былъ и ковпѣ, который нарты тоже рѣшили отдать тому, кто разомъ выпьетъ его, наполненный *зариагами* ****), черепаками и ядовитыми змѣями. Батрадзь опять возвращался съ охоты, когда каждый изъ нартовъ уже испробовалъ свою силу; оказалось, что никто не могъ поднести ков-

*) Небесный духъ, завѣдующій громомъ и молніей.

**) Георгій Побѣдоносецъ.

***) Архангелъ Гавріилъ.

****) *Зариагъ* (*калмъ*), зарійская змѣя, по представленію осетинъ, громадная змѣя, которую, какъ только она показывается изъ своего логовища наружу, ударяетъ громомъ, и Еліа (Илья?) поднимаетъ ее на небо цѣпью. Прим. Состав.

ша даже къ губамъ своимъ, такъ-какъ зариаги, черепахи и змѣи сейчасъ-же набрасывались на смѣльчака. Батрадзъ взялъ ковшъ и приложился къ нему губами; всѣ гады набросились на него; но какъ только они приближались къ его губамъ, Батрадзъ ударялъ гадовъ, по-очереди, булатнымъ усомъ, и они, всѣ въ крови, сгѣшили спрятаться на самое дно ковша. Выпивъ ковшъ, такимъ образомъ, до дна, онъ перевернулъ его передъ нартами, надѣлъ на голову, и также отнесъ себѣ.

IV.

Великанъ и Даредзаны.

Даредзаны однажды отправились путешествовать. Проѣзжая по одному мѣсту, они были удивлены, когда воцѣя ихъ; находившіяся на плечахъ, задѣли за что-то твердое надъ ихъ головой. Они рѣшились дождаться утра, чтобы, при дневномъ свѣтѣ, осмотрѣть мѣстность, по которой ѣхали. Когда разсвѣло, то Даредзаны, къ величайшему своему удивленію, увидѣли, что они проѣхали ночью чрезъ отверстіе крестцовой кости.

— „Что это было за существо, обладавшее такою костью?“ разсуждали они между собою и, чрезвычайно заинтересованные, рѣшились умолить боговъ, чтобы они явили имъ въ цѣлости существо, которому принадлежала эта кость.

— „Богъ боговъ! если у насъ есть еще счастье, то да явится передъ нами слѣпымъ то существо, которому принадлежала эта кость!“ — молились они.

Богъ услышалъ ихъ молитву: зашумѣла, заволебалась окружающая мѣстность, и передъ Даредзанами предсталъ колоссъ. Пораженные размѣрами этого челоуѣкообразнаго существа, они долго разсматривали его, но потомъ, осмотрѣвъ хорошо его всего, снова обратились къ богамъ, чтобы они дали ему и зрѣніе. Колоссъ прозрѣлъ. Первое, на чемъ остано-

лось его вниманіе, была нива, на которую вывезли навозъ. — „Что это тамъ пестрѣть?“ обратился онъ къ Даредзанамъ съ вопросомъ, указывая на ниву.

— „Это нива,“ отвѣтили тѣ, „на которую вывезли навозъ для удобренія.“

Колоссъ, по-видимому, не понялъ, что говорили ему Даредзаны, и имъ пришлось объяснить ему паханіе, сѣяніе, молотьбу, — словомъ, весь процессъ приготовленія хлѣба. Удивленные непониманіемъ великана, они спросили его, въ свою очередь, — какъ-же, въ такомъ случаѣ, дѣлалось въ его время. Тотъ усмѣхнулся имъ въ отвѣтъ и потомъ сказалъ:

— „Мы брали горсть земли, выжимали изъ нея соекъ, и имъ были сыты отъ сего до сего дня“ (круглая недѣля). Потомъ великанъ попросилъ ихъ показать ему свою пищу. Даредзаны подали ему хлѣбъ. Великанъ сжалъ его въ правой рукѣ, и изъ него потекла кровь.

— „Вотъ это только и ѣдите?“ переспросилъ онъ.

— „Нѣтъ,“ отвѣтили Даредзаны: „съ этимъ ѣдимъ еще сыръ!“

— „Покажите мнѣ его!“ сказалъ великанъ.

Они съ трудомъ подкатили къ нему, вмѣсто сыра, большой бѣлый камень; колоссъ взялъ его также въ руку и сжалъ, превративъ, такимъ образомъ, камень въ мелкій песокъ. Разжавъ пальцы, онъ взглянулъ на сухой песокъ.

— „Ахъ, несчастные! и этимъ вы питаетесь?! Скорѣе, скорѣе отпустите меня, — свѣтъ уже не тотъ!“

Опять зазвенѣла, затрещала мѣстность, и передъ Даредзанами лежала крестцовая кость.

V.

Какъ Ростомъ убилъ своего сына Зурапхана.

Даредзаны были народъ очень сильный. Окружающіе на-

роды нерѣдко прибѣгали къ ихъ помощи, желая наказать врага или же оградить себя отъ его обидъ. Однажды къ одному изъ нихъ, Ростому, обратились жители *Абрасеть*-города съ просьбой прійти къ нимъ и стеречь ихъ сады, уничтожаемые великанами—*Гумирта*, съ которыми жители ничего не могутъ подѣлать. Ростомъ принявъ ихъ условія, отправился къ нимъ, и съ этого времени великаны не смѣли уже безпозвоить *Абрасеть*-городъ: стоило Ростому только крикнуть на показавшагося великана, и тотъ вмѣстѣ превращался въ сѣрую золу. Убѣжая изъ дому, Ростомъ оставилъ жену свою беременною и велѣлъ ей прислать къ нему сына, какъ только тотъ вырастетъ. Такъ-какъ *Зурапханъ*, какъ, вообще, всѣ *Даредзанъ*, выросъ быстро, то мать захотѣла испробовать его, какъ наказывалъ ей мужъ. *Зурапханъ*, схвативъ буйвола за заднія ноги, перебросилъ его чрезъ семь этажей. Тогда мать снарядила его въ путь; между прочимъ, она велѣла ему привязать за сѣдломъ пукъ прутиковъ и не отвязывать ихъ ни въ какомъ случаѣ, хотя черти всячески будутъ нарочно надъ нимъ смѣяться. *Зурапханъ* отправился въ путь. На дорогѣ встрѣчаются ему нѣсколько человѣкъ, которые стали расхваливать его, говоря, что никогда еще не было въ ихъ сторонѣ такого ѣздова, только его безобразить этотъ пукъ, привязанный за сѣдломъ; они совѣтовали ему отвязать и бросить его. *Зурапханъ* не послушался. Забѣжавъ впередъ, черти опять ему встрѣтились и повторили тоже самое во второй разъ. И на этотъ разъ *Зурапханъ* былъ благоразуменъ, но, когда это повторилось въ третій разъ, *Зурапханъ*, не подозрѣвая обмана, не выдержалъ—бросилъ пукъ и поѣхалъ дальше. Онъ подѣзжалъ уже къ *Абрасеть*-городу, когда завидѣлъ его Ростомъ, который, смотря на него, не мало удивлялся: „ѣздовъ будто изъ *Даредзанъ*, а за сѣдломъ его нѣтъ отличительныхъ прутьевъ.“ Онъ крикнулъ на него. *Зурапханъ* будто и не слышалъ. Ростомъ крикнулъ во второй разъ тоже самое, въ третій разъ

— все одно: Зурапханъ даже вниманія не хочетъ обратить на него; также спокойно слѣзъ онъ съ лошади и пустилъ ее въ садъ. Ростомъ, не встрѣчавшій еще такого пренебреженія въ себѣ, бросился на незнакомца, и они стали бороться. Въ то время какъ Зурапханъ повалилъ Ростома, послѣдній вынулъ изъ-за ноговицы ножъ и всадилъ его Зурапхану въ животъ.

— „Горе твоему очагу,“ — сказалъ Зурапханъ, умирая: „у меня есть отецъ, Ростомъ, который поймаетъ тебя за заднюю ногу, если ты вздумаешь отъ него спастись на небо, и за чубъ—если въ землю: нигдѣ тебѣ отъ него не укрыться!“

Ростомъ узналъ сына и сталъ рыдать и рвать на себѣ волосы. Но ничего нельзя было уже сдѣлать. Тогда онъ вошелъ съ сыномъ въ *бнелетъ* (?) и тамъ круглый годъ пробылъ съ нимъ, отрастивъ до колѣнъ бороду. Ни на минуту не выпускалъ онъ его изъ объятій, обливая его горькими слезами. Наконецъ, боги сжалялись надъ нимъ: въ день, когда настала годовщина несчастнаго событія, Зурапханъ сталъ шевелиться.

— Въ то время какъ Ростомъ находился въ Абрасетъ-городѣ, братъ его, Беза, охранялъ отъ враговъ какой-то другой народъ. Онъ завелъ тамъ любовницу, и жители за это вознамѣрились извести его какимъ-нибудь путемъ; но средство нужно было найти повѣрнѣе; это средство указалъ имъ Гурдженъ, холопъ Беза. Онъ научилъ враговъ Беза связать послѣдняго во время сна тетивой его собственнаго лука. Этой тетивы онъ не разорветъ, и его легко будетъ убить. Шесть человѣкъ взяли за одинъ конецъ, шесть за другой и стали пилить тетиву. Когда она была перепилена, лукъ выпрямился и ударилъ державшихъ его съ такой силой, что трехъ убилъ съ одной стороны, трехъ съ другой. Теперь враги ожидали только дня, когда Беза заснетъ. А Даредзаны, заснувъ, спали безъ просыпу цѣлую недѣлю. Беза заснулъ. Враги вырыли большую яму, связали его тетивой лука, и вкатили въ эту яму, наваливъ на него громадный камень.

Жена Ростомъ, посмотрѣвъ въ это время въ зеркало, имѣвшее силу отражать все, по желанію смотрѣвшаго въ него, узнала объ этомъ и послала сказать мужу, находившемуся въ *бнелетъ*, чтобы онъ поторопился, оставивъ сына, такъ-какъ сынъ у нихъ и еще можетъ родиться, а брата не дастъ ему уже никто. Ростомъ, услыхавъ такую вѣсть, бросилъ сына и поспѣшилъ на помощь къ брату. Онъ отвалилъ камень и развязалъ Беза. Когда обнаружилось, что предателемъ его былъ холопъ Гурджень, Беза хотѣлъ его задушить, но Ростомъ не позволилъ ему пачкаться собачьей кровью. Тогда братъ просилъ только позволить ему бросить въ Гурджена за наказаніе яблокомъ.

Ростомъ позволилъ ему это. Беза, вырѣзавъ яблоко въ серединѣ, налилъ его свинцомъ и ударилъ имъ Гурджена въ грудь. Яблоко-свинецъ пролетѣло насквозь, и Гурджень упалъ мертвый.

VI.

Какъ Амиранъ перебилъ великановъ.

Однажды Ростомъ, отправившись на охоту, убилъ оленя и принесъ его въ одну пещеру, гдѣ принялся дѣлать изъ него шашлыки. Когда шашлыки были готовы, и Ростомъ хотѣлъ приняться за ѣду, изъ темнаго угла пещеры выходитъ къ нему вьлкастая женщина. Ростомъ подѣлился съ ней шашлыками. Когда они поѣли, она предложила ему остаться съ нею; онъ долго отказывался, предчувствуя что-то нехорошее; но, когда она стала приставать все больше и больше, онъ уступилъ ея желанію. Предчувствіе Ростомъ сбылось: онъ чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Умирая, онъ только просилъ вьлкастую женщину, чтобы она назвала сына Амираномъ. Когда у нея родился сынъ, она, дѣйствительно, назвала его Амираномъ. Амиранъ съ самой ранней молодости полюбилъ охоту

и предавался ей и днем, и ночью. Отправившись однажды на охоту и бродя по лѣсу, онъ предался думамъ: между прочимъ, Амиранъ удивлялся тому, что онъ столько времени охотится, а до сихъ поръ не встрѣтилось ему ни одного чело-вѣка. Да есть-ли еще другіе люди? былъ-ли у него отецъ? Амирану очень захотѣлось узнать это. Убивъ оленя и взя-ливъ его себѣ на плечо, онъ сейчасъ-же отправился домой и присталъ къ матери, чтобъ она объяснила ему его происхо-жденіе. Мать долго отказывалась, но, уступая настоятельнымъ просьбамъ сына, принуждена была рассказать ему, какъ было дѣло. Тогда Амиранъ задумалъ во что бы то ни стало оты-скать свое отечество. Много протекло дней, много пройдено земель, когда онъ пришелъ въ одинъ аулъ. Проходить онъ по улицѣ и видитъ: женщины, обливаясь потомъ, хлопчуть около большихъ пивоварныхъ котловъ, въ которыхъ варится мясо. Амиранъ, привѣтствовавъ ихъ, обратился къ нимъ съ вопросомъ—кто онѣ и что дѣлаютъ? Тѣ отвѣтили ему, что въ домѣ Ростомъ, пропавшаго безъ вѣсти, остались онѣ однѣ и вынуждены платить дань семи небеснымъ великанамъ, ко-торые Ростому сами платили дань; что сегодня вечеромъ ве-ликаны опять придутъ, и вотъ онѣ готовятъ имъ пищу и на-питки.

— „Да развѣ у васъ нѣтъ уже ни одного мужчины?“ спросилъ Амиранъ.

— „Есть—Усаби, но его нечего считать: слабый духомъ, онъ хуже женщины.“

Амиранъ просилъ ихъ пустить его ночевать. Онѣ отвѣ-тили, что гостя никогда не прогоняли, но Амирану въ ихъ домѣ можетъ угрожать опасность, такъ-какъ великаны могутъ его съѣсть. Однако Амиранъ отвѣтилъ, что онъ этого ничуть не боится, и его отвели въ домъ. Разспрашивая хозяевъ обо всемъ, онъ, между прочимъ, спросилъ, нѣтъ-ли у нихъ въ домѣ вакого-нибудь оружія; ему показали оружіе Ростомъ.

Тогда онъ попросилъ ихъ дать ему шапку Ростомъ и позволить ему спрятаться въ кладовой. Женщины позволили. Вотъ гости стали сходиться. Одинъ больше другого, въ комнату ввалились семь великановъ и стали пировать. Уже поѣли они порядочно, а въ особенности выпили, когда Амиранъ высочилъ къ нимъ съ шапкой въ рукѣ и сталъ наносить ударъ за ударомъ. Шесть великановъ были уложены на мѣстѣ, но седьмой, крылатый, сорвавъ крышу, успѣлъ улетѣть на небо. Обрадованныя женщины рассыпались въ благодарностяхъ гостю; но еще больше онѣ обрадовались, когда узнали, что Амиранъ — сынъ Ростомъ. Только не долго пришлось имъ радоваться: оставшійся въ живыхъ великанъ не давалъ имъ проходу: какъ только что-нибудь изъ нихъ самихъ или же изъ ихъ свотины показывался на открытомъ мѣстѣ, крылатый великанъ подхватывалъ добычу и уносилъ на небо, гдѣ тотчасъ и пожиралъ ее. Такимъ-же образомъ онъ унесъ и Усаби. Долго думалъ Амиранъ, какимъ путемъ уничтожить и этого великана, и, наконецъ, придумалъ. Зарѣзавъ буйвола и снявъ съ него кожу бурдюкомъ, съ головой и ногами, онъ влѣвъ въ нее и пошелъ на четверенькахъ къ водѣ, будто на водоной. Великанъ уже замѣтилъ его и, принявъ за буйвола, наблюдалъ за нимъ: какъ только онъ нагнулъ голову къ водѣ, великанъ налетѣлъ на него стрѣлой, схватилъ за шею и унесъ. Прилетѣвъ къ себѣ домой, онъ бросилъ буйвола на дворѣ, а самъ вошелъ въ домъ.

— „Уер-уер, мать, какъ я усталъ! никогда еще такой добычи не было!“

Мать вышла посмотреть на добычу, принесенную сыномъ, но, поднявъ одну буйволовую кожу, бросила ее. Амиранъ, оставленный на дворѣ, прорѣзалъ кожу, вылѣвъ оттуда, и, увидавъ недалеко привязаннаго Усаби, откармливаемого на-зрѣвъ, спрятался за него.

— „Вотъ это ты называешь хорошей добычей?“ спросила мать сына, указывая на кожу.

Великанъ чрезвычайно удивился такому превращенію, но скоро однако это приключеніе позабылось.

— „Давай зарѣжемъ теперь нашего отормленного плѣнника!“ сказалъ великанъ матери и направился къ Усаби.

Какъ только онъ подошелъ къ нему, изъ-за него выскочилъ Амиранъ, бросился на великана, и они стали бороться. Къ нимъ выбѣжала и клыкастая мать великана и то мѣсто, куда падалъ ея сынъ, она золой посыпала, а то, куда падалъ Амиранъ, заливала водой. Но Амиранъ все-таки одержалъ верхъ и зарѣзалъ великана; затѣмъ онъ схватилъ клыкастую женщину за горло и сталъ душить, требуя, чтобы она указала, гдѣ что находится у нихъ хорошаго.

— „Прежде всего, какимъ образомъ твои шесть сыновей спускались на землю, не имѣя крыльевъ?“ сказалъ ей Амиранъ.

Она указала ему висѣвшій на стѣнѣ необдѣланный ремень, который они бросали, и предъ ними являлась широкая дорога отъ земли до неба,—потомъ дала веревку, которая имѣла такую силу, что все, что бы ею ни повязали, не имѣло тяжести. Амиранъ, задушивъ клыкастую женщину и связавъ все, что находилось въ домѣ великановъ, этой веревкой, взялъ съ собой и Усаби и спустился на землю по брошенному ремню, который, по мѣрѣ прохожденія по дорогѣ, свертывался за ними.

VII.

Георгій Побѣдоносець въ гостяхъ у стариковъ.

Жили старикъ и старуха. Они были очень бѣдны. Зная это, разъ къ нимъ является великанъ и предлагаетъ корову. А корова была такая, что едва ли наплась бы на всемъ свѣтѣ ей подобная: невозможно было даже убрать всего ея молока, поэтому часть его приходилось просто выливать. Отдавая старикамъ такую корову, великанъ предлагалъ имъ слѣ-

дующее условіе: по прошествіи года, онъ опять явится къ нимъ, и если они на каждое слово его найдутся ему отвѣтить, то корова—ихъ навѣки, если же нѣтъ, то они сами постанутъ въ его полное распоряженіе. Старикъ и старуха подумали и согласились: „всеравно приходится умирать съ голоду,—сказали они себѣ,—будемъ пока пользоваться коровой, а тамъ будетъ, что Богъ пожелаетъ.“ Прошелъ годъ. Подвечеръ назначеннаго дня во дворъ стариковъ въѣзжаетъ Георгій Побѣдоносецъ въ видѣ простаго всадника.

— „Не пустите-ли, хозяева, къ себѣ гостя?“ обратился онъ къ старику, который вышелъ ему навстрѣчу.

— „Гость—Божій гость, кто его не пустить!“—отвѣтилъ ему старикъ.

Георгій Побѣдоносецъ слѣзъ съ лошади и послѣдовалъ за хозяиномъ, который, пригласивъ его въ домъ, извинялся за бѣдность, не позволяющую имъ принять, какъ бы подобало, хорошаго гостя. У стариковъ, дѣйствительно, не оказалось даже сноснаго сидѣнія. Гость ударилъ вончикомъ плети о землю, и явились два кресла—серебряное—для гостя и деревянное—для старика. Во время ужина, хозяйка, извиняясь за скудное угощеніе, подала на деревянномъ столикѣ сыръ съ хлѣбомъ. Гость ударилъ плетью о конецъ деревяннаго столика, —и явились разнообразныя, вкусно приготовленныя, кушанія какъ передъ гостемъ на серебряномъ столикѣ, такъ и передъ стариками на деревянномъ. Хозяева были очень удивлены, но еще болѣе ихъ занимало предстоящее объясненіе съ великаномъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ большее безпокойство обнаруживали хозяева, и гость, наконецъ, будто ничего не зная, спросилъ о причинѣ ихъ тревоги. Старики, воспользовавшись тѣмъ, что самъ гость вызвалъ ихъ на объясненіе, рассказали ему все, какъ было. Гость взялся выручить ихъ, только привазалъ имъ, чтобъ они все время, какъ придетъ великанъ, молчали, предоставивъ ему объясниться съ нимъ; за-

тѣмъ гость ударилъ опять кончикомъ плети о землю,—и явились двѣ кровати—серебряная и деревянная—со всѣми принадлежностями богатыхъ постелей. Всѣ легли спать. Въ полночь на дворѣ послышался шумъ: это былъ великанъ; онъ окликнулъ хозяина, но, услышавъ, повидимому, другой голосъ, удивился,—однакожь началъ испытаніе.

— „Одинъ, одинъ!“ —сказалъ онъ.

— „Ахъ ты, такой-сякой! да гдѣ ты найдешь *одного* лучше меня?“ послышался ему въ-отвѣтъ голосъ.

Великанъ струсилъ и убѣжалъ. Но ему жалко было такъ легко уступить корову, и потому онъ вернулся назадъ; къ нему снова вышелъ Георгій Побѣдоносецъ.

— „Два, два!“ —началъ опять великанъ.

— „Изъ парныхъ—что лучше моихъ двухъ глазъ?“ отвѣчалъ Георгій Побѣдоносецъ.

— „Три, три!“ продолжалъ великанъ.

— „Трехперная стрѣла летитъ и на небо, и подъ землю,“ былъ ему отвѣтъ.

— „Четыре, четыре!“

— „Четырехволесная телѣга катится и по горамъ, и по полямъ.“

— „Пять, пять!“

— „А! такой-сякой—коснулись бы тебя мои пять пальцевъ, я-бъ тебѣ задалъ!“

— „Шесть, шесть!“

— „Какъ обѣднѣтъ тому, кто коситъ сѣно въ шесть косарей?“

— „Семь, семь!“

— „Да не пройдетъ и поблизости моего мѣстожителства семь разъ отпущенная (вслѣдствіе смерти мужа) женщина!“

— „Восемь, восемь!“

— „Да, называетъ себя бѣднымъ тотъ, кто стрижетъ восемьсотъ овецъ?“

- „Девять, девять!“
- „На девятое меня здѣсь не было.“
- „А гдѣ былъ?“ спросилъ великанъ.
- „Я охотился, перелетая на хромомъ комарѣ море отъ края до края...“ отвѣтилъ Георгій Побѣдоносецъ.
- „Море, можетъ быть, было маленькое?“
- „Да, такое маленькое, что орель не могъ перелетѣть отъ одного берега его до другого и упалъ во воду.“
- „Орель, можетъ быть, былъ молодой?“
- „Онъ былъ на столько большой, что въ дождливый день привернулъ однимъ крыломъ цѣлый ауль.“
- „Да ауль, можетъ быть, былъ маленькій?“
- „Какъ былъ ауль маленькій, когда крикъ *борать-осла* (?) не былъ слышенъ съ одного его конца до другого.“
- „Оселъ могъ быть маленькій?“
- „Развѣ тотъ оселъ маленькій, который съ мельничными жерновами на спинѣ погнался за зайцемъ и поймалъ его за хвостъ.“
- „А если заяцъ былъ маленькій?“
- „Заяцъ былъ такой, что изъ шкуры его сдѣлали шубу и шапку старшему изъ нартовъ Урузмеку, а извѣстно, что Урузмекъ былъ такой рослый, что крикъ пѣтуха, стоящаго на подъемѣ его ноги, не достигалъ его ушей.“

Великанъ не могъ уже дальше продолжать и хотѣлъ убѣжать. Тогда Георгій Побѣдоносецъ проклялъ его, и онъ превратился въ хорошую лучину для стариковъ—въ сосновый пень съ воткнутымъ въ него новымъ топоромъ.

VIII.

Куси Дзудтовъ.

Куси Дзудтовъ былъ очень хорошій охотникъ. Но если бы кто, не зная этого, посмотрѣлъ на него, то могъ бы при-

вать его за нищаго; сверхъ грязной рубашки, грубыхъ штановъ, сдѣланныхъ изъ сукна мѣстнаго издѣлія, на немъ была надѣта верига, опоясанная веревкой изъ козлиной шерсти; на головѣ сѣрая войлочная шапочка, на ногахъ старыя лапти. Таково было одѣяніе Куси.

Также бѣдно и неприглядно было и охотничье ружье его: простое, мѣстами даже заржавленное, дуло было вложено въ склеенный изъ деревянныхъ кусковъ желобокъ—и все это вдѣто въ дырявый, сѣрый чехоль, къ которому былъ привязанъ ремешокъ—какимъ, обыкновенно, снизу заплетають лапти; ремешокъ былъ нуженъ для того, чтобы перекинуть ружье чрезъ плечи. Но, несмотря на такую неприглядную виѣшность, Куси убиваль туровъ *Авсати* *), не испрашивая на то его согласія. Онъ не подраживался къ туру или сернѣ, какъ дѣлають другіе охотники, а шелъ по открытымъ мѣстамъ, чтобы лучше видѣть окружающую мѣстность, и, какъ только, бывало, увидить тура, онъ гонится за нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не заберется на непреступныя снѣжныя вершины, дальше которыхъ итти было уже некуда. Глядя снизу на такія мѣста, можно было подумать, что туда и птица не долетаетъ. Но для Куси ничего не стоило взобраться на эти мѣста. И вотъ оттуда-то онъ и сбрасываль одного за другимъ рогатыхъ туровъ. Не бывало случая, чтобы Куси пошелъ на охоту и вернулся назадъ съ пустыми руками. Конечно, это было неприятно для *Авсати*, но, несмотря на всѣ свои старанія извести Куси, онъ ничего съ нимъ не могъ подѣлать. Однажды Куси пошелъ опять на охоту. Проходя по Касарскому ущелью (чрезъ которое протекаетъ р. Ардонъ), онъ вдругъ услышалъ звукъ свирѣли и сталъ прислушиваться. Съ *Калбнера* (самая высокая гора, по лѣвую сторону Ардона) Георгій Побѣдоносецъ заигралъ

*) *Авсати*—властитель надъ дикими животными, особенно, надъ турами, оленями, козами, и кабанами.

на свирѣли, прося у Авсати, находившагося на *Усаи* (самая высокая вершина, по правую сторону Ардона), прислать ему для молотбы на три дня туровъ. Авсати послалъ ему семь рослыхъ туровъ. Куси понялъ, въ чемъ дѣло, и, избравъ тотъ день, когда туры должны были возвращаться назадъ, поджидалъ ихъ въ *Бина-хидъ* (нижній мостъ). Сдѣлавъ свое дѣло, Георгій Побѣдоносецъ отправилъ туровъ назадъ, положивъ вожатому между рогами три пшеничныхъ зерна—ихъ ужинъ. Когда они спустились въ долину, Георгій Побѣдоносецъ напустилъ туда туманъ, чтобы они перешли черезъ мостъ, никѣмъ незамѣченные. Но Куси трудно было обмануть. Какъ только туры стали переходить черезъ мостъ, онъ началъ по нимъ стрѣлять и всѣхъ ихъ убилъ. Прошелъ назначенный день, когда туры должны были вернуться; но такъ-какъ ихъ все еще не было, то Авсати, прождавъ еще нѣсколько дней, заиралъ на свирѣли съ вершины Георгію Побѣдоносцу на Калберъ:

— „Вѣдь, ты просилъ у меня туровъ только на три дня, отчего-же ихъ такъ долго нѣтъ?“

— „Развѣ они не пришли назадъ? Я давно ихъ отпустилъ, положивъ вожатому три пшеничныхъ зерна между рогами;“ отвѣтилъ Георгій Побѣдоносецъ.

— „Да сократятся дни Куси!“ промолвилъ Авсати: „позавчера изъ долины были слышны опять выстрѣлы: вѣроятно, онъ убилъ ихъ.“

Куси слышалъ и этотъ разговоръ; онъ пощупалъ между рогами вожатаго тура, и тамъ, дѣйствительно, оказалось три пшеничныхъ зерна.

— „Предоставь, въ такомъ случаѣ, мнѣ расправиться съ нимъ!“ отвѣтилъ Георгій Побѣдоносецъ Авсати.

Прошло послѣ этого нѣкоторое время, и Куси заболѣлъ, —заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вынесенъ на „Большой лугъ“

и положенъ на свой халатъ *). Со всѣхъ мѣстностей сходилса народъ, чтобы отдать покойному послѣдній долгъ.

Въ это время нѣкто Бисолтанъ Кастмазовъ отправился къ Авсати, чтобы первымъ извѣстить его о такой для него радости. Отправившись утромъ, онъ въ вечеру добрался до подножія Уасаг'а, отсюда и закричалъ Авсати, что Куси Дзудтовъ умеръ. Авсати сперва не хотѣлъ обращать на кричавшаго и вниманія, но, когда Бисолтанъ крикнулъ въ третій разъ, онъ вышелъ и взглянулъ внизъ. Бисолтанъ опять повторилъ, что Куси умеръ.

— „Оставь подобныя слова: что смерть можетъ сдѣлать Куси! застрѣли себѣ тамъ козленка и поужинай!“ — отвѣтилъ Авсати.

— „Въ такомъ случаѣ, если мнѣ не вѣришь, взгляни завтра, при восходѣ солнца, на „Большой лугъ.“

Утромъ, какъ только взошло солнце, Авсати взялъ подзорную трубу и посмотрѣлъ на „Большой лугъ“. И, дѣйствительно, трупъ Куси лежалъ на его халатѣ, блестящемъ, какъ золото: ослѣпительный блескъ отходилъ до самаго Уасага. Въ головахъ покойника лежало его охотничье ружье, а по сторонамъ, высунувъ языки, двѣ охотничьи собаки. Авсати очень обрадовался, избавившись стараніями Георгія Побѣдоносца отъ злѣйшаго врага своего. Между тѣмъ, Бисолтанъ на другую ночь опять убилъ тура и принесъ его въ пещеру; какъ только онъ принялся дѣлать изъ него шашлыкы, передъ пещерой вдругъ затрещалъ кустъ, и изъ него вышелъ мужчина.

— „Авсати зоветь тебя къ себѣ въ гости!“ — сказалъ онъ Бисолтану.

*) Въ верстѣ отъ сел. Зарамагъ (въ горахъ Осетіи) во Владикавказскомъ Округѣ находится еще и въ настоящее время хуторъ — Дзудта; тамъ, говорятъ, и жила фамилія Дзудтовыхъ, которыхъ теперь никто уже не помнитъ; около селенія, между Ардономъ и его лѣвнымъ притокомъ, сходящимся подъ угломъ, находится высокій холмъ, представляющій наверху поляну, недалеко отъ хутора; это мѣстные жители и называютъ „Большой лугъ.“ Пр. Состав.

Бисолтанъ, вмѣстѣ съ нимъ, отправился съ Авсати. На дорогѣ незнакомецъ сказалъ ему, что Авсати приглашаетъ его, желая наградить его за сообщеніе радостной вѣсти, и будетъ предлагать ему туровъ—одной, двухъ, трехъ мѣстностей, но пусть онъ не беретъ этого, а выпросить, чтобъ всѣ его потомки имѣли на охотѣ удачу. Бисолтанъ поступилъ по совѣту незнакомца. Авсати принялъ гостя очень ласково, посадилъ за однимъ столомъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, архангеломъ Гавріиломъ и другими гостями. Когда угощеніе подходило къ концу, Авсати спросилъ Бисолтана, чѣмъ онъ желаетъ быть награжденнымъ? Тотъ отвѣтилъ, что будетъ доволенъ всѣмъ, чѣмъ ему будетъ угодно его наградить. Тогда Авсати предложилъ ему туровъ однихъ горъ.

Бисолтанъ благодарилъ, говоря, что всѣмъ, что дастъ ему Авсати, будетъ доволенъ. Замѣчая, что Бисолтанъ не удовлетворяется этимъ, онъ предложилъ ему туровъ двухъ горъ, потомъ трехъ.

— „Скажи самъ, въ такомъ случаѣ, чѣмъ мнѣ тебя наградить?“ сказалъ тогда Авсати, понявъ, что гость не удовлетворяется его предложеніями.

— „Такъ, если тебѣ угодно меня наградить, то да будетъ всѣмъ моимъ потомкамъ на охотѣ за твоими турами удача!“ сказалъ Бисолтанъ.

— „Пусть будетъ по твоему желанію!“ Отвѣтилъ Авсати. И съ этого времени изъ Кастмазовыхъ, которые почти всѣ занимались охотою, не было ни одного неудачнаго охотника.

IX.

Сирдонъ.

Сирдонъ былъ изъ нартовъ. Онъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Однажды Сатана, безъ шароваръ, мыла на берегу рѣки бѣлье. По другому берегу шелъ дьяволъ и, увидѣвъ бѣлое, какъ снѣгъ, тѣло ея, разгорѣлся страстью и въ

это время оперся на камень, отчего послѣдній оплодотворился. Сатана узнала это и стала считать мѣсяцы. Наступилъ день, когда плодъ долженъ былъ созрѣть, и Сатана попросила разбить этотъ камень. Такъ-какъ камень былъ большой, то его стали ломать кусками. Когда уже близко было то мѣсто, гдѣ находился младенецъ, Сатана напоила работавшихъ аракой, которую сама-же изобрѣла, и они заснули. Тогда она взяла бритву, осторожно прорѣзала оставшуюся еще оболочку камня и вынула оттуда младенца, котораго она назвала *Сирдономъ*. Хитрый Сирдонъ, какъ отродіе діавола, отличался ловкостью и находчивостью. Но нарты ни во что его не ставили: надъ нимъ смѣялись, какъ надъ дурачкомъ, и держали для мелкихъ услугъ.

Однажды нарты, по обыкновенію, отправились искать приключеній и взяли съ собой Сирдона, чтобы онъ стерегъ ихъ лошадей, поддерживалъ стремя, когда они садились въ сѣдло. Цѣлый лѣтній день ѣхали нарты. То впереди ихъ, то за ними шелъ и Сирдонъ, обливаясь потомъ и еле стоя на ногахъ отъ усталости. Никто не хотѣлъ даже посадить его за сѣдломъ. Къ вечеру нарты подѣхали къ одной большой рѣбѣ. Такъ-какъ пѣшвомъ переправиться было нельзя, то одинъ изъ нихъ велѣлъ Сирдону взяться за хвостъ его лошади. Когда онъ вѣхалъ въ рѣчку, то обратился къ Сирдону:

— „А когда ногти стригутъ, Сирдонъ?“

— „Когда о нихъ вспомнить,“—отвѣтилъ онъ, ничего не подозрѣвая.

Тотъ выѣхалъ въ глубокое мѣсто на рѣбѣ, досталъ ножичекъ и сталъ подрѣзывать себѣ ногти. Сирдона бросало изъ стороны въ сторону; его пробралъ холодъ—но что было дѣлать? Наконецъ, подрѣзываніе ногтей кончилось. Нарты выѣхали на другой берегъ, остановились ночевать и развели костеръ, но мохраго Сирдона даже не подпустили близко къ огню: бросивъ ему кусокъ хлѣба, они велѣли старательнѣе стеречь лошадей. На другой день нарты опять двинулись въ путь.

Сперва Сирдонъ опять шелъ пѣшкомъ, но, когда началъ очень отставать, нарты стали возить его, поочередно, каждый за своимъ сѣдломъ. Сирдонъ у всѣхъ у нихъ пообрѣзавъ огнива, которыя, по обыкновенію, были привѣшены у каждаго въ ясу. Когда опять настала вечеръ, и нарты остановились ночевать, ни у кого изъ нихъ не оказалось огнива—всѣ ихъ потеряли на дорогѣ.

— „Что теперь намъ дѣлать?“—думали они.

Въ это время одинъ изъ нартовъ увидѣлъ въ сторонѣ свѣтъ. Нарты отправили Сирдона туда за огнемъ, но онъ не дошелъ до того мѣста, откуда былъ виднѣнъ свѣтъ, и возвратился назадъ, говоря, что ему даже дверей не отворили, сколько онъ ни кричалъ. Тогда пошелъ младшій изъ нартовъ. Оказалось, что это былъ домъ великановъ. Его приняли тамъ и попросили сѣсть, указавъ на длинную нару; нартъ, ничего не подозревая, сѣлъ на указанное мѣсто, но тотчасъ-же и приросъ къ нарѣ, такъ-какъ она была облита *бурамазъ* (?) Когда посланный долго не возвращался, слѣдующій затѣмъ младшій изъ семи братьевъ отправился узнать, въ чемъ дѣло; но съ нимъ случилось тоже самое, что и съ первымъ;—тоже случилось и съ пятью остальными братьями:—всѣ они приклеились къ нарѣ, и никакъ не могли встать.

Когда ушелъ послѣдній изъ нартовъ искать братьевъ, Сирдонъ развелъ большой костеръ, сварилъ мясо, сдѣлалъ шашлыки и отлично поѣлъ себѣ. Потомъ взялъ одинъ изъ оставшихся шашлыковъ и обмоталъ его усомъ (а усы у Сирдона были предлинныя), такъ-что онъ болтался около его рта. Сирдонъ такъ и пошелъ къ нартамъ. Вошелъ онъ въ домъ великановъ и видитъ—всѣ нарты сидятъ рядомъ и, приклеившись къ нарѣ, не могутъ двинуться. Не очень было, конечно, нартомъ приятно такое издѣвательство надъ ними Сирдона, но что было дѣлать: они только могли со злости скрежетать зубами. Сирдону тоже предложили сѣсть около нартовъ.

— „Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я не достоинъ сидѣть рядомъ съ ними и, обыкновенно, стою при нихъ, а если сажусь, то на бездонномъ ведрѣ; всыпьте-ка мнѣ золу въ такое ведро.“

Въ бездонное ведро насыпали золы и подали его Сирдону, вливъ въ него предварительно *бурамазъ*, который ушелъ въ золу, такъ-что Сирдонъ, сѣвъ на ведро, остался невредимъ.

Вотъ, наконецъ, собрались въ домъ всѣ великаны, поставили на огонь громадный котелъ съ водой и, выбравъ Созирбо, какъ самаго жирнаго, судя по его красной шеѣ, хотѣли уже зарѣзать. Нарты струсили. Тогда Сирдонъ взялъ съ нихъ слово, что они не будутъ ему мстить, и выручилъ ихъ изъ бѣды. Какъ только великаны положили Созирбо на столъ и хотѣли рѣзать, онъ обратился къ нимъ съ хитрою рѣчью:

— „Великаны, — сказалъ Сирдонъ — у насъ возникъ споръ, и какъ мы сами не могли его рѣшить, то пришли къ вамъ, мудрѣйшимъ изъ людей, чтобы вы насъ разсудили. Заспорили мы о слѣдующемъ: Были три брата — богатыря. Они имѣли быка. Каждый день братья выходили на поле косить и скашивали по нѣскольку десятинъ каждый. Всю накошенную днемъ траву, вечеромъ, они приносили быку, который, будучи днемъ на пастубѣ, все-таки съѣдалъ ее въ одну ночь. Однажды братья выпустили быка на водопой. Орель схватилъ и унесъ его въ своихъ когтяхъ на поле, гдѣ онъ присѣлъ на голову паспагося козла и съѣлъ свою добычу. Когда орель улетѣлъ, козель встряхнулъ головой, и оставшіяся на его головѣ кости разлетѣлись во всѣ стороны, причемъ лопатка быка попала въ глазъ пастуха. Пастухъ, почувствовавъ въ глазѣ боль, попросилъ своихъ товарищей вынуть изъ его глаза причиняющую ему боль пылинку. Товарищи вынули лопатку, и одинъ изъ нихъ обратился къ пастуху со словами: „какъ тебѣ не стыдно, что отъ такой ничтожной пылинки ты чувствуешь боль,“ — и сдунулъ лопатку въ сторону.“

„Послѣ этого, мимо этой лопатки приходилось проходить

переселенцамъ, они приняли ее за поле и поселились на ней. Такъ-какъ на концѣ лопатки еще осталось немного мяса, то лиса приходила каждую ночь и грызла ее, отчего вся деревня колебалась, и жители ея приходили въ страхъ. Вотъ является къ нимъ охотникъ, который беретса помочь ихъ горю, если они заплатятъ ему за услугу. Жители, съ радостью, соглашались и общаются дать ему все, чего бы онъ ни захотѣлъ, лишь бы избавилъ ихъ отъ предстоящей бѣды. Охотникъ ночью подстерегъ лису и застрѣлилъ ее. Узнавъ объ этомъ утромъ, всѣ жители деревни отправились по кровавому слѣду лисы и нашли ее дохлою; они сняли кожу съ одного ея бока, но такъ-какъ на другой не могли перевернуть ея, то кожа на томъ боку осталась не снятою. Изъ половины лисьяго мѣха всѣ жители деревни сдѣлали себѣ по шубѣ. Послѣ нихъ пришелъ охотникъ, толкнулъ лису ногой, и она перевернулась; онъ снялъ съ нея остальную кожу и тоже сдѣлалъ себѣ шубу, но ему не достало мѣха на рукава.“

— „Вотъ, почтенные великаны, то, о чемъ мы заспорили. Теперь скажите вы намъ, которое изъ всѣхъ существъ, упоминаемыхъ здѣсь, было больше, и которое сильнѣе?“

Кто изъ великановъ сказалъ, что быкъ былъ больше, кто—что лиса и т. д., но всѣ утверждали разное, и, такимъ образомъ, при спорѣ, который становился все жарче и жарче, дѣло дошло до драки; великаны выбѣжали на дворъ и избивали другъ друга до смерти. Тогда Сирдонъ взялъ кипѣвшій на огнѣ котелъ и опрокинулъ его на нару подъ нартами. Вся кожа, которою нарты пригасались къ нарѣ, осталась на ней; но они все-таки были рады, что такъ дешево отдѣлались.

Отъ великановъ они поѣхали обратно домой. Сирдонъ тоже досталъ себѣ гдѣ-то одну влячу и сѣлъ на нее. Передъ тѣмъ, какъ выѣхать, кто-то изъ нартовъ, изъ мести, отрѣзалъ губы у лошади Сирдона, такъ-что зубы ея остались открытыми. Замѣтивъ это, Сирдонъ взялъ и отрѣзалъ у самаго основанія хво-

сты у лошадей всѣхъ нартовъ и воткнулъ ихъ имъ-же въ зады. Когда порядочно уже проѣхали, одинъ изъ нартовъ оглянулся и, засмѣявшись, просилъ другихъ посмотреть назадъ. Всѣ стали хохотать.

— „Сирдонъ, чему это твоя лошадь смѣется?“ спросили они. Сирдонъ будто и не понялъ. Тѣ еще больше стали смѣяться, и одинъ изъ нихъ опять спросилъ его, чему смѣется его лошадь?

— „Моя лошадь напрасно не будетъ смѣяться: вѣроятно, она видитъ что-нибудь смѣшное,“ — отвѣтилъ Сирдонъ. Нарты оглянулись на себя и, увидѣвъ отрѣзанные хвосты у своихъ лошадей, очень разсердились на Сирдона. Нагнувъ длинную тополь, они привязали его усами къ ея вершинѣ и отпустили дерево, а сами уѣхали домой. Цѣлый вечеръ и до утра горевалъ Сирдонъ; на слѣдующій день, утромъ, пастухъ выгналъ стадо въ поле и, замѣтивъ Сирдона еще издали, подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Сирдонъ ничего ему не отвѣтилъ на два вопроса; но, когда пастухъ спросилъ его въ третій разъ, онъ отвѣтилъ, что взобрался на вершину дерева потому, что оттуда видны земли, воды, рай, адъ,—словомъ, все, что сотворилъ Богъ. Пастухъ заинтересовался, и просилъ Сирдона дать посмотреть оттуда и ему. Сирдонъ, изъ хитрости, сталъ отказывать, но, потомъ, согласился, и велѣлъ нагнуть дерево. Пастухъ такъ и сдѣлалъ. Сирдонъ сошелъ на землю, привязалъ пастуха веревкой къ вершинѣ дерева и, отпустивъ его, потомъ спрашиваетъ: видитъ онъ, или нѣтъ. — „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ пастухъ. Сирдонъ собралъ его стадо и погналъ.

— „Куда ты гонишь мое стадо?“ кричитъ ему пастухъ съ дерева.

— „А ты говоришь, что ничего не видишь!“ — отвѣтилъ ему Сирдонъ и погналъ стадо.

Онъ пригналъ его на тотъ лугъ, гдѣ у нартовъ, обыкновен-

но, происходилъ дѣлежъ награбленнаго при наѣздѣ, и сталъ вричать нартамъ, чтобъ они пришли дѣлить добычу. Нарты очень удивились, что Сирдонъ опять ухитрился избѣгнуть смерти, однако-жъ пришли и подѣлили стадо между собою. Такъ добродушно отомстили нартамъ умный Сирдонъ!

Составилъ, по разсказамъ туземныхъ жителей, учитель Осетинской Георгіевской шеолы, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда, **А. Байтмазовъ.**

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Телавскій уѣздъ занимаетъ пространство по долинѣ верхняго теченія рѣки Алазани и по склонамъ Кавказскихъ и Гомборскихъ горъ.

Съ сѣвера лежатъ Кавказскія горы, съ юга—Циво-Гомборскія, съ запада—отроги Кавказскихъ горъ, съ востока—продолженіе Алазанской долины.

Пространство, занимаемое Телавскимъ уѣздомъ, въ длину имѣетъ 55 верстъ, а въ ширину 50 верстъ.

Населеніе состоитъ изъ грузинъ, небольшого числа армянъ и татаръ.

Телавскій уѣздъ называется Кахетіей, какъ рассказываетъ преданіе, по имени одного изъ поселившихся здѣсь родоначальниковъ Грузіи—Кахоса, сына пра внука Іафетова, Торгома.

Страна эта подвергалась частымъ нападеніямъ и разореніямъ лезгинъ, персовъ и монголовъ.

Лезгины, живущіе въ Дагестанѣ и отдѣляемые отъ Кахетіи Кавказскими горами, нападали на Кахетію, во-первыхъ, возбуждаемые къ этому магометанской религіей, а, во-вторыхъ, съ цѣлью грабежа, такъ-какъ, богатая всѣми дарами, природа Кахетіи служила имъ, въ данномъ случаѣ, заманчивой приманкой. Нѣтъ сомнѣнія, что не мало драгоценныхъ вещей досталось хищникамъ и подверглось варварскому уничтоженію.

Слѣды ихъ варварства видны на сохранившейся живописи по стѣнамъ древнихъ церквей и монастырей, какъ-то: въ церкви св. Креста, около селенія Сабуи, въ Некресскомъ монастырѣ, селенія Шильдахъ, въ церкви архангела Михаила, села Енисели, въ Алавердинскомъ, Шуамтинскомъ монастыряхъ и др., въ которыхъ живопись испорчена ударами кинжаловъ и выстрѣлами изъ огнестрѣльнаго оружія.

Персы, однако, недолго оставались въ Кахетіи, такъ-какъ грузины, обыкновенно, оправившись силами, скоро выгоняли неприятеля, и, такимъ образомъ, не теряли своей политической самостоятельности. Пребываніе персовъ въ Кахетіи видно изъ слѣдующихъ сохранившихся старинныхъ памятниковъ: къ юго-западу отъ г. Телава, въ чертѣ города, сохранилась постройка восьмигранной формы со сводчатымъ потолкомъ. Постройка эта сдѣлана изъ кирпича на известкѣ. Въ землѣ она имѣетъ одну сажень глубины, а отъ поверхности земли двѣ сажени. Съ восточной стороны постройки помѣщается сводчатая дверь.

На стѣнѣ сохранилась арабская надпись, къ сожалѣнію, отчасти стершаяся. Постройка эта, очевидно, служила мечетью, а около нея, вѣроятно, были жилища персовъ, такъ-какъ въ этихъ мѣстахъ находили персидскія монеты. Въ оградѣ Алавердинскаго монастыря, до сихъ поръ остались развалины бывшихъ жилищъ персовъ. Постройки эти относятся къ XVII столѣтію, когда шахъ Абасъ Великій завоевалъ Кахетію и оставилъ здѣсь войска для собиранія дани.

Вліяніе грековъ, какъ народа единовѣрнаго, сказалось въ постройкѣ церквей, монастырей, украшеніи ихъ живописью и распространеніи образованія. Грузинскіе юноши отправлялись для высшаго образованія въ Аѣнны и на Аѣонскіе монастыри. Тамъ грузины имѣли и свои монастыри; кахетинскіе же цари дарили монастырямъ земли, сады и лѣса.

Въ сношенія съ Россіей Грузія, какъ извѣстно, вступи-

ла еще съ XII столѣтія, когда Георгій, сынъ Андрея Боголюбскаго, былъ обвинчанъ съ царицей Тамарой. Сношенія эти сдѣлались частыми при Борисѣ Годуновѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и, особенно, въ концѣ XVIII столѣтія.

Кромѣ прямыхъ историческихъ указаній, объ этомъ свидѣлствуютъ русскія монеты, находимыя въ Кахетіи. Мнѣ доставлена мѣдная русская монета съ надписью на одной сторонѣ: 17—55 годъ, и буквами: Е. П., а на другой сторонѣ изображеніе Георгія Побѣдоносца.

О пребываніи римлянъ въ Кахетіи свидѣлствуетъ гробница, глиняный саркофагъ, найденный мною въ 3 верстахъ отъ города Телава въ мѣстности, именуемой Маркаани, а также топоры и другія вещи, бывшія въ употребленіи у римлянъ.

Въ Кахетіи перебивали и другіе народы, какъ-то: армяне, арабы, евреи. Свидѣтельствомъ этому служатъ письма и кладбища, встрѣчаемыя въ Греми (Накалакебахъ), древнемъ городѣ, существовавшемъ съ первыхъ вѣковъ христіанства.

Изъ памятниковъ, имѣющихъ научный интересъ, въ особенности для археологовъ, въ Кахетіи можно указать на древнія городища и монастыри, пещеры, старый замокъ, древнія вещи, монеты и нѣкоторые другіе остатки старины.

I. Древніе города.

Въ предѣлахъ Телавскаго уѣзда сохранились развалины и остатки городищъ: Телава, Греми (Накалакеви) и Негресы. Городъ Телавъ, нынѣ уѣздный городъ, основанъ грузинскимъ царемъ Квирикомъ, въ IX столѣтіи послѣ Р. X.

Въ старой части города, до сихъ поръ, сохранились остатки старинной крѣпости. Уцѣлѣли стѣны: сѣверная, южная, и часть восточной. Стѣны возведены изъ камня на известкѣ, съ небольшимъ количествомъ кирпича. Стѣны не имѣютъ ни отверстій, для такъ называемыхъ бойницъ, ни зубчиковъ. Угло-

выхъ башенъ также нѣтъ. Снаружи стѣны есть полубашни, на разстояніи 7 аршинъ другъ отъ друга. Высота стѣны вездѣ одинаковая: 7 арш., а толщина— $1\frac{1}{2}$ арш.. Крѣпость эта относится ко времени основанія самаго города.

Въ новой части города есть крѣпость, построенная въ XVII столѣтіи, при царѣ Арчилѣ, который перенесъ столицу изъ Гречи въ Телавъ.

Въ самой крѣпости былъ древній дворецъ кахетинскихъ царей. Дворецъ этотъ обновленъ, по распоряженію Великаго Князя Михаила Николаевича, и обращенъ въ помѣщеніе для женскаго учебнаго заведенія Св. Нины.

Въ этомъ помѣщеніи сохранилась комната, въ которой скончался царь Ираклій Теймуразовичъ, въ 1798 году, о чемъ гласить имѣющаяся тамъ на мраморной плитѣ надпись.

Въ 18 верстахъ отъ города Телавъ, у подошвы Кавказскихъ горъ, есть остатки древняго городища Гречи (Нагалавеви). Этотъ городъ существовалъ съ первыхъ вѣковъ христіанства; и въ длину, и въ ширину онъ имѣлъ двѣ версты. Народонаселеніе въ немъ состояло изъ грузинъ, армянъ и евреевъ.

Каждая изъ этихъ народностей имѣла свои кладбища, сохранившіяся и понынѣ.

Еврейское кладбище находится въ юго-восточной части, на равнинѣ. Мѣсто это и теперь у мѣстныхъ жителей называется „*наурали*“ т. е. мѣсто евреевъ. Кладбище это занимаетъ площадь около 200 квад. саженой, и усыяно многими каменными плитами, расположенными въ вертикальномъ положеніи.

Грузинское кладбище находится на возвышенностяхъ, въ сѣверной части. На этомъ кладбищѣ есть старинная часовня, съ древне-грузинскою надписью надъ входными дверьми.

Есть еще одно кладбище, въ южной части, на берегу рѣчки Инцоба. На этомъ кладбищѣ находятся могильныя ка-

менные плиты гигантскихъ размѣровъ. Надписей на нихъ нѣтъ.

Надъ одною могильною плитою выросъ дубъ, въ дуплѣ котораго виднѣется каменная плита. Стволъ дуба, въ окружности, равняется 5 арш. 13 верш.. По разрытіи одной изъ могилъ, на глубинѣ—1 арш. 4 верш., оказался человѣческой скелетъ, пришедшій въ полное разрушеніе. Во время раскопки этой могилы показывались, мѣстами, куски угля, черепки сосуда и куски окиси желѣза. Въ юго-западной части, вблизи шоссеиной дороги, находится часовня и старое, давно уже закрытое, армянское кладбище. Въ куполѣ часовни найдены два глиняныхъ кувшинчика и двѣ глиняныя трубы. Вѣроятно, это приспособленіе было сдѣлано для лучшаго отраженія звуковъ, при звонѣ колоколовъ. На этомъ кладбищѣ, среди многихъ надгробныхъ плитъ, обращаютъ вниманіе два могильныхъ памятника, съ сохранившеюся армянскою надписью.

Къ западу отъ этого кладбища, въ ста саженьяхъ вверхъ по горѣ, высится замокъ. Въ этомъ замкѣ сохранились лавки, построенныя изъ каменнаго матеріала, причѣмъ потолокъ и стѣны возведены сводами изъ камня на известкѣ. Подъ этими лавками, расположенными правильно, по четыре въ рядъ, есть въ землѣ такія-же лавки, возведенныя также сводами изъ кирпича на известкѣ. Вблизи этихъ лавокъ сохранилась старинная крѣпость, длиною въ 30 саж., высотой 5 арш.; верхи зубчиковъ не имѣютъ. Стѣны сложены изъ камня на известкѣ.

О прошломъ этого города, его торговлѣ и населенности преданіе говоритъ, что сюда привозили на ста верблюдахъ маленькія деревянныя ложки. Здѣсь же сохранилось десять древнихъ христіанскихъ церквей. Церкви эти находятся на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, каждая изъ нихъ обнесена невысокой каменной стѣной. Сложены онѣ очень прочно изъ каменныхъ плитъ на известкѣ съ небольшимъ количествомъ кирпича. Размѣры церквей небольшіе, за исключеніемъ трехъ,

именно: на горѣ св. архангела Михаила, другой—вблизи почтовой дороги и третьей—у горы, съ западной стороны. Въ одной церкви, надъ наружными дверьми, съ западной стороны, на высотѣ 5 арш., въ стѣнѣ вдѣлана каменная плита длиною 3 арш., шириною въ 1 арш., съ надписью на трехъ языкахъ: армянскомъ, грузинскомъ и арабскомъ. Изъ нихъ грузинская надпись такого содержанія:

ქ: მე ფრა: ცოდვილმან: მათარსი: ავაშენე: ქაროს: ყოვლად: წმიდისა: ბრძანებითა: და: შეწვევითა: ძისა: მისისა: და: აჯამისა: შინა: მეფისათასა: მისისა: პატრონის: აღუქსანდრესითა: წელსა: მეოცდასამესა: ქორონიკოსა: სვე: და: შევწირეთ: კნინი: შესაწირავი: ესე: სამი: კვამლი: კაცი: ერთი: წისქვილი: ერთი: ვენახი: და: ორი: ქულობაჟი: სახსრა: სულისა: ჩემისა: მიმანცა: და: მის: მხესუმან: (?) ამა: ეკლესიაზედა: მდღომს: ღმერთმან: მახვილი: დადვას: ან: ესე: გაუთოს: ნურა: გაუთოსრა: ამინ: კრილოსონ.

Въ началѣ стоитъ Х. (означаетъ христіанство, не подчиняющееся магометанству).

— „Я весьма грѣшный Матарсъ (вѣроятно, имя строителя) „выстроилъ Каросъ церковь Пресвятыя повелѣніемъ и по „мощію сына его во время царствованія патрона Александ- „ра въ 23 годъ Хроникона (1597 году) и пожертвовалъ ма- „лое пожертвованіе сіе: три дыма крестьянъ, одну мельни- „цу, одинъ садъ и два базара во спасеніе души моей; ею „отбереть отъ сидящаго на престолѣ семъ, на того Богъ „мечъ положить, или, если такъ не кончитъ, то не удо- „стоится ни въ чемъ конца. Аминь. Кирилейсонъ.“

Въ серединѣ этой церкви передъ алтаремъ есть подземный ходъ, заваленный камнями. Вблизи одной изъ церквей, около рѣчки Инцоба, есть высокій каменный столбъ, съ надписью и изображеніемъ креста. У подножія сосѣднихъ горъ, съ западной стороны, есть двѣ церкви. Крыша этихъ церквей покрыта черепицей, плоской и выпуклой, съ отличною глазурью. На стѣнахъ этихъ церквей есть прекрасные орнаменты, изображенія крестовъ на каменныхъ плитахъ и особыхъ виршич-

ныхъ плитахъ, длиною въ 1 аршинъ, толщиною болѣе вершка. Надъ однимъ орнаментомъ сверху находится надпись, а на стѣнѣ, надъ прекраснымъ крестомъ, другая.

Рядомъ съ церковью сохранились стѣны бывшей большой постройки; надъ стѣною выросло дерево, стволъ котораго, въ окружности, имѣеть $2\frac{1}{2}$ арш.. Съ восточной стороны этой церкви есть надгробный памятникъ, сложенный изъ кирпича и камня на известкѣ. Высота памятника $3\frac{1}{2}$ арш.; форма—въ основаніи призма, а сверху пирамида. Въ памятникъ вдѣлана кирпичная плита—болѣе 1 арш. высотой и 10 вершковъ шириной. На этой плитѣ есть красивый орнаментъ съ какою-то надписью. На стѣнахъ церквей, въ описываемомъ городищѣ, имѣются изображенія крестовъ разныхъ вѣковъ.

Здѣсь-же встрѣчается также много надписей древне-грузинскихъ, армянскихъ и много другихъ. Жаль, что нѣкоторые каменные плиты съ древними надписями, орнаментами, крестами сняты. Въ виду научной пользы, желательно имѣть съ оставшихся надписей, орнаментовъ и крестовъ фотографическіе снимки и слѣпки. Въ Гремахъ, на высокой горѣ, надъ рѣчкой Инцоба, построена церковь во имя св. архангела Михаила. Въ алтарной части и въ самой церкви хорошо сохранилась живопись, изображающая святыхъ. Надъ изображеніями святыхъ есть надписи и греческими буквами. Въ этой же церкви находится гробница кахетинскаго царя Леона. При немъ, въ XVI столѣтіи, построена эта церковь, и Греми тогда еще былъ столицею Кахетіи. Царь Леонъ въ этой церкви изображенъ во весь ростъ, въ царскомъ одѣяніи, съ протянутой рукой, въ которой держитъ рисунокъ этой церкви. Здѣсь же, съ западной стороны, какъ уже сказано выше, находится и гробница царя Леона. Въ алтарѣ сохраняется старинное деревянное кресло, на которомъ, при богослуженіи, возсѣдалъ епископъ. Церковь обнесена каменною стѣною, подъ фундаментомъ которой, съ сѣверной стороны, вѣмъ-то разры-

ты два глиняныхъ кувшина, виднѣющихся въ фундаментѣ и теперь. Съ южной стороны возвышается трехъ-этажная башня, отъ которой спускается къ рѣчкѣ Инцоба подземный ходъ, выведенный сводомъ изъ кирпича и известки. По этому ходу жители спускались къ рѣчкѣ за водой. Въ верхнемъ этажѣ башни сохранились двѣ каменные квашни, въ которыхъ, во время осады, мѣсили хлѣбъ; сохранилось и *торне*, т. е. грузинская печка для печенія хлѣба. Въ сѣверной сторонѣ отъ этой церкви, на разстояніи 200 сажени, былъ дворецъ царя Леона, разрушенный до основанія въ XVII вѣѣѣ во время нашествія шаха Абасъ Великаго. Вблизи бывшаго дворца сохранился бассейнъ, наполняемый рѣчкой Инцоба, и возвышенное мѣсто (بغداد), на которомъ возсѣдалъ царь. Въ Гремахъ и Накалавебахъ (?) мѣстные жители находили въ землѣ древнія монеты, мечи и клады серебра. Въ четырехъ верстахъ отъ Гремми, съ сѣверо-востоку, у склона Кавказскихъ горъ, лежитъ Некресскій монастырь, среди развалинъ бывшаго древняго города Невресы, относящихся къ III столѣтію послѣ Р. X. Въ концѣ IV вѣѣѣ, царь Тирдатъ построилъ здѣсь храмъ въ честь Рождества Божьей-Матери, — а Авивъ, одинъ изъ 13 Сирійскихъ отцовъ, уничтожилъ тутъ остатки языческихъ капищъ, за что принялъ мученическую смерть, будучи побитъ камнями. Въ этомъ храмѣ внутри сохранилась замѣчательная живопись. Самый городъ Некресы еще не изслѣдованъ.

II. Древніе монастыри и постройки.

Въ девяти верстахъ отъ города Телава, въ лѣсу есть старый Шуамтинскій монастырь, основанный въ V вѣѣѣ послѣ Р. X. При входѣ въ монастырь сохранилась дубовая дверь, съ древней надписью, гласящей слѣдующее:

— „Господи, помилуй придѣлавшихъ двери сіи. Святій „Боже, и Пресвятый, помилуй духовника Николая Харитона,

„Микела и Деметре. Святыи Боже, приими врата, приими, Господи. Аминь.“

Монастырь этотъ имѣетъ въ длину 10 саженой, въ высоту три сажени. Стѣны возведены изъ песчаника, булыжника и кирпича на известѣ. Около монастыря, съ сѣвера, устроена особая купель, исключительно для крещенія дѣтей. Рядомъ съ нею усыпальница, выведенная сводамъ, внутри которой много человѣческихъ костей. Надъ входными дверями монастыря сохранились слѣды старинной живописи. Внутри монастыря, по угламъ, есть высокія, тѣсныя, полутемныя кельи, въ которыхъ стояли столпники-подвижники, проводившіе въ нихъ цѣлыя годы. Здѣсь они и погребены, о чемъ свидѣтельствуютъ находящіяся тутъ-же гробницы. Монастырь этотъ двухпрестольный. Въ иконостасѣ есть только царскія двери, сѣверныя же и южныя двери ведутъ въ особые боковые предѣлы. Иконостасъ поддерживается красивыми столбами, сдѣланными изъ алебастра, съ различными украшеніями; на штукатуркѣ имѣются фрески. Въ алтарѣ, на стѣнахъ, мѣстами, сохранилась живопись. Передъ иконостасомъ есть двѣ гробницы съ каменными на нихъ плитами. Изъ монастыря идетъ входъ въ братскую трапезу и въ отдѣльныя кельи, въ которыхъ подвижники запирались на всю жизнь. Кельи эти имѣютъ маленькія окошечки во внутрь церкви какъ для принятія пищи, такъ и для слушанія Богослуженія. Входъ въ келью запирался съ внутренней же стороны. Въ кельяхъ сохранились кости бывшихъ иноковъ. Вблизи этого монастыря, въ землѣ, есть много зарытыхъ глиняныхъ кувшиновъ. Къ юго-востоку отъ монастыря лежатъ двѣ пещеры. Высота пещеръ 3 арш., длина 4 арш., ширина тоже 4 арш.; стѣны ихъ закопчены дымомъ. Въ двухъ верстахъ отъ описываемаго монастыря, къ западу, находится новый Шуамтинскій монастырь, основанный въ XVI вѣкѣ супругой кахетинскаго царя Леона, царицей Тинатиной, которая въ честь Пресвятой Богородицы построила этотъ мо-

настырь; въ немъ жила она сама, здѣсь и гробница ея. При монастырѣ есть старинная высокая колокольня, сдѣланная изъ кирпича на известкѣ; внутри монастыря, мѣстами, сохранилась старинная живопись. Въ самомъ монастырѣ имѣется старинная храмовая икона, копія съ Хахульского образа Бого-Матери, хранящаяся, въ настоящее время, въ Гелатскомъ храмѣ, въ Имеретіи. При Ново-Шуамтинскомъ монастырѣ жили русскіе послы, присланные въ 1602 году Годуновымъ въ вахетинскому царю Александру II-му. Къ западу отъ Ново-Шуамтинскаго монастыря, въ одной верстѣ отъ него, по высокому отвѣсному берегу рѣчки Турдо, виднѣются пещеры, числомъ болѣе 50-ти. Пещеры эти расположены въ глинистой почвѣ, то одиночно, то парно, то одна надъ другою, ярусами. Пещеры занимаютъ пространство до двухъ верстѣ. Съ восточной солнечной стороны въ нихъ продѣланы отверстія для оконъ. Сюда проходилъ свѣтъ. Въ одной пещерѣ и теперь видна такая рама. Входъ въ пещеры былъ съ западной стороны; онъ начинался двумя подземными сводообразными комнатами. Въ настоящее время ходъ этотъ заваленъ камнями и землей. Видно, что здѣсь былъ цѣлый пещерный городъ, съ подземными ходами изъ одной пещеры въ другую; есть ходы и изъ нижнихъ пещеръ въ верхнія, а также былъ общій длинный ходъ. Многихъ пещеръ уже нѣтъ, такъ-какъ онѣ обсыпались постояннымъ подмываніемъ береговъ рѣчкой Турдо, которая во время дождей сильно разливается. Пещеры эти не доступны. Остается неизвѣстнымъ, жители-ли скрывались въ этихъ пещерахъ во время набѣговъ разныхъ хищниковъ, или въ нихъ жили монахи. Въ десяти сажняхъ отъ этихъ пещеръ, съ западной стороны, есть большая церковь св. Шіо; на стѣнахъ ея сохранилась старинная живопись, вокругъ церкви есть много развалинъ, ямъ, оштукатуренныхъ для храненія зерна и имущества. Церковь обнесена крѣпостію. Въ трехъ верстахъ отъ этого мѣста, въ селеніи Икальто, есть древній

монастырь, основанный въ VI столѣтїи св. Зенономъ, однимъ изъ 13 Сирїйскихъ отцовъ. При грузинскомъ царѣ Давидѣ Возобновителѣ, въ XII столѣтїи, епископъ Арсенїи при этомъ монастырѣ содержалъ высшую школу, въ которой ученые мужи изъ грузинъ и грековъ занимались воспитаніемъ юношества, особенно же преподаваніемъ Богословія. Въ самомъ монастырѣ находятся мощи св. Зенона.

Въ восемнадцати верстахъ отъ города Телава, съ сѣверо-западной стороны, находится Алавердинскій монастырь, громаднхъ размѣровъ: высота его 30 саж., длина 23 сажени, ширина 13 саж.. Монастырь этотъ построенъ въ IX столѣтїи, основателемъ г. Телава, Квирикомъ, на мѣстѣ, гдѣ была церковь во имя св. Георгїя, построенная въ VI вѣкѣ св. Іосифомъ, однимъ изъ 13 Сирїйскихъ отцовъ. Въ этомъ монастырѣ находятся мощи св. Іосифа и царицы Кетеваны, замученной персами въ 1624 году, и признанной грузинскою церковью святою. Въ монастырѣ похороненъ епископъ Гавріилъ, принимавшій здѣсь иконы и церковную утварь, присланныя русскимъ патріархомъ Іоною, въ XVI вѣкѣ. Стѣны Алавердинскаго монастыря прежде были покрыты живописью; такъ-какъ послѣдняя была сильно повреждена персами и лезгинами, то, въ настоящее время, живопись эта забѣлена известью. Только надъ входными дверями монастыря, съ западной стороны, осталась живопись, изображающая Георгїя Побѣдоносца. Въ монастырѣ есть замѣчательная икона св. Георгїя, сдѣланная изъ чистаго золота и украшенная драгоценными камнями. Есть еще другая икона св. Георгїя, въ серебряной оправѣ, вызолоченная, по преданію заключающая въ себѣ мощи великомученика св. Георгїя. Есть евангеліе, писанное на пергаментѣ, съ изображеніемъ евангелистовъ. Въ стѣнахъ монастыря находится также множество потаенныхъ ходовъ, ведущихъ къ куполу. Монастырь обнесенъ каменною стѣною. Въ оградѣ возвышается двухъ-этажное зданіе, въ которомъ жили батоли-

васы, управлявшіе духовными дѣлами Кахетіи. Въ оградѣ же сохранились развалины жилищъ персовъ, временъ завоеванія ими Кахетіи. Въ восточной сторонѣ отъ монастыря есть большая усыпальница, сдѣланная изъ кирпича на известкѣ; потолокъ ея сводчатый, внутри оштукатуренный. Въ 27 верстахъ отъ г. Телава, съ сѣверной стороны, у подошвы Кавказскихъ горъ, находятся развалины древняго монастыря, имени Іоанна Крестителя. Сохранились только сводчатыя стѣны монастыря. На стѣнахъ остались слѣды живописи, сильно поврежденной лезгинами. Кромѣ перечисленныхъ монастырей, развалины старинныхъ церквей встрѣчаются и въ дремучихъ лѣсахъ, и на горахъ, какъ нѣмой памятникъ, свидѣтельствующій о религіозности древней Грузіи.

III. Замокъ Пситись-Цихе.

Въ тринадцати верстахъ отъ г. Телава, съ юго-западной стороны, недалеко отъ Телаво-Гомборской шоссеиной дороги, на берегу рѣчки Турдо, на отвѣсной скалѣ въ 200 саж. высоты, виднѣется древній замокъ „Пситись-Цихе“ т. е. *крѣпость серны*. Названіе это дано, вѣроятно, потому, что здѣсь встрѣчаются дикія серны, такъ-какъ мѣстность эта мало доступна; нужно владѣть большою ловкостью, чтобы подняться туда. Замокъ со стороны рѣчки недоступенъ вовсе, а съ юго-восточной стороны, по дремучему лѣсу, ведетъ къ нему тропинка. Замокъ обнесенъ каменною стѣною, съ тремя башнями. Какъ стѣны, такъ и башни зубчиковъ не имѣютъ. Въ замкѣ есть подземный ходъ, глубиною три аршина и подземная пещера. У подошвы этой горы, съ сѣверной стороны, виднѣются развалины построекъ, церкви, жилищъ, крѣпости, а также встрѣчаются и могилы. Это указываетъ на то, что здѣсь нѣкогда жилъ какой-нибудь владѣтельный помѣщикъ, можетъ быть, князь, окруженный своими подданными, образовавшими у замка цѣлое поселеніе.

IV. Древнія гробницы.

Древнія гробницы встрѣчаются не глубоко отъ поверхности земли, приблизительно на одинъ аршинъ и 4 вершка. Чаще всего встрѣчаются гробницы—дольмены, сложенные изъ толстыхъ громаднѣхъ: шиферныхъ плитъ, съ боковъ по 4, вверху же и внизу по одной. Гробницы эти расположены или одиночно, или рядами, довольно близко одна отъ другой. Въ этихъ гробницахъ находили человѣческія кости, вещи, мѣдныя браслеты, глиняные сосуды, обломки кувшинчиковъ и угля, стеклянные браслеты, бусы и т. п. Въ имѣніи удѣльнаго вѣдомства, въ Цинандалахъ, при рытіи земли для подваловъ, въ черноземной почвѣ, на глубинѣ одного аршина, найдены гробницы съ человѣческими костями; на одномъ изъ череповъ было надѣто бронзовое витое кольцо, и къ нему придѣлано такое-же кольцо, которое окружало подбородокъ. Въ этихъ-же гробницахъ найдены, вмѣстѣ съ костями, три браслета; изъ нихъ два обручевидныхъ, а одинъ изъ мѣдной проволоки, спирально загнутый. Еще найдено два мѣдныхъ винжала, длиною въ 6 вершковъ, шириною въ 1 вершокъ и два миниатюрныхъ сосуда въ 2 вершка высоты и столько-же въ діаметрѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ города Телава, въ селеніи Шалаури, на землѣ, именуемой Маркааны, найденъ римскій саркофагъ, въ какихъ, по указанію Плинія, хоронились богатые римляне. Найденный саркофагъ похожъ на саркофагъ, открытый въ Сагурамо и излѣдованный г. Байерномъ. Саркофагъ, найденный въ Маркаанахъ, сдѣланъ изъ хорошо выжженной глины, сверху формы овальной, снизу плоскій; длина его въ $3\frac{1}{4}$ аршина, ширина въ $1\frac{1}{4}$ аршина, глубина $1\frac{1}{4}$ аршина; толщина стѣнъ вершокъ. Съ внутренней стороны, поверхность саркофага гладкая, за исключеніемъ восточнаго конца, гдѣ лѣвою, сдѣлано изображеніе звѣзды. Верхняя сводообразная сторона

и боковыя, правильными рядами, обдѣланы зубчиками. Съ западной стороны, въ саркофагѣ, сверху, продѣлано отверстіе, черезъ которое опускали трупъ. Отверстіе это прикрывалось крышечкой, снабженной ручкою для держанія. Саркофагъ лежалъ по направленію отъ востока къ западу. Въ немъ найденъ человѣческой скелетъ, пришедшій въ полное разрушеніе. Голова была направлена лицомъ къ западу. Съ скелетомъ найдены были три мѣдные браслета, обручевидной формы. Судя по массивности и величинѣ этихъ браслетовъ, они носились на плечевой кости. Когда рабочіе подняли саркофагъ, то онъ разбился. Части его сохраняются въ физическомъ кабинетѣ мѣстнаго городского училища.

V. Монеты и другія вещи.

Въ предѣлахъ Телавскаго уѣзда найдены мѣдныя монеты съ изображеніемъ рыбъ, ящерицы, вѣсовъ, меча; отрыты также мѣдныя монеты съ надписями на языкахъ: грузинскомъ, арабскомъ, греческомъ, русскомъ, времени—1659 и 1755 гг. При раскопкахъ находили оловянные монеты, бронзовые топоры, напоминающіе своею формою римскіе топоры, украшенные черточками и фигурами. Найдены мѣдные обручевидные, гладкіе, съ отдѣлкой, похожей на свернувшуюся чейшуйчатую змѣю, стеклянныя ожерелья, стеклянныя браслеты, глиняные сосуды, разныя бусы изъ стекла, сердолика, также найденъ обломокъ мѣдной пушки. Говорятъ, что откапывались даже клады серебряныхъ денегъ, что, однако, скрывается тѣми, которые нашли ихъ.

Инспекторъ Телавскаго городского
училища **В. Бикнадзе.**

Г. Телавъ.
1888 г.

СКАЗКИ, ПРИМѢТЫ, ПОГОВОРКИ И ЗАГАДКИ,
записанныя въ Ставропольской губерніи, Новогригорьевскомъ уѣздѣ *).

~~~~~
I. Сказки.

1. Табанъ *).

Жилъ на свѣтѣ одинъ разбойникъ; много погубилъ онъ душъ христіанскихъ, убилъ своего отца и мать и все продолжалъ убивать людей. Потомъ проснулась у него совѣсть, стало жалъ ему погубленныхъ имъ людей, и вздумалъ онъ покаяться и даже наложить на себя епитимью. Приходитъ онъ къ попу и говорить:

— „Батюшка! я хочу покаяться.“

Священникъ сталъ его исповѣдовать; когда разбойникъ разсказалъ, что онъ убилъ своего отца и мать, да много и другихъ людей поубивалъ, попъ отвѣтилъ ему, что грѣхи его не простятся, и не наложилъ на него епитимьи. Разбойникъ разсердился, убилъ священника и убѣжалъ. Приходитъ онъ къ другому попу каяться; и этотъ попъ сказалъ ему, что грѣхи ему не простятся, и отказалъ ему въ епитимьѣ; разбойникъ и этого попа убилъ. Сколькимъ священникамъ ни калялся разбойникъ, всё ему говорили, что грѣхи его не простятся, и разбойникъ убивалъ всѣхъ поповъ и убѣгалъ. И стала

---

*) Для сравненія см. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа.“ Вып. VI. Отд. 2. Стр. 186—225 *Прим. Ред.*

**) Записана со словъ крестьянина села Казгулака Никиты Маценца.

совѣсть мучить разбойника еще болѣе. Вотъ одинъ разъ идетъ разбойникъ по дорогѣ и догоняетъ старичка. Дорогой разговорились; сталъ старичекъ спрашивать у разбойника, куда онъ идетъ, чѣмъ занимается. Разбойникъ рассказалъ старичку про свое горе:

— „Вотъ, дѣдушка, прежде я разбойничалъ: перебилъ я много людей, убилъ своего отца и мать; потомъ задумалъ я покаяться и просить духовника наложить на меня епитимью, но ни одинъ священникъ не прощалъ меня и не давалъ мнѣ никакой епитимьи, и я убивалъ всѣхъ поповъ. . .“

Тогда старичекъ сказалъ ему:

— „Нѣтъ такого грѣха, который не могъ бы быть прощенъ. Вотъ я могу наложить на тебя епитимью: я дамъ тебѣ три бѣлыхъ овцы, и ты паси ихъ до тѣхъ поръ, пока овцы сдѣлаются черными; питаться ты долженъ только однимъ хлѣбомъ и водою, и все время долженъ молиться Богу. Когда овцы почернѣютъ, то и грѣхъ твой простится тебѣ.“

Сказалъ это старичекъ и повелъ съ собой разбойника; привелъ онъ его въ лѣсъ, далъ ему три бѣлыхъ овцы, а самъ ушелъ. Разбойникъ помолился Богу и сталъ пастись овецъ, питался онъ однимъ хлѣбомъ и водой и всегда молился Богу. Долго пасъ разбойникъ овецъ, постарѣлъ, сталъ весь сѣдой, насилу ходить, а овцы все бѣлыя.

Вотъ какъ-то увидѣлъ разбойникъ обозъ чумаковъ; остановились они около дороги, отпрягли воловъ, пустили ихъ пастись, а сами стали варить кашу, водку пить и курить табакъ. Захотѣлось разбойнику пить; бросилъ онъ своихъ овецъ и пошелъ къ чумакамъ попросить воды. Подходить онъ къ чумакамъ; смотреть—чумаки всѣ пьяные, а на всѣхъ возахъ—табакъ. Попросилъ онъ у нихъ воды напиться. Чумаки дали ему бѣлагъ (дорожный боченокъ) и сказали:

— „Пей, сколько хочешь.“

Разбойникъ приложился къ бѣлагу и напился; тутъ онъ

узналъ, что въ бѣлагѣ была водка. Разбойникъ разсердился на чумаковъ и сказалъ:

— „Зачѣмъ вы обманули меня? Я больше тридцати лѣтъ не пилъ водки, а вы напоили меня.“

Тутъ онъ взялъ дрючекъ и поубивалъ всѣхъ чумаковъ, а затѣмъ свалилъ со всѣхъ возовъ (ихъ было штукъ девяносто) табакъ, сложилъ его въ кучу и поджегъ. Когда табакъ сгорѣлъ, разбойникъ пошелъ къ своимъ овцамъ. Приходить онъ—бѣлыхъ овецъ нѣтъ, ходятъ только три черныя овцы. Разбойникъ думалъ, что это другія овцы и пошелъ искать своихъ овецъ; идетъ, а навстрѣчу ему тотъ самый старичекъ.

— „Куда ты идешь?“

— „А вотъ я потерялъ своихъ бѣлыхъ овецъ, тамъ ходятъ какія-то чужія—черныя!“ отвѣтилъ разбойникъ.

— „Тѣ овцы—твои“, сказалъ старичекъ: „знай, что грѣхи прощены тебѣ за то, что ты сжегъ столько пагубнаго зелья. Нѣтъ зелья—грѣшнѣе табакъ, нѣтъ и грѣха, болѣе тяжкаго, какъ куреніе табакъ, и ни одинъ, курящій табакъ, не найдетъ себѣ мѣста въ жизни будущей...“

2. Гдѣ есть дураки *).

Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ Петръ; жилъ онъ не бѣдно: у него было три пары быковъ, сотни полторы овецъ, семь воровъ, лошадаа. Вздумалъ Петръ жениться; пошелъ онъ къ своему сосѣду свататься за дочку; сосѣдъ согласился и на радостяхъ послалъ свою дочку въ погребъ за чихиремъ (вино); дочка пришла, взглянула на потолокъ погреба, увидѣла тамъ треснувшую матку (балку) и залилась горячими слезами; сидитъ невѣста въ погребѣ и реветъ. Отецъ, мать и женихъ дожидали, дожидали невѣсту—не дождались; отецъ и посылаетъ свою бабу (жену):

— „Пойди-ка, посмотри, что тамъ долго нѣтъ Палашки!“

*) Записана со словъ крестьянина села Рогули Θεодора Кривосохина.

Баба отправилась въ погребъ; Палашка сидитъ и плачетъ.

— „О чемъ ты, дитятко, плачешь?“ спрашиваетъ мать.

— „Да какъ-же мнѣ не плакать, да какъ-же мнѣ не голо- сить?“ отвѣчаетъ дочь: „посмотри-ка, мамушка, на матку: ви- дишь, какъ она переломилась, чуть держится. . . Пойдутъ у ме- ня дѣтки, и пошлетъ ихъ мой родимый батюшка въ погребъ за чихиремъ: упадетъ матка и убьетъ мое ненаглядное дитятко! Пропала моя головушка навѣки!“ и заголосила опять невѣста.

Мать слушала, слушала—и давай себѣ голосить о своихъ милыхъ внучаткахъ.

Отецъ дожидаль, дожидаль—не дождался, и пошелъ за до- черью и женою въ погребъ.

— „Что вы тутъ ревете? Тамъ женихъ дожидается, а онѣ здѣсь плачутъ! О чемъ вы такъ плачете? Нужно радоваться, а онѣ ревмя—ревуть!“

— „Да какъ-же намъ не плакать?“ говоритъ ему жена: „вырастутъ у тебя внучатки, пошлешь ты ихъ въ погребъ за чихиремъ, матка—гляди, какъ треснула!—упадетъ и убьетъ внука!“

— „Не дѣло ты, баба, говоришь! Давай посудину, я самъ напущу чихиря!“

Сталъ онъ наливать чихирь, а самъ слушаетъ, какъ причитываютъ бабы; слушалъ, слушалъ, заткнулъ пальцемъ, вмѣсто чопы, боченокъ и давай реветъ вмѣстѣ съ бабами: бабы хотъ кого разжалобятъ! Женихъ сидѣлъ, сидѣлъ въ гор- ницѣ, дожидаль, дожидаль—не дождался, и пошелъ искать свою родню; вошелъ онъ въ погребъ; смотреть—мать съ дочерью, обнявшись, плачутъ, отецъ заткнулъ пальцемъ бочву, сидитъ и всхлипываетъ. Петръ узналъ, о чемъ они плачутъ, и сказалъ:

— „Прощай, тещушка! я пойду по бѣлому свѣту... если найду людей дурнѣе васъ, тогда приду и женюсь на твоей дочери.“

И пошелъ Петръ искать дураковъ промежъ людей.

Вотъ идетъ онъ чрезъ одну слободу; глядитъ, а на площади, около церкви, народу, народу—сквозь челоуѣка руки не просунешь! площадь вся усыпана горохомъ, а церковь вся опутана веревками да канатами, какъ муха въ паутинѣ. Петръ подошелъ къ народу и спросилъ, что они на площади дѣлаютъ.

— „Да вотъ, почтенный, построили мы церковь на мягкомъ грунтѣ, и она каждый годъ все уходитъ въ глубь; такъ вотъ мы и хотимъ перетащить ее на твердый грунтъ.“

Смотритъ Петръ—всѣ ухвались за канатъ и давай тянуть, что есть силы; канатъ натянулся, и всѣ стали ползти по гороху къ церкви, а сами кричатъ:

— „Идетъ, идетъ, ребята! дожѣй надувайся!“

Петръ спросилъ, сколько времени перетаскиваютъ они церковь.

— „Да вотъ ужъ третья недѣля, какъ мы трудимся надъ ней!“

Петръ видитъ, что здѣсь во всей слободѣ нѣтъ ни одного умнаго челоуѣка, да и дѣлу никакъ помочь нельзя, махнулъ рукой и пошелъ дальше. Идетъ дальше; смотритъ—плотники строятъ домъ; укоротили они бревно, привязали его съ обоихъ концовъ веревками и тянутъ, что есть силы. Подошелъ къ нимъ Петръ, поздоровался и спросилъ:

— „Что вы, братцы, дѣлаете?“

— „Да вотъ, отвѣчаютъ, укоротили немного бревно,—оно, того, и не хватаетъ: такъ вотъ мы хотимъ его вытянуть.“

Петръ постоялъ, посмотрѣлъ, какъ плотники вытягивали бревно, а потомъ показалъ имъ, какъ надо наставлять бревна, и пошелъ дальше.

Пришлось ему итти полемъ; а на томъ полѣ народу—народу—и глазомъ не окинешь! вышли въ поле хлѣбъ собирать: выдернуть изъ земли колосокъ и отнесутъ его домой въ вучу.

— „Эхъ, какъ народъ сердечный мучается!“ подумалъ

Петръ; пошелъ онъ въ кузню, сдѣлалъ тамъ серпъ и пришелъ въ хлѣбу; народъ въ это время ушелъ домой обѣдать. Петръ нажалъ одинъ снопъ хлѣба, связалъ его, положилъ на загонѣ и воткнулъ сверху серпъ, а самъ спрятался послушать, что будутъ говорить про серпъ. Пришелъ народъ изъ дома; увидѣлъ онъ серпъ, да какъ заговорить:

— „Ой, братцы! какой червякъ завелся! Сколько онъ хлѣба перепортилъ! Надо его убить!“

Нашли дрючекъ и давай имъ серпъ волотить: какъ ударять его дрючкомъ, онъ подпрыгнетъ вверхъ; прыгалъ, прыгалъ—и повисъ у одного мужика на плечѣ; тотъ бѣжать—серпъ не отстаётъ; тогда другой мужикъ ухватилъ за ручку серпа обѣими руками, да какъ дернетъ—такъ и разрѣзалъ все плечо мужику: тотъ заоралъ благимъ матомъ! Собрался весь народъ и сталъ думать и рядить, какъ имъ избавиться отъ этого вреднаго червяка, что и хлѣбъ портитъ, и людей рѣжетъ, и порѣшили: позвать попа и отслужить на этомъ загонѣ молебень, чтобъ такихъ червей больше не было, а этого червяка утопить. Пошли за попомъ, отслужили молебень, а послѣ того привали къ ручкѣ серпа веревку и потащили его топить въ озеро. Притащили серпъ къ озеру; нѣсколько мужиковъ сѣли въ лодку, а серпъ повѣсили на край лодки. Какъ приѣхали на середину озера, народъ, что стоялъ на берегу, сталъ дергать за веревку, чтобъ стащить въ озеро червяка; дергали, дергали, лодка перевернулась,—и червякъ, и люди, что были въ лодкѣ, утонули.

— „Ну, слава Богу, ребята, что червяка утопили, а то бы весь хлѣбъ попортилъ!“

— „Этихъ дураковъ не выучишь!“ подумалъ Петръ и отправился дальше. Идетъ онъ чрезъ село и видитъ, что на площади народу—цѣлыя тысячи.

— „Ну, должно быть опять церковь перетягиваютъ!“ подумалъ Петръ и подошелъ ближе. Смотритъ—впереди ходитъ

попъ, а за нимъ водять корову и быка, и народу видимо-невидимо ходить кругомъ церкви, и всё на верхъ церкви поглядываютъ. Петръ спросилъ, что тутъ народъ дѣлаетъ.

— „Да вотъ, отвѣчали ему, умеръ богатый мужикъ и пожертвовалъ на церковь корову и быка; вотъ ужъ другой день мучается народъ—не знаетъ, какъ и гдѣ втащить скотину на церковь: чего ужъ, кажется, ни дѣлали, а все ничего не выходитъ.“

Петръ выслушалъ ихъ и говоритъ:

— „Это, братцы, вотъ что значитъ: мужикъ подарилъ церкви корову и быка, а попъ и староста могутъ продать ихъ и деньги потратить на церковь.“

Мужики поблагодарили за это Петра, угостили его и отпустили. Вышелъ Петръ изъ села и думаетъ: „Среди крестьянства я встрѣчалъ не мало дураковъ, пойду теперь искать ихъ промежъ пановъ.“

Пришелъ Петръ на дворъ къ барину, увидѣлъ тамъ свинью съ поросятами, свинулъ шапку и сталъ ходить за ней и кланяться. Барина не было дома; барыня увидѣла, какъ Петръ ходитъ за свиньей и кланяется, послала лакея позвать его; приходитъ Петръ, барыня и спрашиваетъ его:

— „Ты что, мужичекъ, вланияешься нашей свиньей?“

— „Да вотъ, говоритъ Петръ: вашу свинью звать Аксинья, а мою жену—Апросинья, и приходятся онѣ родными сестрами; теперь моя жена родимши, и послала меня позвать на кстины (крестины) сестру съ племяшами. Я звалъ ее—она поидеть, только нужно, чтобъ ваша милость отпустила.“

— „Что-жъ, возьми хоть сейчасъ!“ говоритъ барыня, а сама думаетъ: „вотъ посмѣется мужъ, какъ узнаетъ, что наша свинья—родная сестра мужички и поѣхала къ ней на крестины!“

— „Вы, ваша милость, велите запрячь лошадей—неравно какой поросенокъ отстанетъ.“

— „Иванъ, поиди приважи кучеру запрячь пару лошадей въ тарантасъ: свинья, моль, на крестины ѣдетъ!“ сказала барыня, а сама такъ и заливается отъ смѣху.

Кучеръ запрягъ въ тарантасъ пару добрыхъ коней; переловили и перевязали свинью съ поросятами и посадили ихъ въ тарантасъ. Петръ сѣлъ на возлы, а барыня и говоритъ ему:

— „Ты, мужичекъ, смотри, расскажи, какъ ты будешь угощать свояченицу!“

— „Все расскажу!“ сказалъ Петръ, ударилъ по лошадямъ и былъ таковъ!

Приѣзжаетъ баринъ домой; барыня со смѣхомъ стала ему рассказывать, какъ мужикъ позвалъ свинью на крестины.

— „Ну, чему ты смѣешься?“ сказалъ баринъ: „этотъ мужикъ обманулъ тебя, дуру: рассказалъ тебѣ побасню, а ты ему повѣрила, и отдала всѣхъ свиней, да еще пару самыхъ хорошихъ лошадей съ тарантасомъ. Какъ не привезетъ онъ свинью къ вечеру, завтра утромъ надо ѣхать искать мужика, а тебѣ не миновать бани!“

Прошелъ день, насталъ вечеръ, и утро настало, а мужика съ гостями нѣтъ. Баринъ призвалъ кучера, спросилъ у него о человѣкѣ, что уѣхалъ съ поросятами, куда онъ уѣхалъ, и велѣлъ запрягать лошадей. Позавтракалъ баринъ и поѣхалъ искать мужика.

Петръ, какъ выѣхалъ въ степь, такъ свернулъ въ сторону, заѣхалъ въ бѣлочку, распрягъ лошадей и пустилъ ихъ и свиней пастись, а самъ вышелъ на дорогу. На дорогѣ росъ дубъ, да такой кривой, какъ дуга, и надъ дорогой нагнулся. Сѣлъ Петръ подъ дубочкомъ и отдыхаетъ. Видитъ онъ — ѣдетъ баринъ безъ кучера. Всталъ Петръ, подперъ правымъ плечомъ дубъ, подложилъ подъ дубъ свою шапку, чтобъ плечу не было больно, и дожидаетъ. Подѣхалъ баринъ, остановилъ лошадей и спрашиваетъ у Петра:

— „Здравствуй, мужичекъ! что не видѣлъ ты—не провозилъ ли здѣсь мужикъ свинью съ поросятами?“

— „Въ тарантасѣ, на парѣ лошадахъ?“

— „Да, да—онъ самый и есть!“

— „Видѣлъ!“

— „Скажи, пожалуйста, куда онъ поѣхалъ?“

— „Да вы не найдете“, отвѣтилъ Петръ: „а, впрочемъ, ѣзжайте все прямо, потомъ вправо, затѣмъ влѣво, а послѣ того на полдень, а тамъ на завтракъ (юго-востокъ), какъ проѣдете версть двадцать.“

— „Ну, я такъ не найду“, говоритъ баринъ: „ты садись со мной въ тарантасъ, и поѣдемъ вмѣстѣ: я заплачу тебѣ, сколько стоитъ.“

— „Мнѣ нельзя ѣхать.“

— „Отчего нельзя?“ спрашиваетъ баринъ.

— „Да въ скорости будетъ по этой дорогѣ проѣзжать губернаторъ: вотъ старшина и послалъ меня поддержать этотъ дубъ, а то неравно упадетъ онъ и задавить губернатора, а вотъ, если хочете, идите за меня поддержите дубъ, а я съѣзжу за вашими поросятами!“

Баринъ слѣзъ съ тарантаса, подперъ плечомъ дерево и сталъ, а Петръ взялъ съ барина за работу сто рублей, сѣлъ въ тарантасъ и былъ таковъ! Баринъ дожидался, дожидался—нѣтъ посланнаго; ужъ и солнце сѣло,—и посланнаго нѣтъ, и губернатора нѣтъ. Тутъ онъ догадался, что мужикъ обманулъ его, и пошелъ домой. На другой день баринъ опять поѣхалъ искать и свиней, и мужичка. Петръ недалеко уѣхалъ: онъ свернулъ съ дороги, какъ только скрылся отъ барина, отпрягъ лошадей и легъ спать. Утромъ позавтракалъ, вышелъ опять на дорогу и сталъ дожидать, можетъ, кто ѣхать будетъ. *Объ полудникъ* (время около 4-хъ часовъ дня) смотритъ—ѣдетъ баринъ. Петръ снялъ шапку, положилъ ее на землю и придавилъ обѣими руками. Подѣзжаетъ баринъ—красный, сердитый—и спрашиваетъ:

— „Что, мужичекъ, не видалъ-ли тутъ человѣка тако-го-то и такого-то?“

— „Какъ не видать?—видалъ: у него два тарантаса, четыре лошади и свинья съ поросятами.“

— „Это онъ! Скажи, пожалуйста, гдѣ онъ теперь?“

— „Да кормитъ лошадей въ Ивановой балкѣ.“

— „А гдѣ она?“

— „Тамъ! верстъ двадцать отсюда будетъ.“

— „Одинъ я, пожалуй, не найду“, сказалъ баринъ: „сидись со мной, поѣдемъ къ нему!“

— „Нельзя, баринъ! у нашего барина слетѣлъ изъ вѣн-ки птахъ (пѣвчая птичка),— что тысячу рублей онъ поз-прошлымъ лѣтомъ заплатилъ,—такъ нашъ баринъ поразослабъ всѣхъ своихъ людей ловить птаха, и я вотъ поймалъ его; сейчасъ пріѣдетъ нашъ баринъ, и я отдамъ ему птаха.“

— „Ну, какъ-же быть?“ сказалъ баринъ: „сидись на мо-ихъ лошадей и поѣжай—догони мужика, а я подержу птаха!“

Петръ не соглашался: еще баринъ засѣчетъ! потомъ со-гласился, взялъ у барина за труды полтора ста рублей, сѣлъ на тарантасъ и уѣхалъ. Баринъ сидитъ, дожидается, чуть кар-тузь держать: боится, какъ бы не раздавить птаха; дожидалъ, дожидалъ—не дождался, и догадался, что мужикъ обманулъ его.

— „Ну, ничего! хоть птахъ будетъ мой!“ подумалъ ба-ринъ и захотѣлъ поймать птаха.

Сталъ онъ одной рукой поти-хо-оньку поднимать картузь, а, потомъ, какъ схватитъ сразу другой рукой подъ картузь—глядь!—а тамъ ничего нѣтъ. Разсердился баринъ и пошелъ домой; съ тѣхъ поръ баринъ ужъ не искалъ свиньи, и про баню женѣ забылъ.

А Петръ два тарантаса, свинью съ поросятами и лоша-дей продалъ, оставилъ себѣ только одинъ тарантасъ и пару лошадей и пріѣхалъ въ свое селеніе.

— „Ну, тещюшка! ходилъ я немало по бѣлому свѣту,

навидался людей и дурнѣе васъ и межъ крестьянства, и промеж панства! Теперь можно и подь вѣнецъ съ твоею Павшкой!“

II. Примѣты.

1. Обуваться на печи нельзя: свиньи не будутъ водиться.
2. Корму нельзя давать, не умывшись: скотина будетъ худая.
3. Обуваться и разуваться нужно непременно начинать съ правой ноги,—не то не будетъ удачи ни въ чемъ цѣлый день.
4. Нельзя перемѣнять бѣлья въ понедѣльникъ, потому что цѣлую недѣлю будутъ преслѣдовать напасти.
5. Плевать на огонь нельзя: можетъ приключиться болѣзнь—огнивь (подобіе лихая).
6. Ребенка нельзя кормить рыбой: не будетъ долго говорить.
7. Ребенка выше головы поднимать ночью нельзя—будетъ туго расти.
8. Нельзя надѣвать сита на голову: больше не вырастетъ.
9. При встрѣчѣ или передъ отправленіемъ нельзя предлагать вопросъ „куда?“—не будетъ успѣха, а можно замѣнять этотъ вопросъ однозначущимъ съ нимъ „далеко?“.
10. Если найдешь ножъ, и онъ лежитъ къ тебѣ лезвеемъ, то брать его не нужно: этимъ навлечешь на себя несчастье; а нужно обойти его такъ, чтобы онъ лежалъ къ тебѣ черенкомъ, тогда никакого несчастья не случится.
11. Всякую найденную вещь нужно, прежде чѣмъ взять ее, перекрестить: можетъ, кто подбросилъ ее съ умысломъ, чтобы налить на поднявшаго ее несчастье.
12. Когда увидать новорожденный мѣсяцъ, то молятся сначала (раза три поклонятся) на него, потомъ молятся въ

противоположную сторону, а послѣ того плюютъ на лѣвую сторону три раза: не будутъ болѣть зубы.

13. На звѣздочку пальцемъ указывать нельзя: можетъ приключиться ноготѣдь; чтобы предупредить эту болѣзнь, нужно прикусить зубами палецъ, которымъ указывалъ на звѣздочку.

14. Когда на Срѣтеніе день тихій и ясный, то весь собранный кормъ можно пожечь: подножного корма и травы будетъ очень много.

15. Если на Благовѣщеніе будетъ иней или сильный туманъ, то нужно ожидать урожайного года.

16. На чьемъ домѣ кричитъ сычъ, быть тамъ несчастью.

17. Если на чьемъ домѣ много скворцовыхъ гнѣздъ, то хозяинъ дома будетъ несчастенъ.

18. У кого въ домѣ водится много муравьевъ, то это предвѣщаетъ хозяину богатство въ будущемъ.

III. Поговорки.

1. Онъ чорта обогналъ на колѣняхъ.
2. Чѣмъ чортъ не шутить, когда Богъ спитъ.
3. Для паршиваго поросенка и Петровки морозъ.
4. Нашему кривому нѣту приклону.
5. Сами съ усами, только носъ не обросъ.
6. Видно добраго молодца по *возгрямъ*: *) какъ чрезъ губы текутъ, такъ удалая голова.
7. Знай себя и будетъ съ тебя.
8. Если бы не „охъ“, давно бы издохъ.
9. Пьяный—чорту братъ.
10. Изъ смѣху люди бывають.
11. Не первая волку зима.
12. Займу, да дойму.
13. Наѣлся—только одни глазки не сыты.
14. Сзади знать, что Хомою звать.

---

*) Возгря-сбѣли. „См. Толковый словарь живого великорусскаго языка“ В. Дала. Т. I. Стр. 230. *Прим. Ред.*

15. Принявши законъ—не по-собачьему жить.
16. Слепому Амелкѣ (Емилианъ) повсюду копейки.
17. Сынъ въ отца, мать во пса—всѣ сабачьей породы.
18. Тутъ мѣрили чортъ и Тарась, да веревка оборвалась.
19. Съ погравы—не хлѣбъ, съ суда—не деньги.
20. Найдешь лошадиную голову и ту зануздай: не то разобьетъ (т. е. не довѣрай незанузваннымъ лошадямъ).

IV. Загадки.

1. Тоюъ желѣзный, посадь гречишный. *Сковорода съ блиномъ.*

2. Черная майда (?), въ печку гайда! *Сковорода.*

3. Что владутъ на столъ, подрѣзываютъ, а никогда не ѣдятъ? *Карты.*

4. Маленькій панъ, а всѣ ему руку подаютъ. *Дверь.*

5. Безъ отца рождена, безъ матери жить не можетъ.

Пчела.

6. Двѣнадцать братьевъ, всѣ Кондраты, на одной подушкѣ спать. *Балки на потолокъ.*

7. Бѣжать бирючки, позадирали головочки. *Сани.*

8. Сивые бараны подъ небомъ плаваютъ. *Облака.*

9. Пошла баба у танецъ, потеряла гребенецъ; мѣсяцъ видѣлъ, солнце уврало. *Роса.*

10. Ёдетъ возъ безъ колесъ, а дорога безъ песку, а внуть безъ лѣску (безъ ремня), сидить, погоняетъ, на смерть поглядаетъ. *Лодка.*

11. Стоитъ голый человѣкъ, а въ пазухѣ рубашка. *Свѣчка.*

Сообщилъ учитель Бараниковскаго начальнаго училища Григорій Горбуновъ.

Сел. Бараниковское
1888 г.

ТАМЕРЛАНЪ,

по рассказамъ джеванширскихъ армянъ.

Нѣскольбо сотъ лѣтъ тому назадъ, въ сел. Баллуджѣ *) жилъ армянскій священникъ, который имѣлъ большое состояніе, заключавшееся въ крупномъ и мелкомъ рогатомъ скотѣ. Будучи обладателемъ такого богатства, онъ не имѣлъ сына, и долгое время его состояніемъ управляла прислуга. Почтенный старикъ, видя, что онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и послѣ смерти некому поручить свое состояніе, со слезами на глазахъ, просилъ Всемогущаго—даровать ему подъ старость лѣтъ сына. Спустя нѣскольбо времени (по словамъ Св. Евангелія: „просящій получаетъ“) у него родился сынъ; но, въ великому его несчастію, при рожденіи младенца, жена его умерла. Не было предѣловъ его грусти! Радость смѣнилась горемъ и вѣчнымъ оханіемъ! Наконецъ, онъ сталъ считать виновницею смерти своей любимой супруги и жизненной подруги своего новорожденнаго младенца; въ тому же онъ припомнилъ, что въ рукахъ ребенка, сейчасъ-же по его рожденіи, онъ замѣтилъ густую массу крови, что, очевидно, было плохимъ предзнаменованіемъ. Такимъ образомъ, со дня рожденія младенца, въ душѣ его боролись два противоположныхъ чувства: любовь и ненависть къ новорожденному. Похоронивъ свою вѣрную супругу, онъ, по истеченіи восьми дней отъ рожденія младенца, сообразно обряду армяно-григоріанской церкви, окрестилъ сы-

*) Въ Шушинскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Ханкендовъ.

на и наименовалъ его *Эмиромъ*, что значить по-арабски: *властитель*. Для младенца была нанята кормилица. Хотя младенецъ Эмиръ и не кормился грудью своей родной матери, но, тѣмъ не менѣе, онъ росъ, какъ говорится въ сказкахъ, не по годамъ, а по днямъ. . . Когда Эмиру минуло три—четыре года, его нельзя было отличить отъ двѣнадцати-лѣтняго отрока. Отецъ очень дивился этому необычайному явленію, и въ душѣ его ежедневно увеличивалась ненависть къ сыну. Изъ себя Эмиръ былъ красивый, быстроногій мальчикъ и отличался настойчивостью. Вотъ какъ, между прочимъ, онъ получилъ названіе *Ланктэмиръ*:

Въ одинъ прекрасный весенній день, когда онъ пасъ ягнать, пробѣжалъ къ послѣднимъ заяцъ. Эмиръ, увидя зайца и принявъ его за ягненка, подошелъ посмотрѣть, каковъ этотъ новый ягненокъ. Заяцъ, завидя еще издали приближающагося Эмира, побѣжалъ, а Эмиръ погнался за нимъ.

Цѣлый день Эмиръ гнался за зайцемъ и, наконецъ, вечеромъ, вмѣстѣ съ ягнятами, загналъ и его въ овчарню. Отецъ, давно интересовавшійся всѣми поступками мальчика, и теперь пришелъ посмотрѣть, не потерялъ-ли онъ ягнать? и что же онъ видитъ? . . Мальчикъ пригналъ съ ягнятами еще одного зайца, на котораго, при этомъ, наивно жаловался, что тотъ его промучилъ цѣлый день и не хотѣлъ оставаться между ягнятами. Услыша отъ мальчика такой бойкій отвѣтъ, и увидя дикаго зайца въ загонѣ, отецъ пожалъ плечами, и холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Онъ слышать не могъ дальнѣйшаго разсказа мальчика; передъ нимъ предстала опять картина минувшихъ дорогихъ лѣтъ, когда онъ проводилъ все село дни съ своей милой супругою. . .

Какъ онѣмѣлый, онъ простоялъ въ загонѣ нѣкоторое время. . . Наконецъ, ужасная мысль вывела его изъ такого положенія: онъ рѣшился изувѣчить своего сына и далъ передъ Богомъ клятву вырѣзать у мальчика нѣсколько иероножныхъ

жилъ и тѣмъ уменьшить его прыть. Наконецъ, уже позднимъ вечеромъ еле-еле дотащился онъ съ сыномъ домой, поужиналъ и легъ въ постель. Долго онъ не могъ отогнать отъ себя дурныя мысли. Вдругъ какъ будто кто-то прешепталь ему на ухо:

— „Встань и сверши данную Богу клятву!“

Отецъ-священникъ всталъ, завязалъ ноги и руки своего крѣпкоспящаго и утомленнаго отъ дневной работы сына. Мальчикъ просыпается и видитъ, что руки и ноги его накрѣпко завязаны; но ему и въ голову не пришло, что отецъ поступить съ нимъ дурно, а потому онъ не сопротивлялся. Но вотъ отецъ вырѣзалъ у обѣихъ ногъ икроножныя мышцы и тогда только освободилъ его. Эмиръ послѣ этого сталъ хромымъ, отчего и получилъ прозваніе *Ланктъ-Эмиръ*, т. е. *хромой Эмиръ* *) Хромота, однако, не могла помѣшать Эмиру къ достиженію намѣченной имъ цѣли; онъ скоро поправился, покинулъ родной домъ и отправился въ Дагестанъ. Тамъ онъ принялъ магометанскую вѣру и, проживъ нѣсколько времени среди лезгинъ, отправился оттуда въ Среднюю Азію.

Стали разноситься повсюду слухи, что онъ скоро появится во главѣ многочисленныхъ лезгинъ и отомститъ отцу и, вообще, христіанамъ. . . Многие не вѣрили этимъ слухамъ, потому-что Эмиръ былъ проклятъ отцомъ-священникомъ, и уже въ силу этого долженъ былъ пропасть безъ слѣда. Еще не прошло 20 лѣтъ со дня его бѣгства, какъ съ страшною быстротою распространилась молва, что изъ Средней Азіи двинулся страшный завоеватель, по имени Тамерланъ, который, безпощадно опустошая на своемъ пути города и сѣла, воздвигаетъ минареты изъ череповъ христіанъ. Вѣсть объ этихъ ужасахъ заставила многихъ трепетать и ожидать своей гибели. . .

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ распространенія этой молвы, Тамерланъ, во главѣ многочисленныхъ турокъ-сельджу-

*) „Ланктъ“ по-арабски значить *хромой*. Прим. Авт.

ковъ, вторгся въ Малую Азію. Онъ расположилъ свои войска на три отряда: одинъ отрядъ отправилъ по сѣверному Кавказу, другой—по долинѣ рѣки Аракса, а во главѣ третьяго самъ двинулся по Сунику *). Онъ далъ приказъ всѣмъ своимъ военачальникамъ слѣдовать его примѣру, т. е. опустошать все, что попадется имъ на пути; приказъ предводителя былъ исполненъ военачальниками съ точностью, и они во всемъ поступали по желанію Тамерлана: убивали христіанъ, уводили ихъ въ плѣнъ, жгли города и села и грабили жителей. Самъ Тамерланъ нарочно проѣхалъ черезъ Баллуджу, но своего отца онъ уже не засталъ въ живыхъ! Старикъ давно былъ погребенъ, и въ селѣ никого даже не было, кто-бы могъ показать хоть его могилу. Такимъ образомъ, Лангтѣмиръ, онъ же Тамерланъ, дошелъ до верховьевъ рѣки Тертера, — до границы Вансаго вилайета Турецкой Арменіи и остановился близъ знаменитаго въ древности города Зага-Загара **). Тамерланъ на своемъ пути еще не встрѣчалъ такихъ красивыхъ, населенныхъ одними армянами городовъ, какъ теперь: завоеватель хотѣлъ окончательно насытиться кровью армянъ, въ особенности духовныхъ лицъ. Онъ первоначально потребовалъ въ себѣ всѣхъ духовныхъ пастырей. Обманутое коварными обѣщаніями, духовенство вышло встрѣчать грознаго завоевателя съ торжествомъ; но только что оно показалось, онъ пришелъ въ бѣшенство, и приказалъ вѣшать ихъ, одного за другимъ, чтобы не слышать отъ нихъ ни одного слова. Подобнымъ же образомъ было приказано поступать и со свѣтскими людьми.

Черезъ два-три дня, въ этой, доселѣ оживленной, мѣстности, не осталось ни единой живой души; только одни руины 27-ми церквей и понынь наводятъ на зрителя особую

---

*) Нынешніе Загазурскій, Шуминскій и Джеланширскій уѣзды Елисаветпольской губерніи. Прим. Авт.

***) Развалины города сохранились и понынь на западной границѣ Джеланширскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи. Прим. Авт.

грусть, перенося его въ то далекое прошлое, когда, среди этихъ развалинъ, среди этой дикой природы, кипѣла мирная жизнь нѣсколькихъ тысячъ трудолюбивыхъ гражданъ, погибшихъ отъ огня и меча необузданнаго азіатскаго варвара. Предаде говорить, что отъ этой общей гибели уцѣлѣлъ только одинъ человекъ, по имени Вартанъ; онъ былъ ловкій охотникъ и человекъ смѣлый и отважный. Когда, по приказанію дикаго завоевателя, вѣшали людей—онъ стоялъ у самой висѣлицы и былъ погруженъ въ глубокую думу. Наконецъ, возмущенный до глубины души кровавыми сценами, онъ убилъ палача. Объ этомъ, небываломъ доселѣ, дѣлѣ сейчасъ-же дали знать Тамерлану, который приказалъ привести къ себѣ Вартана. На вопросъ Тамерлана, почему онъ—Вартанъ убилъ палача, Вартанъ отвѣтилъ, что человекъ не въ-правѣ истреблять Божье созданіе. За такой смѣлый отвѣтъ Тамерланъ даровалъ ему жизнь и даже подарилъ ему одну деревню, которая и донинѣ называется Вартанашеномъ *) т. е. сел. Вартана.

Сообщилъ смотритель Тугскаго земскаго
нормальнаго училища **Михаилъ Погосовъ.**

---

*) Въ Джеванширскомъ уѣздѣ. Прим. Авт.

ТАМАЗЛУХЪ,

или обычай взаимнаго вспомошествованія домашнимъ скотомъ.

Обычай *тамазлукъ* существуетъ между татарами и армянами Закавказья и заключается въ слѣдующемъ:

Всякій крестьянинъ, не имѣющій, по какой-либо причинѣ, домашняго скота, но желающій обзавестись имъ, приглашаетъ въ себѣ на обѣдъ своихъ сосѣдей съ тѣмъ, чтобы приглашенные подарили ему, по своему желанію, овцу или корову (лошадей и быковъ, обыкновенно, не дарятъ). Это и есть *тамазлукъ*.

Наступаетъ назначенный день тамазлука, и бѣдный мужикъ, съ трепещущимъ сердцемъ, ожидаетъ своихъ гостей; конечно, чѣмъ больше ихъ является, тѣмъ болѣе растетъ и его радость, такъ-какъ на угощеніе являются только тѣ, которые рѣшились отдать ему хоть одну овцу, — если онъ захочетъ обзавестись стадомъ овецъ, или же теленка, или даже корову, — если крестьянинъ хочетъ имѣть рогатый скотъ.

Послѣ веселья и плотной ѣды, а у армянъ, въ-добавокъ, послѣ достаточной попойки, одинъ изъ болѣе близкихъ къ хозяину лицъ, проситъ гостей высказаться, кто что жертвуетъ. Лицо это называется *толубаши* *). Каждый изъ гостей спѣшитъ объявить „толубаши“ о своемъ бешкешѣ. Толубаши громко произносятъ имя жертвователя и объявляетъ его беш-

---

*) Толу-баши (вѣрнѣе, долу-баши) татарское слово и значитъ: полная голова. Прим. Авт.

вещь съ присовокупленіемъ пышныхъ похвалъ, количество которыхъ зависитъ отъ степени щедроты дарителя. Этимъ заканчивается пиршество. Гости расходятся, гордые и довольные, а на другой день отправляютъ, по принадлежности, общанное, но иногда приходится самому хозяину отправляться за получениемъ; интересно, что, при этомъ, получатель *не проситъ*, а *требуетъ* общанное, какъ свое собственное добро, приобретенное силою обычая.

Положивъ первое основаніе своему хозяйству, при помощи тамазлуха, мужикъ возносить передъ Творцомъ свои теплыя молитвы и даетъ передъ Нимъ обѣтъ быть щедрымъ въ тамазлухѣ своего сосѣда.

Къ обычаю тамазлухъ прибѣгаютъ также при надежѣ скота; нерѣдко на помощь разорившемуся мужику являются жители сосѣднихъ селъ. Этотъ обычай между армянами существуетъ съ давнихъ временъ *).

Сообщилъ учитель Герусинскаго нормальнаго
училища С. Шавердовъ.

---

*) По объясненію г. Инспектора народныхъ училищъ Елисаветпольской губерніи, А. Иоаннимова, приложенному въ рукописи къ напечатанному сообщенію, *Тамазлухъ*, или *вѣрвѣ*, *Дамазлухъ* есть искаженное татарское слово: *дана-азликъ* (телятъ мало). Кочующіе номады, по его мнѣнію, находили справедливымъ такую помощь, такъ-какъ приплодъ вмѣстѣ паспагося скота считался общимъ. *Прим. Ред.*

ОЗЕРО НОУРЪ ИЛИ НОВУРЪ,

Елисаветпольской губерніи, Нухинскаго уѣзда, по народнымъ разсказамъ.

Озеро между селеніями Куткашиномъ и Вандамомъ носить названіе „Ноуръ“. Слово это можно бы было объяснить двояко: 1) Ней-аваръ (персидское слово, — означаетъ мѣсто, поросшее камышомъ) и 2) *Nohur* (арабское слово, что значитъ — собраніе рѣчекъ *).

Озеро это находится на равнинѣ, окаймленной съ трехъ сторонъ (кромѣ южной) горами, и занимаетъ болѣе четырехъ квадратныхъ верствъ. У подножья горъ встрѣчается много источниковъ (Казань-булахъ и др.), втекающихъ въ озеро. Изъ озера вода, въ весьма маломъ количествѣ, и то очень рѣдко, протекаетъ по канавѣ, такъ называемой, Новуръ-архи. Вода въ озерѣ прозрачная и прѣсная. Въ ней водятся пиявки, а изъ рыбъ: усачи, отчасти, форели и другія мелкія рыбы изъ породы окуней. Берега озера покрыты высокими камышами, гдѣ гнѣздятся болотныя и другія птицы: дикія утки, гуси, аисты, журавли, а также и фазаны.

Разсказываютъ, что нѣкогда подъ тѣмъ-же названіемъ „Ноуръ“ было на мѣстѣ озера селеніе. Житель этого селенія, отецъ красивой дѣвушки, послѣ смерти своей жены, пришелъ спросить муллу, кто долженъ вкусить первоплодіе плодового дерева?

*) *Ноуръ* или *новуръ*, по объясненію г. Инспектора народныхъ училищъ Елисаветпольской губерніи, А. Іоакимова, имѣющемуся въ рукописи печатаемаго сообщенія, у нухинскихъ татаръ — имя нарицательное и означаетъ просто *болото* или *незначительное озеро*. *Прим. Ред.*

— „Тотъ—кто сажаль!“ отвѣтилъ мулла.

Заручившись, такимъ образомъ, какъ бы разрѣшеніемъ муллы, селянинъ возвращается домой и вступаетъ въ преступную связь съ родною дочерью. . . Въ ту же ночь Богъ потопилъ селеніе Ноуръ. По увѣренію мѣстныхъ обитателей, жители утонувшаго села живутъ и до нашихъ дней, подъ водою, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, но безъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Охотники, ночующіе около озера, слышатъ голоса подводныхъ жителей, говоръ людей, плачь дѣтишекъ, мяуканіе кошекъ, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ, и т. п. . Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, данное озеро послужило мѣстомъ слѣдующаго происшествія: житель селенія Новуръ-Кишлаги, лѣтомъ, для жатвы пріѣхаль на арбѣ въ болоту, гдѣ отпустилъ своихъ буйволовъ, съ ярмомъ, пастись. Буйволы отъ жары, по обыкновенію, вошли въ воду. Такъ-какъ Ноуръ имѣетъ свойство втягивать ко дну своему все, что ни попадаетъ въ него, то буйволы эти, съ ярмомъ, утонули въ озерѣ, а трупы ихъ, со всѣми извѣстными примѣтами и съ ярмомъ, нашли потомъ въ р. Курѣ. Дурная слава о данномъ озерѣ утвердилась настолько, что, провлиная кого-нибудь, окрестные татары говорятъ: „Чтобы Богъ тебя потопилъ такъ, какъ потопилъ селеніе Новуръ.“ По увѣреніямъ стариковъ селенія Вандама, Нухинскаго уѣзда, въ былое время, изъ-подъ воды озера Ноура выступали, временами, бревна домовъ бывшаго легендарнаго селенія.

Сообщилъ смотритель Куткашинскаго сельскаго
училища Эфендіевъ.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ АРМЯНЪ,

Джеванширскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи *).

Правильно-поставленнаго, такъ сказать, рациональнаго домашняго воспитанія у большинства армянъ нѣтъ. Они думаютъ, что ихъ обязанности, по отношенію къ дѣтямъ, состоятъ въ физическомъ выращиваніи и вскармливаніи послѣднихъ. Армянинъ, упрекая сына своего въ черной неблагодарности, не говоритъ ему: „я тебя воспиталъ,“ но говоритъ: „я тебя выкормилъ и выпоилъ.“ О развитіи-же умственныхъ способностей ребенка ничуть не думаютъ. Придавая мало значенія уходу за дѣтьми, армяне также мало заботятся и о беременныхъ женщинахъ: послѣдняя исполняетъ у нихъ всевозможныя тяжелыя работы. Она не перестаетъ работать даже и тогда, когда приближается срокъ разрѣшенія ея отъ беременности. Въ это время она даже участвуетъ въ полевыхъ работахъ своего мужа. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство, что среди простого народа встрѣчается много случаевъ уродливости. Если роды случаются зимою, то родильная комната представляетъ собою настоящій ледникъ, а если лѣтомъ, осенью или весною, то она бываетъ ярко освѣщена: днемъ свѣтлыми лучами солнца, ночью же лампою или свѣчою. Какъ только ребенокъ появлется на свѣтъ, повивальная бабка при-

*) Для сравненія см. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ Вып. II. Отд. 2.: Этнографическіе очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи. С. Зелинскаго. *Прим. Ред.*

казываетъ поднести лампу или свѣчу, какъ можно ближе, къ новорожденному, чтобы узнать полъ новорожденного дитяти. Надо замѣтить, что роженіе дитяти мужского пола встрѣчается съ бѣльшимъ торжествомъ, а потому повивальная бабка торопится опредѣлить полъ ребенка, чтобы, въ случаѣ роженія мальчика, скорѣе получить вознаграженіе отъ родственниковъ и родственницъ новорожденного.

Сейчасъ послѣ отрѣзыванія пупка и омовенія, все тѣло ребенка сильно солятъ, всыпая соль и въ глаза: это дѣлается для того, чтобы придать крѣпость тѣлу дитяти; потомъ ребенокъ укутывается въ пеленки, причемъ, особенно туго обвязывается его головка, и затѣмъ ребенокъ помѣщается на нѣсколько дней близко къ очагу, подлѣ матери. До истеченія сорока дней ребенка ежедневно купаютъ въ теплой водѣ, потомъ, число купаній ограничивается однимъ или двумя разами въ недѣлю, послѣ чего ребенокъ опять укутывается въ грязныя лохмотья. Только у зажиточныхъ людей пьются изъ чистой и новой матеріи особыя, предназначенныя для пеленанія, свивальники. Послѣ крестинъ, ребенокъ укладывается въ колыбель, гдѣ укутывается въ куски старыхъ одѣялъ и перевязывается широкимъ бинтомъ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы предостеречь ребенка отъ сильныхъ тѣлодвиженій и паденія. Въ колыбели питаніе ребенка идетъ неправильно: уложивъ ребенка въ колыбель, мать кормитъ его, когда придется; она же качаетъ колыбель, или, что бываетъ чаще, заставляетъ качать ребенка одну изъ своихъ дочерей. Съ колыбели же набиваютъ голову ребенка разными предрасудками, дѣйствуютъ на него страхомъ, словомъ, запугиваютъ ребенка. Пуганіе считается лучшимъ средствомъ успокоить ребенка, чтобы онъ не отрывалъ взрослыхъ отъ работъ. Хорошимъ воспитательнымъ средствомъ считаются также побои, отъ которыхъ не избавляются и грудныя дѣти. При разговорахъ, взрослые не стѣсняются присутствіемъ дѣтей: обращаются другъ съ

другомъ грубо, ругаются, взаимно обманываютъ и. т. д. . Нерѣдко мужъ безбожно бьётъ свою жену за какой-нибудь маловажный проступокъ; послѣдняя, въ свою очередь, чтобы избавиться отъ побоевъ мужа, заурядъ прибѣгаетъ ко лжи, даже къ ложной клятвѣ. Иногда случается, что мать тайно отъ мужа или отъ свекрови продаетъ что-нибудь другимъ въ присутствіи ребенка и, упрасивая его никому не говорить объ этомъ, приучаетъ его, такимъ образомъ, ко лжи. Естественно, что ребенокъ, будучи очевидцемъ подобныхъ явленій, происходящихъ ежедневно въ семействѣ, научается сызмальства многимъ порокамъ, которые постепенно развиваются и крѣпнуть. Обычнымъ явленіемъ служить обученіе ребенка ругательствамъ; дѣлается это, повидимому, съ цѣлью доставить себѣ пріятное времяпровожденіе. Взрослые подучиваютъ ребенка ругать присутствующихъ тутъ-же лицъ, за что его хвалятъ, и поощряютъ въ этому. Не считается предосудительнымъ обманывать дѣтей, и, пообѣщавъ имъ что-нибудь, потомъ не исполнить обѣщаннаго. Съ другой стороны, встрѣчаются случаи крайняго баловства. Если дитя, неосторожно бѣгая, падаетъ и начинаетъ плакать, мать, вмѣсто того, чтобы объяснить ему, что оно само виновато, что надо бѣгать съ осторожностью, бьётъ землю, какъ виновницу слезъ ребенка. Вообще-же, съ ребенкомъ говорятъ мало и то особымъ языкомъ: ему не называютъ предметовъ и качествъ ихъ настоящими именами, а передаютъ названія въ исковерканномъ видѣ. Когда ребенокъ достигаетъ четырехъ лѣтъ, то, — если это мальчикъ, онъ съ этого возраста остается безъ всякаго надзора и проводитъ время въ играхъ; дѣвочка же дѣлается нянею своего меньшого братишки; какъ она обращается съ нимъ, какъ онъ относится къ ней, — въ это родители не входятъ. Съ 7—9 лѣтняго возраста ребенокъ вступаетъ въ практическую жизнь; трудъ является для него школою, также и дальнѣйшую свою жизнь онъ проводить въ трудѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ армянскихъ семействахъ дѣти, съ раннихъ лѣтъ, впадаютъ въ многіе пороки, искорененіе которыхъ стоитъ впоследствии для школы много трудовъ.

Поставить дѣло воспитанія дѣтей иначе можетъ только образованная мать; но, къ сожалѣнію, наши крестьяне и крестьянки смотрятъ на женское образованіе, какъ на вещь совершенно ненужную.

Смотритель Касапетскаго сельскаго
училища Г. Израеловъ.

АРМЯНСКІЯ СКАЗКИ:

„ЧЕРЕПЪ-ЦАРЬ“ И „НЕВѢСТА-ВСАДНИКЪ“.

(Отрывокъ изъ дневника Караглискаго сельскаго нормальнаго училища *).

I.

Черепъ-царь.

Въ столицѣ нѣкотораго царства жилъ купецъ. Однажды онъ ѣхалъ по берегу рѣки, теченіемъ которой несло человѣческой черепъ, который повторялъ обыкновеннымъ человѣчьимъ голосомъ: „При жизни убилъ сто человѣвъ, но послѣ убью еще сто.“

Удивляясь такому необыкновенному явленію, купецъ вытащилъ черепъ изъ воды и привезъ его къ себѣ домой. Чтобы на самомъ дѣлѣ не дать исполниться словамъ черепа, въ чемъ купецъ нисколько не сомнѣвался, онъ, намело вытоловши черепъ въ ступѣ, полученный, такимъ образомъ, порошокъ насыпалъ въ мѣшочекъ и повѣсилъ на стѣну въ своей комнатѣ.

Случилось, что однажды купецъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, долженъ былъ уѣхать въ разные города; мѣшочекъ

---

*) При каждомъ сельскомъ училищѣ Елисаветпольской губерніи, по распоряженію г. Инспектора народныхъ училищъ, А. Иоакимова, заведены дневники, въ которые учителя вносятъ, между прочимъ, все слышанное ими изъ мѣстныхъ народныхъ разсказовъ, а также тѣ вопросы, которые возбуждаются окружающею жизнью и природой или же прочитанной статьей, и на которые учитель не въ состояніи отвѣтить. *Прим. Ред.*

онъ оставилъ, конечно, дома. Въ отсутствіе купца, жена его все не ладила съ его тринадцатилѣтнею дочерью. Надо сказать, что купецъ былъ женатъ на второй женѣ, а дочь эта была отъ первой жены; мачеха изъ-за всякихъ пустяковъ ссорилась со своею падчерицею.

Доведенная до крайности, дѣвушка порѣшила отравиться, чтобъ такимъ путемъ избавиться отъ злой мачехи, но, какъ и чѣмъ отравиться, она не знала. Разъ, зайдя въ комнату отца, дѣвушка, случайно замѣтивъ висѣвшій на стѣнѣ мѣшочекъ, сняла его и, думая, что это, можетъ быть, ядъ, проглотила немного порошку. Спустя нѣкоторое время, отъ принятаго порошка, дочь купца забеременѣла. Мачеха же, узнавъ о беременности своей падчерицы, стала еще больше прежняго ругать ее, обвиняя теперь уже въ распутствѣ. Наконецъ, въ свое время, дочь купца произвела на Божій свѣтъ ребенка мужского пола.

Хотя мачеха нисколько не уважала и не любила своей падчерицы, однако она, какъ бездѣтная женщина, очень была рада этому, дѣйствительно, красивому ребенку, и полюбила его пуще своихъ глазъ. Ребенокъ же росъ не по днямъ, а по часамъ, такъ-что чрезъ три года, по его рожденіи, ему можно было дать 15, и болѣе, лѣтъ.

Окончивъ свои дѣла и вернувшись домой, купецъ тотчасъ узналъ о томъ, что дочь его родила, но онъ ни единымъ словомъ не сталъ попрекать ее, увидя въ этомъ руку Всевышняго. Чрезъ десять лѣтъ мальчикъ сталъ высокимъ, стройнымъ и прекраснымъ юношей.

Однажды тамошній царь, гуляя передъ дворцомъ, въ своемъ саду, увидѣлъ слѣдующее странное явленіе, которому онъ очень былъ удивленъ: изъ пруда на поверхность воды выпрыгнула рыба и, широко раскрывъ ротъ, громко захохотала царю въ лицо, а потомъ моментально исчезла въ глубинѣ воды. Удивляясь такому сверхъестественному явленію, царь при-

казаль всёмъ своимъ мудрецамъ разъяснить это необыкновенное явленіе; для этого онъ назначилъ сорокодневный срокъ, а, въ противномъ случаѣ, грозилъ имъ смертною казнью. Въ теченіе сорока дней, какъ мудрецы, такъ и всё подданные царя были заняты этимъ серіознымъ вопросомъ; но никто изъ мудрецовъ не могъ растолковать этого явленія, за что, согласно рѣшенію царя, всё они поплатились жизнью.

Наконецъ, внукъ купца, этотъ мудрый юноша, вызвался растолковать все. Онъ повелъ царя въ ту комнату, гдѣ жила его единственная пятнадцатилѣтняя дочь, наследница престола, и попросилъ царя приказать разломать полъ въ этой комнатѣ. Когда разломали полъ, къ общему ужасу, нашли, что въ нижней комнатѣ живутъ какіе-то молодые люди, которые, очевидно, находились въ интимныхъ сношеніяхъ съ царевною. Этимъ и объяснилъ внукъ купца причину того, что рыба засмѣялась царю въ лицо. Царь, сильно разсердившись, приказалъ какъ царевну, такъ и всёхъ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ повѣсить. Грозное повелѣніе царя немедленно было приведено въ исполненіе. Многіе по этому дѣлу были казнены смертью. Такимъ образомъ исполнилось предсказаніе черепа, когда-то повторявшаго: „При жизни убилъ сто человѣкъ, но послѣ убью еще сто.“

Послѣ этого происшествія царь возвелъ юношу въ санъ перваго своего визиря и до конца своей жизни во всемъ совѣтовался съ нимъ. Не имѣя прямого наследника, царь, умирая, передалъ свой престолъ своему первому визирю, внуку купца, какъ мудрѣйшему изъ всёхъ его сановниковъ, и тотъ сдѣлался величайшимъ изъ царей своего времени.

II.

Невѣста—всадникъ.

Одинъ царь, умирая, завѣщалъ своимъ тремъ сыновьямъ,

чтобы они нивогда не посѣщали мѣстностей на югъ отъ его царства. По смерти царя, мысль объ этомъ завѣщаніи не дала покою старшему царевичу. Наконецъ, побуждаемый любопытствомъ, однажды онъ рѣшилъ отправиться на югъ, вмѣстѣ съ двадцатью отборными воинами; сказано-сдѣлано. Вотъ приѣзжаетъ царевичъ въ страну, богатую всякаго рода растительностью, испещренною душистыми цвѣтами; разноцвѣтныя птицы своимъ пѣніемъ дополняли очарованіе этой страны, представлявшей собою настоящій земной рай. Но царевича удивляло только одно: повсюду были разбросаны человѣческія кости, а вокругъ не было ни одной человѣческой души. Какъ только царевичъ съ воинами расположились послѣ дороги отдохнуть, вдругъ на небѣ показалась черная точка, которая, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, принимала очертанія всадника. Всадникъ этотъ, опустившись на землю, обнажилъ мечъ и перебилъ всѣхъ ихъ, какъ одного человѣка.

Не получая отъ брата никакого извѣстія, на слѣдующій годъ, уже съ большимъ войскомъ отправился въ заповѣданную страну средній царевичъ, но его и войско постигла участь старшаго царевича: тотъ-же всадникъ перебилъ ихъ до послѣдняго человѣка.

Наконецъ, на третій годъ, отправился въ ту-же страну младшій царевичъ; но онъ не взялъ съ собою никого, и самъ отправился пѣшкомъ. Долго-ли, коротко-ли онъ шелъ—Богъ знаетъ: наконецъ, онъ пришелъ въ тотъ край, гдѣ лежали кости его старшихъ братьевъ. Увидя, что какой-то всадникъ спускается съ неба на летучей лошади, младшій царевичъ спрятался въ дуплѣ дерева. Всадникъ же, опустившись на землю, слѣзъ съ лошади и пѣшкомъ отправился ко дворцу, передъ которымъ отпустилъ летучую лошадь на волю, а самъ вошелъ во дворецъ. Все это видѣлъ царевичъ, который тайкомъ слѣдовалъ за нимъ.

Особенно царевича заняла летучая лошадь; не утерпѣвъ,

онъ подошелъ къ ней и сталъ ее осматривать. Когда, послѣ осмотра въ послѣдній разъ, онъ устремилъ на нее вопросительный взглядъ, лошадь сказала человѣчьимъ голосомъ:

— „Всадникъ этотъ—дѣвушка, она вездѣ славится своею красотою и храбростію; она въ жизни пролила много чело-вѣческой крови, желая, такимъ образомъ, найти героя, кото-рый былъ-бы храбрѣе ея, и, слѣдовательно, былъ бы досто-инъ ея руки; если ты хочешь жениться на ней, входи въ ея комнату, свяжи ей руки и ноги,—она спитъ теперь богатир-скимъ сномъ, а потомъ разбуди ее уколами кинжала. Про-сыпаясь, она будетъ просить, чтобы ты освободилъ ее, но ты не развязывай рукъ и ногъ ея, пока она не дастъ слова выйти за тебя и пока не будетъ клясться моею жизнью, кото-рая для нея дороже всего на свѣтѣ.“

Царевичъ вошелъ въ комнату, гдѣ спала дѣвушка, и, свя-завъ ей руки и ноги, разбудилъ ее уколами кинжала. Та, про-снувшись, просила царевича освободить ее, обѣщая выйти за него замужъ; царевичъ помнилъ слова коня, и освободилъ ее тогда только, когда она подтвердила свое обѣщаніе клятвою. Царевичъ женился на дѣвушкѣ-красавицѣ.

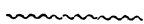
Жили они счастливо, но жена каждый день оставляла на нѣкоторое время мужа дома, а сама на летучей лошади отправлялась проводить время среди разныхъ приключеній, а чтобы мужъ не скучалъ безъ нея одинъ, она дала ему свой портретъ, изображенный на яблокѣ. Разъ царевичъ, гу-ляя одинъ на берегу рѣки, протекавшей мимо дворца, лю-бовался портретомъ жены, но нечаянно уронилъ яблоко въ рѣку. Вечеромъ, жена его, по обыкновенію, вернулась до-мой, но тотъ ничего не сказалъ ей о случившемся. Ябло-ко теченіемъ рѣки понесло въ другое царство, гдѣ и очу-тилось въ прудѣ, находившемся въ царскомъ саду; туда бы-ла проведена канава изъ главной рѣки. Конюхи царя, от-правившись на прудъ поить лошадей, нашли яблоко въ пру-

дѣ и представили царю. Царь, увидѣвъ на яблокѣхъ портретъ красавицы, влюбился въ нее и пожелалъ, во что бы то ни стало, жениться на ней; онъ обѣщалъ полъ-царства своего тому, кто найдетъ и приведетъ ему эту красавицу. Одна старуха вызвалась исполнить желаніе царя; она отправилась вверхъ, противъ теченія рѣки, и послѣ долгихъ скитаній пришла въ то самое мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ красавицы. Передъ дворцомъ она увидѣла царевича, который, по обыкновѣнію своему, гулялъ одинъ. Царевичъ пріютилъ старуху у себя; но, когда жена его вернулась домой и хотѣла покончить со старухой, мужъ сталъ просить за нее, и красавица, уступая просьбамъ мужа, не тронула ея. Прошло нѣсколько дней, и имъ со старухой пока жилось хорошо. Но разъ злая старуха такъ опоила мужа и жену, что они оба впали въ безчувствіе. Тогда старуха посадила красавицу въ бочку, закупорила ее и пустила въ рѣку, а сама, за бочкою, отправилась на свою родину. Теченіемъ воды понесло бочку, дѣйствительно, въ то царство, царь котораго былъ безъ ума отъ красавицы, изображенной на яблокѣхъ. Раскупорили бочку, — изъ нея вышла наша царица, — она такъ и сіяла, какъ солнце. Царь очень обрадовался и осыпалъ старуху земными благами. По повелѣнію царя, красавицѣ отвели во дворецѣ особую комнату, а самъ царь сталъ приготовляться къ свадьбѣ. Царевичъ, мужъ красавицы, отрезвившись отъ пьянства, узналъ, въ чемъ дѣло, и пустился по свѣту отыскивать свою возлюбленную жену. Послѣ долгихъ скитаній, онъ пришелъ въ тотъ городъ, гдѣ его жена находилась въ неволѣ, и узналъ отъ одной старухи, что тамошній царь хочетъ жениться на ней. На другой день, онъ, проходя мимо дворца, увидѣлъ свою жену, которая, сидя на окнѣ, смотрѣла на городъ. Она знаками дала знать мужу, чтобъ онъ немедленно доставилъ ей летучую лошадь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи, царевичъ привелъ летучую лошадь въ городъ. Въ день вѣнчанія были

назначены скачки. Невѣстѣ тоже предложили связать на любой лошади; она попросила лошадь у одного изъ зрителей, которыхъ очень много собралось на царскую свадьбу—этотъ зритель былъ царевичъ на летучей лошади,—сѣла на нее, присадила къ себѣ царевича и затѣмъ быстро умчалась оттуда. Многие погнались за нею, но напрасно: летучая лошадь уже понесла ихъ домой.

Царевичъ съ красавицею-женою благополучно вернулся на свою родину и занялъ отцовскій престолъ. Онъ царствовалъ долго, проводя съ царицею мирно и весело свою жизнь.

Сообщилъ смотритель-учитель Караглискаго сельскаго
нормальнаго училища **А. Газаровъ.**

ОПИСАНИЕ МИНЕРАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА

„Исти-су“ (Теплый ключ), Елисаветпольской губерніи, Джеванширскаго уѣзда.

На самомъ западномъ краю Джеванширскаго уѣзда, въ 100 верстахъ отъ станціи Теръ-Теръ, простирается обширная долина Зиль, ширина которой, среднимъ числомъ, доходитъ до 5 верстъ, длина до 30 верстъ. Съ восточной части долины эта примыкаетъ къ огромной голой скалѣ, за которой возвышается гора „Дэли-Дагъ“, съ западной-же стороны долина совершенно открыта. Долина Зиль, въ своей средней части, лишена растительности, но за то богата цѣлебными источниками, которые до сихъ поръ не подвергнуты точному изслѣдованію, а, быть можетъ, существованіе ихъ пока и вовсе не извѣстно ученымъ.

Минеральныя воды, находящіяся въ долинѣ Зиль, извѣстны подъ общимъ именемъ „Исти-су“ *). Источникъ бьетъ изъ-подъ земли, изъ трехъ мѣстъ. Два ключа, выходя изъ одной линіи (?) и сливаясь вмѣстѣ, впадаютъ въ двѣ искусственно вырытыя ямы, изъ которыхъ въ одной купаются женщины, а въ другой мужчины; третій ключъ находится немного ниже и впадаетъ прямо въ рѣку Теръ. Недалеко отъ Исти-су, у подошвы самой скалы, бьетъ ключъ, имѣющій вкусъ квасцовъ. Про этотъ ключъ говорятъ, что онъ излѣчиваетъ людей отъ лишаевъ,—для этого стоитъ нѣсколько разъ выкупаться въ немъ. По долинѣ Зиль, къ западу, находится еще ключъ, вода

*) Исти-су по-татарски—теплая вода. Прим. Авт.

котораго отличается кислым вкусомъ и дѣйствуетъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, противъ глистовъ (солитера).

Если вода кислаго ключа простоятъ немного, то поверхность ея покрывается черною плѣсенью. Говорятъ, что въ водѣ Исти-су яйцо варится не ранѣе какъ чрезъ 10—15 минутъ по опущеніи. Мѣстные жители идутъ еще далѣе, увѣряя, что, когда яйцо вынимается, то опять получаетъ свой сырой видъ (?). Каждый годъ, съ 20 іюня по 20 августа, съ разныхъ концовъ Джебашпирскаго и другихъ уѣздовъ, стекается сюда множество людей, страдающихъ ревматизмомъ; здѣсь, у теплаго ключа, они остаются нѣсколько сутокъ, купаясь каждый день по нѣсколько разъ въ названныхъ ямахъ; нѣкоторые изъ больныхъ, вылѣчившись тутъ-же, нѣкоторые же, надѣясь на будущее выздоровленіе, возвращаются по своимъ домамъ. Такъ-какъ у „Исти-су“ нѣтъ никакого помѣщенія, въ которомъ можно было жить больнымъ, то бурды, живущіе въ окрестностяхъ его, выстраиваютъ свои кибитки, которыя нанимаются больными за $1\frac{1}{2}$ —2 руб. за двое сутокъ.

Сообщилъ, со словъ Кабриела Мирзаева, смотритель Касанетскаго училища **Г. Израеловъ.**

ЛЕГЕНДА И СКАЗКА.

(Изъ армянской народной словесности).

I. Легенда.

„Еврей и серебрякъ“.

Жили на берегу моря еврей и серебрякъ. Еврей занимался торговлею, а серебрякъ своимъ ремесломъ. Каждый Божій день серебрякъ три раза ударялъ молоткомъ о наковальню и приговаривалъ: „Велика сила Спасителя!“ Еврей, вида, что серебрякъ относится къ Спасителю съ твердою вѣрою, однажды сказалъ ему:

— „Можетъ-ли твой Спаситель, въ котораго ты такъ вѣруешь, найти твою потерю?“

— „Непремѣнно!“ отвѣтилъ серебрякъ.

Вотъ, однажды, царь послалъ къ серебряку свое золотое кольцо и повелѣлъ поправить непремѣнно чрезъ день. Серебрякъ, положивъ кольцо на столъ, сталъ работать. Еврей зашелъ къ нему, взялъ кольцо и бросилъ его въ море. Серебрякъ долго искалъ кольцо, но не нашелъ его. Тогда онъ три раза ударилъ молоткомъ о наковальню и, сказавъ: „Велика сила Спасителя,“ пошелъ себѣ домой. На другой день, рано утромъ, серебрякъ вышелъ на берегъ моря купить рыбу на обѣдъ, чтобы въ послѣдній разъ пообѣдать съ своимъ семействомъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что царь накажетъ его смертью, если онъ не представитъ кольца въ назначенному сроку. Серебрякъ, купивъ рыбу, вернулся домой, и, когда распоролъ животь рыбы, оттуда выпало кольцо. Нашедши кольцо, онъ

пошелъ въ лавку и сталь его поправлять, чтобы въ сроку представить царю.

Еврей, зашедши къ нему и увидавши, что онъ поправляетъ кольцо, сталь съ изумленіемъ спрашивать:

— „Откуда ты нашель это кольцо?“

Серебрягъ разсказаль ему, какъ было дѣло, и еврей сейчасъ-же увѣровалъ въ Спасителя, и принялъ св. крещеніе.

II. Сказка.

Три юноши *).

Три бѣдныхъ юноши сговорились отправиться на чужбину зарабатывать себѣ деньги. Дошедши до одного города, они разошлись. Двое изъ нихъ нанялись у одного человѣка по 50 рублей въ годъ, а третій остался безъ дѣла, такъ-какъ никто не нуждался ни въ прислугѣ, ни въ работникѣ.

Однажды, встрѣтившись на улицѣ съ однимъ купцомъ, онъ сказалъ ему:

— „Хозяинъ, найми меня въ работники!“

Купецъ отвѣтилъ ему:

— „Я тебя найму, если только ты согласишься служить мнѣ три года, а, по истеченіи трехъ лѣтъ, получишь отъ меня три рубля съ тремя добрыми совѣтами.“

Бѣднѣй юноша согласился на такое ничтожное жалованіе, такъ-какъ, въ вому онъ ни обращался до сихъ поръ, никто не нанималъ его. Когда минуло три года, первые два юноши, получивши отъ своихъ хозяевъ по 150 рублей, пришли къ своему товарищу и стали торопить его покончить счетъ съ хозяиномъ, чтобы вернуться съ ними на родину. Тотъ, явившись къ своему хозяину, потребовалъ отъ него, по уговору, жалованье. Купецъ далъ ему три рубля съ слѣдующими тремя совѣтами:

---

*) Записана со словъ 68-лѣтняго старика Арутюна Теръ-Григорьева.

1) „Любезный! если во время твоего путешествія придется тебѣ въ вечеру проѣхать около какой-нибудь деревни, то останься тутъ-же ночевать, хотя до заката солнца останется еще нѣсколько времени.“

2) Не путешествуй никогда съ такимъ человѣкомъ, который, при твоей остановкѣ на дорогѣ, по какой-либо надобности, не будетъ ожидать тебя.

3) Никогда не ночуй у рыжей женщины.

Получивши эти совѣты и три рубля, нашъ юноша, со своими товарищами, пустился въ путь. Когда они прошли мимо одного села, третій юноша попросилъ своихъ двухъ товарищей переночевать тамъ, желая непременно исполнить данный хозяиномъ совѣтъ. Товарищи не согласились съ нимъ, и продолжали идти впередъ, а онъ остался ночевать. Настала ночь. На дорогѣ разбойники напали на первыхъ двухъ юношей и убили ихъ. Третій юноша, на другой день, на дорогѣ встрѣтился съ однимъ купцомъ, ѣхавшимъ по тому-же направлению. Купецъ попросилъ юношу отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Юноша хотѣлъ сперва испытать своего новаго товарища, и потомъ уже изъявить свое согласіе. Пришлось ему остановиться, — поправить свою обувь. Купецъ тоже остановился и ждалъ, пока юноша поправилъ свою обувь. Видя, что онъ, дѣйствительно, нашелъ желаемого товарища, юноша согласился идти вмѣстѣ съ нимъ. День приблизился къ вечеру, и они остановились ночевать въ домѣ одной рыжей женщины. Послѣ ужина, они легли спать. Юноша всю ночь не спалъ, а сталъ караулить и смотрѣть изъ-подъ одѣяла, такъ-какъ ему сильно хотѣлось узнать, почему его хозяинъ совѣтовалъ не ночевать въ домѣ рыжей женщины. Ночью хозяйка вынула изъ мѣшка, лежавшаго подъ подушкою купца, деньги и спрятала въ одномъ углу дома. Потомъ она вынула кинжалъ купца, зарѣзала своего ребенка въ колыбели и вложила кинжалъ въ ножны. На разсвѣтѣ, она встала и начала кричать, что купецъ

зарѣзалъ ея ребенка. Собрались сосѣди со старшиною и арестовали невиннаго купца. Юноша, бывши очевидцемъ всѣхъ поступковъ хозяйки, указалъ на убійцу. Спросили купца: сколько было у него денегъ. „Три тысячи рублей!“ отвѣтилъ онъ. Указывая на уголъ, гдѣ были припрятаны деньги, юноша сказалъ присутствующимъ:

— „Обыщите этотъ уголъ!“

Они обыскали и нашли три тысячи рублей. Когда деньги были найдены, юноша сталъ рассказывать все, что сдѣлала рыжая женщина ночью. Старшина, узнавъ, въ чемъ дѣло, освободилъ купца, а виновницу арестовалъ. Когда юноша разстался съ купцомъ, купецъ изъ трехъ тысячъ рублей взялъ себѣ тысячу, а двѣ тысячи отдалъ юношѣ.

Сообщилъ, со словъ А. Теръ-Григорьева, смотритель Каспетскаго училища Г. Израеловъ.

ПРЕДАНИЕ О СВ. СИМОНѢ *).

Въ селѣ Рустави, Ахалкалаккаго уѣзда, Тифлисской губерніи, жилъ старый охотникъ. Въ одно прекрасное лѣтнее утро вздумалось ему пойти на охоту. Вотъ онъ взялъ ружье, охотничьихъ собакъ и отправился въ путь. Послѣ долгой ходьбы и тщетныхъ поисковъ, онъ почувствовалъ усталость и остановился у подошвы одной горы, находящейся противъ Руставской башни. Здѣсь онъ увидѣлъ холодный серебристый ручей, падающій маленькими каскадами по горной крутизнѣ; онъ подошелъ къ нему, напился студеной воды и, осмотрѣвшись вокругъ, замѣтилъ, что съ нимъ не было его собакъ. Дожидаясь собакъ, охотникъ присѣлъ къ ручью, и, доставъ изъ охотничьей сумки хлѣбъ, сталъ закусывать. Скромно позавтракавъ и еще разъ напившись холодной воды, охотникъ рѣшилъ вернуться. Едва онъ прошелъ нѣсколько сотъ шаговъ, какъ собаки, съ визгомъ и лаемъ, догнали его на дорогѣ. Охотникъ тотчасъ догадался, что онѣ нашли добычу, но почему-либо не овладѣли ею; охотникъ поворотилъ назадъ, и собаки привели его въ одну пещеру. Пещера эта находилась на противоположной сторонѣ той горы, около которой онъ только что отдыхалъ.

Между тѣмъ, при приближеніи къ пещерѣ, одна изъ собакъ бросилась къ ея входу, стала лаять, визжать, какъ бы приглашая хозяина войти въ нее. Охотникъ подошелъ ближе, заглянулъ внутрь пещеры и увидѣлъ тусклый свѣтъ, вырыва-

*) Записано въ селѣ Чунча, Ахалкалаккаго уѣзда, Тифлисской губерніи, со словъ старика Ивана Сесадзе.

ющійся изъ глубины. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшил-ся войти въ пещеру. Взявъ изъ предосторожности съ собою ружье, онъ нагнулся и сталъ пробираться по тускло-освѣщенной, узкой галлерей. Наконецъ, онъ увидѣлъ вполне освѣщенную келью; въ одномъ углу ея находилась икона Божьей-Матери, предъ второй теплилась восковая свѣча, тамъ-же сидѣлъ сторбленный старикъ, съ длинною, сѣдой бородой; на лицѣ его выразилось какое-то неизъяснимое чувство; задумчивые глаза блестѣли какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. Не трудно было догадаться, что онъ давно оставилъ мірскую суету. Охотникъ до того былъ пораженъ видомъ почтеннаго старика и этой странной обстановкой, что намѣревался уже бѣжать, но старикъ подождалъ его и ласково спросилъ:

— „Кто ты, сынъ мой? какая судьба тебя забросила сюда, въ эту глушь, къ бѣдному отшельнику? Что дѣлается на землѣ? какъ люди живутъ?“

Охотникъ отвѣтилъ, какъ могъ, на вопросы отшельника.

Старикъ покачалъ головой и попросилъ у него хлѣба. Охотникъ вынулъ оставшійся у него отъ завтрака хлѣбъ и отдалъ; старикъ взялъ его въ руки и сжалъ; изъ хлѣба упала *капля крови*. Старецъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— „О, сколько зла творится на землѣ, сколько порочныхъ дѣяній, сколько преступленій!“

Потомъ онъ взялъ *свой хлѣбъ*, сжалъ его, и оттуда упала *капля молока*; при этомъ старикъ сказалъ:

— „Вотъ, сынъ мой, прежде мы питались такимъ хлѣбомъ; не знали, что такое зло, что — кража, обманъ; жили въ истинной братской любви. Такъ знай, сынъ мой, что жизнь земная — не забава, не шутка, а долгъ, который требуетъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія; жизнь эта служить подготовленіемъ для высшей, безконечной жизни; не забывай, что кто не посѣялъ въ мірѣ семъ ничего добраго, тотъ не пожнетъ ничего въ царствіи небесномъ.“

— „А кто ты?“ спросил охотникъ. Но старецъ не далъ никакого отвѣта и мгновенно скрылся; исчезла также икона Божьей-Матери. Вокругъ воцарилась темнота, остался освѣщеннымъ только тѣсный выходъ. Охотникъ смутился и не зналъ, не во снѣ ли онъ видѣлъ все это? Но когда онъ выбрался благополучно на Божій свѣтъ, то убѣдился, что все видѣнное имъ произошло, дѣйствительно, наяву. Вернувшись домой, онъ рассказалъ товарищамъ о всемъ, что случилось съ нимъ.

Тогда ему рассказали, что въ той пещерѣ, гдѣ онъ былъ, давно-давно тому назадъ, жилъ богоугодный человекъ — Симонъ, въ этой же пещерѣ онъ и скончался, но и по смерти, многие видѣли его тамъ молящимся. Нынѣ въ селѣ Рустави живутъ курды, магометанскаго вѣроисповѣданія; прежде-же село это было населено христианами, для которыхъ пещера эта была священною: въ каждомъ затруднительномъ случаѣ они зажигали тамъ свѣчи и просили помощи у невидимо-присутствующаго въ ней святого.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской Учительской Семинаріи Евстафій Зедгенидзе.

СУДЬБА.

(Сванетская сказка *).

Жилъ-былъ одинъ молодой князь. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ храбрости, удали, геройствѣ и богатствѣ. Обилень былъ его домъ и хлѣбомъ, и виномъ. Князь радушно принималъ дорогихъ гостей, былъ любимцемъ всего округа, и всякая изъ красавиць-дѣвушекъ сочла бы за счастье сдѣлаться женою такого молодца. Многіе старики, отцы семействъ, сватали за него своихъ дочерей, предлагая большое приданое, но ни одна изъ сосѣднихъ красавиць не могла побѣдить сердце князя.

Вотъ ѣдетъ однажды князь верхомъ по селу и видитъ, что подъ навѣсомъ савли сидитъ дѣвушка—худая, блѣдная, въ поношенномъ платкѣ и прядетъ шерсть.

— „Вотъ твоя судьба!“—подказало ему сердце— „возьми ее въ свой домъ.“

Князь слѣзъ съ коня, подошелъ къ дѣвушкѣ, поздоровался съ нею и попросилъ у нея напиться.

— „Простите, господинъ, я встать не могу: ноги мои перестали повиноваться мнѣ еще съ малолѣтства!“—сказала застѣнчиво дѣвушка и кивнула мать.

Изъ полутемной закоптѣлой савли вышла пожилая женщина, которая привѣтствовала князя и съ готовностью исполнила его просьбу.

— „Спасибо, родная!“ сказалъ привѣтливо князь, отдавая хозяйкѣ обратно кувшинъ: „хорошую воду ты поднесла

*) Записана въ сел. Жабешъ (въ Сванетіи) со словъ Кайсуна Гуджеджиани.

мнѣ, но дочь твоя въ моихъ глазахъ еще лучше и прелестнѣе: не выдашь-ли ты ее за меня замужъ?”

Эти слова князя, какъ громомъ, поразили двухъ бѣдныхъ женщинъ. Дѣвушка растерялась, мать остолбенѣла. . .

Немало времени стоило князю убѣдить изумленныхъ женщинъ въ истинности и непреклонности своего желанія; наконецъ, назначивши день свадьбы, онъ уѣхалъ домой. Скоро всѣ знакомые сосѣди узнали о странномъ выборѣ князя и, съ двойнымъ любопытствомъ, принимали предложеніе его побывать на свадебномъ пиршествѣ.

Женихъ приготовился къ свадьбѣ достойнымъ образомъ и, въ условленное время, въ сопровожденіи блестящей свиты, явился въ домъ своей невѣсты-калѣки.

Къ полуночи все было готово, и молодая чета, за веселымъ и шумнымъ ужиномъ, принимала поздравленія гостей. Князь, отвѣчая поклономъ на добрыя пожеланія гостей, не разъ встрѣчался съ ревнивыми взглядами оскорбленныхъ его выборомъ красавицъ-сосѣдокъ, которыя пускали на него, только ему замѣтныя, стрѣлы негодованія.

— „И какъ-же это ты, молодецъ, промѣнялъ насъ на это жалкое существо, на эту калѣку!“ говорили эти взгляды.

Задумался князь: взяло его за сердце позднее раскаяніе, что онъ связалъ свою судьбу съ больною искалѣченной дѣвушкой. Когда пирующая компанія отравила молодыхъ въ брачную комнату, онъ, подъ предлогомъ посмотреть гостей, вышелъ изъ спальни, сѣлъ на коня и пустился вскачь въ непроглядную даль.

Къ утру, въ домѣ поднялась тревога; предполагая какое-нибудь несчастіе, гости, домашняя челядь пошли на конскіе, но новобрачнаго не могли найти.

Между тѣмъ, князь, на своемъ лихомъ скакунѣ, прачный и безмолвный, мчался по дремучему лѣсу уже другой

день, не давая себѣ отдыха; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ слѣзъ съ коня, легъ подъ деревомъ и заснулъ.

И вотъ онъ видитъ сонъ:

Стоитъ онъ въ сумеркахъ на террасѣ своего дома. Вдругъ синее небо освѣтилось какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ, облака спустились къ горамъ и сравняли ихъ вершины, образовавъ на нихъ розовую, волнообразную поверхность. Въ одинъ моментъ его подхватывающая какая-то сила и понесла на эту чудную поверхность. И видитъ онъ свѣсившіяся съ неба вѣсы и ангеловъ, въ бѣлыхъ блестящихъ одеждахъ. По сторонамъ стоятъ группами дѣвушки и парни—все въ праздничныхъ платьяхъ. Раздается тихое пѣніе, и ангелы подводятъ къ вѣсамъ дѣвушекъ и молодыхъ людей и сажаютъ ихъ на чаши. Одинъ изъ ангеловъ слѣдитъ за стрѣлкой коромысла вѣсовъ. Перетянетъ чашка парня,—сидящая на другой чашкѣ дѣвушка замѣняется другою. Придутъ вѣсы въ равновѣсіе,—ангелы соединяютъ руки суженныхъ и отправляютъ на землю.

Дошла очередь до князя... Вдругъ рядомъ съ нимъ, на другой чашкѣ вѣсовъ, какъ изъ земли, выросла его безногая жена. Коромысло стало горизонтально, вѣсы пришли въ равновѣсіе... и онъ проснулся. Перекрестился князь, дивясь этому видѣнію, бодро вскочилъ на своего коня и примчался домой.

И зажили молодые супруги счастливо, до глубокой старости.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской Учительской Семинаріи, сванетъ **Георгій Гуджеджіани**.

ЦАРИЦА ТАМАРА,

по рассказамъ татаръ Закавказскаго округа *).

Недалеко отъ Закавказья, къ юго-востоку отъ города, находятся развалины вѣрности и церкви. Въ этомъ замкѣ жила Пари-ханумъ, или царица Тамара, и потому развалины эти называютъ „Пари-кала“, т. е. *крѣпостью Тамары*. Тамара жила въ своемъ теремѣ уединенно и не хотѣла выходить замужъ:

— „Противъ меня всѣ цари посылаютъ свои войска, но не могутъ побѣдить меня; развѣ я могу признать надъ собою власть, хотя-бы власть мужа!“ Такъ говорила Пари-ханумъ. Рассказы о красотѣ Тамары разошлись далеко по всѣмъ царямъ восточныхъ странъ, и потому они старались хоть увидѣть ее какъ-нибудь. Особенно старался увидѣть прекрасную Тамару персидскій царь Шахъ-Аббасъ. Сперва онъ хотѣлъ увидѣть ее лично, но это не удалось ему, потому-что она никому не показывалась, кромѣ нѣкоторыхъ преданныхъ ей лицъ. И вотъ Шахъ-Аббасъ рѣшился послать своего художника, чтобы списать съ нея портретъ. Но Тамара, узнавъ объ этомъ, начала остерегаться. Тогда Шахъ-Аббасъ самъ рѣшился пойти къ ней. Какъ разъ въ это время приходитъ къ нему лудильщикъ и говорить:

— „Я каждый годъ хожу къ царицѣ лудить посуду, и во время работы она приходитъ и разговариваетъ со мною.

*) Записано въ селеніи Белоканы, Закавказскаго округа.

Если ты хочешь видѣть ее, иди со мною, будто ты мой ученикъ.“

Шахъ-Аббасъ переодѣлся въ крестьянскую одежду и, со своимъ мнимымъ учителемъ, пришелъ въ замокъ, гдѣ жила Пари-ханумъ. Они явились къ ней во дворецъ и стали лудить посуду. Въ это время является Тамара и начинаетъ разговаривать съ рабочими. Шахъ-Аббасъ взглянулъ на Тамару и не могъ оторвать своихъ глазъ. . . Тамара замѣтила его взглядъ, и, какъ женщина проницательная, догадалась, что передъ нею не простой человѣкъ.

Она встала и ушла въ свои покои. И, дѣйствительно, на второй день ей донесли, что съ лудильщикомъ къ ней явился Шахъ-Аббасъ. Тогда Тамара посылаетъ за лудильщикомъ, но онъ уже успѣлъ перейти въ другое государство. Пропшелъ годъ. Въ началѣ слѣдующаго года, Шахъ-Аббасъ собралъ огромное войско и двинулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ взять прекрасную царицу. Началась битва, и въ этой битвѣ, съ обѣихъ сторонъ, погибло много людей. Наконецъ, персіяне одолѣли войско Тамары, но царица, чтобы живою не попасть въ руки Шахъ-Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполь церкви и бросилась внизъ.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской Учительской Семинаріи Іосифъ Галаджевъ.

ТАТАРСКІЯ СКАЗКИ *).

І. Овчи-Пиримъ.

Въ давнишнія времена, когда на землѣ творились чудеса и безгрѣшныхъ людей было больше, чѣмъ грѣшныхъ, жилъ былъ знаменитый охотникъ Овчи-Пиримъ. Онъ все свое время проводилъ на охотѣ за дикими звѣрами, за птицами и другими животными. Однажды, будучи на охотѣ, Овчи-Пиримъ увидаль на недалекомъ отъ себя разстояніи двухъ скрещивающихся змѣй. Одна изъ нихъ, самецъ, была черная, безобразная и отвратительная змѣя, а въ другой, о ужасъ! онъ тотчасъ-же узналъ красавицу-дочь страшнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, славнаго змѣйнаго царя. На головѣ ея была золотая, усыпанная изумрудами и яхонтами, корона, и вся она блестя и сіяла на солнцѣ, лучи котораго отражались въ ея чудныхъ чешуяхъ. Овчи-Пиримъ до глубины души возмутился: любовью этой красавицы, дочери знаменитаго змѣйнаго царя, достоинъ былъ обладать славнѣйшій изъ змѣиныхъ витязей, а, между тѣмъ, ею пользовалась эта черная, отвратительная холопья-змѣя, да еще какъ цинично, какъ гадо и грубо! Овчи-Пиримъ, недолго думая, прицѣлился въ черную змѣю и выстрѣлилъ; но, о несчастіе, о горе! . . онъ промахнулся въ первый разъ въ своей жизни, и его стрѣла оторвала прелестный хвос-

*) Печатаемая сказка записана Собирателемъ со словъ его тетки, 90-лѣтняго возраста, Манишагъ Кароглановой,—дади, лѣтъ 85, Моисея Калашева, и отца, лѣтъ 70, Исаака Калашева—връстьянъ сел. Сагянъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губерніи. *Прим. Ред.*

тихъ царевны, нисколько не повредивъ черной змѣи, которая моментально скрылась и пропала. Дочь царя также скрылась; несчастный Овчи-Пиримъ, въ отчаяніи, рвалъ на себѣ волосы... Проклиная свою судьбу, онъ разрубилъ на мелкіе кусочки свой лукъ и всѣ стрѣлы, и тутъ-же поклялся бросить стрѣльбу навсегда. Но нечего дѣлать—сдѣланнаго не воротить, и нашъ бѣдный Овчи-Пиримъ, печальный и грустный, поплелся домой.

Онъ навѣрное зналъ, что ему даромъ не пройдетъ оскорбленіе, невольное нанесенное имъ дочери царя,—потому, съ трепетомъ, ждалъ, когда его потребуютъ въ нему.

Недолго пришлось ему ждать; на другой-же день, рано утромъ, вдругъ постучались въ нему въ двери; Овчи-Пиримъ вышелъ и содрогнулся отъ ужаса—передъ нимъ стояли на хвостахъ страшные крылатые вязиры и нязиры и требовали немедленно явиться къ царю.

Овчи-Пиримъ, какъ передъ смертью, попрощался съ женой и съ дѣтьми и пошелъ въ сопровожденіи вязировъ-нызировъ, которые всю дорогу со злости шипѣли и свистѣли. Шли они семь дней и семь ночей и, наконецъ, дошли до подземнаго золотого дворца змѣинаго царя. Долго вели несчастнаго Овчи-Пирима по темнымъ коридорамъ и, наконецъ, ввели въ великолѣпную, громадную комнату, устланную драгоцѣннѣйшими персидскими коврами. Въ серединѣ комнаты стоялъ тронъ изъ слоновой кости съ золотой рѣзбой; на тронѣ сидѣлъ самъ царь-царей всѣхъ змѣиныхъ породъ всего свѣта, съ золотой, усыпанной брильянтами, короной на головѣ; тутъ-же, около трона, стояла, съ оутанной отъ стыда головой, его красавица-дочь. Они были окружены *джеллатами* *) съ страшными орудіями казни въ лапахъ. Какъ только ввели еле-живого Овчи-Пирима, царь тотчасъ-же обернулся къ нему и зашипѣлъ:

— „Дерзкій *инсанъ*, **) это ты осмѣлился поднять ру-

*) Джеаллеатъ или джеллатъ—палачъ. Прим. Соб.

**) Инсанъ—человѣкъ. Прим. Соб.

ку на царскую дочь! Да ты знаешь, что подвергнешься наказанію, какого еще не выдумали даже шайтаны у васъ въ аду.“

Какъ только царь окончилъ шипѣть, джеллаты хотѣли кинуться на Овчи-Пирима, но онъ бросился на колѣни и умоляющимъ голосомъ началъ просить:

— „Великій царь-царей всѣхъ змѣиныхъ породъ всего свѣта, позволь мнѣ, пока я живъ, рассказать тебѣ всѣ подробности этого несчастнаго случая!“

Царь, подумавъ, согласился; при этомъ, царевна зардѣлась и не знала, куда дѣться отъ стыда и страха передъ отцомъ. Но Овчи-Пиримъ былъ хитеръ, и передалъ царю все случившееся совсѣмъ въ другомъ видѣ,—онъ оградилъ честь царевны, и изъ его рассказа выходило, что, будто, черная змѣя изнасиловала царевну, которая всѣми силами хотѣла освободиться отъ нея; при этихъ словахъ, царевна чуть не лишилась чувствъ отъ страха за участь своего возлюбленнаго; все-же остальное охотникъ передалъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно случилось на самомъ дѣлѣ.

Когда Овчи-Пиримъ окончилъ свой рассказъ, то страшно было смотрѣть на разгнѣваннаго царя—онъ ревѣлъ, шипѣлъ, свистѣлъ, весь трясся отъ гнѣва и даже почернѣлъ. Всѣ въ ужасѣ ждали, чѣмъ кончится эта гроза, какъ вдругъ царь закричалъ, обратившись къ своимъ крылатымъ вязирамъ и нязирамъ:

— „Ступайте и сейчасъ-же приведите всѣхъ змѣй со всего свѣта, и ты, благородный инсанъ, долженъ указать мнѣ эту змѣю, а что съ нею сдѣлать, такъ это ужъ знаю я.“

Моментально выскочили крылатые визирь и нязирь и, въ сопровожденіи *човушовъ* *), пошли сзывать весь змѣиный народъ въ царскій дворецъ. А Овчи-Пирима царь поставилъ у дворцовыхъ воротъ, чрезъ которые, поодиночѣ, должны были входить всѣ змѣи.

*) Човушь—вѣстовщикъ. Прим. Соб.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ потянулись, одна за другой, всѣ змѣи со всего свѣта и, поодиночѣ, останавливаясь передъ Овчи-Пиримомъ, входили въ ворота. Какихъ только змѣй не было здѣсь, какихъ породъ, какихъ цвѣтовъ, какихъ видовъ! были между ними и бѣлыя змѣи, и красныя, и желтыя, и синія, были и крылатыя, и рогатыя, и съ лъвинными лапами, и съ человѣческими головами, и съ лошадиными хвостами. Овчи-Пиримъ задерживалъ каждую дольше, чѣмъ было нужно, и внимательно ихъ разсматривалъ. Вдругъ, онъ замѣтилъ, что какая-то темноватая змѣя, крадучись, хочетъ незамѣтно проскользнуть въ ворота. Овчи-Пиримъ тотчасъ-же остановилъ ее и, о радость, узналъ въ ней черную змѣю! А она, оказывается, чтобъ быть неузнанной, обмазала всю себя желтою грязью.

По знаку, данному Овчи-Пиримомъ, рогатые *сервазы* *) подняли черную змѣю на свои рога и понесли къ царю. Царь велѣлъ запереть ее въ желѣзную тюрьму и, въ случаѣ бѣгства преступницы, грозилъ всѣмъ своимъ сервазамъ страшными наказаніями; потомъ, обратившись къ своимъ нязирамъ-визирамъ и остальнымъ совѣтникамъ, онъ предложилъ имъ выдумать наказаніе для черной змѣи, и чья выдумка окажется лучше, мучительнѣе и достойнѣе, тому обѣщалъ подарить въ потомственное владѣніе самую большую провинцію изъ своего змѣйнаго царства.

Повоючивъ съ этимъ, царь обратился къ Овчи-Пириму и сказалъ:

— „Благороднѣйшій изъ инсановъ! такъ-какъ ты заступилъ за честь царевны, то я долженъ отблагодарить тебя такъ, какъ подобаетъ мнѣ—царю-царей всѣхъ змѣиныхъ породъ всего свѣта. Выбирай одно изъ двухъ: я дамъ тебѣ столько золота и драгоценныхъ камней, что ни одинъ царь инсановъ не въ состояніи будетъ сравниться съ тобой въ богатствѣ, или-же я плюну тебѣ въ ротъ, и ты постигнешь змѣиную му-

*) Сервазъ—гѣлохранитель царя. Прим. Соб.

дрость,—тогда ты будешь понимать и знать все, все на свѣтѣ: языки всѣхъ животныхъ, всѣхъ птицъ, всѣхъ звѣрей, шелестъ листьевъ, шорохъ камыша, журчанье воды; словомъ, ты будешь говорить со всѣми, существующими на свѣтѣ, на ихъ языкахъ.“

Овчи-Пиримъ подумалъ, подумалъ и, будучи человекомъ крайне-безкорыстнымъ, согласился на второе, и раскрылъ ротъ. Змѣиный царь плюнулъ ему въ ротъ и, одобривъ его выборъ, все-таки одарилъ всевозможными драгоценностями и, съ честью, отпустилъ его.

Овчи-Пиримъ, хорошо не помня себя отъ всего имъ видѣннаго, уходилъ по темнымъ коридорамъ дворца змѣиного царя. Вдругъ, кто-то осторожно остановилъ его: онъ обернулся и увидѣлъ красавицу-царевну съ оторваннымъ хвостикомъ.

— „Безсовѣстный и злой инсанъ!“ запищѣла шопотомъ царевна: „ты знаешь-ли, что надѣлалъ со мной? Ты лишилъ меня моего возлюбленнаго; какъ-бы онъ ни былъ отвратителемъ и гадою для другихъ, а для меня онъ дороже всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ, даже любимаго моего отца; а, между тѣмъ, чрезъ тебя его завтра вазнать! Я его не переживу, и лишу себя жизни; ты-же, который не могъ видѣть равнодушно чужое счастье, будь проклятъ! Отецъ мой сдѣлалъ тебя мудрѣйшимъ изъ всѣхъ инсановъ всего свѣта; я-же тебя обрекаю на вѣчное мученье чрезъ эту самую мудрость и погублю ее въ тебѣ-же самомъ: у тебя, продолжала, съ страшною злостью, царевна, будетъ непреодолимое желанье подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими знаніями; но помни—если хоть миллионную долю своего знанія ты передашь кому-нибудь, или хоть однимъ словомъ выдашь другимъ свою мудрость, то, немедленно, какъ падль, будешь сожранъ волками. Вселяю въ тебя также паническій страхъ къ смерти. Теперь ступай, проклятый мною инсанъ!“

Овчи-Пиримъ, котораго мучило угрызѣніе совѣсти, бросился передъ царевной на колѣни и началъ ее умолять:

— „Прелестная царевна! предай меня хоть самой страшной казни, но повѣрь, что я тебѣ намѣренно не дѣлалъ зла, — все это было стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ; повѣрь, чудная красавица, что, только желая оградить твою честь, я увеличилъ вину твоего возлюбленнаго; я не зналъ, что онъ для тебя такъ дорогъ. Вѣдь ты такъ очаровательна, такъ хороша, такъ ослѣпительно-красива, а онъ? Онъ не достоинъ тебя! Но прости, пожалѣй меня! увеличь еще свое проклятіе — по крайней мѣрѣ, я тогда въ своихъ мученьяхъ забуду, что невольное сдѣлался причиной твоей гибели.“

Царевна, растроганная до слезъ искреннимъ участіемъ и раскаяніемъ Овчи-Пирима, сказала:

— „Невольный мой губитель, не мучься изъ-за меня—я найду средство освободить своего возлюбленнаго изъ тюрьмы и скроюсь, вмѣстѣ съ нимъ, отъ отца, я это все устрою; съ тебѣ-же снимаю свое проклятіе—у тебя больше не будетъ никакого желанья выдать кому-либо свою мудрость и...“

Вдругъ, въ это время, показался въ концѣ коридора одинъ изъ дворцовыхъ сервазовъ, и царевна, увидѣвъ его, моментально скрылась, не успѣвъ снять съ Овчи-Пирима всѣхъ своихъ проклятій.

Овчи-Пиримъ, совершенно ошеломленный послѣдней сценой, вышелъ изъ дворца и, пройдя семь дней и семь ночей, пришелъ къ себѣ домой совсѣмъ сѣдымъ.

Нечего и говорить о томъ, что возвращенію Овчи-Пирима несказанно обрадовались его жена, дѣти и всѣ родные, тѣмъ болѣе, что его считали уже умершимъ.

Прошло много времени. Овчи-Пиримъ жилъ почти такъ же, какъ и прежде, но только на охоту не ходилъ и сталъ что-то ужъ слишкомъ серьезнымъ и задумчивымъ. Многіе его считали даже сумасшедшимъ, такъ-какъ ни съ того, ни съ сего, заржетъ-ли конь, залаетъ-ли собака, завоетъ-ли волкъ, закудахчуть-ли куры, зашумитъ-ли вѣтеръ, онъ или улыбался,

или погружался въ глубокую задумчивость. Жена Овчи-Пирима, стоявшая къ нему, конечно, ближе всѣхъ остальныхъ, находила, что, напротивъ, ея мужъ сталъ что-то ужъ слишеомъ уменъ; она нѣсколько разъ заставляла его что-то бормочущимъ съ нѣ собакой, лошадю; а одинъ разъ — даже вотъ что она замѣтила: у нихъ была корова, которая во время доенія постоянно брыкалась и бодалась; Овчи-Пиримъ однажды что-то пробормоталъ, обращаясь къ ней, и она, съ тѣхъ поръ, стала смиренхонькой и перестала брыкаться и бодаться. Наконецъ, сильно бросалось всѣмъ въ глаза то обстоятельство, что ничья собака ни разу не лаяла на Овчи-Пирима, и они, какъ будто, его уважали.

Все это сильно удивляло и приводило въ какое-то недоумѣнiе всѣхъ знавшихъ его, а, тѣмъ болѣе, его жену. Она воспылала непреодолимымъ любопытствомъ узнать, что все это значитъ, и гдѣ, наконецъ, мужъ ея пропалъ тѣ пятнадцать дней, когда его всѣ считали умершимъ. Овчи-Пиримъ же, съ своей стороны, сталъ въ высшей степени молчаливымъ, а главное, очень скрытнымъ: на всѣ попытки жены или родственниковъ вывѣдать у него что-нибудь, онъ отвѣчалъ однимъ молчанiемъ или отговаривался пустяками.

Однажды Овчи-Пиримъ везъ свое семейство въ гости къ своимъ родственникамъ въ сосѣдную деревню. Беременная его жена и двое дѣтей сидѣли верхомъ на кобылицѣ; послѣдняя была тоже беременна и имѣла еще годовалого жеребенка, который бѣжалъ за ней. Самъ-же Овчи-Пиримъ шелъ пѣшкомъ возлѣ нихъ, ведя кобылицу подъ-узды.

Жеребенокъ отсталъ отъ матери и на лошадиномъ языкѣ, т. е., заржавъ, попросилъ ее подождать, чтобы онъ могъ ее догнать. Мать, обернувшись, и, въ свою очередь, заржавъ, отвѣтила ему:

— „Ахъ ты, лѣнивый мальчишка! ты не видишь развѣ, что я — пожилая женщина, несу цѣлыхъ пять душъ, а ты, молодой мальчижъ, не можешь догнать меня!“

Овчи-Пиримъ, услышавъ этотъ упрекъ кобылицы своему жеребенку, улыбнулся. Жена его, которая своими ястребиными глазами вѣчно слѣдила за каждымъ взглядомъ мужа, замѣтивъ эту улыбку, уже не вытерпѣла и спросила, почему онъ улыбнулся.

Овчи-Пиримъ на вопросъ жены отшучивался, но не тутъ-то было: она, съ назойливостью навозной мухи, пристала къ нему и требовала, чтобъ онъ непременно сказалъ-бы ей, почему онъ улыбнулся, когда кобылица и жеребенокъ заржали.

Овчи-Пиримъ, заключивъ изъ этого, что его жена кое-чемъ догадалась, объявилъ ей, что онъ никогда этого не скажетъ; ужъ лучше пусть она молчитъ и не задаетъ ему подобныхъ вопросовъ, если хочетъ продолжать пользоваться его расположеніемъ.

Со стороны Овчи-Пирима было вполнѣ достаточно одного этого неосторожнаго отказа, чтобы довести любопытство своей жены до той степени, до которой способно дойти любопытство только однѣхъ женщинъ, для которыхъ, въ подобныхъ случаяхъ, цѣль вполнѣ оправдываетъ всевозможныя средства.

Съ этихъ поръ Овчи-Пиримъ не имѣлъ ужъ болѣе покоя отъ назойливыхъ приставаній жены. И днемъ, и ночью, и во время обѣда, и во время ужина, и даже во время намаза и омовенія, она приставала къ нему съ просьбой, сопровождаемой то слезами и рыданьями, то упреками и даже угрозой убить его: „Сважи-да-сважи, почему ты улыбнулся, когда кобылица и жеребенокъ заржали!“

Овчи-Пиримъ, наконецъ, объявилъ ей, что онъ сдѣлается жертвой волковъ, если кому-либо скажетъ объ этомъ; но она и слышать ничего подобнаго не хотѣла и вовсе не вѣрила мужу,—она думала, что это предлогъ, чтобы заставить ее молчать; да, наконецъ, гдѣ-же слыхано, чтобы волки сожирали того, кто выдаетъ свои тайны женамъ!

Наконецъ, Овчи-Пириму стало не-вмоготу; онъ предпо-

чель лучше умереть, чѣмъ жить съ таковой женой. Рѣшивъ это, онъ объявилъ ей, что откроетъ свою тайну; радости ея не было конца, и она, съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ, торопила мужа объяснить ей, въ чемъ дѣло. Овчи-Пиримъ, зная навѣрное, что его скоро сожрутъ волки, занялся приготовлениями къ своимъ поминкамъ.

У него была любимая собака, которая узнала о намѣренiи своего хозяина, и стала сильно горевать и печалиться. Въ это время, на дворѣ, пѣтухъ, со своими многочисленными женами, предавался беззаботному веселью и, то-и-дѣло, любезничалъ съ ними. Такая беззаботность и неумѣстная веселость пѣтуха сильно оскорбили собаку, и она, въ сердцахъ, заворчала, обращаясь къ нему:

— „Безсовѣстный эгоистъ! развѣ ты не видишь, что нашему дорогому хозяину недолго осталось жить; неужели ты не можешь, хоть ради этого прискорбнаго случая, воздержаться немного, и нѣкоторое время не позволять себѣ такихъ непристойностей.“

— „Тоже, сказала!“ отвѣтилъ ей пѣтухъ: „ты видишь, у меня тридцать женъ, и я ихъ всѣхъ держу въ повиновенiи, ни одна изъ нихъ не смѣетъ при мнѣ даже пикнуть, а у него-то, у хозяина нашего? Всего-на-всего одна жена, да и ту онъ не можетъ держать въ повиновенiи: вольно-же ему сдѣлаться рабомъ жены и чрезъ нее погибнуть; стану я изъ-за него печалиться и горевать! твое дѣло другое—у тебя душа холопская, можешь горевать сколько угодно!“ кончилъ пѣтухъ и, попрежнему, беззаботно продолжалъ ухаживать за своими женами.

Овчи-Пиримъ стоялъ въ это время недалеко, и слышалъ весь этотъ разговоръ; сужденiе пѣтуха, съ которымъ онъ не могъ не согласиться, произвело на него сильное впечатлѣнiе. Онъ сталъ упрекать себя въ слабости; ему было даже стыдно передъ пѣтухомъ; онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ своего обѣщанiя, и, ни въ какомъ случаѣ, ничего не говорить

женѣ. Она-же ждала и, какъ только замѣтила, что мужъ медлить, опять пристала къ нему. Овчи-Пиримъ, въ сердцахъ, кинулся на нее и сталъ дуть, что есть мочи; долго онъ билъ жену, долго приговаривалъ: „Шайтанова дочь! ты все еще хочешь, чтобъ я сказалъ? Убью тебя, но не скажу.“

На жену, повидимому, эти безпощадные побои мужа не такъ подѣйствовали, какъ предполагалъ Овчи-Пиримъ, и она севозь слезы кричала: „Пощади, не бей меня! но скажи все-таки, — зачѣмъ ты улыбнулся, когда кобылица и жеребенокъ заржали?“

Подобные побои со стороны Овчи-Пирима повторялись нѣсколько дней; но и жена его не переставала всѣ эти дни настаивать на своемъ требованіи. Наконецъ, Овчи-Пириму надоѣло бить ее; у него на душѣ стало гадко и неприятно; тутъ-же дѣти плачутъ, рыдаютъ, бросаются своими маленькими ручонками защищать свою мать; называютъ его жестокимъ, безсердечнымъ, не зная, конечно, причины этихъ побоевъ.

Овчи-Пиримъ подумалъ, подумалъ, наконецъ, взялъ да и сказалъ женѣ, почему онъ улыбнулся, когда кобылица и жеребенокъ заржали.

Сказавъ это, Овчи-Пиримъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе въ своей женѣ; поцѣловавъ своихъ дѣтей, онъ, со слезами на глазахъ, вышелъ изъ дому и пошелъ бродить по полямъ. Долго бродилъ нашъ бѣдный Овчи-Пиримъ по полямъ, по горамъ, но лѣсамъ и, въ безумномъ страхѣ передъ смертью, каждую минуту ждалъ нападенія волковъ. Ужъ вечерѣло; онъ увидѣлъ, на недалекомъ отъ себя разстояніи, кибитку *чобана* (пастуха); направился туда и, встрѣтивъ у кибитки хозяина-чобана, попросилъ позволенія переночевать у него. Чобанъ, съ удовольствіемъ, согласился и ввелъ дорогого гостя въ кибитку; онъ приказалъ женѣ приготовить ужинъ; самъ-же, посадивъ гостя, сѣлъ напротивъ и сталъ спрашивать, откуда онъ и какъ попалъ сюда. Овчи-Пиримъ подробно разсказалъ чобану

свою несчастную жизнь и объявилъ, что въ эту-же ночь волки должны его сожрать.

Чобанъ, сразу почувствовавши къ Овчи-Пириму благоговѣйное уваженіе, и слышать не хотѣлъ о послѣднемъ его признаніи. Къ тому-же, у него было двѣнадцать страшнѣйшихъ собакъ; каждая изъ нихъ способна была разорвать двѣнадцать волковъ. Зная изъ опыта ихъ страшныя пасти, волки не смѣли даже показываться въ этихъ мѣстахъ.

Такъ чобанъ, надѣясь на своихъ собакъ, съ увѣренностью успокаивалъ Овчи-Пирима и говорилъ, что стая какихъ бы то ни было волковъ, прежде чѣмъ успѣетъ напасть на кибитку, будетъ разодрана на клочки; наконецъ, они даже не посмѣютъ показаться здѣсь, такъ-какъ имъ хорошо извѣстны страшныя клыки его собакъ и т. д., но не успѣлъ чобанъ кончить свои успокоительныя рѣчи, обращенныя къ Овчи-Пириму, какъ вдругъ послышался страшный вой волковъ, — оба они, въ ужасѣ, вскочили съ своихъ мѣстъ! Овчи-Пиримъ, трепеща отъ страха, схватился за рукавъ чобана и умолялъ спасти его. Добрый чобанъ, подумавъ немного, выбѣжалъ изъ кибитки и, поймавъ двѣнадцать жирныхъ барановъ, зарѣзалъ ихъ на скорую руку и приготовилъ для собакъ. Овчи-Пиримъ, какъ пораженный молніей, стоялъ посреди кибитки; онъ протягивалъ руки впередъ, шопотомъ призывалъ царевну къ себѣ на помощь; но, какъ вспомнилъ страшный, темный коридоръ, проклятія царевны, которая не успѣла ихъ снять съ него, такъ и упалъ лицомъ на землю и, какъ ребенокъ, зарыдалъ.

Между тѣмъ, храбрыя собаки чобана, услышавъ вой волковъ, вышли къ нимъ навстрѣчу и залаяли:

— „Глушцы! видно, забыли насъ — сколько разъ вы оставляли здѣсь ваши шкуры и хвосты и удирали все-таки голодными.“

— „Благородныя и храбрыя собаки!“ завyli волки: „мы не къ вамъ и не къ вашему хозяину, а пришли полакомить-

ся вкуснымъ мясомъ мудраго Овчи-Пирима, — его часть уже настала; онъ гоститъ сегодня у вашего хозяина.“

Услышавъ имя Овчи-Пирима, собаки залаяли:

— „Мерзкіе волки! мы не позволимъ вамъ даже дотронуться до волоска Овчи-Пирима; до послѣдней капли крови мы будемъ его защищать.“

Чобанъ, въ это время, бросилъ имъ двухъ зарѣзанныхъ барановъ; какъ только собаки съѣли ихъ, тотчасъ-же бросились на враговъ, но съ такой силой, что нѣсколько собакъ и волковъ, спѣшившись другъ съ другомъ, взлетѣли на воздухъ и страшно ударились о землю, не переставая грызть и душить другъ друга.

Схватка была страшная, дотолѣ не виданная никѣмъ, между этими, вѣчно враждующими, двоюродными братьями; можно было подумать, что они, на этотъ разъ, рѣшили окончательно уничтожить другъ друга, чтобы навсегда разстаться.

Собаки чобана выказали необыкновенную храбрость и силу вликовъ: волчьи трупы грудами лежали то тамъ, то здѣсь; изъ собакъ-же смертельно была ранена пока одна, да и та не переставала до послѣдняго вздоха грызть и душить попадавшихся ей волковъ. До полуночи шансы на побѣду были на сторонѣ собакъ; ужъ больше сотни волчьихъ труповъ лежало рядомъ по направленію къ кибитѣ. Еще двѣ собаки пали, а волковъ все прибывало больше и больше — какъ будто они со всего свѣта собрались на несчастную голову Овчи-Пирима.

Съ полуночи волки понемногу выбили собакъ изъ позиціи и тѣснили ихъ къ кибитѣ. Чобанъ ужъ успѣлъ до девяти барановъ бросить своимъ собакамъ, которыя, поочередно, пятились назадъ и, для поддержанія силъ, второпяхъ, проглатывали куски мяса; не успѣвъ еще окончательно проглотить пищи, они снова бросались въ битву съ новыми силами и еще большимъ остервененіемъ. Ночь приближалась къ концу; волки

были ужъ въ двухъ шагахъ отъ кибитки; собакъ осталось въ живыхъ только три, да и тѣ окровавленные и израненныя; чобанъ ужъ бросилъ имъ послѣдняго барана.

— Что-же, все это время, дѣлалъ, что чувствовалъ и какъ провелъ эту ночь несчастнѣйшій изъ людей, Овчи-Пиримъ? Этого я не берусь рассказывать, такъ-какъ оно выше силъ человѣческаго языка.

Показалась заря на востокѣ; пала послѣдняя собака у самаго входа въ кибитку. Овчи-Пиримъ завернулся въ пальто и только успѣлъ воскликнуть: „Царевна, зачѣмъ ты не здѣсь!“ Чрезъ минуту и восточки его не осталось.

Съ неба упало три яблота: одно мнѣ, одно доброму чобану, одно сиротамъ Овчи-Пирима, а остатки его вдовѣ.

II. Ухай *).

Жили старикъ со своей старухой. У нихъ былъ единственный сынъ, котораго звали Гюль-Мамедомъ. Старики до безумія любили своего Гюль-Мамеда; несмотря на свою горькую бѣдность, они старались предупреждать всевозможныя его желанія.

Гюль-Мамеду ужъ минуло пятнадцать лѣтъ. Вслѣдствіе постоянного баловства родителей, изъ него вышелъ никуда негодный, избалованный мальчишка, страшный шалунъ и, вдобавокъ, записной лѣнтяй.

Куда только ни отдавали бѣдные старики своего Гюль-Мамеда, чему только ни обучали его! Они отдавали его и *кондахсазу* **), и *ханчалсазу* ***), и *папахчию* ****), и *демурчию* *****); и *башмагчию* *****); но нигдѣ Гюль-Мамедъ

*) Ухай—междометіе, означающее: охъ, какъ хорошо!

***) Кондахсазъ—оружейникъ дѣлъ мастеръ.

****) Ханчалсазъ—мастеръ, дѣлающій ножны для кинжаловъ.

*****) Папахчи—шапочникъ.

*****) Демурчи—кузнецъ.

*****) Башмагчи—башмачникъ. *Примечанія Соб.*

ничему не научился, и, со всѣхъ мѣстъ, съ позоромъ, выгоняли его. Наконецъ, никто его уже не принималъ,—всѣ его знали. Вотъ, старикъ со своей старухой рѣшили увести Гюль-Мамеда куда-нибудь далеко, гдѣ его еще не знаютъ, и опять отдать на обученіе какому-нибудь ремеслу, хотъ чистить *зи-рабы* (влоаки).

Однажды, рано утромъ, старикъ съ сыномъ вышли изъ дому и пошли въ невѣдомыя страны. Много-ли шли, мало-ли шли, Аллахъ вѣдаетъ, но, наконецъ, они дошли до одного родника. Старикъ страшно усталъ отъ ходьбы, да и солнце пекло ихъ порядкомъ; жажда ихъ мучила; старикъ нагнулся надъ родникомъ, напился вдоволь холодной, чистой воды и, когда поднялся, влинулъ: „Ухай! . .“

Вдругъ изъ родника выскочилъ сѣдой старикъ, съ бородой до колѣнъ и съ усами до плечъ, и сказалъ:

— „Что тебѣ нужно, я—Ухай!“

Старикъ нашъ, хотя вначалѣ немного испугался, но, потомъ, все-таки обрадовался, что можетъ посоветоваться съ Ухайемъ—куда отдать сына, рассказалъ ему свое горе. Ухай тотчасъ-же предложилъ отдать сына ему,—срокомъ на годъ. Старикъ, съ радостью, согласился, попрощался съ сыномъ и ушелъ къ себѣ обратно, не спросивъ даже, чему Ухай будетъ учить его сына. Ухай схватилъ Гюль-Мамеда за руку и ввелъ его чрезъ родникъ въ свой подземный домъ.

Дочь Ухая, съ перваго-же дня, страстно влюбилась въ Гюль-Мамеда. Она знала всѣ волшебства своего отца; знала также по опыту, что Ухай, по прошествіи года, убивалъ всѣхъ учениковъ, которые поступали къ нему на обученіе, и которые научались его волшебствамъ; тѣхъ-же изъ учениковъ, которые оказывались неспособными и ничему не научались, онъ прогонялъ съ досадой, зная, что они не могутъ выдать его тайнъ другимъ, такъ-какъ сами ничего не знаютъ. Дочь Ухая, чтобы избавить своего возлюбленного Гюль-Мамеда отъ участи

прежнихъ учениковъ, ему втайнѣ рассказала все и строго-на-строго приказала привидываться все время, въ продолженіе года, глупымъ, неспособнымъ и ничего не понимающимъ.

Гюль-Мамедъ, дѣйствительно, строго слѣдовалъ совѣтамъ своего ангела-хранителя, и на всѣ вопросы Ухая, на всѣ его старанія растолковать ему тайны волшебства, отвѣчалъ одними идиотскими выходками. На самомъ-же дѣлѣ, Гюль-Мамедъ оказался способнѣйшимъ юношей и усваивалъ вполнѣ не только ученіе Ухая, но позналъ даже всѣ его сокровеннѣйшія тайны, которыхъ тотъ никому не сообщалъ, исключая своей дочери.

По прошествіи года, старикъ-отецъ Гюль-Мамеда ползлся къ роднику, чтобы узнать, что случилось съ его сыномъ. Подошелъ онъ къ роднику, нагнулся, напился и опять воскликнулъ: „Ухай!“

Тотчасъ-же выскочилъ Ухай съ Гюль-Мамедомъ, и волшебникъ, сердито толкнувъ его къ старику, сказалъ:

— „На, возьми своего никуда негоднаго *ахман* (дурака); какъ я ни бился, какъ я ни старался, ничему ровно не могъ его научить; на, возьми и вложи его ноги въ свои глаза!“

Бѣдный старикъ, совершенно убитый этимъ извѣстіемъ, спросилъ, навонецъ:

— „Да въ чемъ-же состояло твое ремесло?“

Въ отвѣтъ на это, Ухай только махнулъ рукой и скрылся въ родникѣ.

— „Нечего дѣлать, нельзя-же убить негоднаго сына—можетъ быть Аллахъ его въ наказанье мнѣ послалъ!“ подумалъ старикъ и побрелъ домой, неровной отъ старости и горя, походкой.

Гюль-Мамедъ хотѣлъ высказаться дома, а потому на всѣ упреки отца отвѣчалъ пока молчаніемъ. Онъ захотѣлъ испытать свои знанія на опытѣ: подъ какимъ-то предлогомъ отсталъ отъ отца, превратился въ раненаго фазана, догналъ старика и сталъ бѣгать передъ нимъ. Старикъ, видя ране-

наго фазана, обрадовался, и хотѣлъ его поймать; но, какъ онъ ни мучился, не могъ этого сдѣлать; а фазанъ скрылся, и Гюль-Мамедъ, превратившись въ человѣка, догналъ старика. Отецъ, какъ увидѣлъ Гюль-Мамеда, такъ и накинулся на него:

— „Ахъ ты, лѣнивая собака! чего отсталъ отъ старика? Вотъ сейчасъ попался раненый фазанъ: будь ты здѣсь, поймалъ бы его, а то гдѣ мнѣ старику гнаться за нимъ, дома-же, знаешь, вѣдь, нечего ѣсть.“

А Гюль-Мамедъ молчить и идетъ съ отцомъ дальше. Черезъ нѣкоторое время, Гюль-Мамедъ опять отсталъ отъ отца, превратился въ хромого джейрана, догналъ его и сталъ передъ нимъ бѣгать. Старикъ опять обрадовался находѣ, и погнался за джейраномъ, но поймать, все-таки, не смогъ. Джейранъ опять скрылся, превратился въ человѣка и догналъ отца. Старикъ опять накинулся на сына и сталъ ругать его:

— „Керъ-огуль, ты мнѣ въ наказанье посланъ Аллахомъ! чего опять отсталъ? будь ты здѣсь, поймалъ бы хромого джейрана; по крайней мѣрѣ, хоть этимъ матушку свою обрадовалъ бы—а то, небойсь, вѣдь, съ пустыми руками идешь въ ней!“

Гюль-Мамедъ опять смолчалъ. Наконецъ, они дошли до дому. Мать Гюль-Мамеда, не обративъ никакого вниманія на жалобы старика, горячо обняла любимого сына, посадила около себя и стала его угощать, чѣмъ Аллахъ послалъ.

Послѣ ужина, Гюль-Мамедъ обратился къ старикамъ и подробно разсказалъ имъ все, что съ нимъ случилось въ теченіе цѣлаго года и открылъ также, что онъ былъ тотъ подстрѣленный фазанъ и хромой джейранъ, которые повстрѣчались старику на дорогѣ. Старики выпучили глаза и отъ удивленія не могли вымолвить ни слова. Наконецъ, старикъ пришелъ въ себя и сказалъ сыну:

— „Да какая отъ этого польза, вѣдь, намъ, все-таки, нечего ѣсть!“

— „Погоди!“ сказалъ Гюль-Мамедъ: „вотъ я превращусь въ катера; ты-же завтра утромъ поведи меня на базаръ и продай за сто *баджаглу* (червонцевъ); но помни, отецъ—ни въ какомъ случаѣ не отдавай меня съ уздечкой, а то мы всѣ пропадемъ; а какъ продашь, на другой-же день я буду у васъ.“

Послѣ этихъ словъ, Гюль-Мамедъ, дѣйствительно, превратился въ прелестнѣйшаго катера съ уздечкой. Утромъ, старикъ повелъ катера на базаръ и продалъ его за сто *баджаглу*, а уздечки не отдалъ. На другой день, Гюль-Мамедъ цѣлъ и здоровъ появился въ домъ родителей, радости и либованію которыхъ не было конца. Стали они втроемъ себѣ жить и поживать, ни въ чемъ не нуждаясь.

Когда-же *баджаглу* были въ исходѣ, Гюль-Мамедъ сказалъ отцу:

— „Теперь, *дадаши* (другъ), я превращусь въ лошадь; продашь меня за триста *баджаглу*; но не забудь, не отдавай уздечки!“ Сказавъ это, Гюль-Мамедъ превратился въ такого коня, какого не бываетъ ни у царей, ни въ Меккѣ. Старикъ повелъ коня на базаръ и тотчасъ-же продалъ его за триста *баджаглу*, при-чемъ, опять не отдалъ уздечки, хотя покупатель сильно настаивалъ на этомъ, и пошелъ домой. На другой день, Гюль-Мамедъ опять появился въ домъ родителей и стали втроемъ проживать триста *баджаглу*.

Когда-же и эти деньги были въ исходѣ, Гюль-Мамедъ сказалъ:

— „Теперь, *дадаши*, я превращусь въ верблюда; продашь меня за пятьсотъ *баджаглу*; уздечки, смотри не отдавай!“

Сказавъ это, Гюль-Мамедъ тотчасъ-же превратился въ такого великолѣпнаго верблюда, какого не имѣли даже падишахи Багдада. Старикъ повелъ верблюда на базаръ. Его окружила большая толпа *далаловъ* (мавлеровъ), но никто не смѣлъ торговаться со старикомъ; они знали, что слишкомъ большая будетъ цѣна такому необыкновенному верблюду.

Вдруг подошелъ къ старику богатый *севдагаръ* (купецъ) и спросилъ:

— „Сколько хочешь взять за верблюда, *достумъ* (другъ мой)?“

Старикъ объявилъ, что верблюдъ безъ уздечки будетъ стоить пятьсотъ баджаглу. Севдагаръ сталъ убеждать его, что безъ уздечки никакое животное не продается; что таковы обычаи, и онъ отъ этого обычая отстать не можетъ. Старикъ долго не соглашался отдать уздечку, хотя его много упрямляли. Наконецъ, севдагаръ вынулъ тысячу баджаглу и сказалъ:

— „Вотъ тебѣ, упрямый гаджа, пятьсотъ баджаглу за верблюда и столько-же за уздечку, которая стоитъ не больше поль-гранж; я жертвую этимъ золотомъ, чтобы сложить твое упрямство.“

У старика, при видѣ кучи золота, барябило въ глазахъ, и онъ отдалъ верблюда съ уздечкой.

Севдагаръ (то былъ Ухай въ образѣ севдагара), въ волненіи, взялъ верблюда за уздечку и повелъ къ знакомому намъ роднику. Ухай узналъ въ верблюдѣ своего ученика, страшно разсердился, что такъ жестоко обманулся въ немъ, и хотѣлъ непременно извести его. Онъ привязалъ верблюда у родника, а самъ скрылся въ свой подземный домъ, чтобы принести кинжалъ и зарѣзать его. Верблюдъ въ уздечкѣ былъ безсиленъ освободиться, и горькими слезами оплакивалъ свою участь. Дочь Ухая тотчасъ узнала, въ чемъ дѣло, высочила изъ родника раньше отца, сняла съ головы верблюда уздечку и, поцѣловавъ его, отпустила. Верблюдъ, моментально, превратился въ фазана и улетѣлъ.

Ухай вышелъ съ кинжаломъ въ руки и увидѣлъ улетающаго фазана; понявъ, въ чемъ дѣло, онъ сейчасъ-же превратился въ страшнаго сокола и полетѣлъ за фазаномъ. Долго гнать страшный соколъ бѣднаго фазана, часто онъ почти-что настигалъ его; но фазану мысль о страшной смерти въ неумолимыхъ когтяхъ злого сокола придавала новыя силы, и

онъ оставлялъ его далеко за собой. Такимъ образомъ, они лѣзли семь дней и семь ночей. Фазанъ уже чувствовалъ, что силы понемногу оставляютъ его, а соколы, по-видимому, усталости и не чувствуютъ.

Вдругъ, фазанъ увидѣлъ подь собой роскошный царскій дворецъ. На террасѣ того дворца, въ задумчивости и съ опущенной головой, сидѣла на тахтѣ, покрытой хорасанскими коврами, чудной красоты царевна. Она недавно лишилась отца, который послѣ себя не оставилъ ни одного наследника, исключая молоденькой дочери; дочь царя, оставшись одинокой сиротой, странно горевала о смерти отца, а еще больше о томъ, какъ она—такая молодая, неопытная дѣвушка—будетъ управлять такимъ громаднымъ царствомъ.

Фазанъ, увидѣвъ царевну на террасѣ, въ одно мгновеніе, превратился въ роскошный букетъ райскихъ розъ и упалъ въ ней на колѣни. Царевна, восторженувшись, схватила букетъ и стала его цѣловать и любоваться имъ; она очень сильно обрадовалась тому, что цвѣты упали въ ней съ неба, и на нѣкоторое время даже забыла свое горе.

Соколы-же, какъ увидѣвъ продолженіе фазана, превратились въ стараго дервиша, подошелъ къ террасѣ, на которой сидѣла царевна, съ букетомъ райскихъ розъ въ рукахъ, и сталъ пѣть. Изъ его устъ полились чудныя пѣсни любви, любви безконечной, молодой, жаждущей земного счастья; то, вдругъ, пѣснь его переливалась въ грустные напѣвы о потерѣ дорогаго существа, то снова переходила въ пѣснь торжествующей любви. Царевна въ какомъ-то восторженномъ состояніи слушала и не могла наслушаться стараго дервиша. При пѣсняхъ любви, ея розовыя щеки покрывались густымъ румянцемъ; а при пѣсняхъ грустныхъ, слезы ручьями лились изъ ея черныхъ огненныхъ глазъ. Наконецъ, дервишъ умоливъ и попросилъ вознагражденія за свой трудъ. Царевна приказала дать дервину столько золота, сколько онъ самъ пожелаетъ.

Но дервишь, въ изумленію всѣхъ царедворцевъ, отказался отъ золота и всякихъ денежныхъ вознагражденій. Онъ просилъ и умолялъ царевну дать ему букетъ райскихъ розъ, только-что найденныхъ ею таинств. необыкновеннымъ образомъ. Царевна даже и слышать объ этомъ не хотѣла, и крѣпче при- занимала розы въ своей чудной груди. Дервишь, въ свою оче- редь, не отставалъ и просилъ отдать ему хоть одинъ лепе- стокъ изъ того букета. Наконецъ, царевна, чтобъ отдѣлаться отъ назойливаго дервиша, вырвала изъ букета лепестокъ, съ цѣлью отдать его ему; но лепестокъ между ея пальцами пре- вратился въ просо и рассыпался по вохрамъ. Въ ту-же ми- нуту дервишь превратился въ насѣдку съ массою цыплятъ, и они всѣ стали клевать просо; заклевали почти все, какъ, вдругъ, изъ-подъ тахты царевны высочили чакчалъ (шакаль) и, моментально, передупили всѣхъ цыплятъ и насѣдку; дѣло въ томъ, что случилось такъ, что одно зернышко проса покати- лось подъ такту, и его цыплята не замѣтили. Передупивъ всѣхъ цыплятъ и насѣдку, чакчалъ превратился въ юношу чудной красоты и предсталъ предъ очами изумленной царевны. Наконецъ, выйдя изъ оцѣпенѣнія, царевна умоляла прекраснаго юношу разъяснить ей всю эту необыкновенную сцену. Гюль-Мамедъ все ей объяснилъ, говоря, что она сдѣлалась его спа- сительницей. Тогда царевна, моментально влюбившись въ Гюль-Мамеда, бросилась въ нему на грудь и сказала:

— „Если, какъ ты говоришь, я спасла твою жизнь, такъ и ты спаси меня, райскій юноша: полюби хоть немно- жечко и сдѣлай меня своей работой!“

Гюль-Мамедъ, не помня себя отъ такого неожиданнаго сча- стья, винулся въ ноги царевны и сталъ цѣловать ея сандалии. . .

Долго жили въ непрерывномъ счастіи красавецъ-царь (Гюль-Мамедъ, навъ превратился въ красавца, такимъ и остал- ся до конца жизни) и красавица-царица; а умеревъ, остави- ли свое славное царство собственному наслѣднику.

Съ неба упало три яблока: одно Богу, одно мнѣ, одно тебѣ, а остатки проходящему по улицѣ.

III. Мудрый царь.

Дѣло было давно, очень давно — когда еще не появился Великій Пейгамберъ *) Магометъ, и правовѣрные, о ужасъ, поклонялись *бутмарамъ* (идоламъ) и разнымъ бездушнымъ предметамъ.

Такъ въ это-то грѣшное время, въ Гюлистанѣ, жилъ былъ пресуровый, престрепій царь.

Сады Гюлистана были переполнены виноградниками, и Гюлистанцы пили таковой шерабъ, какого теперь и цари не пьютъ. Понемногу, крѣжде-умѣренное употребленіе шераба перешло границу, и превратилось въ страшное пьянство. Народъ пересталъ работать, пересталъ заботиться о нуждахъ своихъ женъ и дѣтей, пересталъ платить въ казну *теяджси* (подати), а къ царскимъ не только сарвазамъ, но и вазирамъ-вазірамъ относился грубо и дерзко.

Недолго думая, царь приказалъ своимъ *юмукамъ* (войскамъ) истребить всѣ виноградники во всемъ Гюлистанѣ, разбить вдребегги всѣ кувшины съ шерабомъ и строго-настро-го, подъ угрозой дать почувствовать всѣ муки дженнама въ неумолимыхъ рукахъ *джеалатовъ* (палачей), запретилъ пить даже одну капельку шераба. Кромѣ того, царь приказалъ народу, съ цѣлью остановить ночныя сборища и пьянство, не выходить послѣ заката солнца изъ своихъ домовъ; для этого онъ велѣлъ на ночь выпускать на улицу ручного дьява, который рыскалъ до утра по городу и безнаказанно разрывалъ всякаго осмѣливавшагося показаться на улицу.

Много погубило смѣльчаковъ, не желавшихъ разстаться съ шерабомъ, много народу почувствовало муки дженнама въ

*) Пейгамберъ — пророкъ. Прим. Соб.

жестовихъ рукахъ джеллатовъ; но, все-таки, приказъ царя имѣлъ благотворныя послѣдствія—народъ, съ теченіемъ времени, даже забылъ и думать о шерабѣ, и замѣнилъ его невиннымъ шербатомъ.

Во время самаго разгара исполненія царскаго приказа, одинъ старикъ, не желая отдать свои три кувшина шераба на поруганіе царскимъ гошунамъ, зарылъ ихъ глубоко въ землю, въ концѣ своего двора. Прошло много лѣтъ. Старикъ этотъ умеръ, и его достояніе перешло во владѣніе сына—Мустафы. Прошло опять много времени; Мустафа разбогатѣлъ, и задумалъ построить въ концѣ своего двора новый гаремъ. Когда рабочіе рыли фундаментъ, то ихъ лопаты ударились о что-то твердое и звенящее; позвали Мустафу; онъ, какъ только замѣтилъ кувшины, такъ и закричалъ отъ радости (онъ думалъ, что кувшины наполнены золотомъ); но постарался скрыть свою радость отъ рабочихъ. Воспользовавшись тѣмъ, что уже вечерѣло, а на другой день былъ байрамъ, Мустафа отпустилъ рабочихъ раньше времени, чтобы остаться одному и открыть кувшины съ золотомъ. Но, открывши ихъ, Мустафа былъ разочарованъ, такъ-какъ въ кувшинахъ было не золото, а вино.

Мучимый любопытствомъ, Мустафа хотѣлъ попробовать этотъ запретный плодъ. Тотчасъ-же въ его головѣ появились оправдательные доводы: „никого нѣтъ, никто не узнаетъ, всѣ уже забыли о существованіи шераба и т. д., немножечко только побробовать!“ думалъ онъ; и, дѣйствительно, Мустафа нагнулся и попробовалъ. Шерабъ ему показался великолѣпнымъ; ничего подобнаго онъ дотолѣ не бралъ въ ротъ; нагнулся Мустафа во второй, въ третій разъ, а когда поднялся съ мѣста, то почувствовалъ онъ въ себѣ невѣдомыя силы, почувствовалъ себя могущественнѣйшимъ человѣкомъ—чуть не царемъ всей земли; забылъ даже закрыть кувшины и направился къ дому.

Ему сильно захотѣлось пройтись по улицамъ, погулять; грозно потребовавъ свою *abu* (верхняя одежда), онъ объявилъ

женамъ о своемъ намѣреніи. Жены, подавая абу, тщетно умоляли и, въ притворныхъ слезахъ, просили его не приводить въ исполненіе свое безумное желаніе, говоря, что, вѣдь, уже темно, и царскій левъ можетъ разорвать его, хотя, въ глубинѣ души, онѣ были не прочь испытать на себѣ свободу вдовъ. Мустафа вышелъ на улицу и, кое-какъ накинувъ на плечи абу, пошелъ гулять по городу. Вдругъ, изъ-за угла одного дома, выскочилъ громаднаго роста левъ и, завидѣвъ Мустафу, съ страшнымъ ревомъ бросился на него—давно уже онъ не пробовалъ человѣческаго мяса. Мустафа нисколько не испугался и не смутился; совершенно хладнокровно встрѣтилъ онъ нападеніе льва, и, не давъ ему впитаться въ себя, схватилъ обѣими руками за обѣ челюсти, разорвалъ его на-двое и, съ нечеловѣческой силой, швырнулъ далеко отъ себя. Погулявъ еще нѣсколько часовъ по городу безъ дальнѣйшихъ приключеній, къ немалому неудовольствію своихъ женъ; которыя уже успѣли представить себя вдовами и перебраться въ умѣ извѣстныхъ *лотіевъ* (повѣсь), Мустафа вернулся домой вполне цѣлымъ и здоровымъ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

На слѣдующій день, на улицѣ нашли разодранный трупъ льва и понесли къ царю во дворецъ. Царь, убѣдившись, что это было дѣло рукъ человѣческихъ, остолбенѣлъ отъ удивленія. Наконецъ, чтобъ узнать, кто такой былъ этотъ необыкновенный человѣкъ, разорвавшій льва, царь приказалъ бить въ набатъ и созвать весь народъ на дворцовый *майданъ* (площадь).

Царскій приказъ былъ исполненъ въ точности; чрезъ нѣсколько часовъ, весь народъ чинно стоялъ на дворцовомъ майданѣ и, съ трепетомъ, ждалъ появленія грознаго царя. Наконецъ, царь вышелъ къ народу; за нимъ сервазы несли трупъ льва. Указавъ на трупъ, царь обратился къ народу и сказалъ:

— „Скажите, кто изъ васъ такъ молодецки убилъ льва? Кто этотъ необыкновенный человѣкъ? Пусть выступитъ впе-

редь! онъ получить несмѣтныя богатства за этотъ подвигъ, и передъ нимъ всегда будетъ открыта моя казна.“

Вдругъ, къ страшному изумленію всего народа, выступилъ впередъ изъ толпы Мустафа и громогласно объявилъ себя побѣдителемъ льва. Царь, конечно, не тотчасъ-же повѣрилъ ему; да и никто не могъ повѣрить, — Мустафу всѣ хорошо знали, всѣмъ было извѣстно, что онъ слыветъ героемъ только у себя въ гаремѣ и, вообще, разорвать на-двое онъ въ состояніи развѣ сваренную курицу.

Царь, чтобъ убѣдиться въ необыкновенной силѣ Мустафы, предложилъ ему бороться и съ другимъ львомъ. Мустафа, опять-таки, къ страшному изумленію всѣхъ, согласился, но только съ условіемъ, отпустить его на нѣсколько минутъ домой, якобы попроситься съ женами — вѣдь, не всегда-же въ борьбѣ со львомъ побѣдителемъ можетъ остаться человѣкъ! Мустафу отпустили. Побѣжалъ онъ домой, но только не къ женамъ, а ко вчерашнимъ кувшинамъ и подъ каждымъ изъ нихъ по три раза нагнулся. Снова почувствовавъ въ себѣ страшныя силы, Мустафа побѣжалъ на майданъ, и самъ предложилъ сейчасъ-же выпустить на него льва.

Вывели льва. Недолго думая, Мустафа кинулся на льва, схватилъ его обѣими руками, по-вчерашнему, за обѣ челюсти, разорвалъ на-двое и швырнулъ далеко-далеко отъ себя. Народъ зашумѣлъ, загоготалъ отъ удивленія, а царь отъ души обнялъ Мустафу и три раза поцѣловалъ его въ лобъ.

Но царь, все-таки, не могъ не спросить его, какъ онъ смѣлъ выйти на улицу ночью, несмотря на его строгое запрещеніе. Тогда Мустафа, вымоливъ предварительно у царя обѣщаніе не наказывать его, чистосердечно изложилъ передъ нимъ и передъ народомъ происшествіе о кувшинахъ съ ше-рабомъ.

Царь глубоко задумался и, обратившись къ народу, сказалъ:

— „Отнынѣ отмѣняю свой законъ, запрещающій вамъ пить шерабъ; ступайте, разводите виноградники и, по-прежнему, приготовляйте шерабъ и пейте его; но только въ такомъ количествѣ, чтобъ быть въ состояннн разорвать льва (при этомъ царь указалъ на ликующаго Мустафу), но ни въ какомъ случаѣ не столько, чтобъ вороны завлевывали вамъ глаза, какъ прежде.“

Народъ разошелся по домамъ и дѣятельно принялся за исполненіе новаго царскаго приказа, безъ участія всякихъ сервазовъ или гошунговъ.

Но, по-видимому, глупый народъ недолго помнилъ мудрыя наставленія царя, такъ-какъ, не безъ причины-же, вѣдъ, въ послѣдствіи, Великій Пейгамберъ Магометъ всякому пьющему шерабъ обѣщалъ муви ужъ настоящаго ада!

IV. Абутъ *).

Разсказываютъ, что встарину, когда было много пейгамберовъ, одинъ богобоязненный пререлигіозный человекъ удалился отъ міра сего въ горы, чтобы тамъ своей сподвижническою жизнью снискать себѣ у Аллаха мѣсто въ дженнатѣ. Всѣ жители той области знали объ этомъ Абутѣ и съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относились къ нему, какъ къ кандидату на должность будущаго пейгамбера.

Абутъ много лѣтъ, очень много лѣтъ, причинялъ себѣ всевозможныя страданія, переносилъ всякія лишенія, отказывалъ себѣ во многихъ предметахъ первой необходимости; дни и ночи онъ проводилъ въ намазѣ, въ омовеньяхъ и разныхъ молитвахъ. Но за то, труды Абута почти-что увѣнчались успѣхомъ—всего двѣ недѣли оставалось до его смерти, и для него уже приготовляли хорошее мѣсто въ дженнатѣ. Противникъ

*) Абутъ—отшельникъ. Записано со словъ всадника земской стражи, Абду-ли, лѣтъ 80, изъ селенія Калаханъ, Ленкоранскаго уѣзда. *Прим. Соб.*

шайтанъ узналъ объ этомъ и воспыла въ непреодолимомъ желаніемъ лишить Абу́та возможности попасть въ дженна́тъ; извѣстно — шайтаны такъ-же не любятъ дженни́та, казнь и правозѣрные не любятъ шайтана.

Вотъ шайтанъ преобразился въ дѣвушку чудной красоты, съ которой и гури́ рай не могли сравниться. Затѣмъ, когда смерклось, онъ пошелъ въ келью Абу́та; прикинувшись заблудившейся въ лѣсу дѣвушкой, онъ сталъ просить у него дозволенія переночевать въ его кельѣ.

Абу́тъ, ничего не подозрѣвая и ничего дурного не имѣя въ мысляхъ, согласился дать приютъ бѣдной дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что не разъ онъ уже давалъ у себя приютъ бѣднымъ прохожимъ. Красавица сѣла рядомъ съ Абу́томъ на его единственной жесткой тахтѣ и, обернувшись къ нему, вѣячески старалась заговорить съ нимъ; по временамъ она бросала на него такіе взгляды, такъ пристально и ласкающе смотрѣла на него, что у бѣднаго Абу́та мурашки забѣгали по тѣлу, и онъ весь затрепеталъ. Красавица, видя свой успѣхъ, повела ага́ку еще дальше. Притворно-стыдливо поднимала она свои чудные, полные безумной страсти, глаза и съ такой многообѣщающей лаской останавливала ихъ на немъ, что, казалось, глаза эти говорили: „Что-же медлить!? вѣдь дженна́тъ у тебя-же въ кельѣ!“

Абу́тъ уже забылъ о своемъ обѣтѣ; страсть, сдерживаемая въ немъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, вдругъ овладѣла всѣмъ его существомъ, и лишила его разсудка; онъ бросился на красавицу и, прежде чѣмъ она успѣла вырваться изъ кельи, схватилъ ее въ свои объятія и...

А шайтану этого только и было нужно! Тотчасъ-же онъ изъ дѣвушки преобразился въ дервиша и пошелъ разносить вѣсть о согрѣшеніи Абу́та по всѣмъ деревнямъ, селамъ и городамъ. Это извѣстіе на всѣхъ жителей произвело потрясающее впечатлѣніе; они всѣ хорошо знали Абу́та, всѣ были увѣрены, что для него уже готово мѣсто въ дженна́тѣ; и вдругъ,

изъ-за одной ошибки, изъ-за одного мгновеннаго согрѣшенія, бѣдняжка, быть-можетъ, навсегда лишился возможности попасть въ дженнатъ. Но, все-таки, всё, въ глубинѣ души, таили надежду, что, вѣроятно, Аллахъ смилуется надъ Абутомъ, пожалѣетъ и не дастъ пропастъ его пятидесятилѣтнимъ абутскимъ трудамъ. Всѣхъ мучило это сомнѣнїе, всё съ восклицанїями: „Бисмиллахъ-рахманъ-рахимъ!“ совѣщались между собой, стараясь найти какое-нибудь рѣшеніе своимъ сомнѣнїямъ. Наконецъ, одинъ изъ жителей подалъ слѣдующаго рода совѣтъ:

— „Помолимся Великому Пейгамберу и будемъ его просить показаться намъ; тогда хорошенько разспросимъ его объ этомъ!“

Всѣ обрадовались этой мысли, согласились и стали совершать намазъ и просить Великаго Пейгамбера показаться имъ на нѣсколько минутъ.

Великій Пейгамберъ уважилъ просьбу жителей и показался имъ. Увидя его, всё съ благоговѣнїемъ опустились на колѣни и воскликнули:

— „Великій Пейгамберъ, скажи намъ, лишился-ли Абутъ дженната, или Аллахъ смилуется надъ нимъ, и проститъ ему его ошибку!“

— „Да скажите, спросилъ Великій Пейгамберъ, въ недоумѣнїи, что случилось съ нимъ такого, чтобы онъ могъ лишиться дженната; еще недавно тамъ былъ привазъ приготовить ему хорошее мѣсто и прикомандировать въ его распоряженіе три красивѣйшихъ гуріи?“

— „Какъ-же, какъ-же, пропалъ несчастный Абутъ!“ заголдѣли всё разомъ: „онъ вчера вечеромъ изнасиловалъ шайтана въ образѣ дѣвушки.“

— „Дураки! о чемъ вы беспокоитесь — Абутъ теперь ужъ получитъ гораздо лучшее мѣсто въ дженнатѣ, такъ-какъ онъ изнасиловалъ Аллахова врага.“

Такимъ образомъ, Великій Пейгамберъ разсѣялъ сомнѣнїя

жителей и, строго-настрога приказавъ впередь не беспокоить его изъ-за подобныхъ пустяковъ, сврылся.

Жители-же, недоумѣвая, въ глубокой задумчивости, разошлись по домамъ.

V. Шейдулла *).

Сказываютъ, нѣкогда былъ бѣдный человѣкъ, по имени Шейдулла; онъ былъ обремененъ громадной семьей, еле-еле зарабатывалъ насущный кусокъ хлѣба; несчастныя его дѣти и жена вѣчно не доѣдали, вѣчно не допивали, а ужъ про платья и мечтать не смѣли. Но надо отдать Шейдуллѣ справедливость—онъ никогда не отчаивался и постоянно надѣялся, что Аллахъ поможетъ ему, улучшить его положеніе и дать возможность безбѣдно просуществовать. Долго ждалъ нашъ бѣдный Шейдулла помощи отъ Аллаха; наконецъ, не-вмоготу стало: голыя и голодныя дѣти плачутъ, жена упрекаетъ его въ неспособности зарабатывать деньги, въ лѣности. Сильно задумался бѣдный Шейдулла, и, вдругъ, его голову озарила мысль, отъ которой онъ пришелъ въ восторгъ, повеселѣлъ; онъ радостно объявилъ женѣ, что намѣренъ лично пойти къ Аллаху просить помощи. Жена одобрила его намѣреніе и благословила въ путь.

Шель нашъ Шейдулла три дня и три ночи и встрѣтилъ на дорогѣ чахлаго и жалкаго волка.

— „Куда идешь, добрый человѣкъ?“ спросилъ его волкъ.

— „Да, вотъ, иду къ Аллаху просить помощи!“ отвѣчаетъ Шейдулла.

— „Кстати, проси и за меня, умолять его волкъ: вотъ, уже третій годъ, у меня страшная боль въ животѣ: ни днемъ, ни ночью, не имѣю покоя; пусть смилуется Аллахъ, пошлетъ мнѣ смерть, если ужъ вылѣчить нельзя!“

*) Шейдулла—собственное имя—равносильно понятію—глуховатый.

Прим. Соб.

— „Хорошо, скажу!“ отвѣчаетъ Шейдулла и идетъ дальше.
Шель нашъ Шейдулла опять три дня и три ночи и встрѣтилъ яблоню.

— „Куда идешь, добрый человѣкъ?“ спрашиваетъ его яблоня.

— „Да, вотъ, иду къ Аллаху просить помощи!“

— „Будь такъ добръ, передай, встаети, и мою просьбу“, взмолилась яблоня: „съ самаго рожденья я не видала еще своихъ плодовъ, — тружусь, работаю, зацвѣтаю, а каждый разъ, какъ подходитъ время оплодотвориться моимъ цвѣтамъ, такъ они всѣ разомъ и спадаютъ съ меня; ужъ пусть Аллахъ пошлетъ смерть, коли помочь мнѣ нельзя.“

— „Хорошо, скажу!“ отвѣчаетъ Шейдулла и идетъ дальше.

Шель онъ опять три дня и три ночи и дошелъ до большого озера; а въ томъ озерѣ, высунувъ морду изъ воды, грѣлась на солнцѣ большая, пребольшая рыба.

— „Куда идешь, добрый человѣкъ?“ спросила она Шейдулла.

— „Да, вотъ, иду къ Аллаху просить помощи!“

— „Будь такъ добръ, передай, встаети, и мою просьбу“, взмолилась рыба, — „вотъ уже седьмой годъ, какъ я страдаю отрыжкой, вѣчно болятъ въ горлѣ, пусть смилуется Аллахъ, пошлетъ скорѣе смерть, коли помочь мнѣ нельзя.“

— „Хорошо, скажу!“ отвѣчаетъ Шейдулла и идетъ дальше.

Шель нашъ Шейдулла опять три дня и три ночи; наконецъ, дошелъ онъ до рощи изъ розовыхъ кустовъ. По срединѣ рощи стоялъ одинъ большой кустъ, весь покрытый розами разныхъ цвѣтовъ; изъ того куста выходило какое-то розовато-золотистое пламя и озаряло чуднымъ свѣтомъ всю рощу. Шейдулла въ изумленіи остановился передъ этимъ кустомъ и до того растерялся, что забылъ даже, куда онъ идетъ и зачѣмъ? Вдругъ, онъ услышалъ какой-то голосъ, выходящій изъ пламени. Голосъ этотъ произнесъ:

— „Что тебѣ нужно, Шейдулла?“

— „Великій Аллахъ! тебя-ли я слышу?“ воскликнула Шейдулла въ страшномъ волненіи.

— „Что тебѣ нужно? говори!“ вторично послышался голосъ изъ пламени.

Шейдулла благоговѣнно опустился на колѣни и изложилъ передъ Аллахомъ какъ свою просьбу, такъ и просьбы волка, яблони и рыбы.

Послѣ этого, въ третій разъ раздался изъ вуста голосъ: — „У рыбы, говорилъ онъ, засѣлъ въ горлѣ драгоцѣннѣйшій камень; когда вынуть у нея этотъ камень, тогда она и выжьется. Подъ яблоней зарытъ большой вувшинъ съ червонцами; когда выкоютъ этотъ вувшинъ, тогда яблоня будетъ приносить плоды. Волку-же, для того, чтобы избавиться отъ боли живота, нужно сожрать одного глупаго человѣка. Твоя-же просьба исполнена, ступай!“

Напѣ Шейдулла, обрадованный и съ сіяющимъ лицомъ, возвращается домой.

Шелъ онъ три дня и три ночи и встрѣтилъ рыбу; она его ждала съ нетерпѣніемъ и, какъ только увидѣла, тотчасъ-же спросила: „Ну, что?“

Шейдулла передалъ рыбѣ совѣтъ Аллаха и хотѣлъ уйти.

— „Добрый человѣкъ!“ остановила его рыба, „вынь у меня изъ горла этотъ проклятый камень—и меня освободишь, и самъ разбогатѣешь!“

— „Нѣтъ, не нужно мнѣ твоего богатства, мнѣ самъ Аллахъ дастъ!“ сказала Шейдулла и пошелъ дальше.

Шелъ Шейдулла три дня и три ночи и встрѣтилъ яблоню.

Яблоня, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, увидѣвъ его, вся затрепетала отъ волненія и только могла воскликнуть: „Ну, что?“

Шейдулла передалъ яблонѣ совѣтъ Аллаха и повернулся, чтобъ идти дальше.

— „Доведи-же до конца свою помощь, добрый человекъ, остановила его яблоня, вырой изъ-подъ меня кувшинъ, встави, и самъ разбогатѣешь!“

— „Нѣтъ, не нужно мнѣ твоего богатства—мнѣ самъ Аллахъ поможетъ, моя надежда возложена исключительно на Него!“ сказалъ Шейдулла и пошелъ дальше.

Опять шелъ онъ три дня и три ночи и встрѣтилъ, наконецъ, волка. Онъ тоже ждалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Шейдуллы, потому, какъ только увидѣлъ его, тотчасъ-же спросилъ: „Скажи скорѣе, какую мнѣ милость посылаетъ Аллахъ?“

Шейдулла передалъ также и волку совѣтъ Аллаха. Обрадованный волкъ горячо благодарилъ его; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучимый волчьимъ любопытствомъ, просилъ его подробно разсказать ему все, что онъ видѣлъ и слышалъ на дорогѣ.

Шейдулла подробно разсказалъ волку свои встрѣчи съ яблоней, рыбой и съ Аллахомъ.

Волкъ еще больше обрадовался, кинулся на Шейдуллу, повалилъ его и сталъ терзать, приговаривая:

— „Клянусь Аллахомъ и Великимъ Пейгамберомъ, ужъ глуше тебя никого не могу найти на цѣломъ свѣтѣ!“

Такимъ образомъ, глупый Шейдулла сдѣлался жертвою неблагодарнаго волка.

Сообщилъ имѣющій званіе городского
учителя **Александръ Калашевъ.**

Г. Шемаха.
1888 г.

АНЕКДОТЫ ШЕМАХИНСКИХЪ АРМЯНЪ.

О Керкенджцахъ.

Жители селенія Керкенджъ, отстоящаго въ шести верстахъ къ югу отъ города Шемахи, армяне—нынѣ народъ вполне благоразумный, встарину пользовались репутаціей людей глупыхъ, неразвитыхъ, грубыхъ и вполне невѣжественныхъ. Народная фантазія постоянно выводила ихъ, въ своихъ анекдотахъ, въ роляхъ комическихъ героевъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ:

1. Живой кебабъ.

Керкенджецъ Маркосъ, человекъ крайне-обжорливый, пошелъ въ городъ продавать вѣники. Продавъ выгодно вѣники, Маркосъ купилъ въ татарской харчевнѣ на три копейки кебаба, завернулъ его въ лавашъ и пошелъ въ свою деревню. На дорогѣ, онъ сѣлъ у одного родника и сталъ ѣсть свой кебабъ. Вдругъ, одинъ кебабъ выпалъ изъ его рукъ и повалился въ воду. Недолго думая, Маркосъ засучилъ рукава и сталъ обѣими руками искать его въ водѣ и въ тинѣ, образовавшейся у родника. Послѣ долгихъ поисковъ, нашъ Маркосъ поймалъ живую лягушку, преспокойно положилъ ее въ ротъ и сталъ жрать. Несчастливая лягушка, конечно, квакала и пицала. А Маркосъ былъ безпощаденъ—жралъ себѣ, да еще приговаривалъ:

— „Пищи, сколько угодно, голубушка, я за тебя деньги заплатилъ, не могу-же даромъ ихъ бросить!“

2. Арбузь-яйцо.

Однажды, Киракосъ, житель деревни Керкенджъ, вдобавокъ, старшина, пошелъ, по служебнымъ дѣламъ въ городъ. Увидѣвъ у одной татарской лавки гору арбузовъ, онъ остановился въ изумленіи и спросилъ хозяина:

— „Что это такое?“

— „Это, достумъ, ешачьи яйца!“ отвѣтилъ ему хозяинъ.

— „Какъ такъ ешачьи яйца? значить, изъ нихъ выходить маленькіе ешачки!“ изумился еще больше Киракосъ.

— „Да, конечно, еще какіе!“ проговорилъ, едва удерживаясь отъ смѣха, татаринъ.

Киракосъ, за тройную цѣну, купилъ одинъ большой арбузь и пошелъ въ деревню.

На дорогѣ, онъ остановился за нуждой, и арбузь положилъ на землю; мѣсто было покатое, и, вдругъ, арбузь покатился и, ударившись о какой-то кустъ, растрескался; а въ то-же самое время, изъ-подъ того-же самага куста, выбѣжалъ испуганный заяцъ. Киракосъ, принявъ зайца за вылупившагося ешачка, побѣжалъ за нимъ, чтобы поймать его, не переставая кричать:

— „Күри *), күри, я твой хозяинъ! күри, күри, я твой хозяинъ!“

Но заяцъ бѣжалъ безъ оглядки, а бѣдный Киракосъ за нимъ. Долго и безуспѣшно промучавшись, ужъ поздно вечеромъ, усталый, вернулся онъ въ себѣ домой и рассказалъ все женѣ.

Жена, поплакавъ немного о потерѣ ешачка, сказала:

— „Да, жаль, очень жаль, Киракосъ! а то я на будущее воскресенье поѣхала бы на немъ въ монастырь—подѣловать руку вартапета **).“

---

*) Күри—ешачекъ. *Прим. Соб.*

***) Вартапетъ—архимадрить, управляющій, обыкновенно, какому-нибудь монастыремъ. *Прим. Соб.*

Киракосъ, и безъ того взбѣшенный потерей, вскочилъ и сталъ лупить дубиной жену, приговаривая:

— „Ахъ ты, сатанинская дочь! въ вась, бабахъ, совѣсти, жалости нѣтъ—да ты сама не знаешь развѣ, что ешачекъ былъ еще очень молодой, и ты могла бы ему сломать спину.“

И Киракосъ пересталъ бить жену только тогда, когда она отказалась отъ намѣренія ѣздить на ешачкѣ и сказала, что пойдетъ въ монастырь поцѣловать руку вартапета пѣшкомъ.

3. Кто выше?..

Разъ, Вартанъ пошелъ осмотрѣть свои поля, и увидѣлъ тамъ случайно забредшаго верблюда. Невольно сталъ онъ, въ головѣ своей, сравнивать его съ своимъ быкомъ и нашелъ, что быкъ гораздо выше верблюда, и, какъ-бы желая доказать свою мысль фактически, поднялъ ногу и сѣлъ на него.

А верблюдъ, вѣроятно, понявъ мысль Вартана, оскорбился, и, желая доказать ему, что онъ горько ошибается, поднялся на ноги и побѣжалъ въ степь къ своему хозяину.

Вартанъ былъ пораженъ отъ страха: слѣзть съ такой высоты ему казалось невозможнымъ, тѣмъ больше, что верблюдъ бѣжалъ. Обернувшись назадъ, онъ замѣтилъ, что Кервенджъ остался далеко позади, и, наконецъ, совсѣмъ скрылся изъ виду. А верблюдъ бѣжить, да бѣжить себѣ. Сталъ; наконецъ, Вартанъ просить верблюда, умолять его, чтобы тотъ на минуту остановился, сѣлъ, и тѣмъ далъ ему возможность слѣзть съ него; онъ даже обѣщалъ подарить ему три батмана ячменя и двѣ тунги вина; но верблюдъ былъ непоколебимъ, и продолжалъ бѣжать. Вартанъ, ни живъ—ни мертвъ, вцѣпился въ горбъ верблюда и умоляюще смотрѣлъ по сторонамъ, какъ будто вусты могли ему помочь. Наконецъ, его лицо просіяло—онъ увидѣлъ на дорогѣ татарина, идущаго къ нему навстрѣчу. Еще издалека Вартанъ не своимъ голосомъ сталъ просить татарина освободить его изъ этого положенія. Татаринъ по-

жалѣлъ его, и, когда поровнялся съ верблюдомъ, то крикнулъ на него — „ійхъ“ (сядь)! Верблюдь тотчасъ-же остановился и сѣлъ. Вартавъ, внѣ себя отъ радости, слѣзь и обратился къ верблюду съ упрекомъ:

— „Ахъ ты, безсовѣстный! если дѣло стояло за однимъ только ійхомъ, то зачѣмъ ты не сдѣлалъ ійхъ около нашей деревни: теперь мнѣ сколько придется итти пѣшеомъ!“

Потомъ Вартавъ сталъ горячо благодарить татарина за освобожденіе и, обѣщавъ послать ему за это три тунги вина, весело побѣжалъ домой, въ деревню.

4. Хитрый туманъ.

Въ одинъ дождливый годъ, въ Керкенджѣ, виноградъ долго не созрѣвалъ. Ужъ наступилъ конецъ сентября, а онъ все еще былъ кислый. Небо все время было покрыто тучами, и стоялъ густой туманъ. Безъ сомнѣнія, туманъ замедлялъ созрѣваніе винограда; это знали также и Керкенджцы. Вотъ, однажды, всѣ они собрались на совѣщаніе и рѣшили прогнать туманъ.

Всѣ Керкенджцы, съ дубинами, во главѣ съ попомъ, который, вмѣсто дубины, взялъ ярмо, пошли въ поле и стали безпощадно колотить по туману. Долго Керкенджцы колотили, долго били врага, а туманъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ себѣ, такой-же густой, какъ и всегда, и не думаетъ убираться. Ужъ всѣ успѣли устать, даже вспотѣли, а успѣха никакого не видать. Наконецъ, сѣли отдохнуть и стали обсуждать, чему приписать упрямство тумана? Въ это время, кто-то изъ нихъ замѣтилъ дырочки на ярмѣ попа; узнавъ объ этомъ, всѣ вскочили и давай лупить попа!

— „Вѣчно ты намъ напакастишь, провлятый поппъ!“ приговаривали Керкенджцы: „то-то мы удивляемся, отчего-бы туману не исчезнуть, когда мы его столько бьемъ, а это онъ, черезъ дырки твоего ярма, возвращается назадъ каждый разъ, какъ намъ удавалось его прогнать.“

Чуть не до смерти избили несчастного попа, и, наконецъ, только тогда перестали, когда вспомнили, что никто не соглашался поступить въ ихъ деревню попомъ, исключая этого несчастнаго. Всего избитаго понесли его на рукахъ въ деревню и сдали на руки попадѣ.

5. Въ поиснахъ за дровами. . .

Какъ-то Керкенджцы, во главѣ съ попомъ, пошли въ лѣсъ за дровами. Дорогой, они заспорили, чей топоръ острѣе? Попъ доказывалъ, что его топоръ, какъ топоръ *теръ-терскій* (священнической), гораздо острѣе топоровъ всѣхъ остальныхъ; другой-же доказывалъ, что, напротивъ, его топоръ, какъ топоръ мужицкій, острѣе попова топора; третій восхвалялъ свой топоръ, четвертый свой, словомъ, каждый изъ нихъ горячо настаивалъ на преимуществахъ своего топора, и поднялся между ними шумъ и гвалтъ; но спора, все-таки, никакъ не могли рѣшить, такъ-какъ никто не хотѣлъ уступить другому.

Въ это время, подъѣзжалъ къ нимъ, навстрѣчу, татаринъ, верхомъ на кобылицѣ, съ жеребенкомъ. Керкенджцы обратились къ татарину съ просьбой разрѣшить ихъ споръ. Татаринъ согласился и взялъ топоръ сперва у одного, осмотрѣлъ, похвалилъ и положилъ къ себѣ въ хурджинъ *), потомъ взялъ топоръ у другого, у третьяго и т. д., до послѣдняго; когда-же онъ замѣтилъ, что больше ни у кого не осталось топора, то стегнулъ свою кобылицу и ускакалъ, увезя съ собой ихъ топоры. Такая безчестность татарина глубоко возмутила Керкенджцевъ, и они погнались за нимъ; догнать татарина они не догнали, но имъ удалось поймать его жеребенка.

— „Но какъ удержать его—онъ можетъ убѣжать за матерью, если оставить его такъ!“ думали Керкенджцы.

Послѣ долгаго раздумья, они рѣшили снять съ себя всю

*) Хурджинъ—сумка. *Прим. Соб.*

одежду и навьючить ею жеребенка—тогда ему будетъ тяжело, и онъ убѣжать, моль, не можетъ. Такимъ образомъ, всѣ они очутились совершенно голыми, исключая только попа, который оставилъ на себѣ шаровары.

Жеребенокъ, хотя и навьюченный одеждою, не почувствовалъ, однако, себя лишеннымъ возможности побѣжать за матерью, какъ то предполагали Керкенджцы, и, какъ только его пустили, онъ тотчасъ-же поскакалъ, и, притомъ, на этотъ разъ такъ шибко, что Керкенджцы никакимъ образомъ не могли его поймать.

Итакъ, Керкенджцы лишились и топоровъ, и одежды. Они всѣ страшно горевали, но попу горевать не особенно, и видно было, что, хотя незамѣтно, но онъ посмѣивается надъ своими прихожанами. Прихожане обратили на это вниманіе, и, вдругъ, замѣтили, что попу своихъ шароваровъ вовсе не снималъ.

— „Такъ вотъ отчего жеребенку не было тяжело, и онъ ускакалъ!“ навинулись они съ кулачищами на бѣднаго попа: „сними и ты свои шаровары, треклятый попу, не убѣжалъ-бы жеребенокъ.“

Несчастнаго попа лупили до тѣхъ поръ, пока не устали. А, между тѣмъ, попу, послѣ этихъ побоевъ, чувствовалъ себя не особенно плохо—онъ переносилъ отъ Керкенджцевъ еще и не такіе побои, а на этотъ разъ, спасибо, у нихъ дубья не было!

Успокоившись, Керкенджцы задумались. Нельзя-же было, въ самомъ дѣлѣ, возвратиться имъ домой безъ топоровъ, безъ одежды, да, вдобавокъ, еще безъ дровъ! Поэтому они рѣшили, все-таки, кое-какъ, достать дровъ, и пошли въ лѣсъ.

За неимѣніемъ топоровъ, Керкенджцамъ, конечно, надо было придумать другое средство добыть дрова; вотъ они и придумали: на вершинѣ одного холма стояло молодое деревцо, такъ они рѣшили схватиться за это деревцо руками и тянуть его до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ съ корнемъ. За де-

ревцо схватился первымъ пошь, за попа другой, за другого третій, за третьяго четвертый и т. д., и, такимъ образомъ, образовали цѣпь. Вотъ они тянуть, тянуть, а вытянуть никакъ не могутъ. Въ это время, попа въ затылокъ укусилъ комаръ, и онъ, съ цѣлью убить его, отнялъ руки; какъ только онъ отнялъ руки, всѣ остальные, моментально, очутились на двѣ оврага, подъ холмомъ.

А вышли-ли они оттуда, или навсегда остались тамъ, этого до сихъ поръ еще достовѣрно неизвѣстно; но хорошо извѣстно только то, что попадью въ трауръ никто не видѣлъ.

Сообщилъ имѣющій званіе городского
учителя Александръ Калашевъ.

Г. Шемаха.
1888 г.

ИСТОРИЯ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДВУХ ТАТАРСКИХЪ СВАТЫНЪ.

1. Святой кувшинъ.

Въ настоящее время, въ г. Шемахѣ, недалеко отъ сунитскаго Джаами *), на большомъ базарѣ, прохожій видитъ подслѣповатаго татарина-старика, лѣтъ семидесяти. Его зовутъ Пирь-Гуліемъ. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ торгуетъ черною нефтью. У Пирь-Гулія былъ старшій братъ, по имени Гусейнъ, который недавно умеръ. Гусейнъ былъ боленъ какою-то психической болѣзнью (называемою у татаръ *севдан*), состоявшей въ томъ, что онъ, по временамъ, обсновался и убѣгалъ за городъ, гдѣ день, другой разъ—два, три, шлялся, а потомъ опять возвращался домой вполне здоровый, но разстроенный и очень блѣдный.

У Пирь-Гулія нефть хранится въ глиняныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю, а одинъ изъ кувшиновъ зарытъ въ деревянной будкѣ. Вотъ о послѣднемъ-то кувшинѣ и будетъ рѣчь.

Двадцать одинъ годъ тому назадъ, т. е., въ 1867 году, Гусейнъ и Пирь-Гули, однажды, получили изъ г. Баку транспортъ нефти, въ мѣхахъ, навьюченныхъ на верблюдовъ (обычная въ то время перевозка нефти). Такъ-какъ уже стемнѣло, когда привезли нефть, то полные мѣха на ночь оставили въ одной

*) Джаами—большая мечеть, въ которую мусульмане собираются для молитвы разъ въ недѣлю, въ день *джумаи* (въ пятницу). *Прим. Ред.*

порожней лавкѣ, съ тѣмъ, чтобы утромъ ихъ опорожнить. Караулить, ночью, мѣха съ нефтью остался Гусейнъ; перевозчики-же, доставившіе нефть, ушли ночевать, съ своими верблюдами, за городъ.

Гусейнъ проснулся до разсвѣта, когда еще никого на базарѣ не было; желая покончить съ работой до прихода своего брата изъ дому, Гусейнъ взялся одинъ опорожнить мѣха. Онъ уже до-верху наполнилъ одинъ кувшинъ, какъ съ нимъ началось его обычное бѣснованіе, и онъ, швырнувъ далеко отъ себя порожніе мѣха, убѣжалъ, по обыкновенію, за городъ.

Нефть, налитая въ кувшинъ до-верху, покрылась пѣной и, какъ будто, пришла въ броженіе—шипѣла, даже выливалась съ краевъ.

Въ это время, нѣсколько татаръ шли на работу; они замѣтили этотъ кувшинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, они хорошо знали, что у Пиръ-Гулія вся нефть вышла, и покупатели, въ послѣдніе пять-шесть дней, уходили отъ него съ пустыми руками, а о новой получкѣ нефти изъ Баку они ничего не знали. Эти татары окружили кувшинъ и подняли шумъ, крикъ, звали татаръ-шітговъ на поклоненіе новому „пиру“ (святынѣ); они думали, что кувшинъ наполняется самъ собою, силою новаго „пира.“ Со всѣхъ сторонъ собрались татары, и ужъ, безъ всякаго разсужденія, повѣрили словамъ первыхъ и, съ своей стороны, подняли шумъ и гвалтъ; громко читали молитвы и кричали— „Бисмиллахъ-рахманъ-рахимъ!“

Появился, наконецъ, хозяинъ кувшиновъ—Пиръ-Гули. Всѣ бросились къ нему съ поздравленіями, всѣ его цѣловали, обнимали, звали *служителемъ святыхъ* (съ того времени онъ и называется Пиръ-Гуліемъ: пиръ—*святыхъ*; гули—*рабъ*, или *служитель*; до того времени онъ просто назывался Гули). Словомъ, вѣра въ святость этого кувшина дошла у татаръ до религіознаго экстаза, до бѣснованія.

Гули, человекъ довольно смышленный, тотчасъ-же смек-

нулъ, въ чемъ дѣло, и самъ, со своей стороны, сталъ бѣсноваться; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постарался скрыть обстоятельства, могущія привести татаръ въ сомнѣніе; т. е., совсѣмъ скрылъ мѣха, и, подъ предлогомъ отыскать брата своего Гусейна, пошелъ за городъ и тамъ-же, на мѣстѣ, расплатился съ верблюжниками *).

Гусейнъ, къ вечеру, пришелъ въ себя, и вернулся на базаръ къ брату; тотъ тоже смекнулъ, въ чемъ дѣло, смолчалъ и, въ свою очередь, сталъ бѣсноваться.

Общими средствами, татары построили деревянную будку надъ святымъ кувшиномъ. Со всѣхъ сторонъ Шемахинскаго уѣзда, и, даже, изъ Баку и изъ другихъ городовъ, начали стекаться татары-шиты, кто—просто на поклоненіе новому „*пирю*“, кто съ цѣлью выгвѣчиться, кто съ цѣлью вымолить ребенка, жениха и т. д..

Гусейну и Пиръ-Гулію это было на-руку, такъ-какъ, имъ, какъ служителямъ, а, отчасти, и хозяевамъ „*пиря*“, приносились богатые подарки и деньгами, и натурой.

Наконецъ, мѣстная полиція обратила вниманіе на это неосновательное увлеченіе татаръ-шитовъ, и приняла мѣры къ разубѣжденію ихъ въ святости Пиръ-Гуліевскаго нефтяного кувшина. Полицейскіе чины вылили изъ святого кувшина всю нефть и объявили татарамъ, что, если онъ наполнится нефтью самъ собой, то они тоже готовы будутъ признать этотъ „*пиръ*“ и уважать его права, въ противномъ-же случаѣ, начальство не признаетъ святости кувшина, и запретить поклоненіе ему. При этомъ, конечно, они не забыли поставить на нѣсколько дней у кувшина стражу, чтобы хозяева не могли, тайкомъ, его наполнить.

До появленія же полиціи, Пиръ-Гули, по ночамъ, тайкомъ, доливалъ кувшины.

Кувшинъ, разумѣется, остался пустымъ.

*) Верблюжакъ—погонщикъ верблюдовъ: провинціализмъ. *Прим. Ред.*

Однако, татары нисколько не разубѣдились въ святости кувшина, даже тогда, когда сами убѣдились, что онъ не наполняется. Они это объясняютъ тѣмъ, что „*пиръ*“, вслѣдствіе вмѣшательства „*ягуровъ*“ въ его дѣла, разсердился, и приостановилъ свои дѣйствія.

Но, съ теченіемъ времени, новый „*пиръ*“ нѣсколько потерялъ свое значеніе, и теперь ужъ немало татаръ, которые сомнѣваются въ святости Пиръ-Гуліевскаго нефтянаго кувшина.

II. Могила „Пира“.

Одинъ кочевникъ-татаринъ, Гаравалинскаго сельскаго общества, Ханчобанскаго приставства, Шемахинскаго уѣзда, приблизительно, въ шестидесятыхъ годахъ, имѣлъ необыкновенно-хорошаго пса. Вообще, собаки, составляя крайнюю необходимость кочевой жизни, цѣнятся кочевниками очень дорого, а, тѣмъ болѣе, хорошія собаки, за которыхъ иногда даютъ нѣсколько лошадей, да и то не берутъ.

Такъ этотъ кочевникъ-татаринъ любилъ и холилъ своего пса пуще глазъ.

Наступила весна. Всѣ кочевники перекочевывали изъ *кишлаговъ* (зимнихъ пастбищъ) на *ейлаги* (лѣтнія пастбища). Между прочими, перекочевывалъ и нашъ татаринъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, стадами, табунами и собаками. На дорогѣ, заболѣвъ, околѣлъ его любимый песъ. Татаринъ, желая почтить память любимаго пса, не захотѣлъ бросить его трупъ на съѣденіе волкамъ, и, потому, вырвавъ на краю дороги могилу, похоронилъ его; а, чтобы отмѣтить эту могилу чѣмъ-нибудь, онъ воткнулъ въ нее свѣжую вѣтку ивы. Похоронивъ, такимъ образомъ, своего пса, татаринъ продолжалъ свою кочевку и поселился на лѣто въ горахъ.

Наступила осень. Кочевники обратно перекочевывали на *кишлаги*, а съ ними и нашъ татаринъ. Когда онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ былъ похороненъ его песъ, его

взорамъ представилась слѣдующая картина: ивовая вѣтвь, вотнутая имъ въ могилу собаки, вслѣдствіе обильныхъ весеннихъ дождей, принялась, дала побѣги и превратилась въ деревцо. Около могилы-же, онъ нашелъ большое стеченье народа, пришедшаго сюда на поклоненіе новому „*ниру*“; тутъ были и женщины, и мужчины, и дѣти, и больные, и здоровые; одни рѣзали барановъ въ жертву „*ниру*“, другіе читали молитвы, цѣловали землю на могилѣ, поклонялись ей; словомъ, какъ водится, пришли къ „*ниру*“, каждый, съ какою-нибудь просьбой.

Татаринъ нашъ, въ недоумѣніи, подошелъ къ нимъ и спросилъ, почему они собрались сюда. Ему отвѣтили, что открыли новаго „*нира*“, что эта могила святого, и ива, сама собою, безъ участія человѣка, выросла на его могилѣ.

Виновникъ этого заблужденія, желая разубѣдить своихъ единовѣрцевъ въ святости собачьей могилы, рассказалъ имъ все, какъ оно случилось.

Не успѣлъ онъ кончить свой рассказъ, какъ всѣ бывшіе тутъ татары бросились и изрубили его винжалами за его святотатство. Вскорѣ, однако, этотъ новый „*нирз*“ также потерялъ свое значеніе, и, въ послѣдніе годы, о немъ ничего не слыхать.

Сообщилъ имѣющій званіе городского
учителя Александръ Калашевъ.

Г. Шемаха.
1888 годъ.

АРМЯНСКІЯ СКАЗКИ,

записанныя въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи.

I. Шахъ-Исмаиль *).

Нѣкоторымъ государствомъ управлялъ Асланъ-паша. Онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ государей своего времени. Долгое время Асланъ-паша и его жена не имѣли дѣтей, что очень печалило супруговъ, и хотя они употребляли всевозможныя старанія произвести ихъ на Божій свѣтъ, для чего прибѣгали къ помощи разныхъ знахарей, дервишей, и пр., но ничто не помогало. У нихъ, сказать къ слову, съ давнихъ поръ, была прекрасная кобылица, которая была также лишена способности производить потомство.

Разъ, Асланъ-паша, взявъ жену, въ сопровожденіи свиты, ближнихъ родственниковъ и прислуги, отправился на прогулку въ поле. Царица ѣхала на прекрасной кобылицѣ. Приѣхавъ на поле, они расположились недалеко отъ холоднаго родника, гдѣ устроенъ былъ фонтанъ. Когда царица приблизилась къ фонтану, изъ него выпали два яблока, съ зелеными, свѣжими листьями. Это происходило осенью. Асланъ-паша съ женою съѣли эти яблоки, а кожицу отъ нихъ, вмѣстѣ съ

---

*) Для сравненія см. сказки, напечатанныя въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“: „Шахъ-Исмаиль“ Вып. III. Отд. II. Стр. 131—134 и „Сказка о прекрасной царевнѣ“ Вып. VI. Отд. II. Стр. 124—140.

Прим. Ред.

листьями, дали кобылицѣ. Съ этого дня царица сдѣлалась беременной.

Черезъ определенное время, она благополучно разрѣшилась, и родила сына, котораго прозвали Шахъ-Исмаиломъ; кобылица также произвела жеребенка, котораго назвали „Гръ-атомъ“. (?)

Какъ только мать отняла Шахъ-Исмаила отъ груди, ему отвели особую квартиру, приставили къ нему специально лялю *), который ухаживалъ за нимъ и не выпускалъ его ни на дворъ, ни на улицу. Мальчикъ не видалъ не только постороннихъ людей, но даже своихъ родителей. Когда ему минуло 5—6 лѣтъ, для него наняли учителя, который ходилъ обучать его грамотѣ, а, затѣмъ, уходилъ къ себѣ домой. По повелѣнію Асланъ-паши, дядька приносилъ мальчику кушанья, предварительно очистивъ мясо отъ костей, такъ-что Шахъ-Исмаилъ никогда и не видалъ ихъ. Разъ, какъ-то, дядька не здоровилось, и, онъ, не сообщивъ о своей болѣзни Асланъ-пашѣ, тайкомъ, попросилъ одного изъ товарищей отнести Шахъ-Исмаилу пищу; послѣдній исполнилъ порученіе дядьки, но только забылъ очистить отъ костей мясо. Шахъ-Исмаилъ, увидѣвъ дивовину, всесторонне осмотрѣлъ кость и бросилъ ея въ стекло окна; стекло разбилось, и лучи солнца попали въ комнату. Нужно замѣтить, что оконныя стекла были окрашены такъ, что севозъ нихъ нельзя было ничего видѣть. Увидѣвъ Божій свѣтъ, Шахъ-Исмаилъ, черезъ окно, высочилъ на улицу, гдѣ онъ увидѣлъ массу дѣтей; нѣкоторыя изъ нихъ играли, инныя шли за дѣломъ, многія плясали и т. п.. Когда настало время прихода учителя, царевичъ вернулся домой. Учитель замѣтилъ перемѣну въ Шахъ-Исмаилѣ, замѣтилъ также и разбитое стекло. Шахъ-Исмаилъ, всегда скромный и занятый своими уроками, какъ только показался учитель, первымъ долгомъ просилъ его зайти къ родителямъ его и выпросить, чтобы они дозволили ему выходить на свободу, дышать чистымъ воз-

*) Ляля—по-татарски—дядька. *Прим. Соб.*

духомъ и наслаждаться природой, какъ это позволяется всѣмъ другимъ дѣтямъ, причеиъ прибавиль:

— „Вѣдь, я не убійца, кражи не совершалъ, ни въ чемъ не провинился? зачѣмъ-же меня посадили въ комнату и не позволяютъ видѣть Божьяго свѣта?“

Дѣлать было нечего, учитель отправился къ Асланъ-пашѣ и доложилъ обо всемъ. Отецъ согласился на просьбы сына, устлалъ дворецъ драгоцѣнными коврами, паласами, словомъ, обставиль его роскошно. Когда явился приглашенный Шахъ-Исмаиль, отецъ повелъ его по всѣмъ комнатамъ дворца, но не ввелъ его лишь въ одну комнату, запертую на-замокъ. Сколько ни умоляль Шахъ-Исмаиль показатъ таинственную комнату, отецъ долго оставался непоколебимымъ, и не отпиралъ дверей этой комнаты. Наконецъ, онъ уступиль желанію сына, и, какъ только отперли двери, Шахъ-Исмаилу бросились въ глаза три роскошныя картины, изображавшія трехъ красавицъ. Съ этого времени онъ влюбилься въ нихъ, и объявилъ отцу, что, во что бы то ни стало, онъ долженъ жениться на этихъ красавицахъ. Отецъ сталъ совѣтовать сыну бросить эту мысль, говоря, что онъ тоже желалъ обладатъ этими красавицами, изъ-за чего потеряль много войска, почти было разорилься, а, все-таки, не могъ овладѣть ими. Куда-же ему, Исмаилу, еще мальчику, добиться обладанія ими!

Послѣ этого, Шахъ-Исмаиль выразиль желаніе поѣхать на прогулку. По приказанію отца, привели ему „Гръ-ата“, и онъ, въ сопровожденіи дядьки, выѣхаль изъ дому. Не далѣко проѣхали они отъ дворца, какъ встрѣтили джейрана. Исмаиль долго гнался за нимъ, наконецъ, джейранъ скрылся въ кибиткахъ нѣкоего Неймать-бега, жившаго въ государствѣ Асланъ-паша. Вслѣдъ за джейраномъ входитъ въ кибитку и Шахъ-Исмаиль, и что-же видить? Въ кибитеѣ сидитъ чудная красавица, красоту которой можно, развѣ, описать только въ сказкахъ. Тотчасъ-же Шахъ-Исмаиль и *Гюлизара* (такъ зва-

ли красавицу) падаютъ въ обморокъ. Чтобы привести ихъ въ чувство, имъ подали по чашкѣ воды, но и въ поданной водѣ каждому изъ влюбленныхъ рисовался образъ владыки сердца, т. е., Шахъ-Исмаиль видѣлъ Гюлизару, а она его. Когда Шахъ-Исмаиль вернулся домой, онъ объявилъ отцу, что хочетъ жениться на Гюлизарѣ: она оказалась одною изъ тѣхъ трехъ красавицъ, портреты которыхъ онъ, Шахъ-Исмаиль, видѣлъ въ таинственной комнатѣ отца. По уходѣ сына, Асланъ-паша, въ волненіи, вызываетъ къ себѣ Неймать-бека и говорить ему:

— „Пока сынъ мой проснется, ты долженъ взять изъ деревни свою дочь и скрыть, чтобы онъ съ нею больше не могъ встрѣтиться, въ противномъ случаѣ ты лишишься головы.“

Желаніе Асланъ-паши немедленно, точь-въ-точь, было исполнено: Неймать-бекъ, съ семействомъ и имуществомъ, покинулъ свою родину, и отправился въ чужой край. Не успѣли они проѣхать и пяти верстъ отъ того мѣста, гдѣ жили столь долгое время, какъ Гюлизара объявляетъ отцу, что она позабыла дома свой ножикъ, и потому должна возвратиться за нимъ. Зная, что Шахъ-Исмаиль непременно станетъ разыскивать её, Гюлизара оставляетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они наканунѣ встрѣтились, свой перстень и записку, въ которой, увѣряя его въ своей любви, также сообщала, что родители не желаютъ выдать её за него замужъ, да и отецъ ея, Асланъ-паша, противъ этого союза. Записка заканчивалась словами:

— „Не забудь меня, иначе оставайся должникомъ предъ Богомъ.“

Оставивъ записку, подъ камнемъ, такъ, чтобы можно было замѣтить её, Гюлизара поспѣшила догнать родителей.

Въ то время, когда Неймать-бекъ былъ у Асланъ-паши, Шахъ-Исмаиль спалъ, потому и ничего не могъ знать о случившемся. Утромъ, проснувшись, ничего не говоря отцу и не теряя времени, Шахъ-Исмаиль поѣхалъ въ Неймать-беку, но,

къ его несчастью, на мѣстѣ вибитокъ уже ничего не было; казалось, что все какъ-бы провалилось сквозь землю. Съ горя Шахъ-Исмаиль пѣлъ „*баяти*“ (грустная, траурная пѣсня), плакалъ и, какъ бѣшенный, ходилъ взадъ и впередъ; наконецъ, подъ камнемъ, онъ увидѣлъ перстень и записку. Находка эта, нѣсколько, его обрадовала; онъ, съ трепетомъ сердца, прочелъ письмо, и тотчасъ отправился разыскивать свою возлюбленную Гюлизару. Проѣхавъ немного, Шахъ-Исмаиль встрѣтилъ на дорогѣ великолѣпную крѣпость, съ прекрасными зданіями и высокими башнями. Онъ полагалъ, что его прекрасная Гюлизара, по всей вѣроятности, находится въ этой крѣпости. Но сколько ни вертѣлся вокругъ крѣпости Шахъ-Исмаиль, а прохода въ неѣ не нашелъ. Наконецъ, въ изступленіи, онъ ударилъ одну изъ стѣнъ крѣпости саблей, и стѣна развалилась; потомъ онъ ударилъ своего „*Гръ-ата*“ по крутымъ бедрамъ, и тотъ, несмотря на громадную высоту развалившейся стѣны, перепрыгнулъ чрезъ неѣ, и очутился въ крѣпости. Въ это время, на балконѣ, стояла красавица *Паришана*, которая, увидѣвъ Шахъ-Исмаила, спросила, кто онъ, и какъ осмѣлился ворваться въ крѣпость? Шахъ-Исмаиль такъ былъ растерянъ, что принялъ красавицу за любимую Гюлизару, почему и отвѣчалъ, что пріѣхалъ жениться на ней. Паришана отвѣтила ему:

— „Развѣ ты не боишься моихъ семи братьевъ? если желаешь жениться на мнѣ, иди, предварительно, повидайся съ ними; вонъ, они воюютъ на той горѣ; безъ согласія-же ихъ я не могу выйти замужъ.“

Шахъ-Исмаиль любезно поклонился ей и поторопился на мѣсто битвы. Подѣвжая къ горѣ, Шахъ-Исмаиль видитъ, что, съ одной стороны, стоитъ цѣлое войско, а, съ другой, только пять братьевъ, и оволо нихъ лежатъ трупы двухъ убитыхъ братьевъ. Подскакавъ ближе, Шахъ-Исмаиль воскликнулъ:

— „Смотрю на войска, ихъ больше, чѣмъ звѣздъ; изъ семи братьевъ—двое убиты. Боже, окажи мнѣ помощь!“

Послѣ этого, онъ подходитъ въ братьямъ Паришаны и предлагаетъ, чтобы они стали подальше: онъ одинъ будетъ воевать и истребить все непріятельское войско. Девы *), братья Паришаны, стали насмѣхаться надъ нимъ, говоря:

— „Что ты за великанъ! мы съ этимъ войскомъ ничего не могли сдѣлать,—даже убито два нашихъ брата; ты-же одинъ хочешь побѣдить ихъ? Что ты смѣешься надъ нами?“

Но Шахъ-Исмаилъ кротко попросилъ ихъ немного постоять и посмотреть, что произойдетъ. Они уступили желанію Шахъ-Исмаила, хотя не безъ насмѣшки.

Шахъ-Исмаилъ, мигомъ, поскакалъ на „Гръ-ать“ въ войскамъ, истребилъ ихъ всѣхъ и, съ пятью братьями-девами, возвратился въ крѣпость Паришаны. Самый младшій братъ, увидѣвъ развалившуюся стѣну, съ досадою говоритъ сестрѣ:

— „Мы воевали и истребили много войска изъ-за тебя, изъ-за тебя-же двое нашихъ братьевъ убито, а ты приводишь къ себѣ любовниковъ!“

Тогда Шахъ-Исмаилъ сознался, что это онъ разрушилъ стѣну своею саблею.

— „Если такъ, мы нашу красавицу-сестру выдаемъ за тебя!“ въ одинъ голосъ отвѣтили братья-девы.

Шахъ-Исмаилъ согласился, но съ условіемъ, предварительно, найти свою любимую Гюлизару, и, простившись съ ними, поѣхалъ дальше. Долго онъ ѣхалъ; наконецъ, дорога раздѣлилась, и онъ, послѣ нѣкотораго раздумья, избралъ дорогу съ лѣвой стороны. По дорогѣ, Шахъ-Исмаилъ встрѣтилъ множество путешественниковъ, которые, узнавъ, изъ разговора съ нимъ, о его намѣреніи, стали уговаривать его вернуться, говоря, что его убьютъ, если онъ продолжитъ путь по этой дорогѣ. Шахъ-Исмаилъ хотѣлъ было уже уступить ихъ совѣту

*) Иначе—дьявы—богатыри. Прим. Соб.

—поѣхать по другой дорогѣ, направо, но гордость взяла верхъ, и онъ продолжалъ свой путь. Дѣйствительно, скоро подтвердилось, что дорога, по которой ѣхалъ Шахъ-Исмаилъ, опасна: онъ встрѣтилъ эту опасность въ лицѣ дѣвушки-великанши, по имени Арабъ-Занги. Прошедшее этой великанши, которой страшился чуть-ли не весь свѣтъ, было таково:

Когда Арабъ-Занги было еще три года отъ-роду, она попросила у своей матери, когда та мѣсила тѣсто, хлѣба; мать отвѣтила, что хлѣба пока нѣтъ, а потому она, дѣвчонка, можетъ и пообжидать.

Арабъ-Занги, разсердившись, однимъ ударомъ кулака убила свою родную мать. Тогда отецъ, вида, что не-сегодня—завтра тоже самое можетъ сдѣлать дочь и съ нимъ, чтобы отдѣлаться отъ нея, беретъ ее въ лѣсъ и оставляетъ здѣсь на произволь судьбы. Дѣвочка стала жить въ лѣсу охотой, и питалась мясомъ различныхъ животныхъ. Съ теченіемъ времени, она совершенно одичала, и стала походить на хищнаго звѣря: убивала всякаго встрѣтившагося ей въ лѣсу, и, наконецъ, выйдя на ту дорогу, по которой ежедневно проходило сотни людей, стала убивать всѣхъ путниковъ; вскорѣ дѣло дошло до того, что никто болѣе не рѣшался слѣдовать по этому пути; проходили, развѣ, одни только незнакомые съ мѣстностью, какъ Шахъ-Исмаилъ. Одѣвалась Арабъ-Занги въ желѣзный мужской костюмъ, ѣздила постоянно на лошади и имѣла саблю, длиною въ 20 аршинъ; въ каждой рукѣ она могла держать по одному буйволу, какъ цыпленка. Замѣтивъ прохожаго, Арабъ-Занги садилась у огня, миновать которое было невозможно, и предлагала каждому проходившему напрасно ея не беспокоить, а самому прійти къ ней, чтобы она отсѣла ему голову. Когда Арабъ-Занги увидѣла Шахъ-Исмаила, то и ему сказала то-же, что она, обыкновенно, говорила всѣмъ. Шахъ-Исмаилъ побѣднѣлъ и сталъ просить пропустить его, такъ-какъ, де, онъ ѣдетъ къ своей возлюбленной.

— „Арабъ-Занги, дай дорогу, не тревожь, — ъду съ важною цѣлью!“ говорилъ онъ.

Но Арабъ-Занги отвѣчала ему:

— „У проходящаго здѣсь губы трескаются, цвѣтъ лица желтѣетъ, самъ онъ отдаетъ мнѣ душу, а, затѣмъ, уходитъ.“

Потомъ, она предложила ему три условія, говоря, что, если всё три предложенія будутъ исполнены, то пропустить его живымъ, въ противномъ-же случаѣ отсѣчетъ ему голову. Прежде всего, Арабъ-Занги предложила Шахъ-Исмаилу подняться на гору, и, кто первымъ взойдетъ на неё, тотъ выигрываетъ. Стали они подниматься на гору, и первымъ, съ помощью „Гръ-ата“, на вершину всходитъ Шахъ-Исмаиль. Послѣ этого, Арабъ-Занги подымаетъ до груди большой, закованный желѣзною цѣпью, камень, вдвое болѣе и тяжелѣе мельничнаго жернова, и бросаетъ его такъ, что камень на-половину зарывается въ землю. Увидя это, Шахъ-Исмаиль испугался, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и чуть было не отказался поднять камень, но, потомъ, собрался съ силами и мысленно просилъ Бога выручить его изъ бѣды. Онъ вытащилъ изъ земли камень, поднялъ его и такъ бросилъ назадъ, чрезъ голову, что онъ весь вошелъ въ землю. Послѣ этого проигрыша, Арабъ-Занги предлагаетъ бороться. И тутъ, какимъ-то образомъ, Шахъ-Исмаилу удалось побороть её. Тогда Шахъ-Исмаиль обнажилъ свою саблю и намѣревался уже убить её; но она просила, предварительно, растегнуть ея грудныя пуговки. Когда пуговки были растегнуты, Шахъ-Исмаиль увидѣлъ, что Арабъ-Занги дѣвушка, пожалѣлъ, и не убилъ ея. Тогда Арабъ-Занги предложила Шахъ-Исмаилу жениться на ней; тотъ изъявилъ свою готовность, но добавилъ, что прежде онъ долженъ, во что бы то ни стало, найти свою любимую Гюлизару. Арабъ-Занги присоединилась въ нему, и они поѣхали вмѣстѣ. Долго ли ѣхали, или мало, Аллахъ вѣдаетъ, но, наконецъ, прѣехали въ какой-то городъ и остановились у одной старухи. Въ

это время, въ городѣ справлялась свадьба, на которой неугомонно гудѣла зурна. На разспросы путниковъ, какая-то старуха объяснила, что дочь Неймать-бека, Гюлизара, выходитъ замужъ за сына мѣстнаго царя, и что уже семь дней, какъ готовится свадьба; Гюлизара-же, вѣроятно, имѣетъ другого жениха, потому-что плачетъ, рыдаетъ, и не соглашается выходить за царевича. Тогда Шахъ-Исмаиль снимаетъ съ пальца перстень Гюлизары, оставленный ею, съ письмомъ, подъ камнемъ, и проситъ старуху доставить его немедленно невѣстѣ. Старуха согласилась, и направилась во дворецъ. Когда она подошла къ комнатѣ Гюлизары, то увидѣла, что та, въ одной рукѣ, держитъ ядъ, а, въ другой, саблю, и намѣревается покончить съ собою, такъ-какъ рѣшено было непременно выдать её за царевича, если бы даже она продолжала упорствовать въ отказѣ. Какъ только старуха постучалась, Гюлизара подошла въ окно и взяла отъ нея перстень. Узнавши перстень, она тотчасъ бросила оружiе и ядъ. Видя это, окружающiе полагали, что она раздумала покончить съ собою и согласна выйти за царевича. Поговоривъ со старухой относительно свиданiя съ Шахъ-Исмаиломъ, Гюлизара послала сказать царю, чтобы на другой день въ городѣ заперли всѣ лавки, и чтобы, на улицахъ, никого не было—она пойдетъ гулять въ садъ, а потомъ выйдетъ за его сына. Желанiе ея было исполнено. Утромъ, она, со служанками, отправилась въ садъ, куда, вонечно, явился и Шахъ-Исмаиль съ Арабъ-Занги. Когда Шахъ-Исмаиль увидѣлъ Гюлизару, то, еще за заборомъ, сталъ пѣть пѣсню и, въ своей пѣснѣ, восхвалялъ ея красоту. Гюлизара предложила своей хромой служанкѣ отвѣтить ему также пѣсней, но та отказалась незнаиёмъ, и стала просить госпожу, чтобы она сама отвѣчала. Когда Гюлизара отвѣтила пѣсней, Шахъ-Исмаиль схватилъ её и, посадивъ, позади себя, на „*Гръ-ата*“, уснакалъ. Хромая служанка просила взять и её. Тогда Арабъ-Занги сватила её и такъ ударила о землю, что она вся ушла въ нее. Шахъ-Исмаиль, съ

Гюлизарой и Арабъ-Занги, дорогой, заѣхали въ Паришанѣ, которую взяла на свою лошадь Арабъ-Занги. Всѣ четверо, т. е., Шахъ-Исмаиль, съ своими тремя женами: Арабъ-Занги, Паришаной и Гюлизарой—отправились въ путь. На дорогѣ, они рѣшили отдохнуть, и поднялись на вершину горы, гдѣ и расположились.

Утомившись долгой бесѣдой, Шахъ-Исмаиль положилъ свою голову на колѣни Гюлизары, и заснулъ богатырскимъ сномъ. Заснули, затѣмъ, Паришана и Гюлизара. Не спится только одной Арабъ-Занги. Вдругъ она видитъ, что подымается на гору войско въ 300,000 человекъ, и для того, чтобы удостовѣриться, побѣдилъ ли ее лично Шахъ-Исмаиль, или съ помощью „Гр-ата“, одѣвшись въ мужской желѣзный костюмъ, сѣла на коня, и, выѣхавъ навстрѣчу войску, истребляетъ его до послѣдняго человека. Когда она истребила все войско, то обратилась къ Шахъ-Исмаилу съ слѣдующими словами:

— „Пусть извѣстiе доходитъ до Гаджи-Осана. (?) Сто тысячъ лисицъ чтѣ сдѣлаютъ одному голодному льву? Проснись, любезный, посмотри, что совершилось.“

Но Шахъ-Исмаиль, проснувшись, только сказалъ: „Арабъ, неужели ты не намѣрена дать мнѣ уснуть?“

— „Въ нашемъ краю, когда засыпаютъ, смотреть направо и налево!“ отвѣчала Арабъ-Занги.

Тогда Шахъ-Исмаиль поднялся и увидѣлъ, съ одной стороны, большую гору, образовавшуюся отъ труповъ, а съ другой, рѣку, составившуюся изъ крови.

Отсюда, Шахъ-Исмаиль, со своими тремя женами, изъ которыхъ отецъ его, Асланъ-паша, потерялъ много войскъ и денегъ, но не могъ достигнуть цѣли, — отправляется на свою родину. Онъ остановился на горѣ, въ окрестностяхъ столицы, гдѣ жилъ его отецъ. Тутъ, въ палаткахъ, со своими женами, онъ остановился на отдыхъ, чтобы, затѣмъ, поѣхать во дворецъ отца. Вотъ, Шахъ-Исмаиль, шутя, сталъ говорить Паришанѣ, что

Гюлизара его возлюбленная, Арабъ-Занги богатырь, а она къ чему ему? Та отвѣчала, что и она имѣеть свои достоинства: можетъ хорошо гадать и предсказывать будущее. Тогда Шахъ-Исмаиль просить погадать, обрадуется ли его отецъ, когда узнаеть о прїѣздѣ сына съ женами, и что, при этомъ, скажеть? Паришана стала гадать и сказала, что отецъ такъ отвѣтитъ посланнымъ:

— „Ну что-жь? одной жены довольно сыну, а двѣ будутъ мои.“

Послѣ этихъ словъ, Шахъ-Исмаиль послалъ дать знать отцу о своемъ прїѣздѣ; отецъ, дѣйствительно, отвѣтилъ, какъ предсказала Паришана. Получивъ отъ отца такой отвѣтъ, Шахъ-Исмаиль не пожелалъ больше видѣть его. Въ три дня, онъ возвелъ на мѣстѣ стоянки, на горѣ, такую крѣпость, какой себѣ представить нельзя. Эту крѣпость, съ балкона своего дворца, замѣтилъ Асланъ-паша и, когда узналъ, что она построена сыномъ, пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Прежде чѣмъ отправиться на званный обѣдъ, Шахъ-Исмаиль попросилъ Паришану погадать, какъ приметъ его отецъ, и что будетъ съ нимъ. Паришана предсказала, что отецъ на дворѣ, предъ дверьми, вырылъ глубокую яму, которую заврылъ ковромъ, чтобы, при проходѣ, Шахъ-Исмаиль упалъ въ неѣ, и что всѣ блюда, какія подадутся для него, будутъ отравлены, а потому, чтобы избѣгнуть опасности, она посоветовала взять съ собою собаку „Самбургъ-туласы“ (сетръ) и слѣдовать за нею, т. е. пройти тамъ, гдѣ пройдетъ она; а чтобы избѣгнуть отравы, Паришана дала ему перстень, посоветовавъ, предъ ѣдой, предварительно, опустить его въ тарелку съ кушаньемъ, а потомъ приступить къ ѣдѣ. Шахъ-Исмаиль исполнилъ все, какъ было сказано. Когда пообѣдали, Шахъ-Исмаиль взялъ ложечку плова и далъ кошкѣ, которая тотчасъ-же оwoлѣла. Тогда Шахъ-Исмаиль, при всѣхъ гостяхъ, обратился къ отцу съ слѣдующими словами:

— „Ты такъ любишь меня, своего единственнаго сына, что хотѣлъ отравить, чтобы я таеъ-же лопнулъ, какъ сейчасъ лопнула кошка? спасибо за твою любезность!“

Асланъ-паша, всячески, старался оправдаться; по его требованію, подали карты, и, чтобы развеселить сына, онъ сталъ играть съ нимъ въ карты. Шагъ-за-шагомъ, стали итти на-пари, и сынъ выигрываетъ у отца имѣніе; наконецъ, послѣднее условіе было таково: кто выиграетъ, тотъ убьетъ проигравшаго. На этотъ разъ проигралъ Шахъ-Исмаиль. Отецъ, прежде всего, связалъ родному сыну руки, ноги и все тѣло цѣпью, боясь, что онъ силачъ, и можетъ убить палачей, а, потомъ, обратился къ нему съ вопросомъ: гдѣ кроется его сила? Шахъ-Исмаиль объяснилъ, что его сила кроется въ ногтяхъ большихъ пальцевъ. Тогда, по повелѣнію Асланъ-паши, эти пальцы вѣриво обвязали веревкой, пропитанной мыломъ, и дергали веревку до тѣхъ поръ, пока суставы не вышли съ мѣста, а потомъ, по его-же повелѣнію, ослѣпили Шахъ-Исмаила, причемъ, правый глазъ положили въ его лѣвый карманъ, а лѣвый — въ правый. При этихъ истязаніяхъ, Шахъ-Исмаиль только говорилъ:

— „Садовникъ не срубить посаженнаго имъ дерева, — зачѣмъ ты, батька, убиваешь меня? Вѣдь, смертью моею лишаешься ты рукъ и крыльевъ своихъ. Не убивай меня, ради Бога, за это дамъ тебѣ мою знаменитую Гюлизару.“

Все, что здѣсь ни происходило, отгадала Паришана, и передала двумъ другимъ женамъ Шахъ-Исмаила. Послѣ всѣхъ истязаній, по приказанію Асланъ-паши, Шахъ-Исмаила отвели въ дѣсъ, гдѣ его оставили на произволъ судьбы. Одновременно съ этимъ, Асланъ-паша потребовалъ къ себѣ семь самыхъ отчаянныхъ и развратныхъ женщинъ, которыхъ послалъ съ цѣлью, какъ-нибудь, приманить и привести къ себѣ женъ Шахъ-Исмаила. Арабъ-Занги всѣмъ этимъ женщинамъ вырѣзала губы и, въ такомъ видѣ, отпустила живыми, взявъ слово, что

онѣ передадутъ властелину края—Асланъ-пашѣ, что это совершила Арабъ-Занги. Когда онѣ вернулись, Асланъ-паша, увидѣвъ ихъ, сталъ спрашивать, гдѣ-же жены Шахъ-Исмаила, и зачѣмъ онѣ сами смѣются? (Безгубныя женщины казались смѣющимися, и ему показалось, что онѣ смѣются). Когда все разъяснилось, онѣ добавили, что Арабъ-Занги взяла съ нихъ слово, что онѣ сообщать ему, царю, ея слова:

— „Если Асланъ-паша въ состояніи, то пусть мститъ мнѣ!“

Асланъ-паша, въ гнѣвъ, посылаетъ противъ женъ Шахъ-Исмаила большое войско, но Арабъ-Занги одна убиваетъ всѣхъ и изъ труповъ возводитъ высокую стѣну.

Несчастный Шахъ-Исмаиль, брошенный на произволъ судьбы въ лѣсу, въ страшныхъ мученіяхъ и думахъ провелъ сорокъ ночей и сорокъ дней, оставаясь все время безъ пищи и питья, и до того изнурился, что, еле-еле, могъ двигаться. На сороковой день, прилетѣли къ нему два голубя и, вертясь вокругъ, стали про себя говорить, что они бросятъ одно перо, и тогда Шахъ-Исмаиль, съ праваго кармана, достанетъ лѣвый глазъ, а съ лѣваго—правый и положить въ глазныя впадины; затѣмъ, перо намочить въ родникъ, находящемся недалеко отъ него, подъ зеленымъ листомъ, и потрепъ этимъ перомъ глаза,—тогда онъ будетъ видѣть. Затѣмъ голуби исчезли. Шахъ-Исмаиль, кое-какъ, нашель перышко, а затѣмъ и родникъ, и исполниль все, какъ говорили голуби, но только вынутый съ лѣваго кармана глазъ положилъ въ лѣвую глазную впадину, а вынутый съ праваго кармана—въ правую, почему, хотя и увидѣль Божій свѣтъ, но сдѣлакъ восьмь. Вернувъ себѣ зрѣніе, Шахъ-Исмаиль поднялся и пошелъ къ себѣ домой. Дорогой, онъ встрѣтилъ одного плачущаго старика, который, на его вопросъ, отчего онъ плачетъ, отвѣчалъ ему:

— „Какъ-же мнѣ не плакать? Асланъ-паша противъ женъ Шахъ-Исмаила послалъ большое войско, Арабъ-Занги перерѣ-

зала всѣхъ; завтра очередь дойдетъ до меня, а у меня огромное семейство, — кто-же, за мою смерть, будетъ кормить его?"

Шахъ-Исмаилъ былъ очень голоденъ, почему сказалъ старику:

— „Принеси въ жертву твоего буйвола, мы съѣдимъ его, а завтра я пойду воевать за тебя.“

Старикъ, взявъ съ него честное слово исполнить обѣщанное, зарѣзалъ буйвола. Шахъ-Исмаилъ все съѣлъ, только немного удѣлилъ семейству старика. Послѣ этого, Шахъ-Исмаилъ послалъ старика къ царю сказать, будто у него, старика, остановился пріѣзжій изъ чужой страны, ибѣй Ахмедъ-бекъ, который берется доставить въ нему жену Шахъ-Исмаила. Царь обрадовался этому предложенію, пригласилъ къ себѣ мнимаго Ахмедъ-бека, и послѣдній обѣщалъ убить Арабъ-Занги, даже предлагалъ Асланъ-пашѣ сопутствовать ему, если онъ этого желаетъ: онъ, Ахмедъ-бекъ, поддержитъ голову ея, а Асланъ-паша собственноручно отрубитъ её. Только онъ просилъ дать ему лошадь Шахъ-Исмаила. Бѣдное животное, когда ослѣпили Шахъ-Исмаила, заперли въ конюшню, отъ которой двери никогда не открывались. Кормъ и питье ему спускали съ отверстія крыши. Но умный конь, чувствуя положеніе своего любимаго хозяина, все время оставался голоднымъ, какъ и его хозяинъ. Желаніе мнимаго Ахмедъ-бека было исполнено: Исмаилъ самъ вошелъ въ конюшню, покормилъ немного „Гръ-ата“ и, съ Асланъ-пашою, поторопился къ Арабъ-Занги. О томъ, что кормъ „Гръ-ата“ оставался въ конюшнѣ не тронутымъ, и онъ раньше ничего не ѣлъ, Исмаилъ не сказалъ царю ни слова. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до крѣпости Шахъ-Исмаила, Асланъ-паша остановился, а мнимаго Ахмедъ-бека послалъ впередъ.

Арабъ-Занги сидитъ у крѣпости и видитъ, что къ ней ѣдетъ на „Гръ-атѣ“ какой-то худощавый, желтый, косой го-сподинъ, который, будто-бы, сейчасъ поднялся изъ могилы. Когда тотъ приблизился къ ней, она поднялась съ мѣста, и,

съ обнаженной саблей, подошла къ нему, намѣреваясь убить его, но мнимый Ахмедъ-бекъ, въ пѣсняхъ, далъ о себѣ знать, и рука Арабъ-Занги опустилась. Шахъ-Исмаиль сообщилъ ей, что Асланъ-паша, не-вдалекѣ, ожидаетъ его, и что онъ подвель его; сообщилъ также, что онъ общалъ Асланъ-пашѣ убить её, разумѣется, для того, чтобы этимъ завлечь его и погубить. Шахъ-Исмаиль и Арабъ-Занги условливаются между собою насчетъ того, какъ наказать Асланъ-пашу. Она стрѣляетъ въ Шахъ-Исмаила и, намѣренно, дѣлаетъ промахъ; тогда онъ обнажаетъ саблю и дѣлаетъ видъ, что наноситъ ей смертельную рану: та нарочно падаетъ, притворяясь умирающей; Шахъ-Исмаиль держитъ ея голову и призываетъ Асланъ-пашу, будто, для того, чтобы онъ отрубилъ ей голову. Когда Асланъ-паша подошелъ къ нимъ, то Шахъ-Исмаиль освободилъ Арабъ-Занги, которая, какъ воршунъ, накидывается на Асланъ-пашу, сваливаетъ его на землю и лишаетъ глазъ.

Послѣ этого, Шахъ-Исмаиль, въ общему удовольствію своихъ женъ, вошелъ въ себѣ въ крѣпость, задалъ большой пиръ по поводу своего спасенія, а, потомъ, со своими женами, отправился въ родную столицу и вошелъ на прародительскій престолъ. Онъ сталъ усердно заниматься дѣлами своего государства, и правилъ имъ хорошо, хотя и оставался косымъ.

2. Алиханъ.

Царь Гаджи-Сандъ долгое время не имѣлъ дѣтей. Неоднократно онъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, но всѣ они оказались безуспѣшными; наконецъ, царь обратился къ Аллаху: одиннадцать разъ совершилъ онъ богомольное странствованіе, чтобы Аллахъ услышалъ его молитву, и далъ ему наслѣдника.

Разъ, царь брлся въ своей зеркальной комнатѣ, устроенной, собственно, для этой цѣли; тутъ онъ, съ горестью, за-

мѣтилъ, что у него появилась сѣдина, ударилъ себя по колѣну и глубоко вдохнулъ, такъ-какъ жизнь безъ дѣтей была для него тяжела. Онъ сказалъ въ-слухъ:

— „Дѣтей у меня нѣтъ, кто-же будетъ наследовать мѣнѣ престоломъ и богатствомъ?“

Бывшій его цырюльникъ сталъ совѣтовать ему всячески умилоствлять Аллаха: помогать немущимъ, сѣдлымъ, одѣвать голыхъ, кормить голодныхъ, поить жаждущихъ, словомъ, быть вполне добродѣтельнымъ, — тогда всѣ подданные, увидѣвъ доброту государя, будутъ молиться за него, и Богъ услышитъ ихъ мольбу, и дастъ ему наследника-сына. Царь внялъ совѣту цырюльника, и съ этого момента, сталъ помогать всѣмъ, кому чѣмъ могъ.

Однажды, Гаджи-Сандъ, выйдя изъ мечети, увидѣлъ у дверей ея подкинутого новорожденного младенца, обрадовался, поднялъ, обнялъ его, самъ принеся малютку въ себѣ домой и усыновилъ. Долго не знали, какъ назвать ребенка, наконецъ, рѣшили назвать *Тантугомъ* (найденнымъ). Впослѣдствіи оказалось, что Тантугъ незаконно родился отъ престарѣлой дѣвы Заріи.

Тантугъ сталъ жить во дворцѣ, и Гаджи-Сандъ съ женою любили его, какъ родного сына. Когда онъ уже выросъ, Богъ далъ Гаджи-Санду сына Ахмеда, а потомъ и дочь Париханумъ.

Чтобы возблагодарить Бога за дарованныхъ ему двухъ сыновей и одну дочь, Гаджи-Сандъ, въ двѣнадцатый разъ, хотѣлъ отправиться на богомоліе. На этотъ разъ онъ хотѣлъ взять съ собою жену и Тантуга; но, наконецъ, уступилъ усиленнымъ просьбамъ Ахмеда, взялъ его, а дома оставилъ Тантуга и Париханумъ. Послѣдніе другъ друга очень любили, какъ родные, не зная, что между ними нѣтъ кровнаго родства.

Разъ, послѣ отъѣзда Гаджи-Санда, Тантугъ принесъ съ базара баранину и прочіе съѣстные припасы; увидѣвъ столъ

шую на дворѣ Пари-ханумъ, онъ подозвалъ ее и попросилъ отнести въ комнаты платокъ съ провизіей.

На дворѣ-же стояли еще двѣ старухи; услыхавъ, что Таптугъ обратился къ Пари-ханумъ со словами: „дорогая сестра“, старухи сказали ему:

— „Глупецъ, какая она тебѣ сестра! ты сынъ Зарин, а она дочь Гаджи-Саида; лучше, до возвращенія царя, женись на ней, а то не-сегодня—завтра, какъ Ахмедъ вырастетъ, царь тебя прогонитъ, Ахмедъ же будетъ наследовать престоломъ.“

Выслушавъ это, Таптугъ вернулся домой и заявилъ Пари-ханумъ, что, во что бы то ни стало, онъ долженъ на ней жениться. Та, съ удивленіемъ, отвѣтила ему:

— „Ты хочешь жениться на мнѣ! Любезный братъ, помолись Аллаху, чтобы шайтанъ удалился отъ тебя: какъ-же можно, чтобы братъ женился на сестрѣ! вѣдь, это и Богу, и великому его пророку будетъ противно.“

Таптугъ далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, жениться, хоть бы для того, чтобы не лишиться имѣнія и престола Гаджи-Саида; онъ сталъ разъяснять Пари-ханумъ суть дѣла и настаивалъ на своемъ. Пари-ханумъ, видя, что съ Таптугомъ теперь не согласишься, притворилась, что согласилась съ нимъ, а сама рѣшилась спрятаться. Выйдя въ другую комнату, будто бы по дѣлу, она стала подыматься въ верхній этажъ, гдѣ и намѣревалась скрыться; но, когда она была уже на одиннадцатой ступени лѣстницы, и хотѣла подняться на двѣнадцатую, чтобы войти въ комнату, Таптугъ, подозрительно слѣдившій за всѣми ея движеніями, бросился къ ней и схватилъ ее съ цѣлью остановить; но она такъ толкнула его, что онъ, кубыряясь, очутился на полу, съ разбитой головой. Пари-ханумъ, какъ сестрѣ, трудно было видѣть раненаго брата,—у него, къ тому же, изъ головы текла ручьемъ кровь, и, вотъ, она спустилась съ лѣстницы, обмыла рану, обсыпала ее пепломъ отъ жженнаго ситца и обвязала тряпьемъ. Только что она окончила дѣ-

лать перевязку, какъ прискакалъ передовой и сообщилъ о приближеніи къ городу Гаджи-Саида съ семействомъ. Тогда Талтугъ, притворившись примиреннымъ съ своею участію, вѣрломно сказалъ Пари-ханумъ:

— „Кто поцѣлуетъ подкову лошади, на которой ѣздили на поклоненіе святымъ,, тотъ можетъ считаться бывшимъ на божомъли,“ и самъ поторопился выйти навстрѣчу прибывшимъ.

Въ душѣ Талтугъ страшно боялся, чтобы сестра не донесла на него, и, ради своего спасенія, рѣшилъ погубить ее. На вопросъ Гаджи-Саида, отчего онъ, Талтугъ, хромаетъ, онъ отвѣчалъ, что Пари-ханумъ, въ ихъ отсутствіе, собирала къ себѣ любовниковъ, вела развратную жизнь, а когда онъ сталъ стыдить ее и попробовалъ сдержать силой, то, по ея наущенію, любовники ея избили его. Гаджи-Саидъ не могъ вытерпѣть такого позора для своего семейства, и послалъ впередъ своего сына Ахмеда, которому приказалъ сейчасъ-же, до его пріѣзда домой, убить Пари-ханумъ, и зарыть въ могилу. Ахмедъ, увидѣвшись съ Пари-ханумъ, не могъ привести въ исполненіе приказаніе отца; они обняли другъ друга; потомъ онъ просилъ сестру одѣться и послѣдовать за нимъ. Онъ и здѣсь не объявилъ ей, съ какою цѣлью беретъ ее съ собою. Когда они вошли въ чащу лѣса, онъ снялъ съ нея рубашку и обрызгалъ ее кровью зарѣзаннаго козла, а рубашку отнесъ показать отцу, въ доказательство того, что онъ убилъ сестру.

Въ то время, когда Пари-ханумъ дни и ночи проводила въ лѣсу, нѣкоему молодцу Алихану снится слѣдующій сонъ: ему даютъ пить воду; въ этой водѣ онъ видитъ образъ Пари-ханумъ, и во снѣ-же ему говорятъ, что она живетъ около мраморнаго бассейна, въ глуши лѣса, и что на ней ему суждено жениться. Съ этой-же noci Алиханъ влюбляется въ Пари-ханумъ, и собирается искать ее. Одновременно съ этимъ, также во снѣ, Пари-ханумъ тоже влюбляется въ него.

Однажды, когда Пари-ханумъ одна сидѣла въ лѣсу, от-

куда-то появился всадникъ, точно выросъ изъ земли; онъ предложилъ ей сѣсть съ нимъ вмѣстѣ на коня. Долго она не соглашалась, такъ-какъ она видѣла всадника въ первый разъ, и не знала, кто онъ; наконецъ, уступила его желанію; онъ привезъ ее къ мраморному бассейну. Проснувшись, Алиханъ долго не могъ прійти въ себя и не зналъ: правда-ли это, или сонъ; наконецъ, взявъ сокола и охотничьихъ собакъ, онъ поѣхалъ на охоту; охотясь, Алиханъ прибылъ къ мраморному бассейну, гдѣ нашель Пари-ханумъ. Онъ долго предлагалъ ей вопросы, но Пари-ханумъ не хотѣла отвѣчать ему; когда-же онъ спросилъ — кто она, и зачѣмъ, въ такую пору, находится здѣсь, въ чащѣ лѣса, то она, въ пѣсняхъ, отвѣтила такъ:

— „Если желаешь знать, то я изъ красавицъ красавица восьмидесятая, девяностая, сотая красавица я, сама Пари-ханумъ, дочь Гаджи-Саида! Господинъ, видишь, кто я, и куда попала! Здѣсь ли мнѣ быть!“

Онъ въ ту-же ночь взялъ ее къ себѣ домой, и такъ-какъ все это произошло въ одну ночь, то не удивительно, что никто изъ прислуги не могъ узнать о пріѣздѣ Пари-ханумъ. Утромъ, приходитъ къ нему одинъ изъ прислужниковъ и, замѣтивъ, что господинъ не одинъ, сообщилъ объ этомъ прочимъ своимъ сотоварищамъ. Всѣ они, съ любопытствомъ, вошли въ комнату и были поражены красотою Пари-ханумъ. Наконецъ, когда Алиханъ проснулся, прислуга стала спрашивать его, гдѣ онъ досталъ такую красавицу? Тотъ отвѣтилъ, что нашель около мраморнаго бассейна. Слуги, полагая, что и они могутъ тамъ найти такую-же красавицу, въ ту-же ночь, собрались поѣхать туда, но одинъ, болѣе смѣтливый изъ нихъ, растолковалъ имъ, что, вѣдь, Пари-ханумъ не изъ земли-же вышла, должно быть откуда-нибудь пріѣхала, — тогда они, въ раздумьи, вернулись назадъ.

Спустя нѣкоторое время, Пари-ханумъ родила одного, а потомъ и другого сына. Разъ Алиханъ отправился куда-то,

очень далеко, на охоту. Дома остались жена и двое сыновей его. Она посадила дѣтей на свои колѣна. Тутъ вспомнила она свою мать, сажавшую на одно колѣно ее, а на другое Ахмеда, вспомнила и послѣдняго, и такъ горько заплакала и и зарыдала, что даже глаза опухли. Къ этому времени возвращается Алиханъ; увидѣвъ жену въ такой печали, онъ приступилъ къ ней съ вопросами: зачѣмъ она плакала?

— „Зачѣмъ тебѣ говорить, когда знаю, что отъ этого не будетъ никакой пользы?“ отвѣтила ему Пари-ханумъ.

Алиханъ опять сталъ приставать, чтобы она открыла ему причину своихъ слезъ. Наконецъ, Пари-ханумъ стала уступать, но потребовала, чтобы онъ поклялся на коранѣ, что исполнить ея просьбу. Онъ полагалъ, что, вѣроятно, ея просьба будетъ относительно какихъ-нибудь пустяковъ, на примѣръ, нѣсколькихъ сотъ рублей, а та требовала клятвы потому, что знала, что онъ безъ клятвы, наврядъ ли согласился бы исполнить ея просьбу—отпустить на свиданіе къ роднымъ. Когда Алиханъ поклялся кораномъ, Пари-ханумъ объявила ему, что она вспомнила свою родную мать, и, непремѣнно, желаетъ поѣхать повидаться съ нею. Для Алихана это было очень неприятно, но дѣлать было нечего, такъ-какъ онъ ужъ поклялся, и долженъ былъ исполнить желаніе жены. Долго думалъ Алиханъ, какъ-бы это безопаснѣе сдѣлать, наконецъ, рѣшилъ отправить жену съ сыновьями, въ сопровожденіи своего любимого дядьки и большой стражи.

Они ѣхали до вечера и остановились на ночлегъ около моста, гдѣ разбили себѣ двѣ палатки: одну для Пари-ханумъ съ сыновьями, а другую—дядькѣ; стража-же окружила обѣ палатки. Воины съ вечера пѣли, играли и плясали, а когда настала пора спать, дядька Алихана объявилъ воинамъ, что ханша устала, и боится, чтобы войско ея не обезпечило, а потому приказываетъ имъ удалиться отъ палатокъ подальше. Между тѣмъ, когда ханша уснула, дядька ворвался къ ней

въ палатку, и намѣревался оскорбить её, говоря, что онъ не хуже Алихана, и, чтобы обладать ею, непременно, убьетъ его. Пари-ханумъ, сколько ни старалась образумить обезумѣвшаго старика, не могла, и, наконецъ, прибѣгла къ хитрости: она сказала, что ей, непременно, необходимо на нѣсколько минутъ выйти изъ палатки, а, чтобы дядька былъ увѣренъ въ ея возвращеніи, одинъ конецъ веревки Пари-ханумъ дала ему, а другой конецъ привязала къ своей ногѣ. Какъ только она вышла въ поле, то отвязала съ ноги веревку и привязала ее къ кусту, а сама поднялась на дерево. Дядька долго ждалъ ее, и, конечно, не дождался; дѣлать было нечего,—онъ пошелъ ее разыскивать, и, сколько ни старался, не могъ найти ея до самаго утра. Наконецъ, утромъ, онъ нашелъ её на деревѣ, и, когда она отказалась слѣзть и слѣдовать за нимъ, дядька, со злости, при ней-же, зарѣзалъ сперва одного, а потомъ и другого сына. Однако, и этимъ путемъ, онъ не могъ добиться своей преступной цѣли. Тогда онъ сталъ рубить дерево. Въ это время, стало уже просыпаться войско; дядька, указывая на трупы сыновей Алихана, объявилъ воинамъ, что ханша зарѣзала ихъ, а сама, со своими любовниками, убѣжала, но онъ не знаетъ, въ какую сторону. По его приказанію, воины одѣлись въ черную одежду, лошадей засѣдлали наоборотъ, сами сѣли лицомъ къ хвосту лошади, и, взявъ съ собою трупы убитыхъ сыновей Алихана, вернулись къ нему. Алиханъ, когда увидѣлъ возвращающееся войско, съ перваго раза обрадовался, полагая, что Пари-ханумъ раздумала ѣхать къ роднымъ, и, потому, возвращается назадъ. Но эта радость была мгновенна: еще издали трауръ далъ ему понять, что случилось что-то недоброе. На вопросъ его, что случилось, дядька сердито отвѣтилъ:

— „Откуда ты взялъ эту бродягу? Чего она не натворила? подъ-конецъ, зарѣзала сыновей и убѣжала къ своимъ прежнимъ любовникамъ.“

Тяжело было Алихану слышать о такомъ поступкѣ же-

ны, а еще труднѣе было жить послѣ того, какъ онъ лишился ея и двухъ сыновей. Алиханъ снялъ съ себя богатую одежду, переодѣлся въ изорванный дервишскій костюмъ и предложилъ дядькѣ итти съ нимъ на розыски Пари-ханумъ. Дядька, всачески, отказывался итти, говоря, что жена не отпускаетъ его, пока ханъ не дастъ ей 700 рублей. Алиханъ, вмѣсто 700 рублей, далъ 800, и уговорилъ дядьку итти съ собой.

Переодѣвшись въ одежду прѣстого дервиша, Алиханъ взялъ топоръ, и, до прихода дядьки, сталъ ходить по двору, то взадъ, то впередъ, и громко пѣлъ „баяти“. Въ этой пѣснѣ онъ описывалъ свое положеніе, измѣну Пари-ханумъ и пр.. Въ то-же время, входитъ во дворъ дядька; при видѣ дервиша, не узнавъ въ немъ Алихана, онъ сталъ кричать на него: „какъ онъ, дервишъ, осмѣлился войти безъ разрѣшенія во дворъ; да если Алиханъ увидитъ его, то не оставитъ въ живыхъ.“ При этомъ, горе Алихана усилилось, и онъ, въ пѣснѣ, отвѣтилъ дядькѣ:

— „Я—Алиханъ, переодѣлся въ костюмъ дервиша,
Визирь, послушайся Бога, иди впередъ;
Куда дѣлась моя Пари, куда?“

Въ костюмахъ обыкновенныхъ дервишей, они отправляются искать Пари-ханумъ, и такъ бродятъ ровно семь лѣтъ.

Между-тѣмъ, какъ только войско отбыло къ Алихану, въ то-же утро, въ дереву, на которомъ находилась Пари-ханумъ, пригналъ стадо овецъ одинъ изъ пастуховъ Гаджи-Саида. Отъ блеска золотыхъ украшеній на костюмѣ Пари-ханумъ, овцы перепугались и разбѣжались, за что пастухъ сталъ на нихъ сердиться и бить ихъ. Тогда Пари-ханумъ, которой пастухъ не замѣчалъ, начала просить, чтобы онъ напрасно не билъ овецъ, такъ-какъ, въ ихъ испугѣ, виновата она. Какъ только пастухъ увидалъ её, онъ сталъ требовать, чтобы она слѣзла съ дерева. Пари-ханумъ обѣщалась слѣзть, только, тогда, когда онъ дастъ обѣщаніе не оскорблять ея. Наконецъ, пастухъ повлялся, что

не сдѣлаеть ей ничего дурного, и она, слѣзши съ дерева, добровольно отдала пастуху весь свой драгоценный костюмъ и все, находившееся при ней, золото, и взяла, въ обмѣнъ, изорванную пастушескую одежду, а на голову надѣла бараній желудокъ, съ цѣлью скрыть волосы, и представить свою голову плѣшивой.

Послѣ этого, она ласково попросилась съ пастухомъ, написала письмо и, привлеивъ его къ мосту, сама отправилась въ отцовскій домъ. На письмѣ былъ слѣдующій адресъ: — „Прохожіе господа, идущіе купцы, это письмо доставьте Алихану.“ Въ отцовскомъ домѣ, ея никто не узналъ, такъ-какъ она была очень осторожна. Она поступила въ царскій домъ, въ качествѣ простой прислуги, и такъ прослужила въ отцовскомъ домѣ ровно семь лѣтъ. Все время ея считали за мужчину, по имени Кечаль-Ахмеда.

Между-тѣмъ, Алиханъ, странствуя, подходитъ къ мосту, возлѣ котораго погибли его дѣти и жена, и видитъ, что какой-то „базирганъ“ (купецъ) читаетъ письмо, которое, какъ мы знаемъ, было написано самой Пари-ханумъ. Онъ взялъ письмо и, потихоньку отъ дядьки, прочелъ его. Изъ этого письма онъ узналъ, что его Пари-ханумъ пошла на родину, гдѣ живетъ ея отецъ, Гаджи-Саидъ: она просила Алихана, непременно, поѣхать за нею и отыскать, гдѣ-бы она ни находилась. Алиханъ прибылъ въ столицу Гаджи-Саида и на базарѣ, какъ обыкновенный дервишъ, сталъ рассказывать разныя сказки. Въ то-же самое время, находился на базарѣ сынъ Гаджи-Саида, Ахмедъ, котораго сопровождалъ человѣкъ его, Кечаль-Ахмедъ: это была Пари-ханумъ, сестра Ахмеда. Она въ дервишѣ узнала своего любимаго мужа, Алихана, а въ товарищѣ его узнала—дядьку, жертвой котораго сдѣлались ея сыновья. Мнимый Кечаль-Ахмедъ, по возвращеніи съ базара, обращается къ Гаджи-Саиду и требуетъ клятвы кораномъ, что онъ исполнитъ его просьбу. Царь вляется, и Кечаль-Ахмедъ проситъ царя

на день уступить ему свои права, а самому принять на себя его обязанности. Тогда Кечаль-Ахмедъ, какъ-бы самъ царь, устраиваетъ вечеръ и приглашаетъ, въ видѣ рассказчиковъ, знакомыхъ намъ дервишей—Алихана и дядьку. За столомъ сидятъ Таптугъ, Ахмедъ и другіе члены царствующаго дома. Во время ужина, когда дервишь началъ пѣть, мнимый Кечаль-Ахмедъ не вытерпѣлъ, взялъ у дервиша балалайку и запѣлъ:

— „Алиханъ, если хочешь, отомщу за пролитую кровь, убійца твоихъ обоихъ сыновей—это твой визирь, который около тебя. Желавшій жениться на мнѣ—это Таптугъ, тоже возлѣ тебя; я-же Пари-ханумъ, Гаджи-Саида дочь!“

Тутъ Пари-ханумъ сняла съ головы бараній желудокъ, подъ которымъ скрывала свои косы. Тотчасъ-же узнали ее мать и братья, а также Гаджи-Саидъ, стоявшій въ востюмѣ прислуги. Пари-ханумъ, какъ государь, приказываетъ Таптуга обложить дровами и, обливъ масломъ, сжечь. Послѣ этого, когда все разъяснилось, отецъ, мать и братъ обрадовались находкѣ Пари-ханумъ, и семь дней праздновали свадьбу Алихана, послѣ чего Алиханъ, Пари-ханумъ и дядька вернулись къ себѣ домой. Народъ радовался возвращенію своего повелителя-хана и ханши; въ честь ихъ устраивались пиршества. По возвращеніи домой, Пари-ханумъ требуетъ къ себѣ двухъ сыновей дядьки, и, при родителяхъ, приказываетъ убить ихъ, а самого дядьку оставляетъ въ живыхъ, чтобы онъ мучился такъ-же, какъ, нѣкогда, мучилась она сама.

3. Новрузъ.

Керимъ-паша былъ однимъ изъ сильныхъ царей. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ бездѣтнымъ,—и для того, чтобы произвести на Божій свѣтъ наслѣдника или наслѣдницу, онъ и жена его предпринимали разныя средства. Однажды, за отсутствіемъ

мужа, жена сидѣла дома, у окна. Въ это время, въ окну, подошелъ просить милостыню дервишъ, которому царица повѣдала про свое горе. Дервишъ далъ ей пару яблокъ, а самъ немедленно исчезъ, да такъ, что, какъ ни искали его посланные царицы, не могли найти. Въ полдень, возвратился домой Керимъ-паша, и жена рассказала ему о всемъ, что случилось безъ него, — какъ дервишъ далъ ей два яблока, и какъ, потомъ, самъ исчезъ. Долго думали царь и царица, не зная, какъ поступить съ яблоками, наконецъ, рѣшили съѣсть ихъ. Спустя 9 мѣсяцевъ послѣ этого, жена Керимъ-паши родила сына. До 10—12 лѣтняго возраста, Новруза — такъ звали царевича — родители не выпускали изъ дому. Но, вотъ, разъ, его отправили, съ дядькой, погулять. За городомъ, Новрузъ увидѣлъ трехъ „ашуговъ“ (пѣвцовъ), которыхъ, по наивности, принялъ за людей съ рогами; тогда дядька объяснилъ ему, что они пѣвцы, и что у нихъ не рога, а балалайки, на которыхъ ашуги играютъ. Любопытство Новруза разыгралось: по его просьбѣ, ашуги стали пѣть и играть на балалайкѣ. Новрузу такъ понравились ихъ игра и пѣсни, что онъ, даже, высказалъ свое сожалѣнiе, что вѣтеръ уноситъ часть звуковъ, и, тѣмъ, уменьшаетъ наслажденiе чудной игрой и пѣснями ашуговъ; не желая долѣе продолжать прогулку, Новрузъ попросилъ ашуговъ къ себѣ домой, куда и самъ вернулся. Въ теченiе цѣлаго мѣсяца ашуги жили у Новруза, и каждый вечеръ у него пѣли и играли на балалайкѣ. Онъ, кромѣ того, что кормилъ и поилъ ихъ, еще такъ щедро вознаграждалъ ихъ каждый разъ, что ашуги уже не находили мѣста для храненiя своихъ богатствъ.

Разъ, ночью, снится Новрузу, что ему даютъ пить, и въ чашѣ воды, онъ видитъ красавицу Кандаттуру — дочь нѣкоего государя Джалаля-паши. Съ этого момента, онъ влюбляется въ нее.

Керимъ-паша, узнавъ, что сынъ его такъ щедро вознагра-

граждаетъ ашуговъ, испугался, что онъ, въ самое короткое время, можетъ окончательно разориться, и долго думалъ, какъ поступить, чтобы Новрузъ отпустилъ ихъ отъ себя; наконецъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что надо обмануть ашуговъ, объявивъ имъ, что Новрузъ намѣренъ отнять у нихъ все богатство и прогнать отъ себя; а, чтобы не лишиться своего состоянія, они могутъ убѣжать, когда Новрузъ будетъ спать. Ашуги подслушали Керимъ-пашу; собрали, въ полночь, все свое состояніе и покинули домъ Новруза; когда-же Керимъ-паша пришелъ объявить имъ яко-бы коварное намѣреніе сына, то уже не засталъ ихъ. Какъ разъ въ ту самую ночь, когда убѣжали ашуги, Новрузу снилась Кандаттура; почему-то, съ нимъ сдѣлался кошмаръ: его ротъ покрылся пѣной, и что-то стало его душить. Проснувшись, чтобы забыть тяжелый сонъ, онъ кликнулъ ашуговъ, но на его зовъ никто не отвѣчалъ. Когда-же онъ узналъ, что ашуговъ нѣтъ, то послалъ купить себѣ балалайку. Взявъ въ руки балалайку, Новрузъ простился съ родителями, говоря, что за него выдають дочь Джалаль-паши, Кандаттуру, и онъ отправляется за ней. Родители, погоревавъ, однако, благословили его, и онъ покинулъ родной домъ.

Среди разныхъ приключеній, пришлось Новрузу и плыть на суднѣ. Когда судно находилось среди моря, поднялась буря, и судно утонуло со всѣми пассажирами; спасся, случайно, только Новрузъ. Оставшись въ морѣ, на одной доскѣ, онъ долго плавалъ около утонувшаго судна. Наконецъ, какой-то морякъ, съ маяка, замѣтилъ, что около затонувшаго судна вертится какой-то человѣкъ, а, можетъ быть, и нечистый духъ; побуждаемый любопытствомъ, онъ подплылъ къ судну, и увидалъ Новруза. На разспросы моряка, обращенные къ Новрузу, какой онъ національности, Новрузъ не отвѣтилъ ни слова, и, только, когда морякъ повторилъ свои вопросы въ пѣснѣ, отвѣтилъ ему тоже пѣсней, въ которой объяснилъ, какъ онъ попалъ на судно, какъ послѣднее погибло, и что онъ сынъ Ке-

римъ-паши и отправляется жениться на дочери Джалаль-паши, Кандаттурѣ. Морякъ взялъ его въ свою лодку, и привезъ къ себѣ домой. Прибывъ домой, онъ представилъ Новруза своей дочери Гюлизарѣ, говоря, что онъ нашелъ ей брата; но она отвѣчала:

— „Зачѣмъ я возьму его въ братья, лучше я выйду за него замужъ!“

Она постлала для гостя постель, вмѣсто тюфяка положила двѣ подушки, изъ лебяжьего пуха, и предложила Новрузу сѣсть. Какъ только онъ усѣлся, она, несмотря на увѣщанія отца, также присѣла къ нему. Отецъ, видя, что дочь, въ безумствѣ, забыла дѣвичій стыдъ, предложилъ Новрузу пойти съ нимъ на прогулку въ садъ, въ надеждѣ, что, авось, тѣмъ временемъ, злой духъ отойдетъ отъ сердца дочери, и она образумится. Новрузъ и морякъ пошли въ садъ, гдѣ и переночевали. Утромъ, когда Новрузъ распростился съ морякомъ и хотѣлъ продолжать свой путь, Гюлизара явилась предъ нимъ, преградила ему дорогу и сказала, что, пока онъ не женится на ней, она не отпуститъ его. Тотъ, видя, что, словами, теперь дѣвушку не образумишь, отрѣзалъ кинжаломъ полы своего архалуха, находящіяся въ рукахъ Гюлизары, а самъ убѣжалъ. Когда Гюлизара отчаянно стала звать его, онъ оглянулся и отвѣтилъ, что, на обратномъ пути, непременно, женится на ней, и сталъ продолжать свой путь. Много ли бѣжалъ онъ, или мало, Аллахъ вѣдаетъ, но, наконецъ, онъ прибылъ въ столицу Джалаль-паши.

Когда онъ вошелъ во дворецъ падишаха, то нашелъ здѣсь множество поющихъ ашуговъ. Джалаль-паша, которому доложили о вновь прибывшемъ ашугѣ, т. е., царевичѣ Новрузѣ, велѣлъ отвести его въ садъ, кормить семь сутокъ, а на восьмой день доставить его къ нему для испытанія въ музыкальныхъ способностяхъ. Между тѣмъ, въ садъ, гдѣ отвели жилище Новрузу, стала ходить и Кандаттура. Оставаясь въ са-

ду наединѣ, они привязались другъ къ другу; однажды Кандаттура сказала Новрузу:

— „Когда ты будешь гѣть у отца, скажи, что имѣешь къ нему просьбу, и, пока онъ не поклонится враномъ, что исполнить эту просьбу, не говори, въ чемъ она заключается. Когда-же онъ дастъ клятву, то скажи, что ты пришелъ просить моей руки.“

Прошли назначенные семь сутокъ; на восьмой день, падишахъ вспомнилъ о новомъ ашугѣ, и, по его приязанію, Новруза привели во дворецъ. Пѣніе Новруза и игра на балалайкѣ очень понравились Джалаль-пашѣ, и онъ хотѣлъ вознаградить ашуга, но послѣдній отказался отъ подарковъ и сказалъ, что имѣетъ къ нему просьбу, но не выскажетъ ея, пока онъ, государь, не поклонится, что исполнить просимое. Джалаль-паша долго вѣпился и, наконецъ, произнесъ требуемую клятву: тогда Новрузъ сказалъ, что пришелъ просить руки дочери его, Кандаттуры. Царь, услыжавъ такую дерзкую просьбу дервиша, въ гнѣвѣ и ярости, потребовалъ палачей и хотѣлъ отрубить ему голову, но бывшіе тутъ его вазирьы и другіе сановники просили царя успокоиться, а ашуга посовѣтовали посадить, на-время, въ тюрьму. Царь уважилъ ихъ просьбу, посадилъ ашуга въ тюрьму, съ намѣреніемъ, на седьмой день, предать его суду. Кандаттура, когда узнала объ арестѣ Новруза, съ горя заболѣла, и, день-ото-дня, стала хилѣть; наконецъ, она сказала матери, что она больна *отъ Новруза*; та полагала, что ей хочется имѣть *новрузскіе* (весенніе) *цвѣты*, и принесла ей букетъ изъ этихъ цвѣтовъ. Кандаттура опять повторила, что причина ея болѣзни Новрузъ; на этотъ разъ ей принесли еще больше цвѣтовъ. Тогда она потребовала *балалайки* (*саазъ*),— ей падали *гуса* (*гаазъ*). А Кандаттура желала, играя на балалайкѣ, высказать родителямъ причину своего горя. Наконецъ, она рѣшилась объявить, что она должна выйти замужемъ за арестованнаго ашуга, и забо-

лѣда, только, потому, что ея возлюбленнаго арестовали. Когда объ этомъ сообщили царю, то онъ такъ разсердился, что приказалъ, за такую дерзость и своеволие, посадить царевну тоже въ темницу, но въ другую.

На шестой день послѣ того, какъ Новруза арестовали, падишаху снится, что онъ ѣдетъ на богомолье, но, сколько ни старается, никакъ не можетъ достигнуть своей цѣли и поклониться гробамъ святыхъ,—что-то мѣшаетъ ему, и онъ долженъ возвратиться домой, не исполнивъ своего обѣщанія. За первымъ сномъ слѣдуетъ второй: снится ему, что, въ его рукахъ, горитъ пара свѣчей, которыя, сами по себѣ, потухаютъ.

Послѣ такихъ страшныхъ сновидѣній, Джалаль-папа, утромъ, собираетъ всѣхъ мудрецовъ и ваяировъ, рассказываетъ имъ свои сны, но никто изъ нихъ не беретъ отгадать ихъ. Вдругъ, откуда-то появляется дервишъ, который, не зная ничего объ арестѣ Кандаттуры и Новруза, объясняетъ царю его сны такъ:

— „Первый сонъ, т. е., поѣздка на богомолье, означаетъ, что ты, государь, грѣшный человѣкъ: Богъ не принимаетъ твоей молитвы потому, что ты блялся Его кораномъ, но не исполняешь своего обѣщанія; а двѣ свѣчи, символически, обозначаютъ: одна—дочь твою, другая—зятя; ты, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ, хочешь убить, и, такимъ образомъ, погасить жизнь ихъ навсегда.“

Въ день казни, въ который назначено было отсѣчь Новрузу голову, онъ, горюя о своей долѣ и не зная ничего о сновидѣнιάхъ царя и объясненіяхъ дервиша, сталъ пѣть послѣднюю свою „*баяти*“, въ которой сознавался, что онъ сынъ Керимъ-паши, пришелъ въ Джалаль-пашѣ, какъ равный, а послѣдній его хочетъ убить и пр.. Какъ разъ въ это время, мимо тюрьмы, проходилъ царь, слышалъ все и убѣдился, что его плѣнникъ не простой дервишъ, а царевичъ Новрузъ.

Государь, выслушавъ внимательно до конца „баяти“ Новруза, вернулся во дворець, и приказалъ привести къ нему царевича, съ завязанными глазами; потомъ, въ присутствіи многочисленнаго народа и своихъ сановниковъ, объявилъ Новрузу, что мимо него пройдетъ много дѣвиць, и если онъ узнаеть, которая Кандаттура, тогда выдасть её за него, если же не узнаеть, то отрубить ему голову.

Сказано—сдѣлано. Кромѣ Кандаттуры, привели и 19 другихъ дѣвушекъ, дочерей вазировъ — назировъ и другихъ сановниковъ падишаха. Дѣвушки проходили мимо Новруза, по одиночѣ, и онъ, не зная именъ, даже, сановниковъ царя, каждую называлъ по имени, восхваляя ихъ въ пѣсняхъ. Такъ прошли восемнадцать; девятнадцатая, хромая и на одинъ глазъ слѣпая, была дочь Казія, которая просила не убивать ашуга, а выдать её за него замужъ; Новрузъ, когда она проходила мимо него, пропѣлъ ей слѣдующее:

— „У тебя нога хромая, а глазъ съ бѣльмомъ,
Добро пожаловать, дочь Казія!“

Та обругала его и ушла сконфуженной. Наконецъ, когда проходила двадцатая, Новрузъ узналъ въ ней свою любимую Кандаттуру, взялъ за руки и обнялъ ее. Государь сталъ говорить ему, что онъ ошибся, такъ-какъ это не Кандаттура, но Новрузъ и слышать ничего не хотѣлъ, и, не выпуская ея изъ объятій, требовалъ открыть ему глаза. Тогда сняли съ него повязку, и, при всеобщихъ поздравленіяхъ, онъ объявилъ, что онъ царевичъ Новрузъ, сынъ Керимъ-паши. Джалаль-паша, послѣ этого, сыгралъ свадьбу дочери, и пригласилъ на пиръ почти весь городъ, а, потомъ, когда Новрузъ, не желая оставаться у Джалаль-паши, долженъ былъ уѣхать, съ женою, домой, падишахъ подарилъ ему и дочери по одному хорошему коню. Такъ-какъ на дорогѣ, по которой должны были ѣхать новобрачные, жилъ *одноглазый человекъ (калла-гозъ)*, который убивалъ путниковъ, то, чтобы оградить молодыхъ отъ опа-

сности, Джалаль-паша приставилъ къ нимъ одного изъ самыхъ храбрыхъ своихъ тѣлохранителей, который долженъ былъ сопровождать ихъ до столицы Керимъ-паши.

Молодые, получивъ благословеніе Джалаль-паши и жены его, отправились въ путь, въ сопровожденіи тѣлохранителя; но недолго они ѣхали вмѣстѣ: дорогой, тѣлохранитель пови-нулъ ихъ и вернулся домой, въ той увѣренности, что одноглазый, непременно, убьетъ Новруза, и тогда онъ самъ можетъ взять себѣ Кандаттуру. Съ такою думою въ головѣ, вѣроломный воинъ вернулся во дворецъ и доложилъ Джалаль-пашѣ, что онъ, благополучно, проводилъ новобрачныхъ, по опаснымъ мѣстностямъ, и что дальше они хотѣли поѣхать безъ тѣлохранителя, такъ-какъ опасности уже не предвидѣлось.

Какъ только Новрузъ приблизился къ дому одноглазаго, послѣдній обрадовался и, съ восторгомъ, произнесъ:

— „Добро пожаловать, будетъ чѣмъ позавтракать!“

Новрузъ не далъ одноглазому договорить даже послѣднихъ словъ, а пустилъ въ него стрѣлу, которая вонзилась ему въ грудь, и онъ упалъ мертвымъ. Въ то время, когда Новрузъ приближался къ дому одноглазаго, дочь послѣдняго стояла на крышѣ, и, при видѣ Новруза, влинула ему:

— „Скажись надъ собою, добрый молодецъ, возвращайся назадъ, не то отецъ убьетъ тебя!“

Когда Новрузъ убилъ одноглазаго, онъ указалъ Шахъ-Паріи (такъ звали дочь великана) на трупъ убитаго имъ отца. Увидѣвъ отца убитымъ, она сказала Новрузу:

— „Разъ ты убилъ моего отца, то долженъ жениться на мнѣ,—ты не смѣешь покинуть меня здѣсь одну.“

Новрузъ исполнилъ ея желаніе и, съ двумя женами, Кандаттурой и Шахъ-Паріей, поѣхалъ дальше. Не много они поѣхали, какъ имъ преградила дорогу уже знакомая намъ Гюлизара, дочь моряка, на которой, какъ мы видѣли, нѣкогда, общалъ жениться Новрузъ. Онъ и тутъ исполнилъ свое обѣщаніе, же-

нили на Гюлизарѣ и, вчетверомъ, продолжали путь къ дому Керимъ-паши. Ъхали долго-ли, коротко-ли, какъ, навстрѣчу имъ, вышелъ джейранъ. Увидя его, Новрузъ погнался за нимъ; долго онъ гнался за джейраномъ, и отъѣхалъ далеко отъ своихъ женъ. Увидя это, жены стали говорить между собою: „онъ одного джейрана больше любитъ, чѣмъ насъ троихъ, покинемъ-же его, и поѣдемъ къ себѣ обратно.“ Сказано—сдѣлано. Онъ уже помчались обратно, какъ Новрузъ обернулся и видитъ, что тамъ, гдѣ онъ оставилъ своихъ женъ, ихъ уже нѣтъ. Онъ сталъ громко пѣть и просить, чтобы онъ вернулись къ нему и не повидали его. Хотя онъ долго упорствовалъ, но любимая его Кандаттура не могла вытерпѣть, вернулась первая, а за нею Шахъ-Пари и Гюлизара. Поѣхали они дальше.

Дорогой, три пастуха пасли стадо овецъ; при видѣ Новруза съ женами, одинъ изъ нихъ и говоритъ:

— „Вотъ ѣдутъ три красавицы и съ ними одинъ молодецъ; убьете его, затѣмъ я возьму себѣ ѣдущую на бѣлой лошади (это была Кандаттура), а остальныхъ—вы.“

Такъ порѣшивъ между собой, они выслали навстрѣчу Новрузу самаго сильнаго товарища, съ предлинной дубиной въ рукахъ: онъ хотѣлъ убить Новруза. Сколько ни просилъ, сколько ни умолялъ его Новрузъ пропустить ихъ, пастухъ оставался непоколебимъ, и упорно не давалъ имъ проходу. Тогда Новрузъ, видя, что долженъ пасть жертвою пастуха, чтобы, хоть нѣсколько, облегчить свое горе, сталъ пѣть *баяти*, въ которой рассказывалъ свои похождения, — какъ онъ покинулъ родину, родныхъ, и какъ хочется ему видѣть послѣднихъ, но не даетъ ему достигнуть цѣли пастухъ. Изъ его *баяти* пастухъ узналъ въ немъ сына своего хозяина-государя, извинился предъ нимъ и усккалъ сообщить Керимъ-пашѣ о возвращеніи къ нему сына его, царевича Новруза, по которомъ такъ долго родители носили трауръ. Радости Керимъ-паши не было предѣловъ: онъ щедро наградилъ пастуха, котораго, затѣмъ, назначилъ къ себѣ

визиромъ. Пастухъ, переодѣвшись въ драгоценный костюмъ, съ войскомъ, народомъ и сановниками, вышелъ встрѣчать Новруза. При встрѣчѣ, знакомые намъ пастухи не узнали своего сотоварища, теперь уже вазира. Новрузъ, въ сопровожденіи густой толпы народа, проѣхалъ, съ женами, во дворецъ, представилъ ихъ отцу и матери, которые почти переродились и помолодѣли отъ радости. По случаю возвращенія сына, родители задали большой пиръ, на который были приглашены всѣ жители столицы—и богатые, и бѣдные. Послѣ этого, Керимъ-паша жилъ еще много лѣтъ, а когда скончался, передалъ престолъ своему сыну Новрузу, который, справедливо и мудро, управлялъ народомъ, до конца своихъ дней.

4. Чигали.

Одинъ государь имѣлъ единственную дочь, по имени Джейранъ. Джейранъ хотя и была царевной, но любила работать: каждый день, рано по утру, она, съ шитьемъ въ рукахъ, выходила въ садикъ, предъ домомъ, и, здѣсь, за работой, проводила почти цѣлый день. Разъ, возвращаясь домой, она забыла взять пучекъ бѣлыхъ нитокъ, оставленный ею на деревѣ. Нитки эти ночью покрылись *инеемъ* (*чигали*); когда она, утромъ, увидѣла нитки съ инеемъ, то ей пришла на умъ мысль, что, вѣроятно, и царь Чигали (иначе—Чигъ-Али), управлявшій въ то время сосѣдней страной, такой-же красавецъ, или такой-же бѣлый, какъ этотъ пучекъ нитокъ. Съ этого момента, имя царя Чигали не выходило изъ ея головы,—она все время думала о томъ, каковъ долженъ быть этотъ Чигали; наконецъ, эти думы довели ее до того, что она влюбилась въ него. Чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ сильнѣе она влюблялась въ царя; наконецъ, бѣдная царевна стала, день-ото-дня, хилѣть и чуть не умерла. Тщетно отецъ ея долго доискивался причины болѣзни своей единственной любимой наслѣдницы. Пригла-

шенные *исими* (врачи) также не могли узнать, что случилось съ царевной; наконецъ, одинъ изъ нихъ взялся найти причину болѣзни царской дочери. Сообщивъ царю свой планъ, онъ, незамѣтно, прошелъ въ спальню прелестной Джейранъ и, когда послѣдняя спала, подвѣсилъ, съ потолка, двухъ барановъ: одного худенькаго, а другого жирнаго, и самъ, съ родственницами царевны, въ другой комнатѣ, сталъ ожидать результатовъ. Какъ только Джейранъ проснулась, подвѣшенные бараны бросились ей въ глаза, и она обратилась къ худенькому изъ нихъ съ слѣдующими словами:

— „Развѣ ты не ѣлъ того корма, что ѣлъ твой жирный товарищъ, и не пилъ той воды, какую пилъ онъ? неужели ты тоже страдаешь изъ-за Чигали, какъ страдаю я сама!“

Докторъ, какъ услышалъ послѣднія слова, тотчасъ же пошелъ доложить царю, что дочь его, Джейранъ, влюблена въ царя Чигали, и потому страдаетъ. Царь долго думалъ, какъ бы это устроить, чтобы Чигали женился на его дочери, и такъ-какъ, ради спасенія своей Джейранъ, онъ готовъ былъ на все, то, не теряя времени, рѣшилъ лично отправиться къ царю Чигали.

Послѣдній, узнавъ о прїѣздѣ къ нему правителя сосѣдняго государства, выѣхалъ къ нему навстрѣчу, со своими сановниками, и принялъ его съ большимъ почетомъ. По прїѣздѣ во дворецъ, когда оба царя остались наединѣ, отецъ Джейранъ объявилъ царю Чигали, что дочь его, Джейранъ, влюбилась въ него, чрезъ это болѣеть, и потому онъ, отецъ, предлагаетъ ему руку царевны.

Чигали, съ радостью, принялъ его предложеніе и назначилъ срокъ свадьбы. При отъѣздѣ будущаго тестя, Чигали передалъ ему свой платокъ и сказалъ:

— „Пусть царевна этотъ платокъ выстираетъ два раза: воду отъ первой стирки она выльетъ на порогъ сосѣдняго дома; тогда на порогѣ ея дверей вырастетъ розовый кустъ, а у сосѣдни колючіе стебли.“

Послѣ этого, царь распростился съ Чигали, и вернулся къ себѣ домой; по приѣздѣ, онъ, немедленно, передалъ дочери платокъ Чигали и сообщилъ ей его порученіе.

Между тѣмъ, эту бесѣду подслушала дочь сосѣдки, которая пришла узнать, какія новости привезъ съ собой царь, изъ сосѣдней страны. Прелестная Джейранъ, получивъ платокъ, оправилась, поднялась съ постели и стала стирать платокъ. Въ это время, приходитъ дочь сосѣда, Фатъма, и просить дрожжей. Царевна, не трогаясь съ мѣста, указала, гдѣ стоять дрожжи, и просила Фатъму самой взять ихъ. Фатъма взяла кувшинъ съ указанного мѣста, спрятала и, вернувшись, сказала Джейранъ, что нигдѣ не нашла дрожжей. Тогда царевна, не подозрѣвая злого умысла со стороны Фатъмы, встала, и, пока она отыскивала дрожжи, Фатъма успѣла унести воду отъ первой стирки къ себѣ, разлила на порогъ своихъ дверей, а въ тазъ налила новой воды, и поставила его на прежнее мѣсто, потомъ взяла дрожжи и ушла, коварно поблагодаривъ Джейранъ за услугу. Спустя нѣкоторое время, у порога царевны, къ ея несчастью, выросли колючіе кусты, а у порога Фатъмы—розовый кустъ.

Въ опредѣленный день, царь Чигали, въ сопровожденіи придворныхъ и многочисленной свиты, явился за своей невестой. Приѣхавъ, онъ сталъ разыскивать розовый кустъ и находить его у порога какого-то простого домика, что не мало его озадачило; но дѣлать нечего, онъ входитъ въ этотъ домъ, гдѣ ожидаетъ его разодртая, мнимая невеста, Фатъма. Когда Чигали и его свита направились не къ дому Джейранъ, а къ Фатъмѣ, царевна, въ сильномъ горѣ, стала спрашивать свою мать, какъ поступить въ данномъ случаѣ? Послѣдняя могла только сказать ей:

— „Повремени, Богъ великъ и милостивъ!“

Когда, въ сосѣднемъ домѣ, стали готовиться къ совершенію обряда бракосочетанія, Джейранъ опять обратилась къ

матери съ просьбой научить ее, что дѣлать, но получила тотъ же самый отвѣтъ, что и прежде. Наконецъ, когда новобрачные собрались уже выѣхать изъ дому, она опять было бросилась къ матери, съ вопросомъ: „что дѣлать?“ но, видя, что ничто уже не поможетъ, бросилась на колѣни и, въ изступленіи, стала молить Аллаха. Въ ту-же минуту она превратилась въ бѣленькаго голубя и стала кружиться надъ головами новобрачныхъ, пачкая своимъ пометомъ жену Чигали, Фатьму. Появленіе голубя не возбудило вниманія Чигали, но Фатьма узнала въ немъ свою соперницу, прелестную Джейранъ.

Новобрачные прибыли во дворецъ Чигали, но голубь отъ нихъ не отставалъ. Тогда царица стала требовать, чтобы зарѣзали голубя, — да и зачѣмъ держать его, когда онъ все пачкаетъ, и напрасно беспокоить ихъ. Чигали исполнилъ желаніе жены, самъ, лично, зарѣзалъ голубя, въ переданной ему женой, голубой тарелкѣ, и старался, чтобы ни одна капля крови не упала на землю, какъ того требовала жена. Кровь налили въ пузырекъ, и царица взяла ее къ себѣ.

Къ счастью Джейранъ, ни царь, ни Фатьма не замѣтили, что, нечаянно, одна капля крови голубя упала на землю. На томъ мѣстѣ, гдѣ упала капля крови, спустя нѣкоторое время, выросло прекрасное, стройное тополевое дерево. Злая Фатьма и въ этомъ деревѣ узнала свою соперницу — Джейранъ, и стала требовать, чтобы мужъ срубилъ его на люльку для ихъ новорожденнаго младенца. Мужъ исполнилъ и это требованіе жены. Чтобы не выросло опять новаго дерева, сама царица, лично, собрала всѣ щепочки и куски тополя, оставшіеся послѣ изготовленія колыбели, и сожгла ихъ, но, опять-таки, какимъ-то образомъ, отъ ея зоркихъ глазъ скрылся кусочекъ доски.

Сосѣдка ихъ, бѣдная старуха Мина, по обыкновенію, пришла во дворъ Чигали подбирать оставшіеся отъ рубки дровъ щепки и, между ними, нашла кусокъ тополевой доски, и, вмѣстѣ съ другими щепками, унесла къ себѣ домой. Ей жаль было сжечь этотъ

кусокъ доски, поэтому она имъ прикрыла горшокъ дрожжей, а сама ушла на заработки. Каково же было ея удивленіе, когда она, вечеромъ, возвратившись домой, нашла комнату убранной, — даже пища была сварена! Такъ-какъ съ нею, въ этой комнатѣ, никто не жилъ, то старушка пошла разспросить сосѣдокъ — не онѣ ли подмели ея комнату? Сосѣдки отвѣтили отрицательно. По обыкновенію, каждый день, съ утра, Мина уходила на работу, которой еле поддерживала себя, и, по возвращеніи, каждый разъ, находила комнату подметенной, и такъ чисто убранной, какъ будто кто-нибудь, исключительно, занятъ былъ ея уборкой. Чтобы узнать, наконецъ, кто этотъ таинственный помощникъ, старушка рѣшила прибѣгнуть къ хитрости. Вотъ, разъ, притворившись, будто она идетъ со двора, старушка стала говорить, какъ-бы про-себя, что, вотъ-де, сегодня, съ заработковъ, придется ей вернуться не раньше вечера. Сдѣлавъ видъ, что уходитъ со двора, старушка, на самомъ дѣлѣ, вернулась и стала караулить за дверьми. Вотъ она видитъ, что со шкапа упала крышка отъ дрожжевого горшка и превратилась въ стройную, красивую дѣвушку, которая стала подметать комнату и все убирать; когда-же дѣвушка окончила уборку, то вернулась къ шкапу, но, въ это время, старуха задержала ее обѣими руками, и сколько та ни умоляла, ни просила — она не выпускала ея, говоря:

— „Какъ! разъ Богъ тебя послалъ мнѣ, зачѣмъ я выпущу.“ Съ этого времени, дѣвушка, считаясь дочерью бездѣтной одинокой вдовушки, стала открыто жить у нея.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, по городу стали ходить слуги царя Чигали и раздавать горожанамъ царскихъ лошадей, которыхъ они должны были содержать до востребованія. Конечно, лошадей брали тѣ, которые имѣли возможность кормить ихъ. Приемная дочь Мины стала упрашивать старуху, чтобы и она выпросила у царя лошадь.

Долго старуха уклонялась отъ исполненія просьбы дѣвуш-

ви, говоря, что имъ самимъ нечего ѣсть, а для лошади нуженъ кормъ, котораго у нихъ нѣтъ, — какъ-же онѣ, бѣдныя женщины, будутъ держать лошадь! Но дочь, неотступно, просила принять лошадь, говоря, что сама будетъ кормить и поить ее. Наконецъ, Мина согласилась, и стала просить о томъ царскихъ слугъ, а когда тѣ ей отказали въ просьбѣ, дочь настояла, чтобы старуха, лично, пошла просить лошадь у самого Чигали. Сперва царь не хотѣлъ исполнить ея желанія, говоря: „Какъ и чѣмъ ты будешь кормить лошадь?“ Но, когда увидѣлъ, что старуха не отстаетъ, приказалъ дать ей самую плохую лошадь, на которой, какъ говорится, были только кожа да кости. Дочь старухи стала ухаживать за лошадию, поставивъ ее въ конюшню, смежную съ ихъ жилою комнатою. На доску, раздѣлявшую ясли на двѣ части, она положила платокъ Чигали, доставленный ей отцомъ и причинившій ей столько бѣдствій и горя, и съ этого времени, въ ясляхъ появились съ одной стороны, холодная неисчерпаемая вода, а съ другой — кормъ. Лошадь, день-ото-дня, стала поправляться, и, въ самое короткое время, превратилась въ такого стройнаго коня, что его въ городѣ можно было признать за лучшаго скакуна. Спустя три мѣсяца, лошади понадобились царю, и царскіе слуги стали ходить по городу и собирать ихъ, но, о горе, вмѣсто розданныхъ лошадей, они получали обратно, только, ихъ кожи, такъ-какъ, по случаю суровой зимы и безкормицы, всѣ лошади, поголовно, околѣли. Дошла очередь до старухи Минны, у которой тоже потребовали кожу, но она, вмѣсто кожи, вывела прекраснаго коня, съ тавромъ царя. Царскіе слуги не мало были удивлены этимъ, и пошли доложить царю; пока они ходили съ докладомъ, во дворецъ, дочь старухи хлыстнула три раза коня платкомъ Чигали и сказала:

— „Ложись и, пока я не приду и не скажу: вставай! не трогайся съ мѣста, если даже царскіе слуги будутъ бить тебя; если ты не исполнишь этого, то пусть Богъ наважаетъ тебя, что ты не оцѣнилъ моихъ трудовъ.“

Между тѣмъ, слуги царя вернулись и принесли старухѣ подарки; но сколько конюхи ни старались и ни били коня, онъ не подымался съ мѣста, а только заглядывалъ въ комнату старухи. Доложили объ этомъ царю; онъ, лично, пошелъ въ конюшню, но лошадь, по-прежнему, упорствовала и все смотрѣла на двери хижины старухи. Тогда царь заинтересовался этимъ, и приказалъ узнать, что находится въ той комнатѣ, что лошадь все туда смотреть. Слуги доложили царю, что въ комнатѣ, кромѣ одной дѣвушки, правда, красавицы, достойной быть даже царицей, никого и ничего нѣтъ. По приказанію царя, явилась дочь старухи, но раньше она совсѣмъ закуталась и закрыла свое лицо. Вынувъ платокъ Чигали, она три раза хлыснула имъ лошадь по спинѣ и сказала:

— „Какъ отъ твоего хозяина я не получила ничего добраго, такъ и отъ тебя мнѣ нечего ожидать,—вставай!“

Лошадь сію-же минуту поднялась, и слуги увели ее во дворецъ. Хотя царь тотчасъ вернулся къ себѣ домой, но все время думалъ и не могъ догадаться, какое значеніе могли имѣть слова дочери старухи, и къ чему были они сказаны; наконецъ, чтобы добиться разъясненія этой загадки, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Вотъ, онъ посылаетъ купить матеріи на архалухъ и, передавая её женѣ, требуетъ, чтобы она, къ обѣду же, сшила архалухъ. Царица не могла сама окончить работы, почему пригласила нѣсколько швеекъ; однѣ изъ нихъ кроили, другія шили. Заходить къ нимъ царь и спрашиваетъ, не знаютъ ли онѣ еще другихъ швеекъ, чтобы поскорѣе окончить шитье?

Швейки отвѣтили, что у сосѣдки царя есть дочь, которая тоже хорошо умѣетъ шить. Царь приказалъ пригласить её; но ревнивая царица уже успѣла собрать свѣдѣнія о личности приглашаемой дѣвушки, и, узнавъ въ ней свою соперницу, Джейранъ, лично сама отправилась къ старухѣ и говорить ей:

— „Царь приглашает твою дочь, но у насъ на дворѣ злая собака, а на улицѣ страшная грязь,—если желаетъ, пусть придетъ.“

Конечно, послѣ такого приглашенія, дочь Минны отказалась, и царица сообщила объ этомъ отказѣ царю. Царь не повѣрилъ словамъ жены, и, секретно отъ нея, послалъ разузнать прислугу, въ чемъ дѣло; тогда разъяснилась причина отказа старухиной дочери. Между тѣмъ, Джейранъ, все-таки, явилась, хотя и съ закрытымъ лицомъ, и стала шить за семерыхъ; окончивъ свою работу, она, послѣдовательно, докончила и работы, начатыя другими швейками. Такимъ образомъ, архалухъ Чигали былъ спать ранѣе назначеннаго времени. Во все время работы, царь сидѣлъ подлѣ дѣвушекъ и все видѣлъ. Когда архалухъ былъ шить, Чигали обратился къ нимъ съ предложениемъ рассказать ему сказку, кто какую знаетъ. Всѣ стали уклоняться, отговариваясь незнаніемъ, и указали на дочь старухи, говоря, что она бывала во многихъ земляхъ, много слышала,—она и можетъ рассказать. Хотя Джейранъ и самой очень хотѣлось рассказать царю сказку, но, изъ приличія, она отказалась; когда-же царь сталъ настоятельно требовать—она начала рассказывать всю свою исторію; но все это она рассказала не отъ своего имени, а какъ бы слышанное отъ другихъ и про другихъ личностей. Такъ она рассказала, какъ одинъ царь, заочно, обручился съ одной царевной, но, потомъ, какъ обманулся, женившись на плѣшивой дѣвушкѣ, какъ его невеста превратилась въ голуба, въ дерево, а, затѣмъ, опять въ дѣвушку и пр.. Тутъ разъяснилась вся истина, и Чигали узналъ, какъ онъ обманулся, и на дѣлѣ убѣдился, что жена его плѣшива; онъ велѣлъ посадить еѣ, съ ребенкомъ, на осла, водить по улицамъ столицы и, наконецъ, обливъ нефтью, сжечь ихъ.

Послѣ этого, Чигали женился на своей настоящей невестѣ, царевнѣ Джейранъ,—сыграли свадьбу и стали жить себѣ счастливо да поживать, а старое горе свое забывать.

5. Севдагарь-Ахмедъ.

Въ городѣ Дербентѣ, нѣкогда, жилъ богатый купецъ Ахмедъ, котораго всѣ прозвали Севдагарь-Ахмедомъ. Онъ велъ свою торговлю въ разныхъ концахъ земного шара, для чего имѣлъ сорокъ главныхъ приказчиковъ, занимавшихся, въ разныхъ городахъ, его торговыми операціями. Вотъ, разъ, онъ пригласилъ въ Дербентъ всѣхъ приказчиковъ и сталъ спрашивать ихъ о тѣхъ городахъ, гдѣ они бывали. Приказчики перечислили ему много городовъ: Москву, Петербургъ, Парижъ, Лондонъ, Константинополь, Тавризъ и т. д., но о Тифлисѣ, столицѣ Кавказа, никто не сказалъ ни слова. Севдагарь-Ахмедъ собралъ весь свой наличный товаръ, взялъ всѣхъ своихъ приказчиковъ и своего раба Юсуфа, котораго любилъ не меньше своего родного сына, Мамеда, и направился въ путь; весь караванъ тронулся по направленію къ Тифлису. Отправляясь въ путь, Севдагарь сперва хотѣлъ было взять съ собою единственнаго своего сына, Мамеда, а Юсуфа оставить дома, но, потомъ, раздумалъ, такъ-какъ Юсуфъ могъ обидѣться и предположить, что Ахмедъ его не любитъ, а только лицемѣритъ передъ нимъ. Черезъ нѣсколько дней, караванъ Ахмеда находился на мѣстности „Харамі-бурунгъ“ (?), въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тифлиса. Здѣсь всѣ расположились на ночлегъ. Въ тѣ далекія времена, о которыхъ идетъ рассказъ, около этой мѣстности постоянно рыскали и развѣзжали разбойники, и, на этотъ разъ, здѣсь скрывалась шайка изъ сорока человекъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Саидъ-Мамеда. Саидъ-Мамедъ находился недалеко отъ стоянки Ахмеда, и, посредствомъ подзорной трубы, разсматрѣлъ весь караванъ и всѣхъ путниковъ. По стройной своей осанкѣ, Юсуфъ понравился Саидъ-Мамеду, почему онъ предложилъ своимъ товарищамъ провраться, ночью, въ стоянку и, когда всѣ будутъ спать, украсть Юсуфа. Всѣ отказались, говоря, что караванъ сопровождаетъ порядочная о-

храна, во всякомъ случаѣ, численностью не меньше ихъ, а, потому, нападеніе будетъ безуспѣшно. Нечего было дѣлать,—чтобы достигнуть своей цѣли, Саидъ-Мамедъ долженъ былъ отправиться самъ. Онъ завязалъ себѣ одинъ глазъ и одну руку, переодѣлся въ лохмотья и, какъ нищій, передъ вечеромъ, пришелъ къ купцу просить милостыни. Каждый изъ путниковъ далъ ему свою лепту, а было уже темно, и, потому, Ахмедъ, съжившись надъ нимъ, оставилъ его ночевать съ Юсуфомъ, такъ-какъ лишней постели не было, да и время было холодное. Всѣ въ караванѣ заснули, заснулъ и Юсуфъ; не снится только одному Саидъ-Мамеду; когда онъ увидѣлъ, что все стихло, и что Юсуфъ спитъ богатырскимъ сномъ, онъ завернулъ его въ одѣяло, взялъ на спину и поторопился оставить караванъ. Утромъ, когда караванъ поднялся на ноги, оказалось, что Юсуфа и мнимаго нищаго не было; сколько ни искали ихъ, не могли найти, какъ будто они съвозъ землю провалились. Хотя Ахмеду сдѣлалось очень грустно, но дѣлать было нечего, и караванъ, хотя въ траурѣ, продолжалъ свой путь. Въ Тифлисѣ Ахмедъ познакомился, а потомъ и подружился съ такимъ-же богатымъ купцомъ, какъ онъ самъ, вѣвимъ Гюрджи-Велиемъ. Чтобы упрочить эту дружбу, Ахмедъ со сваталъ своему сыну, Мамеду, дочь Велия, красавицу Гюлизару. Когда Ахмедъ продалъ весь свой товаръ, то совершилъ вебинный актъ и, взявъ съ собою Гюлизару, съ ея служанками, отправился къ себѣ домой, въ Дербентъ. Караванъ благополучно прошелъ мѣстность „Харамі-бурунъ“, Шемаху и Кубу, и приближался къ Дербенту. Мамедъ, узнавъ о приближеніи отца, съ массою всадниковъ, выѣхалъ къ нему навстрѣчу. Встрѣчая отца, онъ проскакалъ около тарантаса, въ которомъ ѣхала его невѣста, съ нѣсколькими служанками; раньше всѣхъ ему бросилась въ глаза одна изъ прислужницъ Гюлизары, очень некрасивая, съ морщинами на лицѣ; невѣсты же своей онъ не видѣлъ. Полагая, что это и есть его невѣста, Мамедъ подумалъ:

— „Отецъ мой, зная, что въ Тифлисѣ дѣвицы выдають замужъ съ приданымъ, взялъ такую старую дѣву, чтобы получить побольше приданого, какъ будто у него самого мало состоянія.“

И тутъ-же, въ душѣ, Мамедъ далъ себѣ слово ни за что не жить съ женою. Когда пріѣхали въ городъ, отецъ сыгралъ свадьбу, — всѣ горожане семь сутокъ ѣли, пили и кутили въ его домѣ. На это угощеніе онъ истратилъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Въ послѣдній день свадьбы, невѣсту перевели на половину Мамеда, который, хотя и не протестовалъ противъ этого, но не захотѣлъ даже посмотрѣть на свою жену. По мѣстному обычаю, утромъ, „емге“ (посредница) и другія женщины пришли навѣстить молодую и разузнать, какъ провели новобрачные ночь. Мамедъ всѣхъ ихъ щедро награждалъ и просилъ, чтобы онѣ увѣрили его родныхъ, что все обстоятъ, какъ должно, и что онѣ-де, лично, убѣдились въ томъ, что Мамедъ исполнилъ свои супружескія обязанности; между тѣмъ, ни самъ Мамедъ, ни пришедшія женщины не видали невѣсты въ глаза. Бѣдная Гюлизара сидѣла дома цѣлыхъ два мѣсяца, ни разу не видя своего мужа. Къ ней ходила только служанка ея, привезенная съ нею изъ Тифлиса; послѣднюю Мамедъ также не забывалъ награждать подарками, чтобы она все сохраняла въ тайнѣ. Бѣдной Гюлизарѣ надолго пришлось бы быть лишенной радостей семейной жизни, если бы не свадьба Гаджи-Муршуда, одного изъ товарищей Мамеда. На свадьбу приглашено было все семейство Ахмеда, и, вотъ, изъ женщинъ пошли сестра и жена Мамеда, а изъ мужчинъ только самъ Мамедъ. Проходя мимо женскаго отдѣленія, Мамедъ заглянулъ туда и увидѣлъ, что, предъ окномъ, сидитъ одна статная красавица, достойная быть царицей; онъ влюбился въ нее и сталъ собирать о ней справки. Всѣ ему отвѣчали одно и то же:

— „Ты гордишься своею женою, всѣ знаютъ, что она

хороша, прелестна, красавица; зачѣмъ-же еще дразнить другихъ!“

Товарищи Мамеда ѣли, пили, плясали, а онъ все время стоялъ у окна и любовался своею женою; Гюлизара замѣтила это, и сняла съ головы шаль, чтобы Мамедъ еще лучше разсмотрѣлъ ее; такъ Мамедъ простоялъ у окна до окончанія свадьбы. Когда свадьба кончилась, всѣ разошлись по домамъ. Вернулся и Мамедъ, и ему страстно захотѣлось проникнуть къ женѣ, въ которую онъ безумно влюбился. Но сколько ни старался, ни просилъ Мамедъ, Гюлизара оставалась неумолимой, и не впустила его къ себѣ въ комнату; наконецъ, она сказала ему:

— „Завтра скачки,—достань мнѣ мужской костюмъ, оружіе и все необходимое; осѣдлай мнѣ и себѣ по одному хорошему коню,—примешь участіе въ скачкахъ, а по возвращеніи домой, я помирюсь съ тобою.“

Мамедъ исполнилъ желаніе жены въ точности: осѣдлалъ себѣ хорошаго коня, а ей самаго лучшаго скакуна, который въ Дербентѣ, на бѣгахъ, считался первымъ. Во время скачекъ, Гюлизара всѣхъ обогнала,—всѣ были удивлены, не знали, кто она, знали ее только одинъ Мамедъ; прочіе же приняли ее за шурина Мамеда. Проскакавъ два-три конца, Гюлизара, вдругъ, повернула коня и, по большой почтовой дорогѣ, помчалась къ Тифлису. Мамедъ понялъ, что за свою жестокость онъ сильно наказанъ,—онъ зналъ, что теперь догнать жену невозможно, такъ-какъ ни одна изъ Дербентскихъ лошадей не могла догнать ея лошадь; осталось только одно средство—опередить жену проселочной, кратчайшей дорогой. Мамедъ опередилъ Гюлизару и встрѣтилъ ее на мѣстности *Халадаръ* (?), по дорогѣ въ Кубу. Гюлизара просила пропустить ее, а Мамедъ умолялъ ее простить прошлое, и вернуться домой. Однако, Гюлизара осталась неумолимой, и, такъ-какъ мужъ не пропускать ея, она однимъ ударомъ сабли нанесла ему рану въ

голову, а сама pokračала дальше. Между тѣмъ, любопытство подстрекнуло ее обернуться назадъ; когда-же она обернулась, то увидѣла мужа лежащимъ въ крови, и изъ-за уваженія, не къ нему лично, а къ его отцу—Ахмеду, подъ кровомъ котораго она находилась два мѣсяца, вернулась къ мужу, отмыла кровь, обвязала рану, сама усѣлась на землю, а голову Мамеда положила себѣ на колѣни и такъ сидѣла, пока Мамедъ пришелъ въ себя. Какъ только Мамедъ очнулся и увидѣлъ Гюлизару, онъ забылъ про свою рану и хотѣлъ поцѣловать ее, но Гюлизара не дала ему возможности сдѣлать этого и, сказавъ: „Мужчины не заслуживаютъ, чтобы имъ дѣлали добро“, положила его голову на камень, а сама pokračала дальше. Когда Гюлизара прибыла въ Тифлисъ, отецъ выдалъ ее замужъ за прежняго жениха—Абдуль-Гашима, сына тифлисскаго купца, Гаджи-Муртуза. Абдуль-Гашиму, раньше, очень хотѣлось жениться на Гюлизарѣ, но, теперь, онъ сильно призадумался, такъ-какъ она уже была женою другого; наконецъ, противъ своей воли, уступая желанію родныхъ, онъ рѣшился на этотъ бракъ. Между тѣмъ, за нѣсколько дней до свадьбы, прибылъ въ Тифлисъ Мамедъ и, чрезъ разныхъ старухъ-посредницъ, сталъ просить, чтобы Гюлизара опять вернулась къ нему. Свадьба уже началась, но посредницы Мамеда, всячески, старались разстроить ее. Такъ-какъ до Гюлизары успѣли дойти слухи, что Абдуль-Гашимъ женится на ней не по своему желанію, а по настоянію родныхъ, то она дала знать Мамеду, чтобы онъ, въ ночь свадьбы, поджидаль ее у дверей Абдуль-Гашима, и, если она убѣдится, что слухи, которые дошли до нея, вѣрны—тогда убѣжить съ нимъ. Сказано—сдѣлано. Въ ночь свадьбы, Абдуль Гашимъ сталъ упрекать Гюлизару за то, что она вышла замужъ за другого, когда онъ раньше сваталъ ее, и, слово за слово, новобрачные поссорились, причемъ Гюлизара ударила новаго мужа пальбой по головѣ, выскочила на дворъ и, съ поджидавшимъ ее Мамедомъ, не теряя времени, выѣхала въ Дербентъ.

Дорогой, они остановились почевать на мѣстности „Харам-бурум“, гдѣ былъ украденъ Юсуфъ. Въ эту-же ночь, знакомый уже намъ Саидъ-Мамедъ, со своею шайкою, находился не по-далеку отъ стоянки Мамеда; посредствомъ подзорной трубы онъ увидѣлъ спавшихъ Мамеда и Гюлизару, и, обрадовавшись случаю, послалъ противъ нихъ трехъ наиболѣе храбрыхъ своихъ товарищей; въ числѣ послѣднихъ находился украденный Юсуфъ, который не узналъ Мамеда, такъ-какъ дѣло было ночью. Разбойники, прибывъ на мѣсто, сначала порѣшили убить спящаго Мамеда, но, потомъ, раздумали, и предпочли—не даромъ-же ихъ трое—сперва разбудить его, а послѣ убить. Когда разбойники разбудили Мамеда и намѣревались привести въ исполненіе приказаніе своего атамана, Гюлизара стала просить не убивать ея мужа, а, въ крайнемъ случаѣ, взять его подальше отъ нея, чтобы она не видѣла его смерти. Желаніе ея было исполнено, и, когда вели Мамеда, Юсуфъ узналъ его; онъ сталъ пѣть *баяти*, въ которой старался объяснить, что Тифлисъ погубилъ его отца: на этой мѣстности послѣдній лишился своего любимца—Юсуфа, и теперь лишается сына и невѣстки. Въ то же время, въ головѣ Юсуфа, неотступно, работала мысль, какъ бы спасти Мамеда, и, вотъ, юноша сталъ уговаривать товарищей не убивать Мамеда, а взять его къ атаману, гдѣ, кстати, онъ можетъ оказаться полезнымъ, хоть тѣмъ, что будетъ пѣть и увеселять ихъ. Товарищи согласились, и Мамеда съ Гюлизарой доставили къ атаману шайки, Саидъ-Мамеду; послѣднему доложили, что Мамеда не убили потому, что онъ, какъ хорошій ашугъ, постоянно можетъ пѣть и веселить ихъ.

Долго думалъ добрый Юсуфъ и не зналъ, какъ дать знать Мамеду, что онъ его любимый Юсуфъ; наконецъ, онъ выдалъ себя Гюлизарѣ, съ которою сталъ составлять планъ—какъ-бы убѣжать отъ шайки разбойниковъ.

Радости атамана, Саидъ-Мамеда, не было предѣловъ, когда онъ увидѣлъ Гюлизару. Онъ устроилъ пиръ и захотѣлъ, вполнѣ

согласно обычаю, вступить въ бракъ съ Гюлизарой; для этого зарѣзали нѣсколько барановъ, достали крупы, масла, и приступили къ приготовленію разныхъ кушаній. Поваромъ былъ Мамедъ, который готовилъ, по указанію Гюлизары, а лакеемъ— Юсуфъ. Гюлизара положила въ пищу ядъ, отъ котораго всѣ разбойники крѣпко уснули; Мамедъ и Юсуфъ были предупреждены раньше. Какъ только разбойники, поѣвъ пищу, уснули, Мамедъ, не теряя времени, перерѣзаль ихъ всѣхъ; ядъ не подѣйствовалъ только на Саидъ-Мамеда: онъ хотѣлъ было подняться съ мѣста, но Юсуфъ однимъ ударомъ сабли поранилъ его, а другимъ ударомъ уложилъ навсегда.

Юсуфъ, Мамедъ и Гюлизара, оставивъ здѣсь трупы убитыхъ, съ ихъ достояніемъ, сами пріѣхали въ Дербентъ. Ахмедъ, узнавъ о возвращеніи сына, съ женою, и Юсуфа, съ большимъ числомъ всадниковъ встрѣтилъ ихъ далеко за городомъ. По пріѣздѣ въ городъ, Ахмедъ обручилъ и Юсуфа, выбравъ для него невѣсту по сердцу, и снова отпраздновалъ свадьбу, на которой въ теченіе двухъ недѣль гуляли всѣ жители города. Мало этого, Ахмедъ сталъ помогать всѣмъ нуждающимся, кто бы въ чемъ ни нуждался,—такъ-что на угощенія, по-случаю возвращенія Юсуфа, Мамеда и Гюлизары, онъ истратилъ почти половину своего богатства. Послѣ этого, Мамедъ съ Гюлизарой долго жили счастливо, и, забывъ прежнее, стали обожать другъ друга.

6. Чыплагъ.

Жили-были мужъ и жена; они жили очень бѣдно, не имѣли даже одежды; единственная старая изодранная *аба* (плащъ) служила имъ и одеждой для выхода, и покрываломъ на ночь. Мужа, какъ бѣднаго, звали „*Чыплагомъ*“ (*шолымъ*). Жена Чыплага была беременна, и, когда наступило время родовъ, онъ, оставивъ жену одну въ землянкѣ, ушелъ, съ цѣлью

привести бабу. Чтобы попасть къ послѣдней, Чыплагу нужно было пройти мимо мечети, гдѣ служили, въ то время, вечерню; онъ вошелъ въ мечеть помолиться, и такъ горячо и усердно молился, что забылъ про положеніе жены. Послѣ усердной молитвы, онъ забылся, и, въ мечети-же, уснулъ; проснулся онъ только тогда, когда началось утреннее богослуженіе. Тѣмъ временемъ, больная жена оставалась дома одна; ей не во что было одѣться, чтобы выйти и попросить на помощь хоть кого-либо изъ сосѣдокъ, такъ-какъ абу взялъ мужъ. Она лежала въ темной землянкѣ; вдругъ, къ землянкѣ подлетѣли три голубя и стали между собою говорить. Первый голубь и говорить: „Я у беременной приму дитя“; другой добавилъ: „Я дамъ ей богатство, и, немедленно, у нея будетъ великолѣпный теремъ, со всѣми принадлежностями, прислугой и пр.“; а послѣдній голубь—самый маленькій, проворковалъ такъ: „Новорожденное дитя будетъ женскаго пола; дѣвочка будетъ расти не по годамъ и днямъ, а по часамъ. Когда она будетъ смѣяться, изо рта у нея будутъ выпадать розы; когда станетъ плавать, вмѣсто слезъ, съ глазъ будутъ падать жемчуги, а когда будетъ ходить, подъ ногами, будутъ появляться золотые кирпичи; на головѣ волосы у нея будутъ золотые. Я ей дамъ серьги: когда она ихъ сниметъ съ ушей, то превратится въ покойницу, а когда повѣсятъ на нее серьги, она станетъ живой.“

Все, что голуби сказали, точь-въ-точь, исполнилось: жена Чыплага разрѣшилась дочкой, которую назвали Мелекой *). Голуби успокоили роженицу и улетѣли.

Утромъ, возвращается бѣдный Чыплагъ домой, и, вмѣсто

---

*) Большая часть собственныхъ именъ въ печатаемыхъ сказкахъ вставлена Собирателемъ для удобства разсказа; въ народѣ-же сказки эти разсказываются съ опущеніемъ собственныхъ именъ, если только послѣднія не характеризуютъ мѣтко, самымъ прозвищемъ известное лицо, какъ напримѣръ: Чигали — иней, т. е., бѣлый, какъ иней, Чыплагъ — голый, Таптугъ — найденный и т. д. Въ правписаніи собственныхъ именъ вездѣ удержана орфографія рукописи. Прим. Ред.

прежней землянки, предъ его глазами красуется высокой теремъ. Долго думалъ Чыплагъ, наконецъ, рѣшился войти во дворъ, чтобы узнать, что это за домъ, и куда-же дѣлась его хижина. Дворники не дали бѣдному Чыплагу произнести ни слова, стали бить его и хотѣли прогнать; наконецъ, крикъ его дошелъ до жены; она узнала голосъ мужа, и приказала впустить его въ комнату; но, прежде, велѣла вымыть, обуть и одѣть его. Послѣ этого, супруги стали жить вмѣстѣ счастливо, и болѣе не знали нужды. Жена рассказала мужу, куда дѣлась ихъ землянка, и какимъ образомъ очутился здѣсь теремъ.

Надо замѣтить, что Чыплагъ, съ женою и дочерью, жилъ въ столицѣ Меджидъ-шаха.

Разъ, когда прекрасная Мелека мыла себѣ голову, съ ея головы упалъ одинъ волосъ, и вода, по канавѣ, унесла его до бассейна, изъ котораго поили лошадей государя. Вдругъ, почему-то, лошади испугались, и перестали пить оттуда воду. Тогда царь приказалъ выпустить бассейнъ, и рабочіе нашли волосъ Мелеки, въ видѣ золотой нитки; конюхъ принесъ найденный волосъ къ царю. Меджидъ-шахъ, увидѣвъ волосъ, приказалъ одному изъ своихъ визирей, во что бы то ни стало, разыскать ту женщину, съ головы которой выпалъ этотъ волосъ. Визирь долго искалъ и, наконецъ, отыскалъ дочь Чыплага; онъ не могъ налюбоваться красивой дѣвушкой, — не даромъ, когда Мелека смѣялась, изо рта выпадала роза, когда плакала, вмѣсто слезъ, падали жемчуги, а когда ходила, — подъ ногами, являлись золотые кирпичи. Визирь, всего по-немногу, забралъ въ платокъ и унесъ, чтобы показать царю. Меджидъ-Шахъ, недолго думая, сталъ просить руки Мелеки; родители сейчасъ-же согласились, и, немедленно, состоялось обрученіе, а чрезъ два дня назначена была свадьба. Начались приготовленія къ свадьбѣ. Между тѣмъ, по церемоніалу, ввести невѣсту въ домъ жениха должны были родственники невѣсты; исполнить это взялась тетка Мелеки, которая спекла два сдоб-

ныхъ и сильно посоленныхъ хлѣба и подучила свою дочь Мясьму, чтобы послѣдняя, когда Мелека будетъ отправляться въ домъ жениха, плакала и просила, чтобы взяли и её. Свадьба началась; всѣ обряды были совершены, и, когда Мелека съ теткой сѣли въ экипажъ, дочь послѣдней стала просить взять и её. Мать сначала отказала дочери въ просьбѣ, будто бы не желая ея взять съ собою, но, когда сосѣдки стали её уговаривать, она взяла и Мясьму. Дорогой, тетка дала Мелекѣ одинъ изъ соленыхъ сдобныхъ хлѣбовъ, говоря, что она должна съѣсть этотъ хлѣбъ, чтобы быть безпорочной и невинной, когда явится къ мужу, иначе послѣдній можетъ убить её. Мелека съѣла этотъ хлѣбъ, а потомъ и другой, отчего ей захотѣлось сильно пить; между тѣмъ, тетка не соглашалась дать ей воды, пока она не позволила выколоть себѣ одинъ глазъ. Когда Мелека опять захотѣла пить, то и во второй разъ, тетка дала ей воды, только, тогда, когда она рѣшилась выколоть себѣ другой глазъ. Когда Мелека совсѣмъ ослѣпла, тетка заставила её ходить по экипажу, а сама, по ея слѣдамъ, стала собирать золотые кирпичи и наполняла ими сумку. Дочь-же подбирала жемчугъ, когда несчастная Мелека оплакивала свою долю. Подъѣзжая къ городу, тетка раздѣла Мелеку, бросила её въ глубокую яму, а свою дочь Мясьму переодѣла въ ея востюмъ, и такъ пріѣхали во дворецъ. О томъ, что Мелеку ослѣпила ея родная тетка и бросила въ яму, Меджидъ-Шахъ, понятно, ничего не могъ знать. Однако, онъ хотѣлъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли, когда плачетъ жена его—ея слезы обращаются въ жемчуги, когда смѣется—падаютъ розы, а когда ходитъ—по слѣдамъ ея, образуются золотые кирпичи; съ этой цѣлью, онъ сталъ испытывать Мясьму, которая могла обманывать царя, только, до тѣхъ поръ, пока у нея не вышелъ весь запасъ собранныхъ ея матерью, въ вартѣ, золотыхъ кирпичей и жемчуговъ.

Мелека такъ и осталась бы въ ямѣ, если бы, послѣ проѣзда тетки, вскорѣ не прошелъ мимо ямы пастухъ. Пастухъ

этотъ, отъ нечего дѣлать, бросилъ въ яму камушекъ, откуда слѣпая Мелека стала просить помощи, причеъ сообщила пастуху, кто она. Бѣдная дѣвушка, въ концѣ концовъ, должна была сознаться пастуху, что стѣсняется его, такъ-какъ она нагая. Пастухъ поклялся быть ей братомъ, закрылъ её своимъ плащомъ и вытащилъ изъ ямы. Послѣ этого, пастухъ, по просьбѣ Мелеки, сталъ водить ее, и, по слѣдамъ, собирать золотые кирпичи, а, затѣмъ, пригласилъ изъ города хорошихъ мастеровъ, и, на этомъ мѣстѣ, построилъ великолѣпный, высокій теремъ, съ минаретами.

Мелека знала, что у ея плѣшивой соперницы, Мясмы, —нынѣ царицы, уже вышли розы, жемчуги и золотые кирпичи, поэтому, она передала пастуху цѣлую сумку этихъ кирпичей и жемчуговъ, и поручила доставить эти драгоценности въ городъ; но, при этомъ, приказала ходить, исключительно, около дворца и вливать, что все золото и жемчуги вымѣниваются на пару вынутыхъ глазъ. Пастухъ, прибывъ въ столицу, все время вертѣлся около дворца, пока не услышала его царица; она, ничего не подозрѣвая, обрадовалась случаю такъ дешево купить необходимыя ей вещи, — взяла золото и жемчугъ, а, взаменъ, передала пастуху пару глазъ Мелеки. Пастухъ, получивъ глаза, моментально, исчезъ и принесъ глаза Мелекѣ; она вложила ихъ въ глазныя впадины, смазала своею слюною и, съ того-же момента, возвратилось къ ней зрѣніе. Пастухъ этому очень обрадовался; они стали жить себѣ очень счастливо, но, однако, это продолжалось недолго.

Какъ только ушелъ пастухъ, царица, съ радостью, сообщила матери, что вынуты у Мелеки глаза она промѣняла у какого-то пастуха на золотые кирпичи и жемчуги. Мать, сразу, догадалась, какія дурныя послѣдствія могли произойти отъ этого, поблѣднѣла, разбранила свою дочь и сказала, что изъ-за этихъ глазъ она можетъ лишиться всего и, даже, погибнуть. Чтобы спасти свою дочь, мать прибѣгла къ хитрости: ни ма-

до не медля, она переодѣлась въ изодранный женскій костюмъ и, въ видѣ бѣдной гадальщицы, стала бродить по міру; наконецъ, дошла до ямы, куда бросила свою племянницу Мелеку, и, въ окрестностяхъ этой ямы, нашла высокій теремъ, построенный, какъ оказалось, незадолго предъ этимъ событіемъ. Она также пронюхала, что этотъ теремъ построенъ однимъ пастухомъ, который теперь находится на охотѣ; она стала поджидать его и, когда увидѣла его возвращающимся домой, легла въ грязь, и стала показывать видъ, будто не можетъ выйти изъ нея. Пастухъ вытащилъ ее изъ грязи, и, на его разспросы, она отвѣчала, что, при переночеваніи, она отстала отъ каравана, далѣе идти была не въ силахъ, а потому, ради великаго пророка, просить пріютить ее, хоть на нѣсколько дней. Пастухъ обрадовался, что можетъ сдѣлать доброе дѣло, привелъ ее домой и говорить сестрѣ:

— „Вотъ она можетъ быть тебѣ хорошей собесѣдницей, особенно, когда меня не будетъ дома!“

Такъ-какъ старуха, съ перваго же взгляда, нагнала на Мелеку страхъ, то она сказала, что не нуждается ни въ чьей помощи; она не узнала своей тетки, а послѣдняя, напротивъ, узнала ее съ перваго же раза. Пастухъ, по своему обыкновению, каждый день ходилъ на охоту; дома оставались Мелека и старуха; такъ старуха прожила здѣсь нѣсколько дней. Разъ, когда пастуха не было дома, старуха стала говорить Мелекѣ, что братъ ея не любитъ, — иначе построилъ бы ей во дворѣ терема баню. Мелека такъ любила пастуха, что всегда, предъ возвращеніемъ его домой, выходила на балконъ ранѣе, чѣмъ онъ появлялся на горизонтѣ, и встрѣчала его очень привѣтливо. На этотъ-же разъ, она не встрѣтила пастуха. Возвращаясь домой и не видя Мелеки на балконѣ, пастухъ не зналъ, чему приписать это, — и дурныя мысли закружились у него въ головѣ. Наконецъ, въ сильной задумчивости, приходитъ онъ домой, зоветъ сестру, но та не отвѣчается на его

зовъ; тогда онъ заходить въ ея комнату и видитъ, что сестра сидитъ въ углу, лицомъ къ стѣнѣ. Начались объясненія; сестра говоритъ брату, что, если бы онъ ее любилъ, то давно построилъ бы ей во дворѣ терема баню. Пастухъ тотчасъ-же приступилъ къ заготовленію матеріала, пригласилъ мастеровъ; началась постройка бани, и, въ три дня, она уже была готова. Когда баня была выстроена, старуха съ Мелевой пошли купаться; натирая Мелеку, старуха вынула съ ея ушей мясныя серьги, и Мелека упала, какъ мертвая. Старуха, похитивъ серьги, тотчасъ-же оставила домъ пастуха. Спустя немного времени, вернулся домой пастухъ; сколько онъ ни искалъ, ни кивалъ Мелеку, отвѣта не было; полагая, что она въ банѣ, онъ подошелъ къ ней, позвалъ опять сестру по имени, но она и тутъ не отзывалась; тогда онъ зашелъ въ баню и увидѣлъ, что Мелека лежитъ мертвой. Пастухъ сталъ плакать, рвать на себѣ волосы, а старухи и слѣдъ простылъ. Такъ-какъ Мелека, еще при постройкѣ терема, завѣщала, чтобы, по смерти ея, братъ похоронилъ ее въ мезонинѣ, спеціально для этого выстроенномъ, и положилъ ея тѣло въ стеклянномъ ящикѣ на кровати, а комнату заперъ на замокъ, и ключи хранилъ у себя,—то онъ, въ точности, исполнилъ ея завѣщаніе; при этомъ, онъ такъ много плакалъ, что ослѣпъ.

Между тѣмъ, ночью, Меджидъ-Шаху снится, что, если онъ будетъ охотиться въ дѣдовскомъ имѣніи, то охота будетъ удачна. Проснувшись, онъ взялъ своего сокола и охотничьихъ собакъ и, съ прислугой, отправился въ дѣдовское имѣніе. Нужно замѣтить, что теремъ пастуха и знакоман намъ яма находились въ имѣніи, составлявшемъ собственность дѣдовъ Меджидъ-Шаха. Въ самый разгаръ охоты, соколъ царя улетѣлъ въ терему пастуха, повертѣлся надъ мезониномъ и вернулся въ царю; царь пустилъ сокола въ другой разъ, но онъ опять повторилъ тоже, что въ первый разъ; когда-же царь въ третій разъ пустилъ сокола, онъ влетѣлъ въ разбитое окно мезонина и

назадъ не возвратился. Долго ждали охотники, а сокола все не было. Тогда царь подъѣхалъ къ воротамъ терема и постучалъ. Когда пастухъ узналъ, что стучитъ царь, то сейчасъ-же выпустилъ его во дворъ поискать сокола, но, такъ-какъ самъ былъ слѣпъ, и, потому, не могъ безъ помощи подняться наверхъ, то ключъ отъ мезонина передалъ царю. Войдя въ мезонинъ, царь увидѣлъ въ немъ, лежавшую на кровати, красавицу, которая, по виду, казалась спящей; ея розовыя губы готовы были раскрыться въ чудную улыбку. Сквозь нѣжную кожу были видны тонкія голубыя жилы, въ которыхъ, едва замѣтно для глазъ, переливалась алая кровь. При видѣ такой красавицы, кровь царя закипѣла, любовь пересилила совѣсть. Увлеченный красотой Мелеки, обуреваемый страстью, онъ уступилъ своему влеченію, а затѣмъ, взявъ сокола, заперъ мезонинъ, передалъ ключъ пастуху, простился съ нимъ, и отправился дальше. Съ этого времени, Мелека забеременѣла, и, своевременно, разрѣшилась младенцемъ мужского пола. Прошло послѣ этого много времени. Царь снова собирался на охоту; наканунѣ вѣзда ему снилось, что, если онъ поѣдетъ охотиться въ дѣдовское имѣніе, охота будетъ удачна. Онъ поѣхалъ и охотился въ окрестностяхъ той мѣстности, гдѣ находился теремъ пастуха. Пущенный царемъ соколъ повертѣлся вокругъ мезонина, какъ и въ первый разъ, а потомъ и влетѣлъ въ него. Царь пошелъ къ пастуху, взялъ ключъ и поднялся въ мезонинъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ на груди, лежавшей, въ прежнемъ-же положеніи, знакомой ему женщины, увидѣлъ прекраснаго ребенка, сосавшаго ея грудь. Онъ сейчасъ догадался, что мальчикъ этотъ родился отъ него, тѣмъ болѣе, что ребенокъ былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды. Царь взялъ мальчика и сокола, заперъ двери, передалъ ключъ пастуху, простился съ нимъ, и уѣхалъ къ себѣ во дворецъ.

Хотя Меджидъ-Шахъ взялъ мальчика во дворецъ, но ребенокъ все время плакалъ и, при этомъ, протягивалъ руку къ те-

фяку, на которомъ всегда садилась царица. Куда бы его ни брали, онъ все смотрѣлъ на этого тюфякъ и будто-бы, всячески, домогался дать знать царю, что въ немъ кроется какое-то сокровище. Царь велѣлъ, въ отсутствіе ребенка, положить тюфякъ подъ кровать, но, когда мальчика снова внесли въ ту-же комнату, онъ опять сталъ протягивать руку къ койкѣ царя и плакать. Тогда Меджидъ-Шахъ догадался, что въ тюфякѣ что-то спрятано, и приказалъ распить его. Царица сильно была противъ этого и, съ страшной злобой, смотрѣла на ребенка, какъ главнаго виновника прихоти мужа. Въ сердцахъ, она стала бранить бѣднаго дитя:

— „Откуда и зачѣмъ взяли этого ребенка! Онъ такъ надоѣлъ намъ, бросьте его на улицу, и. т. п.“

Съ этими словами она бросила тюфякъ въ уголъ. Когда распоролъ тюфякъ, мальчикъ, незамѣтнымъ образомъ, выхватилъ что-то изъ шерсти своими ручонками (это были мясныя серьги, сорванные съ ушей его матери). Крѣпко держа въ своемъ кулачкѣ серьги, онъ снова сталъ плавать; по приказанію царя, еще разъ осмотрѣли тюфякъ, но опять ничего не нашли въ немъ. Между тѣмъ, ребенокъ не переставалъ плавать, указывая ручонками на поле; царь долго не могъ понять причины слезъ ребенка и рѣшилъ, просто, прокатать его; но, когда онъ взялъ его и выѣхалъ изъ дома, мальчикъ пересталъ плавать, на лицѣ его появилась улыбка, и онъ сталъ указывать руками въ ту сторону, гдѣ находился теремъ пастуха. Тогда царь догадался, что ребенокъ просится къ матери. Царь пріѣхалъ къ пастуху, взялъ ключъ, поднялся въ мезонинъ, неся съ собою ребенка, и опять нашелъ спящую красавицу въ прежнемъ положеніи; ребенокъ-же открылъ кулакъ, и царь увидѣлъ въ немъ мясныя серьги,—мальчикъ, взглядами, далъ понять царю, чтобы онъ вдѣлъ ихъ въ уши его матери; тогда Мелева открыла глаза и, моментально, поднялась, говоря про себя: „какъ долго я спала“, а когда увидѣла царя, то, обратясь къ нему, связала:

— „Уходи отсюда, затѣмъ ты пришелъ сюда? Развѣ не стыдно врываться къ незнамой женщинѣ!“

Затѣмъ она стала кликать брата своего, пастуха. Тогда царь сказалъ, что ей незачѣмъ его стыдиться, такъ-какъ онъ ея мужъ, а этотъ ребенокъ ихъ дитя; послѣ этого, царь спустился внизъ и привелъ къ ней слѣпота пастуха; братъ съ сестрою обнялись и долго, отъ радости, не могли выговорить ни слова. Сестра, намочивъ кончики платка своею слюною, потерла имъ глаза пастуха, и тотъ сталъ видѣть. Радости пастуха не было конца! Онъ не зналъ, какъ благодарить царя за спасеніе сестры. Тутъ Мелева разъяснила царю, какъ онъ, Меджидъ-Шахъ, сосваталъ её, какъ поступила съ ней тетва, и какъ онъ обманулся, женившись на дочери послѣдней, Мясъмѣ. Царь взялъ Мелеку съ сыномъ во дворецъ, а свою прежнюю жену, вмѣстѣ съ ея матерью, приказалъ, немедленно, казнить: сперва имъ отрубили руки и носы, а послѣ долгихъ истязаній, наконецъ, и головы. Послѣ этого, царь пригласилъ къ себѣ пастуха, назначилъ его визиремъ и сыгралъ свою свадьбу съ Мелевою; они стали жить себѣ счастливо, забывъ старое горе. Всюгдѣ, у нихъ родились еще четыре сына и одна дочь. Меджидъ-Шахъ долго царствовалъ, а, по смерти, престолъ свой оставилъ старшему сыну, родившемуся въ мезонинѣ пастуха и возвратившему своей матери жизнь.

7. Сахна-Юсуфъ.

Одна вдовушка имѣла единственнаго сына, по имени Юсуфъ. Когда мальчикъ выросъ, она отдала его, въ качествѣ простой прислуги, въ богатому купцу. Когда послѣдній, съ теченіемъ времени, увидѣлъ честность и расторопность Юсуфа, онъ назначилъ его приказчикомъ въ своемъ магазинѣ, а потому и управляющимъ своими дѣлами. Однажды, купецъ взялъ съ собою Юсуфа въ заграничный городъ; адѣсь Юсуфъ нѣкоторое

время, по-прежнему, находился въ услуженіи у купца, но, потомъ, когда замѣтилъ, что въ городѣ торговля водою доставляетъ хорошіе барыши, сталъ просить своего хозяина освободить его для занятія этимъ дѣломъ. Купецъ уступилъ желанію Юсуфа, и отпустилъ его. Юсуфъ сталъ въ тулухъ (бурдюжъ) носить воду и зарабатывалъ въ день рубля два. Въ самое короткое время, число желающихъ брать у него воду возросло до того, что онъ не успѣвалъ даже доставлять ее всѣмъ своевременно. Какъ-то, берущіе у Юсуфа воду стали просить его, чтобы онъ, если ему удастся, бралъ воду со двора хана, такъ какъ это была лучшая въ городѣ вода. Юсуфу удалось, при посредствѣ слугъ, устроить это дѣло, и онъ, съ этого времени, сталъ снабжать всѣхъ водою изъ ханскаго родника. Нужно замѣтить, что Юсуфъ былъ довольно видный, красивый молодой парень. Дочь хана, видя его каждый день, когда онъ черпалъ воду, любовалась его красотою. День-о-то-дня, дочь хана все болѣе и болѣе увлекалась Юсуфомъ, и, наконецъ, стала искать случая поговорить съ нимъ; нашелся и случай: Среди разговора, царевна спросила его, сколько онъ зарабатываетъ въ день? Когда онъ сказалъ, что два рубля, то дочь хана поручила ему каждый день поливать деревья и цвѣтники, находящіеся на ханскомъ дворѣ, опредѣливъ за это плату по три рубля въ день. Юсуфъ, съ радостью, сталъ поливать цвѣтники и деревья. При поливаніи, постоянно, присутствовала и дочь хана, — она осыпала Юсуфа разными вопросами, между прочимъ, иногда прорывались и любезности. Наконецъ, она открыто объявилась Юсуфу въ любви. Хотя Юсуфъ тоже любилъ её, можетъ быть, еще больше, чѣмъ она его, но, тѣмъ не менѣе, изъ боязни за послѣдствія такого безумства, онъ сталъ убѣгать отъ нея; но дочь хана, всячески, старалась обнадежить его, что ею принимаются всѣ мѣры, чтобы ихъ любовь осталась тайною. Наконецъ, Салтаната (такъ звали дочь хана) объявила Юсуфу, что онъ долженъ её похитить изъ родительскаго

дома. Для этого, она заказала громаднаго размѣра ящикъ, положила въ него много золота, серебра и другихъ драгоценностей, такъ-что забрала почти половину родительскаго состоянія. Въ назначенный день, она также помѣстилась въ ящикъ, и Юсуфъ, взявъ его, отправилъ на пароходъ, съ которымъ, въ этотъ день, долженъ былъ выѣхать и его бывший хозяинъ, Гаджи-Мамедъ. Послѣдній, предъ отъѣздомъ, пришелъ къ Юсуфу и предложилъ ему вернуться съ нимъ къ матери, или, въ крайнемъ случаѣ, послать ей письмо. Юсуфъ обѣщалъ поѣхать съ нимъ въ слѣдующій разъ, а, пока, просилъ передать матери письмо, въ которомъ писалъ, что дѣла его идутъ очень хорошо, и онъ посылаетъ ей въ ящикъ разные подарки. Предъ выходомъ парохода въ море, обнаружилось исчезновеніе Салтанаты. Немедленно приступили къ розыскамъ, но всѣ они оказались безуспѣшными. Наконецъ, подозрѣніе пало на Юсуфа, ибо, какъ доложили хану, вромѣ него, никто изъ пестороннихъ не былъ вхожъ въ ея дворъ; немедленно задержали Юсуфа; но сколько ни пытали его, какъ ни били, ни наезывали, даже угрожали смертью, — онъ ни въ чемъ сознался. Тогда приближенные хана говорятъ ему:

— „Да что такое этотъ тулухчи Юсуфъ, чтобы онъ осмѣлился увести Салтанату, дочь хана! и развѣ, наконецъ, дочь хана согласилась бы убѣжать съ нимъ?“

— „Полагаю, что не ошибаюсь, подозрѣвая его, отвѣтилъ ханъ: но, если онъ, дѣйствительно, не виновенъ, то за жестокія истязанія нужно вознаградить его.“

Онъ такъ и сдѣлалъ: подарилъ Юсуфу околѣ ста червонцевъ и отпустилъ его на свободу. Юсуфъ сталъ, по-прежнему, заниматься своимъ промысломъ, т. е., носилъ воду и продавалъ горожанамъ.

Купецъ доставилъ письмо и ящикъ къ матери Юсуфа; добрая женщина обрадовалась, что сынъ ея живъ и здоровъ, а ящикъ оставила безъ вниманія. Она жила въ землянкѣ, и такъ-

какъ была одна, то, каждый вечеръ, уходила ночевать въ сосѣдямъ. Такъ она поступила и въ день полученія ящика. Но каково было ея удивленіе, когда, утромъ, вернувшись домой, она застала землянку подметенной, какъ слѣдуетъ, и, даже, очагъ былъ заново обмазанъ глиной. Она подумала, что, быть можетъ, все сдѣлала сама, но потомъ забыла. Этотъ день она провела дома, а какъ настала вечеръ, опять ушла ночевать въ сосѣдямъ, и, утромъ, нашла землянку опять убранной. Тогда старушка твердо рѣшила проникнуть эту тайну. Когда настала вечеръ, она скрылась за дверьми и стала караулить, чтобы узнать, кто, въ ея отсутствіе, бываетъ въ землянкѣ? Вдругъ, изъ ящика вышла какая-то молоденькая красавица, которая, при видѣ старухи, сконфуженно хотѣла опять запереться въ ящикъ, но старуха не дала ей возможности сдѣлать этого. Тутъ все разъяснилось, и онѣ стали жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько дней, Салтаната дала своей будущей свекрови деньги и стала просить, въ пріѣзду Юсуфа, построить великолѣпное трехъэтажное зданіе, съ балконами, нѣсколькими парадными подъѣздами и прочими службами. И, вотъ, въ скоромъ времени, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла землянка, стало красоваться такое зданіе, которое было бы въ лицу и шахамъ. Какъ только зданіе было готово, обѣ женщины начали приобретать дорогую обстановку, и скоро старуха съ невѣсткою стали жить по-хански, ожидая пріѣзда Юсуфа.

Такъ-какъ онѣ жили въ большомъ городѣ, то не удивительно, что купецъ Гаджи-Мамедъ не всегда могъ имѣть свѣдѣнія о житѣй-бытѣй знакомой ему вдовы. Между тѣмъ, встрѣтились обстоятельства, которыя опять потребовали пребыванія купца въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Юсуфъ. Вотъ онъ является въ старухѣ справиться, нѣтъ-ли письма къ Юсуфу, и что-же видитъ? Землянки ужъ нѣтъ, а на ея мѣстѣ красуется великолѣпный теремъ. Къ немалому его изумленію, сосѣди ему сообщили, что въ этомъ теремѣ живетъ мать Юсуфа. Не вѣря глазамъ

своимъ, какъ во снѣ, онъ является къ ней; старуха попросила немного повременить, пока напишутъ письмо. Купецъ сѣлъ и изъ окна видитъ, что на противоположной сторонѣ дома сидитъ за столомъ и пишетъ письмо какая-то красавица, походящая на ангела. При видѣ такой красоты, у купца закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло, и ему казалось, что онъ бредитъ. Тутъ онъ догадался, что ханъ не ошибался, подозрѣвая Юсуфа въ похищеніи дочери. Зависть, какъ змѣя, овладѣла сердцемъ Гаджи-Мамеда; добрыя чувства, которыя онъ питалъ къ Юсуфу за то, что послѣдній оказалъ ему немало услугъ, исчезли, и онъ сталъ искать удобнаго случая, чтобы, какъ-нибудь, погубить Юсуфа, и завладѣть его невѣстой. Между тѣмъ, письмо приготовили, и купецъ, взявъ его, простился со старухой и уѣхалъ. Дорогой, купецъ, раздражаемый завистью, распечаталъ письмо; въ немъ Салтаната писала Юсуфу, приблизительно, слѣдующее:

„У насъ уже, слава Богу, есть домъ, состояніе и все, „чего ни пожелаешь; до какихъ-же поръ ты будешь носить воду? Оставь все и пріѣзжай сворѣ.“

Купецъ разорвалъ письмо и написалъ отъ имени матери новое письмо, совсѣмъ другого содержанія:

„Любезный сынъ! развѣ ты забылъ мое молоко, которымъ „я тебя такъ нѣжно кормила, что прислалъ ко мнѣ распутную „женщину, которая здѣсь развратничаетъ: она построила большое зданіе съ нѣсколькими входами: чрезъ однѣ двери она „принимаетъ, а чрезъ другія выпускаетъ; съ утра до поздней „ночи еѣ посѣщаютъ порочные люди. Пріѣзжай и выручи меня, „ради той материнской любви, какую я всегда питала къ тебѣ. „Хотя прежде мы жили бѣдно, но зато имѣли честное имя, „а теперь его нѣтъ, сынъ мой.“

Юсуфъ, получивъ такое письмо, растерялся, и бросилъ все: торговлю, должниковъ, съ которыхъ немало ему причталось еще получить денегъ, и поторопился къ матери. Ко-

гда онъ прѣхалъ въ городъ, то на мѣстѣ своей землянки увидѣлъ красовавшееся зданіе, дѣйствительно, съ нѣсколькими входами. Тутъ, доселѣ сдерживаемая, кровь его закипѣла. Въ-ря письму матери, онъ поднялся наверхъ. Войдя въ комнату, онъ нашелъ Салтанату дремлющей, а мать, положивъ свою голову на ея колѣни, крѣпко спала. Салтаната, услышавъ чужіе шаги, очнулась, но была поражена видомъ обезумѣвшаго отъ ярости Юсуфа, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, а мать все еще спала... Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе, наконецъ, Юсуфъ, поранивъ свою любимую Салтанату въ руку, выбросилъ её въ окно на улицу. Въ это время, по улицѣ проходили трое молодыхъ людей, они тотчасъ-же подняли её, обмыли рану, обвязали, а, потомъ, каждый изъ нихъ захотѣлъ взять ее къ себѣ въ сестры. Когда они спорили, чьей сестрою должна быть Салтаната, мимо проѣзжалъ какой-то всадникъ; услышавъ споръ, онъ сказалъ имъ:

— „Не лучше-ли рѣшить дѣло состязаніемъ? Ну-ка, въ перегонку, обѣгите вокругъ дома, и, кто изъ васъ раньше прибѣжитъ сюда, тотъ и возьметъ её.“

Молодые люди согласились на предложеніе всадника, и, пока они успѣли обвѣзать домъ, всадникъ посадилъ Салтанату сзади себя на лошадь и ускакалъ дальше. Обманутые молодые люди, не имѣя подъ рукою коней, понятно, не могли догнать всадника. Всадникъ же, со своею находкой, продолжалъ путь; его радости не было конца. Какъ только онъ нѣсколько отъѣхалъ отъ города, то сталъ предлагать Салтанатѣ войти съ нимъ въ связь, и сколько бѣдная дѣвушка ни просила, всадникъ оставался неумолимымъ. Тогда Салтаната прибѣгнула къ хитрости: она предложила всаднику, чтобы онъ, по-крайней мѣрѣ, сначала выкупался въ озерѣ, а, потомъ, она — въ его распоряженіи. Всадникъ согласился исполнить желаніе Салтанаты, и, оставивъ ее, вмѣстѣ съ одеждою, оружіемъ и лошадью на берегу, самъ началъ купаться. Салтана-

та, воспользовавшись этим случаемъ, стала, какъ-бы шутя, одѣваться въ одежду всадника, спрашивая его, идетъ-ли въ ней та или другая часть костюма, — плащъ, шапка, наконецъ, оружіе, и т. д.. Когда-же она совсѣмъ переодѣлась въ его костюмъ, то, взявъ ружье, сѣла на лошадь и помчалась, что было силы у коня, подальше отъ озера. Обманутый любовникъ, выскочивъ изъ озера, сталъ звать её, просилъ вернуться, но, конечно, тщетно. Салтаната продолжала нестись, какъ вѣтеръ, и, наконецъ, скрылась изъ виду. Долго-ли, коротко-ли она ѣхала, — Аллахъ вѣдаетъ; наконецъ, она домчалась до берега рѣки и хотѣла на лодкѣ переправиться на другой берегъ. Хотя Салтаната и переодѣлась въ мужской костюмъ, но она была такъ красива, такъ стройно и пышно сложена, что лодочникъ догадался, что предъ нимъ женщина, соблазнился ея красотою, и на серединѣ рѣки предложилъ ей выйти за него замужъ, иначе, грозился убить ее. Салтаната, видя, что рѣзкимъ отказомъ она только погубитъ себя, стала думать, какъ бы перехитрить лодочника, и, съ притворною покорностью, отвѣтила ему:

— „Должно быть нашъ союзъ predeterminedъ судьбою, а отъ судьбы, вѣдь, не уйдешь: возьми эти деньги, и купи мнѣ женскій костюмъ, тогда я свой костюмъ отдамъ тебѣ, и мы совершимъ кебинный аѣтъ.“

Лодочникъ, радостно обрадованный тѣмъ, что онъ будетъ имѣть и красавицу-жену, и приданое, дѣйствительно, отправился въ городъ, а Салтаната, тѣмъ временемъ, успѣла отплыть на другой берегъ рѣки. Переправившись на другой берегъ, Салтаната стала раздумывать, въ какую сторону направиться ей, какъ, вдругъ, изъ-за холма показалась блестящая группа всадниковъ, съ соболами и съ собаками. Это былъ мѣстный ханъ, выѣхавшій, со своею свитою, на охоту. Своими проницательными ястребиными глазами онъ сразу опѣнилъ красоту Салтанаты, и до того плѣнился ею, что рѣшилъ сейчасъ же вернуться домой.

— „Вѣдь, лучшей добычи“, думалъ онъ, „сколько бы я ни охотился—не найду.“

Сейчасъ-же, по желанію хана, всѣ вернулись въ городъ. Кромѣ Салтанаты, ханъ имѣлъ еще шестеро женъ; по приѣздѣ домой, онъ пригласилъ муллу совершить кѣбинъ, но Салтаната уклонялась отъ свадьбы, говоря, что она въ траурѣ, до окончанія котораго, т. е., до истеченія сорока дней, она ни за что не согласится выйти замужъ, и скорѣе готова умереть. Когда приближался срокъ окончанія траура, Салтаната связала хану, что теперь онъ можетъ сыграть приличную свадьбу. На 39-й день траура, ханъ взялъ всю свою семью на поле въ „сейръ“ (на гулянье). Салтаната предложила ханшамъ немного покататься по рѣкѣ; тѣ согласились, и, по настоянію Салтанаты, не взяли лодочника, а его обязанности приняли на себя. Когда онѣ выѣхали на рѣку, ханъ, слѣдившій за ними изъ палатки, восхищался ихъ граціей, красотою и веселостью. Вдругъ, Салтаната направила лодку въ противоположному берегу; всѣ женщины вышли на берегъ, лодку вытащили изъ воды, а ханъ, съ прислугой, оставался въ палаткѣ: бѣдный, онъ рассчитывалъ имѣть седьмую жену; но послѣдняя его лишила и прочихъ шести! Пока ханъ успѣлъ достать лодку, его жены успѣли отойти довольно далеко отъ берега. Совершенно неожиданно на нихъ напала шайка разбойниковъ, состоящая изъ семи молодцовъ. Послѣдніе обрадовались такой небывалой добычѣ и согласились взять ихъ себѣ въ жены. Салтаната досталась на долю атамана шайки, а остальные были распределены между его сподвижниками. Ханши не стѣснялись высказывать свою радость, по поводу случившагося,—да какъ было и не радоваться, получивъ въ мужья такихъ удалыхъ молодцовъ! Одна изъ нихъ сказала:

— „Насъ всѣхъ не мало—14 душъ, зачѣмъ не сыграть настоящей свадьбы, для каждой пары, въ одинъ день; если у васъ денегъ нѣтъ, я дамъ ихъ на расходы.“

Разбойники согласились; одинъ изъ нихъ съ Салтанатой, переодѣтой въ мужской костюмъ, поѣхалъ въ городъ, чтобы купить всѣ необходимые припасы и разные уборы для женщинъ. Салтаната, между другими покупками, незамѣтно для своего спутника, купила также и яду. По возвращеніи Салтанаты и ея спутника изъ города, всѣ стали приготавливаться къ празднованію первой свадьбы—Салтанаты съ атаманомъ. Женщина, готовившая кушанья, примѣшала къ пищѣ, привезенной Салтанатой, ядъ, и только разбойники немного утолили голодъ, какъ, моментально, попадали на землю, лишившись чувствъ. Тогда всѣ женщины, искусно напуганныя и возбужденныя Салтанатой, не теряя времени, немедленно переодѣлись въ одежду разбойниковъ, вооружились, и на ихъ-же лошадяхъ усаживали, оставивъ разбойниковъ высыпаться послѣ неудачнаго для нихъ свадебнаго обѣда.

Долго ѣхали злополучныя канши, наконецъ, пріѣхали въ городъ, гдѣ въ это время скончался царь; по обычаю, установившемуся въ этомъ городѣ, престоломъ долженъ былъ наследовать тотъ, на кого съла бы, нарочно, для этой цѣли, имѣвшаяся птица— „*Десять-уши*“. На церемоніи должны были, непременно, присутствовать всѣ мужчины этого царства; поэтому и знакомыя намъ семь женщинъ, переодѣтыя въ мужской костюмъ, должны были принять участіе въ избраніи царя. „*Десять-уши*“, какъ только выпустили ее, спустилась на Салтанату, но, такъ-какъ послѣдняя не была подданною этого царства, то пустили птицу въ другой разъ; она опять спустилась на нее-же. Народъ опять не утвердилъ этого избранія, и было рѣшено на время третьяго избранія скрытъ Салтанату, на самомъ краю города, въ вонюшнѣ. Какъ только „*Десять-уши*“ была выпущена, она прямо направилась къ тому мѣсту, гдѣ была спрятана Салтаната. Дѣлать было нечего, — народъ выбралъ ея своимъ царемъ. Салтаната согласилась быть царемъ, только, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ея ше-

стеро товарищей были назначены ближайшими къ ней сановниками. Народъ принялъ это предложеніе, и Салтаната стала управлять царствомъ. Черезъ два-три дня послѣ восшествія на престоль, она потребовала фотографа, и снялась въ женскомъ востомѣ; все это дѣлалось, конечно, секретно отъ другихъ. Карточку свою она приказала повѣсить на видномъ мѣстѣ города, и приставила караульнаго, которому приказала доставлять къ ней всякаго, кто, при видѣ карточки, станетъ вздыхать.

Первымъ доставленъ былъ Сахва-Юсуфъ. По повелѣнію Салтанаты, ему отвели приличную комнату и кормили изъ того-же обѣда, который приготовлялся для самого царя. Вторымъ привели Гаджи-Мамеда, котораго Салтаната приказала посадить въ подвалъ и кормить остатками хлѣба, и то, по одному разу въ день. Третьими были доставлены тѣ трое молодыхъ людей, которые хотѣли взять, выброшенную въ окно, Салтанату въ сестры. Имъ отвели хорошую квартиру, со всѣми удобствами, и подавали для ѣды и питья все, что было угодно ихъ душѣ; даже приказано было исполнять всѣ ихъ прихоти. Четвертымъ былъ приведенъ знакомый намъ всадникъ, у котораго Салтаната похитила одежду, оружіе и лошадь, а самого покинула въ озерѣ. Съ нимъ поступили точно такъ-же, какъ съ Гаджи-Мамедомъ. Пятымъ доставленъ былъ лодочникъ; его тоже взяли, и стали кормить умѣренно. Шестымъ привели хана, лишившагося своихъ женъ; ему отвели квартиру съ прислугой и такою обстановкою, какая, вообще, соответствовала его званію. Самыми послѣдними доставлены были обманутые и ограбленные семью женщинами разбойники. Затѣмъ, когда всѣ вышеуказанныя лица были арестованы, Салтаната потребовала къ себѣ всякаго изъ нихъ и, наединѣ, спрашивала, зачѣмъ они, при видѣ известной намъ карточки, вздыхали. Всѣ подробно и правдиво рассказали уже известныя намъ пріключенія, оправдывая свои поступки пламенною любовью къ

этой красавицѣ. Сахва-Юсуфъ также совнался въ своей винѣ и жалѣлъ жену свою, тѣмъ болѣе, что онъ ее поранилъ, прогналъ изъ дому, не убѣдившись въ взводимыхъ на нее обвиненіяхъ и не потребовавъ у нея объясненія. Его оставили за зававѣской, чтобы онъ могъ слышать все, что рассказывалъ, вызванный на допросъ, Гаджи-Мамедъ. Послѣдній сознался, что онъ оклеветалъ жену Сахва-Юсуфа предъ мужемъ изъ зависти. Потомъ были распрошены всѣ остальные. Салтаната вернула хану его женъ; разбойниковъ наказала за ихъ старыя грѣхи: грабежи, убійства и пр.. Гаджи-Мамеда приказала высѣчь, а всадника и лодочника наказала незначительно. Трехъ же молодыхъ людей, поднявшихъ ее съ улицы, щедро вознаградила и приняла на службу. Послѣ всего этого, Салтаната созвала весь народъ и объявила, что она сама и шестеро ея сановниковъ женщины, переодѣтыя въ мужскую одежду, а Сахва-Юсуфъ ея мужъ. Если народъ согласенъ принять Сахва-Юсуфа царемъ, а ее царицей—они останутся, въ противномъ случаѣ, предложила народу поручить кому-нибудь принять отъ нея престолъ, а ее освободить. Народъ, единогласно, съ радостью, принялъ Сахва-Юсуфа царемъ, а ее царицей, говоря:

— „Если жена могла такъ умѣло и добросовѣстно управлять народомъ, то мужъ справится еще лучше.“

Народъ въ честь своего царя устроилъ пиръ и народное гулянье. Потомъ привезли мать Юсуфа, и всѣ трое стали счастливо жить да поживать и справедливо управлять народомъ.

8. Меликъ-Мамедъ.

Жилъ былъ какой-то царь. Онъ имѣлъ семеро сыновей, восторжъ хотѣлъ одновременно женить на дочеряхъ, непременно, одного царя. Долго онъ подыскивалъ такого царя, который бы имѣлъ семь незамужнихъ дочерей, но сколько ни старался,

ни разспрашивалъ другихъ, все не могъ найти такого царя. Младшій сынъ его, по имени Меликъ-Мамедъ, видя, что лѣта братьевъ уже проходить, и поиски отца остаются тщетными, однажды говорить ему:

— „Такой-то царь имѣетъ дома шесть незамужнихъ дочерей, сосватай ихъ за шестерыхъ моихъ старшихъ братьевъ, лѣта которыхъ уже проходить, обо мнѣ же нечего думать, я могу, пова, повременить.“

Царь послушался его; чрезъ нѣкоторое время, оставивъ дома Меликъ-Мамеда, онъ беретъ прочихъ сыновей и, со свитою, отправляется къ сказанному царю сватать его дочерей. Предъ отъѣздомъ отца изъ дому, Меликъ-Мамедъ говорить ему:

— „Предъ тобою двѣ дороги: одна изъ нихъ безводная степь, да притомъ неровная,—если поѣдешь по ней, перенесешь много мученій; а другая—ровная, покрытая зеленью, по обѣ стороны ея всюду прохладные родники; вообще, эта дорога полна всевозможныхъ удобствъ, но ты, отецъ мой, послушайся меня, своего младшаго сына, и соверши путешествіе свое по первой дорогѣ, иначе, потомъ, будешь расказываться.“

Отецъ послушался сына, поѣхалъ къ царю по первой дорогѣ и, хотя перенесъ много лишеній, но благополучно добрался до дружественнаго царя. Царь принялъ своихъ зятьевъ, тестя и его свиту весьма радушно; сыграли свадьбу, и новобрачные, послѣ многихъ празднествъ, должны были вернуться назадъ. Обратный путь взяли по ровной, со всѣми удобствами, дорогѣ. Хотя царь, помня увѣщанія Меликъ-Мамеда, и не хотѣлъ пойти противъ желанія младшаго сына, но послѣ долгихъ споровъ, онъ уступилъ, наконецъ, просьбамъ, сановниковъ, тѣмъ болѣе, что они везли съ собою женъ царскихъ сыновей, для которыхъ нужно было выбрать наиболѣе удобную дорогу. Однако, не долго ѣхала веселая партія, какъ дорогу имъ преградилъ величайшихъ размѣровъ змѣй. Долго этотъ змѣй крутился, наконецъ, поднялъ вверхъ голову и усьялся на

своемъ хвостѣ. Въ первый разъ видѣли путешественники такое чудовище, и, страшно испугавшись, остановились: волосы на головѣ у нихъ стояли дыбомъ. Тогда змѣй потребовалъ царя и спросилъ его, кого онъ больше любитъ: Меликъ-Мамеда, или себя, со своими шестью сыновьями, женами и ихъ свитой? Если царь не желаетъ, чтобы онъ уничтожилъ всѣхъ присутствующихъ, то долженъ передать въ его распоряженіе Меликъ-Мамеда. Хотя царь любилъ Меликъ-Мамеда больше другихъ сыновей, и ему было тяжело разстаться съ нимъ, но, дѣлать было нечего; надѣясь, что, можетъ быть, Меликъ-Мамедъ сумѣетъ избавиться отъ змѣя, онъ общалъ, по приѣздѣ домой, выслать змѣю, требуемаго имъ, Меликъ-Мамеда. Тогда змѣй пропустилъ ихъ, и они, благополучно, но, съ подавленнымъ сердцемъ, и сопровождаемые змѣемъ, вернулись домой. Когда печальное шествіе приближалось къ дворцу, Меликъ-Мамедъ догадался, въ чемъ дѣло; вышедши навстрѣчу, онъ привѣтствовалъ пріѣхавшихъ и сказалъ отцу:

— „Я тебя предупредилъ, и ты долженъ былъ послушаться меня, а теперь нечего горевать! Вообрази, что одинъ изъ твоихъ сыновей оказался безпутнымъ, и ты бросаешь его.“

Сказавъ это, Меликъ-Мамедъ простился съ родителями, братьями и со всѣми присутствующими пошелъ за змѣемъ, который привелъ его къ своему царю. Царь, посматрѣвъ на красоту и стройную осанку Меликъ-Мамеда; сказалъ ему:

— „Ты и дочь Китайскаго царя, Гюлизара, со дня рожденія вашего подарены мнѣ,—я буду любоваться вашею красотою. Иди, какъ хочешь, достань её и приведи ко мнѣ; я люблюсь вами и, щедро вознаградивъ, отпущу.“

Меликъ-Мамедъ низко поклонился царю и ушелъ.

Долго ѣхалъ Меликъ-Мамедъ; наконецъ, увидѣлъ, что муравьи хотятъ переправиться на другой берегъ канавки, куда часть ихъ уже перешла; другіе-же не могли переправиться, потому что, пока переправлялись первые, пошелъ дождь, и вода, на-

поливъ канавку, помѣшала переправиться другимъ. Меликъ-Мамедъ, увидѣвъ бѣдныхъ муравьевъ, метавшихся по канавкѣ въ страшной тревогѣ, сжалился надъ ними, обнажилъ саблю, положилъ поперекъ канавки, и, когда всѣ муравьи благополучно перешли, взялъ саблю и хотѣлъ продолжать путь. Тогда царь муравьевъ остановилъ его и, передавъ ему ножку муравья, сказалъ:

— „Сохрани её у себя, — на свѣтѣ нельзя предвидѣть всего: бывають случаи, что царю приходится прибѣгать къ помощи бѣднаго дервиша; точно также можетъ понадобится тебѣ моя услуга: тогда ударь эту ножку о кремневый камень, и я явлюсь къ тебѣ.“

Взявъ ножку и простившись съ царемъ муравьевъ, Меликъ-Мамедъ поѣхалъ дальше.

Долго-ли ѣхалъ онъ, или мало, наконецъ, встрѣтилъ дѣтей пастуха, которыя поймали дочь царя сатаны (?), прилипшую къ бурдюку, смазанному *киромъ*, которымъ дѣти пастуха, нарочно, покрыли лошадиную шкуру. Пойманная жертва долго и тщетно выпутывалась изъ рукъ дѣтей, но послѣднія не хотѣли разставаться съ нею. Меликъ-Мамедъ отобралъ у дѣтей царевну-сатану и отпустилъ на свободу. Тогда она, въ знакъ благодарности, сняла съ головы волосъ и, передавая своему избавителю, сказала:

— „Спрячь этотъ волосъ у себя и, когда будешь нуждаться въ моей помощи, ударь имъ о кремневый камень, — я, съ своими подругами, немедленно, приду къ тебѣ на помощь.“

Сказавъ это, она скрылась, а Меликъ-Мамедъ продолжалъ свой путь. Наконецъ, юный царевичъ прибылъ въ тотъ городъ, гдѣ жила Гюлизара, со своими родителями. Кого онъ ни спрашивалъ о Гюлизарѣ, всѣ совѣтовали ничего не предпринимать въ отношеніи ея, указывая, при этомъ, на минареть, возведенный царемъ изъ головъ тѣхъ смѣльчаковъ, кои осмѣлились просить руки царевны Гюлизары: всѣмъ искателямъ руки

своей дочери царь предлагалъ выполнить различныя задачи, и такъ-какъ они не могли исполнить предложенныхъ царемъ требованій, то лишились головы. Меликъ-Мамедъ, несмотря на это, направился ко дворцу, откуда навстрѣчу ему вышелъ самъ царь. Меликъ-Мамедъ низко поклонился и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ царю о цѣли своего посѣщенія. Царь его ласково принялъ и, указавъ на башню, сказалъ ему:

— „Тамъ еще не достаетъ одной головы; если ты не въ состояннн будешь выполнить моего предложенія, такъ лучше уходи отсюда живымъ,—право, жаль тебя, ты еще такъ молодъ!“

Меликъ-Мамедъ, выслушавъ слова царя, отвѣтилъ ему, что онъ далъ себѣ обѣтъ, непременно, получить руку Гюлизары; пусть онъ падетъ за нея жертвою, но безъ нея ему жизнь не нужна. Тогда царь сказалъ:

— „Хорошо, пусть будетъ по-твоему: я велю приготовить тебѣ пловъ изъ *сорока халваровъ* *) риса, со всѣми приправами: масломъ, изюмомъ, абрикосами и пр., но приправы въ счетъ сорока халваровъ не входятъ, и ты долженъ все это съѣсть до разсвѣта. Если ты не въ состояннн исполнить моего предложенія, то лучше теперь-же откажись, еще не поздно, иначе, завтра прикажу отсѣчь тебѣ голову.“

Но Меликъ-Мамедъ не испугался и согласился исполнить задачу царя. Сварили пловъ, заперли двери и поставили часовыхъ; Меликъ-Мамедъ остался одинъ. Долго онъ сидѣлъ и много думалъ, какъ бы выйти побѣдителемъ изъ такого труднаго положенія,—наконецъ, вспомнилъ муравьевъ, и, какъ только онъ ударилъ муравьиной ножкой о кремневый камень, вмигъ, откуда-то, окружили его миллионы муравьевъ и, въ нѣсколько минутъ, съѣли весь пловъ и не оставили ни одной крупинки.

Утромъ, когда царь посѣтилъ Меликъ-Мамеда, то, къ своему удивленію, нашелъ котлы такъ очищенными, какъ будто они были въ ту ночь снова вылужены. Царь, нѣсколько

*) Халваръ—25 пудовъ. Прим. Соб.

удивленный этимъ, замѣтивъ сдерживаемую улыбку Мамеда, сухо сказалъ ему:

— „Не гордись своей ѣдой: какъ ты ѣшь, такъ будешь и работать.“

Съ этими словами, царь отвелъ его въ амбаръ, наполненный шерстью, далъ ему прялку, гребень и станокъ и потребовалъ, чтобы, въ утро, онъ очистилъ всю шерсть, напрялъ изъ нея нитокъ и соткалъ ковры.

Съ перваго раза, Меликъ-Мамедъ былъ ошеломленъ трудностью предложенной ему работы, но, потомъ, придя въ себя, вспомнилъ сатану, досталъ ея волосъ, ударилъ имъ о кремневый камень, и, вмгъ, тысячи сатанъ окружили его. Когда онъ разсказалъ, что отъ него потребовалъ царь, царевна-сатана успокоила его; онъ, немедленно, вынесли всю шерсть и бросили въ оврагъ, далеко-далеко за городомъ, а, затѣмъ, стали ходить по домамъ богатыхъ горожанъ, выбрали у нихъ лучшіе ковры и, въ полночь, принесли въ Меликъ-Мамеду. Радости Меликъ-Мамеда не было предѣловъ,—онъ думалъ, что всѣ испытанія кончены, но не зналъ, что самое трудное еще впереди. Утромъ, царь опять пришелъ въ Меликъ-Мамеду въ амбаръ, гдѣ, вмѣсто шерсти, были сложены тысячи ковровъ. Онъ еще болѣе былъ удивленъ, чѣмъ въ первый разъ, и готовъ былъ принять Меликъ-Мамеда за чародѣя. Подумавъ, онъ сказалъ ему:

— „Теперь тебѣ остается исполнить послѣднее мое желаніе; если ты и это сдѣлаешь, тогда можешь просить руки моей дорогой и прекрасной дочери, Гюливары.“

Надо замѣтить, что въ день прихода во дворецъ Меликъ-Мамеда, Гюливары успѣла увидѣть его и страшно влюбилась въ юношу, почему все время дрожала за него, какъ бы онъ не проигралъ спора, и не лишился головы. Царь положилъ на подносъ листъ бѣлой бумаги, а сверху поставилъ полный стаканъ воды и потребовалъ, чтобы Меликъ-Мамедъ, держа подносъ

въ рукѣ, такъ поднялся на стоявшее во дворѣ дворца высокое дерево, чтобы не расплескать воды, иначе, несмотря на свой прежній усгѣхъ, онъ долженъ лишиться головы. Гюлизара, тайкомъ, передала ему свой перстень, и сказала, чтобы онъ опустил его въ стаканъ, и, какъ только онъ исполнилъ это, вода, моментально, обратилась въ ледъ. Тогда Меликъ-Мамедъ покойно поднялся на вершину дерева; оно было такъ высоко, что съ его вершины Меликъ-Мамедъ увидѣлъ свой родной городъ; тутъ онъ вспомнилъ своихъ родителей, и сталъ плакать; въ это время, одна слеза упала на бумагу. Замѣтивъ это, Меликъ-Мамедъ отодвинулъ подносъ подальше отъ себя и досыта поплакалъ. Какъ только онъ слѣзъ съ дерева, тотчасъ вынулъ перстень, и представилъ царю подносъ съ водою, добавивъ, что на листѣ не капли воды, а его слеза; тутъ-же онъ объяснилъ причину того, зачѣмъ онъ плакалъ. Царь не соглашался съ нимъ, и хотѣлъ отрубить ему голову, но сановники убѣдили его, что пятно отъ воды было бы не замѣтно, а здѣсь пятно желтое, и, потому, упростили царя не лишать жизни такого молодца. Наконецъ, царь согласился съ ними, благословилъ Меликъ-Мамеда, и сыгралъ его свадьбу съ Гюлизарой. Онъ хотѣлъ подарить зятю любой, на выборъ, городъ, но Меликъ-Мамедъ отказался. Погостивъ у тестя еще два-три дня, онъ простился съ нимъ, взялъ жену и помчался къ своимъ родителямъ. Дорогой, онъ заѣхалъ съ Гюлизарой къ царю змѣевъ, который принялъ ихъ очень ласково; немного полюбовавшись ими, онъ благословилъ ихъ и, щедро наградивъ, отпустилъ домой. Они, взявъ богатство, низко поклонились царю змѣевъ и благополучно прибыли въ отцовскій дворецъ. Отецъ Меликъ-Мамеда, находившійся до того времени въ траурѣ, обрадовался возвращенію сына, еще разъ отпраздновалъ свадьбу, и устроилъ пиръ на весь міръ. Весь народъ, цѣлыя двѣ недѣли, ѣлъ, пилъ и кутилъ на свадьбѣ Меликъ-Мамеда. Царь, со своими сыновьями и невестками, сталъ счастливо

жить, а подь старость лѣтъ умерь, оставивъ престоль самому младшему, любимому и достойнѣйшему сыну своему, Меликъ-Мамеду.

9. Кули-хань.

Нѣкогда жилъ одинъ набожный и справедливый государь, по имени Кули-хань. Разъ, явился къ нему во дворець какой-то дервишъ; краснорѣчіе и рассказы его такъ увлекли Кули-хана, что онъ, по уходѣ своихъ сановниковъ и ближнихъ, пригласилъ дервиша къ себѣ вечеромъ. Послѣ вечерняго рассказа, Кули-хань хотѣлъ щедро наградить дервиша, но онъ отказался отъ золота, предлагаемаго ханомъ, говоря:

— „Развѣ мы вѣчно останемся на свѣтѣ, чтобы еще собирать золото или другія драгоценности; если ты, государь, хочешь меня наградить, то предоставь мнѣ на пять дней управлять за тебя народомъ, чтобы я могъ узнать, что ты видишь хорошаго въ томъ, что все домогаешься расширить свои владѣнія и увеличить достояніе государства.“

Кули-хань такъ былъ увлеченъ его бесѣдой, что, не подозрѣвая въ дервишѣ дурного умысла, предоставилъ ему управлять страной въ теченіе десяти дней. Какъ только дервишъ принялъ управленіе народомъ, онъ удвоилъ жалованье служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, а взимавшіяся съ крестьянъ подати на-половину убавилъ. Конечно, и служащіе, и поселяне назвали новаго правителя благодѣтелемъ, и были имъ болѣе довольны, чѣмъ Кули-ханомъ. Нужно замѣтить, что, когда Кули-хань хотѣлъ передать дервишу управленіе государствомъ на десять дней, царица не соглашалась, и просила мужа, чтобы онъ удовлетворилъ всякое, какое угодно, желаніе дервиша, но только не это, и не передавалъ бы ему власти.

Проходить день за днемъ; наконецъ, наступаетъ условленный десятый день. Кули-хань является занять обратно свой

престоль, но дервишъ не уступаетъ власти, говоря, что царь избирается народомъ, и для него созданъ, а не народъ для царя, — и предложилъ ему спросить все населеніе имперіи, кого оно желаетъ имѣть правителемъ. Такъ-какъ народъ и чиновничество, въ виду вновь установленныхъ льготъ, были на сторонѣ временного царя-дервиша, то, естественно, что Кули-ханъ оказался безсильнымъ. Оставшись въ нищетѣ, онъ рѣшился покинуть родину, государство, которымъ управлялъ такъ много лѣтъ, любимый народъ, и, взявъ своихъ двухъ сыновей и жену, отправился снискивать себѣ пропитаніе. Дорогой, когда настала вечерь, они остановились на полѣ на ночлегъ, и, чтобы погрѣться, развели огонь; оказалось, что, недалеко отъ нихъ, расположился также на ночлегъ караванъ нѣкоего Гаджи-Наджафа. Богатый купецъ, увидѣвъ огонь недалеко отъ своего каравана, чтобы узнать, что тамъ за люди, послалъ своихъ слугъ, подъ предлогомъ попросить огня. Посланные, увидя Кули-хана съ семействомъ, вернувшись назадъ, доложили Гаджи-Наджафу, что остановившіеся тамъ люди хотя бѣдные, но, по-видимому, не простого сословія, а скорѣе царскаго, такъ-какъ наружность ихъ — черты лица, красота и нѣжность частей тѣла довазываютъ, что они никогда не работали. Въ особенноти, посланные восхищались видѣнною ими женщиною, т. е., женою Кули-хана. Тогда Гаджи-Наджафъ, желая, какъ-нибудь, заманить въ себѣ эту красавицу, прибѣгнувъ къ хитрости и послалъ челоуѣка сообщить Кули-хану, что, вотъ-де, въ ихъ караванѣ вышелъ такой случай: жена купца при родахъ, а женщины около нея нѣтъ, почему просить жену Кули-хана на помощь. Сперва жена Кули-хана не хотѣла идти: что-то говорило ей, что здѣсь кроется обманъ; но, уступивъ требованію мужа, она отправилась на помощь. Какъ только она приблизилась къ каравану, а онъ уже былъ готовъ въ отправленію въ дальній путь и ждалъ только её, люди Гаджи-Наджафа схватили царицу, и караванъ поспѣшно снялся. Бѣдный

Кули-ханъ ждалъ, ждалъ, но такъ и не дождался жены; наконецъ, когда разсвѣло, уже утромъ, онъ увидѣлъ, что нѣтъ ни жены, ни каравана.

Дѣлать было нечего; съ разбитымъ сердцемъ, совершенно опечаленный, взявъ за руки обоихъ сыновей, онъ пошелъ дальше. Долго шелъ онъ, наконецъ, дошелъ до глубокой рѣки, почему сами дѣти не могли переправиться въ бродъ. Тогда онъ взялъ одного изъ сыновей съ собою, а другого оставилъ на берегу, чтобы перенести его въ слѣдующій разъ; но, когда онъ былъ на срединѣ рѣки, откуда-то появился левъ и унесъ, стоявшаго на берегу рѣки, ребенка. Кули-ханъ, моментально, хотѣлъ кинуться на берегъ, чтобы защитить свое дитя, но, отъ ужаса, руки его задрожали, въ глазахъ потемнѣло, — онъ выронилъ изъ рукъ мальчика, и вода, мигомъ, унесла его внизъ по теченію.

Опечаленный своею горькою участью, Кули-ханъ побрѣлъ дальше и, несмотря на всѣ бѣдствія, которыя обрушились на него, не ропталъ на Бога. Наконецъ, онъ прибылъ въ столичный городъ, гдѣ, незадолго предъ тѣмъ, скончался царь. Въ это время происходило избраніе новаго царя. По мѣстнымъ законамъ, весь народъ — и богачи, и бѣдные, и бояре, и дворяне, и чиновники, и воины, и прислуга, словомъ, все населеніе мужского пола должно было принимать участіе въ выборахъ, поэтому, отправился туда и Кули-ханъ, хотя ему болѣе хотѣлось бы отдохнуть, такъ-какъ онъ сильно былъ утомленъ долговременнымъ путешествіемъ. Царемъ, согласно обычаю, долженъ былъ быть избранъ тотъ, на котораго спустится „Десять-уши“. Пущенная въ первый разъ „Десять-уши“ остановилась надъ Кули-ханомъ, но, такъ-какъ онъ считался бродягой, народъ и не утвердилъ его избранія. Заперевъ Кули-хана въ какомъ-то уголѣ отдаленнаго дома, пустили вторично „Десять-уши“; она остановилась, какъ разъ, надъ тѣмъ домомъ, даже, тою комнатою, гдѣ былъ скрытъ Кули-ханъ.

Народъ, и на этотъ разъ, не выбралъ его царемъ, даже больше того, его выгнали изъ города; но, когда въ третій разъ пустили „*Девяты-гуши*“, она вылетѣла за городъ и, сейчасъ же, отыскала Кули-хана. Тогда одинъ изъ мудрѣйшихъ гражданъ сказалъ народу:

— „Если вы сами выбираете царя, то къ чему же вамъ „*Девяты-гуши*“? если же подчиняетесь ея выбору, то она уже три раза указала вамъ царя.“

Такимъ образомъ, нашъ Кули-ханъ, послѣ долгихъ бѣдствій, сдѣлался опять царемъ.

Но оставимъ, на время, Кули-хана и посмотримъ, что стало съ его сыновьями. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ Кули-ханъ переправлялся чрезъ рѣку, пасли свои стада пастухи; увидѣвъ льва, уносившаго ребенка, они бросились за нимъ и отбили мальчика цѣлымъ и невредимымъ. Пастухи, поговоривъ между собою, рѣшили усыновить ребенка. Они такъ и сдѣлали. Мальчикъ сталъ работать, помогая пастухамъ; онъ ежедневно ходилъ на рынокъ столицы продавать сыръ, молоко, масло и пр. молочные скопы.

Второго мальчика вода принесла къ мельницѣ; попавъ въ жолобъ, мальчикъ, тѣмъ, остановилъ дѣйствіе мельницы. Какъ только мельникъ замѣтилъ это, то, немедленно, вышелъ, чтобы узнать, что случилось съ колесомъ, и, къ своему удивленію, нашелъ мальчика. Мельникъ тотчасъ повѣсилъ ребенка вверхъ ногами, чтобы освободить его отъ воды, и, затѣмъ, сталъ тереть его до тѣхъ поръ, пока онъ не пришелъ въ сознание. Такимъ образомъ, и второй сынъ Кули-хана остался въ живыхъ, и мельникъ, усыновивъ его, почти ежедневно посылалъ на рынокъ, для продажи муки и покупки сѣстныхъ принадлежностей.

Кули-ханъ былъ увѣренъ, что его сыновей нѣтъ въ живыхъ, поэтому, по восшествіи на новый престолъ, показалъ своимъ приближеннымъ ихъ карточки и приказалъ отыскать

ему похожихъ на его сыновей двухъ мальчиковъ, думая усыновить ихъ. Какъ только посланные царемъ вышли на розыски, то, неподалеку отъ дворца, встрѣтили перваго мальчика, продававшаго сыръ и масло, а, потомъ, немного спустя, напали и на второго, продававшаго муку; обоихъ этихъ мальчиковъ привели въ царю. Несмотря на поразительное сходство мальчиковъ съ его дѣтьми, Кули-хану и въ голову не могло прийти, что это его сыновья,—не самъ-ли онъ видѣлъ, несчастный, ихъ гибель! Дѣти тоже не узнали другъ друга, равно какъ не узнали въ царѣ своего отца. Между тѣмъ, пастухъ и мельникъ долго ждали возвращенія своихъ питомцевъ и, не дождавшись, наконецъ, отправились въ столицу, чтобы собрать о нихъ свѣдѣнiя. Когда-же они узнали, что царь взялъ дѣтей къ себѣ и усыновилъ ихъ, то явились во дворецъ, съ требованiемъ, чтобы царь вернулъ ихъ сыновей: „Государь“, говорили они, „не долженъ, такимъ насильственнымъ образомъ, присваивать чужихъ дѣтей, хотя бы и его подданныхъ.“ Царь старался растолковать имъ, что они еще должны радоваться такому счастью для своихъ сыновей, такъ-какъ послѣднiе усыновлены, а не взяты во дворецъ въ качествѣ прислуги. Наконецъ, пастухъ и мельникъ согласились оставить своихъ примышей у царя, а сами вернулись домой.

Но оставимъ, пока, Кули-хана и его дѣтей и посмотримъ, что случилось съ его женой, похищенной купцомъ Гаджи-Наджафомъ. Когда жена Кули-хана рассказала купцу печальную исторiю своего мужа, то Гаджи-Наджафъ узналъ въ ней свою двоюродную сестру. Съ этого-же времени, онъ сталъ разыскивать по городамъ Кули-хана, повсюду наводилъ о немъ справки, но, до сихъ поръ, всѣ хлопоты оставались тщетными. Часто Гаджи-Наджафъ, съ караваномъ, останавливался въ окрестностяхъ новой столицы Кули-хана, и каждый разъ посѣщаль царя, съ которымъ такъ подружился, что ханъ часто его оставлялъ у себя обѣдать. Разъ, Гаджи-Наджафъ, вечеромъ,

долго бесѣдовалъ съ царемъ; послѣдній просилъ его остаться у него ужинать, но Гаджи-Наджафъ уклонялся, отговариваясь тѣмъ, что въ палатѣ его есть „аманатъ“ (сокровище), котораго онъ не можетъ оставить на попеченіи своихъ приказчиковъ. Тогда царь послалъ караулить его палатку своихъ сыновей. Когда они пришли въ палатѣ, то стали раздумывать, какъ-бы незамѣтно провести время; вотъ старшій изъ нихъ и говоритъ:

— „Мы начнемъ рассказывать каждый свою исторію, чтобы не уснуть до разсвѣта, а то, не дай Богъ, если уснемъ и что-нибудь случится съ палаткой, царь, пожалуй, прикажетъ отрубить намъ головы: вѣдь, всѣ знаютъ, что мы не родные его сыновья!“

Сказано—сдѣлано. Когда каждый изъ нихъ рассказалъ свою исторію, то выяснилось, что они братья, сыновья Кулихана. Мать-же, сидя въ палатѣ, также слышала ихъ рассказы, и узнала въ нихъ своихъ сыновей, которыхъ такъ долго и тщетно искала. Когда, выслушавъ ихъ похождения, она убѣдилась, что это ея дѣти, ея радости не было предѣловъ: со слезами на глазахъ, она объявила мальчигамъ, что она ихъ родная мать, обняла ихъ, усадила на колѣни, цѣловала, и долго отъ радости никто изъ нихъ не могъ произнести ни слова. Въ это время, является въ палатку Гаджи-Наджафъ. Видя свою сестру, обнимающуюся съ мальчигами, и не понимая случившагося, онъ вернулся къ царю съ жалобой, и требовалъ возмездія за безчестіе, нанесенное его сестрѣ двумя сорванцами. Царю было очень непріятно слышать это, и онъ, немедленно, послалъ палачей, приказавъ, чтобы тамъ-же, у палатки отрубили его сыновьямъ головы и трупы ихъ тотчасъ-же доставили къ нему.

Когда явились палачи, мать не дозволила имъ и приблизиться до своихъ сыновей, говоря:

— „Идите, скажите Гаджи-Наджафу, что они не любими-

жи мои, а сыновья, которыхъ и я, и онъ такъ долго и тщетно искали.“

Между тѣмъ, вернулся и Гаджи-Наджафъ; тутъ, къ общему удовольствію, дѣло разъяснилось, и онъ, болѣе матери и дѣтей, радовался, что сама судьба такъ счастливо помогла имъ. Все, что ни происходило въ палаткѣ, палачи подробно сообщили царю, къ которому, затѣмъ, съ обоими мальчиками явился и Гаджи-Наджафъ. Царь заставилъ мальчиковъ подробно рассказать, какъ они въ сестрѣ Гаджи-Наджафа узнали свою мать; тѣ рассказали, какъ они, чтобы не уснуть, стали передавать другъ другу свои приключенія, и какъ, по ихъ рассказамъ, они были признаны матерью, сидѣвшею въ палаткѣ. Но царь не удовлетворился этимъ, и потребовалъ, чтобы они и ему рассказали свою прошлую жизнь. Тутъ царь узналъ своихъ милыхъ дѣтей, и едва не сошелъ съ ума отъ радости, найдя свою дорогую жену. Съ этого времени, всѣ они стали жить счастливо, въ полномъ довольствѣ, такъ-какъ Кули-ханъ управлялъ болѣе обширнымъ государствомъ, чѣмъ было у него прежде. Такъ подтвердились слова Кули-хана, сказанныя имъ женѣ, когда онъ передавалъ престолъ вѣроломному дервину, и нерѣдко повторялъ потомъ, во время своихъ странствованій: „Аллахъ какъ нахата вермазъ“ — Богъ правого неправому не дастъ, т. е., Богъ правого не обидитъ.

10. Честность или розовый кусть.

Въ одной деревушкѣ жили себѣ мужъ и жена съ сыномъ. Они жили очень бѣдно и не только не имѣли ничего лишняго, но у нихъ даже не было рабочаго скота. Единственнымъ достояніемъ ихъ былъ участокъ лѣкотной земли, да и тотъ они принуждены были продать своему односельчанину, такому-же бѣдняку, какими были сами. Послѣдній, какимъ-то образомъ, добылъ себѣ пару быковъ и сталъ обрабатывать

вновь приобретенный участокъ. Во время распашки, соха врызалась глубоко въ землю, и послышался звонъ кувшина. Бѣднякъ прокопалъ землю еще глубже, и нашелъ кувшинъ, наполненный золотыми монетами. Не тронувъ ни одного червонца, бѣднякъ закрылъ кувшинъ, засыпалъ землю и, немедленно, отправился къ прежнему владѣльцу, чтобы сообщить ему о своей находкѣ.

— „Кувшинъ съ золотомъ“, говорилъ онъ, „найдень на твоей землѣ, и принадлежитъ тебѣ,—иди-же, не теряя времени, и возьми его себѣ.“

Старый владѣлецъ не согласился съ этимъ, говоря, что золото не принадлежитъ ему, такъ-какъ и земля теперь не его, а, потому, оно должно быть собственностью новаго владѣльца. Долго они спорили, отказываясь въ пользу другъ друга отъ найденнаго богатства, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что они подрались; избивъ другъ друга, они пошли жаловаться хану.

Послѣдній, выслушавъ жалобщиковъ, немало былъ удивленъ ихъ честностью и простотою и спросилъ, имѣють-ли они дѣтей и сколько. Оказалось, что у новаго владѣльца есть единственная дочь, а у прежняго сынъ. Чтобы примирить спорщиковъ, ханъ разрѣшилъ дѣло такъ: первый долженъ выдать замужъ свою дочь за сына второго и находку передать цѣликомъ новобрачнымъ. Обѣ стороны остались довольны рѣшеніемъ хана; немедленно построили для молодыхъ прекрасный, со всѣми удобствами, домъ, сыграли свадьбу, и задали большой пиръ, на который были приглашены не только всѣ жители деревни, но и окружающихъ селеній. Новобрачнымъ жилось отлично, и родители ихъ болѣе ни въ чемъ не встрѣчали нужды. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найдень кувшинъ съ золотомъ, спустя нѣкоторое время, выросъ розовый кустъ, на которомъ, вмѣсто простыхъ лепестковъ, росли золотые.

Однажды царь выѣхалъ на охоту; долго онъ охотился и, наконецъ, доѣхалъ до знакомаго намъ участка. При видѣ ро-

зоваго куста, онъ поскакалъ впередъ, и, когда хотѣлъ сорвать розу, кустъ тотчасъ-же поднялся на небо, и царь долго, съ недоумѣніемъ, смотрѣлъ на это явленіе. Съ досадой онъ поскакалъ обратно и, когда оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что розовый кустъ опять красуется на прежнемъ мѣстѣ. Царь повернулъ коня къ кусту, опять подъѣхалъ къ нему и долго разсматривалъ его, но, когда протянулъ руку за розой, кустъ опять поднялся на небо. Три раза царь ворочался къ кусту, и каждый разъ повторялось одно и то же, и царь долженъ былъ возвратиться домой, съ пустыми руками.

По возвращеніи во дворецъ, царь собралъ всѣхъ сановниковъ и мудрецовъ; рассказавъ имъ о чудесномъ явленіи, государь требовалъ объяснить ему, что оно могло значить; однако, никто не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Тогда правитель рѣшилъ покинуть свой домъ, государство и народъ, и, давъ себѣ обѣтъ, во что бы то ни стало, узнать причину видѣннаго имъ явленія, сталъ странствовать. Въ ближайшемъ отъ столицы городѣ, онъ встрѣтилъ старуху, которая, какъ ему показалось, могла разрѣшить интересующій его вопросъ; но она направила его въ другой городъ къ какому-то совсѣмъ дряхлому, горбатому старику. Царь пріѣхалъ въ указанный городъ, и, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ сѣдовласаго, дряхлаго и совсѣмъ сгорбившагося старика, о которомъ говорила старуха. Послѣдній, выслушавъ просьбу царя, сказалъ, что тотъ, кто можетъ объяснить эту тайну, и котораго ищетъ царь, не онъ самъ, а его старшій братъ, живущій въ слѣдующемъ городѣ. Царь, взявъ отъ старика къ нему записку, поѣхалъ дальше и нашелъ второго брата, который, по-видимому, былъ гораздо свѣжѣе и бодрѣе младшаго брата, — въ волосахъ его едва проглядывала сѣдина. Царь немало былъ удивленъ моложавымъ видомъ человѣка, на котораго старуха указывала, какъ на дряхлаго старика, и подумалъ про себя, что первый братъ, вѣроятно, солгалъ, сказавши, что онъ моложе

этого брата. Когда царь объяснил второму брату, въ чемъ заключается его просьба, молодежавый старецъ, повачавъ головой, сказалъ, что онъ не въ силахъ удовлетворить любопытство царя, и что онъ не тотъ, котораго послѣдній ищетъ: онъ средній братъ, а есть еще старшій,—вотъ онъ все знаетъ и все разъяснитъ царю; живетъ-же онъ въ другомъ городѣ, почти у самаго моря. Такимъ образомъ, второй братъ, съ письмомъ, направилъ царя за разъясненіемъ къ своему старшему брату, живущему въ другомъ городѣ. Дѣлать было нечего; взявъ письмо отъ второго брата, царь продолжалъ путь далѣе и, наконецъ, пріѣхалъ къ третьему брату, самому старшему. При видѣ послѣдняго, царь былъ, просто, пораженъ: предъ нимъ стоялъ совсѣмъ молодой человѣкъ, съ свѣжимъ лицомъ и черными, какъ смоль, волосами. Царь сказалъ ему:

— „Я пріѣхалъ къ тебѣ для того, чтобы ты мнѣ разъяснилъ, откуда взялся въ степи розовый кустъ, съ золотыми лепестками, и отчего, когда я подхожу къ кусту и хочу сорвать розу, онъ поднимается на небо, а когда ухожу, кустъ возвращается на прежнее мѣсто. Кромѣ того, я не могу удержаться, чтобы не спросить тебя, отчего ты выглядываешь такимъ молодымъ: средній братъ твой млаже тебя, но, все-таки, съ сѣдиною, а самый младшій—совсѣмъ дряхлый, съ бѣлыми волосами, и всматриваетъ настолько старѣе васъ обоихъ, что его можно принять за вашего отца?“

Старикъ обѣщалъ все это разъяснить царю, но, прежде всего, просилъ его сѣсть пообѣдать съ нимъ. Послѣ обѣда, жена подала арбузъ, но мужъ вернулъ его обратно и потребовалъ принести другой; жена пошла исполнить желаніе мужа, но должна была принести тотъ-же самый арбузъ, такъ-какъ другого у нихъ не было. Двѣнадцать разъ заставлялъ мужъ жену приносить и уносить одинъ и тотъ-же арбузъ, и, когда они съѣли его, онъ сказалъ царю:

— „Вотъ видишь, у насъ, всего-на-всего, одинъ арбузъ, и

я это хорошо знаю; но, несмотря на это, я свою жену, которая теперь находится въ интересномъ положеніи, и не-сегодня—завтра должна родить, двѣнадцать разъ заставилъ принести и унести одинъ и тотъ-же арбузь. Замѣть, что она должна была каждый разъ спускаться въ глубокой подвалъ, куда ведетъ цѣлыхъ двѣнадцать ступеней, но ни разу она не возразила мнѣ. Жена моя съ характеромъ и скромна, оттого я свѣжѣе и бодрѣе другихъ братьевъ, хотя, лѣтами, старше. Жена младшаго брата очень зла, оттого онъ и такой дряхлый, а жена средняго—не то-чтобы была зла, да и не со-всѣмъ добра, поэтому-то онъ старѣе меня, но, все-же, моложе самаго младшаго нашего брата. Относительно-же перваго твоего вопроса я скажу тебѣ слѣдующее:

— „Участокъ, на которомъ выросъ розовый кустъ, былъ проданъ однимъ бѣднымъ крестьяниномъ другому, и послѣдній, во время распашки, нашель на этомъ мѣстѣ кувшинъ золота. Послѣ долгихъ споровъ, даже драки, крестьяне, по совѣту хана, породнились, поженивъ своихъ дѣтей.

„Выросшій розовый кустъ есть награда добрымъ поселянамъ за ихъ безворыстіе, и рвать съ него розы могутъ только хозяева. Небо посылаетъ имъ эти золотыя розы, чтобы поддержать, безбѣдно, ихъ существованіе; для всякаго-же другаго этотъ кустъ недоступенъ, а подымается онъ на небо для того, чтобы показать дерзновенному смѣльчаку, протягивающему руки *къ чужому счастью*, что прежде надо очистить свое сердце и душу, и тогда найдешь *свое счастье*.“

11. Лже-царевичъ Хачи.

Жиль-быль одинъ государь; хотя онъ былъ женатъ, но дѣтей у него не было. Чего-чего ни дѣлали супруги, чтобы имѣть потомство, ничто не помогало. Наконецъ, царь далъ обѣтъ покинуть свое царство и отправиться въ странствованіе, если только жена произведетъ на свѣтъ хоть одного на-

слѣдника. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, царица, дѣйствительно, сдѣлалась беременной, и, когда приближался срокъ ея разрѣшенія, царь исполнилъ свое обѣщаніе: онъ покинулъ жену, престолъ и родину и отправился въ чужіе края. Отъѣзжая, онъ сказалъ женѣ, чтобы она, если дитя будетъ мужского пола, по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста, передала ему „бозбанды“ *) и отправила къ нему; если-же ребенокъ будетъ женскаго пола, то она можетъ оставить его у себя. Черезъ мѣсяца два послѣ отъѣзда царя, царица разрѣшилась сыномъ, который росъ не по днямъ, а по часамъ. Разъ царевичъ игралъ съ дѣтьми на улицѣ, и кто-то изъ нихъ, случайно, ударилъ его палкой въ глазъ. Царевичъ тотчасъ-же побѣжалъ жаловаться матери, причемъ сказалъ:

— „Развѣ у меня нѣтъ отца, что меня называютъ сиротою? О, если-бы былъ у меня отецъ, онъ отомстилъ бы за это!“

Мать отвѣтила ему, что у него есть отецъ, къ которому она и пошлетъ его, когда ему исполнится 15 лѣтъ. Съ этого момента, мальчикъ не давалъ матери покою и просилъ отправить его къ отцу, если только, на самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ отца. Дѣлать было ничего; мать надѣла сыну на руки „бозбанды“ и отправила къ отцу. Въ это время, мальчику было только десять лѣтъ. Отправляя сына, мать приказала ему нанять въ прислуги того, который далъ бы ему въ дорогѣ большую порцію ѣды, а себѣ взялъ бы меньшую; если-же встрѣтившійся на пути поступитъ обратно, то царевичъ не долженъ нанимать его. По дорогѣ, царевичъ нанялъ челоуѣка, по имени Хачи; но, когда тотъ, во время ѣды, далъ ему маленькую порцію хлѣба, а себѣ взялъ большую, то царевичъ отобралъ у него свою сумку, освободилъ его отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, а самъ поѣхалъ дальше. Хачи переодѣлся въ другую одежду и, вышедши къ нему опять навстрѣчу, предложилъ свои услуги; царевичъ, не узнавъ его, снова нанялъ; около

*) Родъ браслета, надѣваемого въ знакъ царскаго званія. *Прим. Соб.*

колодца они остановились обѣдать. На этотъ разъ Хачи большую часть хлѣба далъ барину, а меньшую взялъ себѣ. Послѣ обѣда, имъ захотѣлось пить, но достать воды изъ колодца было нечѣмъ. Хачи опустился внизъ, самъ напился и вышелъ, а на просьбу царевича достать ему воды, отвѣтилъ, что онъ и самъ можетъ спуститься и напиться въ колодцѣ. Жажда принудила царевича спуститься въ колодець, и, какъ только онъ очутился на его днѣ, Хачи закрылъ отверстіе колодца большимъ камнемъ и обѣщалъ снять камень, только, тогда, если царевичъ дастъ ему „бозбанды“. Царевичъ, видя, что онъ можетъ погибнуть въ колодцѣ, снялъ „бозбанды“ и отдалъ Хачи, который тогда выпустилъ его на свободу. Съ этого времени, Хачи сдѣлался царевичемъ, а царевичъ его слугою. Такъ они поѣхали дальше и пріѣхали туда, гдѣ жилъ царь.

Царь, узнавъ о пріѣздѣ своего сына, выѣхалъ къ нему навстрѣчу. Но каково было его удивленіе, когда онъ встрѣтилъ двухъ лицъ—одного въ лѣтахъ, съ царскими „бозбандами“ на рукахъ, а другого—мальчика, слугу перваго; по своей наружности, достоинъ былъ быть царевичемъ второй, но никакъ не первый, носившій „бозбанды.“ Инстинктъ подсказывалъ царю, что молодой человѣкъ—его сынъ, это подтверждалось и его молодостью, но, все-таки, онъ долженъ былъ принять за сына того, который былъ съ „бозбандами“.

Но оставимъ, пока, царевича съ его слугою и посмотримъ, какъ попалъ сюда и что дѣлаетъ здѣсь самъ царь. Оставивъ жену, престолъ и родину, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ государствамъ, царь поселился въ одной столицѣ и жилъ здѣсь, какъ человѣкъ простого званія. Вскорѣ умеръ мѣстный царь, и, по обычаю, на его мѣсто избрали другого, съ помощью „Девяты-гуши“. Пущенная „Девяты-гуши“ три раза остановилась надъ нимъ, и онъ сдѣлался здѣсь царемъ, но ужъ, теперь, управлялъ болѣе обширнымъ государствомъ, чѣмъ то, которое было у него раньше.

Итакъ, Хачи сдѣлался царевичемъ, а царевичъ его лакеемъ; хотя это положеніе мучило истиннаго царевича, но онъ твердо переносилъ свое горе. Въ это время, сосѣдной страной управлялъ царь, имѣвшій единственную дочь, которую онъ хотѣлъ выдать за того, кто выиграетъ у него закладъ, иначе, состязавшійся долженъ былъ лишиться головы. Лже-царевичъ Хачи, думая, что его лакей, т. е., настоящій царевичъ, непременно, проиграетъ пари, и за это лишится жизни—а тогда уже не будетъ свидѣтеля совершившагося подлога, послалъ его къ царю—сосватать его дочь.

Царевичъ, съ понижшею головой и съ горечью въ сердцѣ, отправился въ путь. На дорогѣ онъ увидѣлъ безпомощно лежавшаго маленькаго соловья, только-что вылупившагося изъ яйца, сжалился надъ нимъ, поднялъ и положилъ въ гнѣздо; далѣе, на тропинкѣ, онъ замѣтилъ массу муравьевъ; изъ жалости, чтобы не раздавить ихъ, онъ перемѣнилъ дорогу, и поѣхалъ дальше. Наконецъ, онъ прибылъ въ столицу, гдѣ жила царевна. Тутъ онъ явился къ ней и сталъ просить ея руки. Царевна, поговоривъ съ отцомъ, обѣщала выйти за него замужъ, если онъ выполнитъ три ея предложенія: прежде всего, она привела его въ комнату, наполненную пшеницею и просомъ, и предложила, чтобы онъ, до утра, отдѣлилъ пшеницу отъ проса. Царевичъ было задумался; но, потомъ, взялся исполнить работу. Въ полночь, къ нему явились спасенные имъ муравьи, которые не только до разсвѣта отдѣлили пшеницу отъ проса, но и ссыпали все въ мѣшки. Утромъ, когда царевна увидѣла, что требованіе ея исполнено, разрѣзала на мелкіе куски своего лакея и потребовала, чтобы царевичъ, до разсвѣта, оживилъ его. Долго царевичъ не зналъ, какъ выполнить новую задачу и оживить лакея. Въ это время, прилетѣлъ спасенный царевичемъ соловей; передавъ царевичу одно перо, онъ сказалъ ему:

— „Не печалься, возьми это перо и приставь части гѣ-

ла другъ къ другу, потомъ намочи это перо и обтирай имъ все тѣло убитаго, тогда онъ оживетъ.“

Царевичъ, точь-въ-точь, исполнилъ совѣтъ соловья, и, дѣйствительно, оживилъ лакея, такъ-что онъ, утромъ, подалъ царевнѣ чай. Хотя царевна, послѣ этого, должна была признать себя побѣжденной, и выйти замужъ за царевича, но она рѣшительно объявила, что выйдетъ за него замужъ, только, въ такомъ случаѣ, если онъ надѣнетъ узду на коня, который, кромѣ ея, царевны, никого не подпускалъ къ себѣ. Царевичу, какимъ-то образомъ, и это удалось, и на этомъ-же самомъ конѣ онъ пріѣхалъ къ царевнѣ.

Дѣлать было нечего; царевну выдали за него замужъ, сыграли свадьбу, и задали пиръ на весь міръ. По окончаніи пира, царевичъ взялъ жену и поѣхалъ туда, гдѣ жилъ же-царевичъ Хачи. Когда они прибыли въ столицу, онъ объявилъ женѣ, что привезъ её въ жены Хачи; но та, увидѣвъ, что мужъ и красивѣе, и моложе послѣдняго, не соглашалась на это, говоря, что она вышла замужъ за него, какъ за выигравшаго споръ, а не за Хачи. Послѣдній, видя, что онъ, все-таки, не отдѣлался отъ царевича, чтобы, уже навѣрное, погубить его, послалъ за водою въ бассейнъ, до котораго достаточно было воснудиться, чтобы оконченъ. Такъ, на самомъ дѣлѣ, и случилось съ царевичемъ. Жена долго ждала его, но не дождалась, и, наконецъ, сама пошла исвать мужа; она нашла его въ бассейнѣ оконченъшимъ. Съ помощью спасеннаго царевичемъ соловья, который все время вертѣлся надъ его головой, она оживила мужа, и оба вмѣстѣ они пришли во дворецъ. Тутъ ужъ царевичъ не вытерпѣлъ и объявилъ отцу о своемъ происхожденіи; тутъ-же онъ пояснилъ, какимъ образомъ Хачи сдѣлался владѣльцемъ „бозбандовъ.“ Царевичъ, немедленно, былъ назначенъ царемъ, а обманщикъ Хачи устраненъ отъ престола, который, за своею старостью, было уже передалъ ему царь. По привязанію послѣдняго, Хачи

былъ закованъ въ цѣпи и посаженъ въ тюрьму, а чрезъ нѣсколько времени его казнили. Послѣ восшествія на престоль, царевичъ поѣхалъ за матерью, привезъ её къ отцу, и долго всѣ вмѣстѣ жили счастливо.

Съ неба упало три яблока: одно рассказчику, другое слушателю, а третье по улицѣ проходящему.

12. Нужда учить.

Въ нѣкой деревушкѣ жила-была одна вдова съ сыномъ; они жили очень бѣдно. Достояніе ихъ заключалось въ парѣ воловъ и участкѣ пахотной земли. Сынъ обрабатывалъ землю, и маленькая семья, кое-какъ, могла поддерживать свое существованіе. Вскорѣ палъ одинъ изъ воловъ; къ пріобрѣтенію другого не было средствъ, а однимъ воломъ нельзя было пахать, поэтому, сыну пришлось запрячь съ воломъ родную мать, чтобы не умереть съ голоду. Во время распашки, проѣзжалъ мимо мѣстный владѣтель-ханъ; увидѣвъ такую странную запашку, онъ повернулъ коня къ земледѣльцу и спросилъ его, кто эта женщина, и зачѣмъ онъ её запрягъ? На это пахарь отвѣтилъ, что запряженная женщина его родная мать, а запрягъ онъ её потому, что не на что кушать другого вола, и, по его мнѣнію, гораздо лучше помучить свою родную мать, чѣмъ заниматься воровствомъ и грабежомъ для своего пропитанія.

Варварство пахара вывело хана изъ терпѣнія, и онъ хотѣлъ его жестоко наказать; рѣшивъ отдать его на сѣдненіе звѣрямъ, онъ сказалъ ему:

— „Иди за мною, я подарю тебѣ хорошаго вола, только, чтобы ты потомъ такъ не мучилъ свою мать.“

Земледѣлецъ обрадовался, отпрягъ свою мать, вола оставилъ на ея попеченіи, и, взявъ веревку, пошелъ за ханомъ. Долго-ли шелъ онъ за ханомъ, или мало—Аллахъ вѣдаетъ, наконецъ, они дошли до густого лѣса; здѣсь ханъ, указавъ

ему тропинку, сказалъ, чтобы онъ углубился по ней и тогда найдетъ тамъ вола, котораго и возьметъ себѣ; а самъ ханъ, съ провожатыми, вернулся къ себѣ домой.

Какъ только пахарь вошелъ въ чащу лѣса, на него накинудся огромный хищный звѣрь, и, когда послѣдній хотѣлъ уже растерзать его, пахарь взялъ звѣря за ухо и началъ его крутить вокругъ себя до тѣхъ поръ, пока звѣрь не утомился и не высунулъ изо рта языка; потомъ пахарь обвязалъ его веревкой за ногу и шею, и повелъ къ себѣ домой. Съ этого дня, онъ покорилъ своей волѣ дикаго хищнаго звѣря, и освободилъ отъ полевой работы свою мать.

Съ этого-же времени, прекратилось похищеніе въ окрестностяхъ лѣса разнаго рода домашняго скота, что бывало прежде, и стало уже не слышать о нападеніи звѣря на людей. Поэтому, ханъ, долго не слыша никакой жалобы отъ жителей на звѣря, былъ крайне удивленъ этимъ, и, нарочно, поѣхалъ въ ту деревушку, гдѣ жилъ знакомый намъ пахарь. Но какъ-же онъ былъ удивленъ, когда увидѣлъ послѣдняго живымъ! Однако, ханъ спросилъ его, доволенъ-ли онъ своимъ новымъ воломъ? Тутъ пахарь выразилъ хану свою признательность и добавилъ, что подаренный имъ волъ, правда, хорошо работаетъ, но, нѣсколько, неуклюжъ. Тогда ханъ отвѣтилъ пахарю:

— „Если ты такой молодецъ; такъ я выдамъ за тебя замужь свою дочь.“

Нужно замѣтить, что дочь хана была до того лѣнива, что ни за что не поднялась бы взять для себя ставанъ воды, какъ бы ни хотѣлось ей пить.

Послѣ второго свиданія съ ханомъ, пахарь сталъ приставать къ матери, чтобы она пошла сосватать за него дочь хана. Долго бѣдная старуха не соглашалась и говорила:

— „Сынъ мой, зачѣмъ ты зазнался? Ханъ подарилъ намъ вола, и мы сповоино живемъ себѣ; ты-же хочешь, чтобы онъ наказалъ меня и тебя смертью!“

Наконецъ, боясь угрозъ сына, старушка уступила ему, и пошла во дворецъ. По порученію сына, она должна была сдѣлать предложеніе лично хану, не говоря о цѣли своего прихода никому изъ придворныхъ. Бѣдная старуха, съ трепетомъ сердца, направилась ко дворцу хана, но никто изъ придворныхъ не хотѣлъ пропустить ее, прежде чѣмъ она не скажетъ имъ, о чемъ она желаетъ просить хана? Наконецъ, одинъ изъ придворныхъ, болѣе благоразумный, доложилъ хану о старушкѣ, и, по его приказанію, она была пропущена къ нему. Послѣ долгихъ поклоновъ, извиняясь, бѣдная мать передала хану слова сына; ханъ, съ удовольствіемъ, принялъ предложеніе пахара, и приказалъ готовиться къ свадьбѣ. Выдавая свою дочь за пахара, ханъ думалъ, что тотъ или еѣ убьетъ, или-же научитъ работать. Скоро, послѣ этого, сыграли свадьбу. Пахарь, по-прежнему, съ разсвѣтомъ, отправлялся на работу и возвращался поздно вечеромъ. Возвратившись домой, разъ онъ спросилъ мать, довольна-ли она невѣсткой? Мать отвѣтила, что она слишкомъ тяжела, даже лѣнитца встать, чтобы налить себѣ воды. Услышавъ это, сынъ приказалъ, чтобы, ни подъ какимъ видомъ, мать не подавала ей ни ѣсть, ни пить—она сама можетъ встать и принести себѣ, что ей нужно. Дочь хана долго оставалась безъ хлѣба и воды, наконецъ, голодъ и жажда принудили еѣ встать и принести себѣ пищи и питья. Послѣ этой попытки, сынъ сказалъ матери, чтобы она не оставляла въ домѣ воды и просилъ сосѣдей, на случай, если жена спроситъ воды, не давать ей. Дочь хана долго оставалась безъ воды, жажда еѣ мучила, и такъ-какъ дома и у сосѣдей воды не было, то она взяла кувшинъ и пошла за водою. Когда же вышелъ хлѣбъ, она сама достала сито, просѣяла муку, замѣсила тѣсто и испекла хлѣбъ. Послѣ этого, она сдѣлалась такою работающею, что, какъ только возвращался мужъ, она сейчасъ-же заводила воловъ въ хлѣвъ, привязывала ихъ, и сама приносила имъ кормъ.

Спустя нѣкоторое время, ханъ вспомнилъ про свою дочь, сжалился надъ нею и поѣхалъ справиться, жива-ли она, и какъ живетъ? Какъ только ханъ подѣхалъ къ дому пахаря, дочь его выскочила отцу навстрѣчу, отвела коня въ конюшню, дала ему корму и вернулась въ комнаты. Видя здѣсь отца безъ дѣла, она дала ему мотать пучекъ веревки, и, при этомъ, добавила, что „здѣсь такой народъ, — если не будете работать, хлѣба не дадутъ.“ Вечеромъ, вернулся домой и самъ пахарь. При видѣ послѣдняго, ханъ поцѣловалъ его въ лобъ, подарилъ ему пять деревень, и онъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, съ этого времени, сталъ жить счастливо, а жена его сдѣлалась примѣрной хозяйкой.

Записалъ смотритель Геокчайскаго двухкласснаго сельскаго нормальнаго училища, **Николай Калашевъ.**

М. Геокчай.
1888 г.

О п е ч а т к и.

ОТДѢЛЪ I.

Стрп.	Строка (сверху).	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
38	14	мужчины?)	мужчины?),
42 (52)	3 (16)	Ростовскаго	Солунскаго (?)
60	28	разсыпныя	разсыпные
170	32	5110	4110
173	28	—4, ₁₃	—4, ₁₃
"	29	+4, ₁₃	+4, ₁₃
175	5—6	въ февралѣ и въ декабрѣ	въ декабрѣ и въ февралѣ
184	4	38, ₁₄	38, ₁₃

ОТДѢЛЪ II.

44	16	востоку	востока
56	20	привали	привязали
104	11	они	онѣ
180	3	дѣламъ	дѣламь,
189	12	Меджидъ-шахъ	Меджидъ-Шахъ
208	24	Меликъ-Мамеда;	Меликъ-Мамеда,

Изданія Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

I. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I—VI. Тифлисъ. 1881—1888 гг.

Вып. I Отд. I. 1) Отъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.—Программа собранія свѣдѣній о разныхъ мѣстностяхъ Кавказа и племенахъ, населяющихъ оныя. 2) Городъ Эривань, *Ст. Зелинскаго*. 3) Дарачичагъ, *его же*. 4) Замѣтки о состояніи промышленности въ Ахалцхскомъ уездѣ, Тифлисской губерніи, *И. Гонадзе*. 5) Село Прасноева, *Франгопуло*. 6) Селеніе Алты-агачъ, *Сильв. Похилевича*. 7) Село Чернольссное, *Павл. Терновскаго*. Отд. II. 1) Сказанія о нарскихъ богатыряхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа, Терской области, *С. Уруебѣва*. 2) Татарскія пословицы, поговорки, загадки и имена женщинъ, *Ст. Зелинскаго*.—1881 г.

Вып. II. Отд. I. 1) Отъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. 2) Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, *Г. Н. Потанина*. 3) Краткія извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ, *Карла Гана*. 4) Образованіе Палестоста и истока его, Капаръ-чая, *Н. Шафранова*. 5) Городъ Гори, *кн. А. Джавахова*. 6) Городъ Нахичевань и Нахичеванскій уездъ, *К. Никитина*. Отд. II. 1) Этнографическіе очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уездѣ, Эриванской губерніи, *Ст. Зелинскаго*. 2) Пѣсни Хойскаго Вартана, армянскаго народнаго пѣвца. Сообщ. *Ст. Зелинскій*. 3) Народныя преданія въ Нахичеванскомъ уездѣ, Эриванской губерніи, *К. Никитина*. 4) Дагестанскія сказки. Сообщ. *А. Барсовъ*. 5) Преданія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана. Сообщ. *онъ же*. 6) Изъ грузинской народной словесности, *кн. А. Джавахова*. 7) Спящій родникъ, Хусагъ-донъ, *Ростома Сикоева*.—1888 г. Ц. 2 руб.

Вып. III. Отд. I. 1) Замѣтки объ Осетіи и осетинахъ (съ картой), *Д. Лаврова*. 2) Краткія замѣтки о Нарсской области, *К. Садовскаго*. Отд. II. 1) Станица Темниженская и пѣсни, поющіяся въ ней, *Е. Передельскаго*. 2) Нѣсколько казацкихъ пѣсень и повѣрій въ ст. Расшеватской, Кавказскаго уезда, Кубанской области. Записалъ, со словъ казака Гр. Турищева, *К. Живило*. 3) Селеніе Салахъ-лу и татарскія сказки. Запис. *Б. Венѣминовъ*. 4) Карачаевскія сказанія. Запис. *М. Алейниковъ*. 5) Ноты пѣсень, поющихся въ ст. Темниженской. Запис. *Е. Передельскій*.—1888 г. Ц. 2 руб.

Вып. IV. Отд. I. 1) Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ, *Карла Гана*. 2) Городъ Темрюкъ, *Θ. Арканникова*. 3) Нѣкоторыя свѣдѣнія о селѣ Койласаръ и объ Айсорахъ, *П. Эйвазова*. 4) Приложение: Айсорская азбука. Сообщ. *онъ же*. Отд. II. 1) Ауль Чохъ, *Омара Каранаилова*. 2) Дагестанскія преданія и суевѣрія. Сообщ. *Гаджи-Магомъ-Девировъ*. 3) Взятіе Эривани, *К. Н. Шульгина*.

4) Нѣкоторыя черты изъ жизни абхазцевъ. Положеніе женщины въ Абхазіи, *К. Мачавариани*. 5) Малороссійскія пѣсни въ ст. Новоминской, Ейскаго уѣзда, Кубанской области. Запис. *П. Кириловъ*. 6) О „Барсовой комѣ“ Руставели, *Н. Гулака*. — 1884 г. Ц. 2 руб.

Вып. V. Отд. I. 1) Посховскій участокъ, Ардаганскаго округа, Карсской области, *К. Садовскаго*. 2) Мѣстечко Сальяны (Сальянь), Дневадскаго уѣзда, Бакинскій губерніи, *Н. Калашева*. 3) Станица Слыщовская, Владикавказскаго округа, Терской области, *П. Семенова*. 4) Колоніи менонитовъ, Вольдемирствъ и Александрфельдъ, Кубанской области, *А. Твалрелидзе*. Отд. II. 1) Очерки изъ быта горскихъ мусульманъ, *А. И. Дилова*. 2) Нѣсколько словъ объ общинѣ среди казановъ, *Е. Пердольскаго*. 3) Двѣ армянскія сказки и три пѣсни, записанныя въ Эриванскомъ уѣздѣ, Эриванской губ. Сообщ. *К. Н. Шульгинъ*. 4) Двѣ Сванетскія сказки: а) Визирь; б) Три араба. Сообщ. *И. Петровъ*. 5) Мингрельское сказаніе объ одноглазѣ. Сказаніе о динихъ людяхъ „очонокъ“. Сообщ. *онъ же*. 6) Черкесскій разсказъ о князѣ Омарѣ. Сообщ. *К. Мачавариани*. 7) Набардинская пѣсня о нартъ Адемирманъ. Сообщ. *С. Н. Стрѣльцкій*. 8) Дѣтскія игры и забавы въ нѣкоторыхъ станицахъ Кубанской и Терской областей. Записаны учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго Начальства и по инициативѣ *Е. А. Покровскаго*. 9) Нѣкоторыя туземныя игры въ гор. Ахалцихъ, Тифлисскаго губерніи. Сообщ. *І. Степановъ*. 10) Обѣ игрушкахъ, играхъ и разныхъ дѣтскихъ забавахъ, встрѣчающихся въ Грузіи. Описалъ *З. Гулисовъ*. — 1886 г. Ц. 2 руб.

Вып. VI. Отд. I. 1) Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи, *А. Никольскаго*. 2) Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда, *Д. Иванова*. 3) Станица Расшеватская, Кубанской области, Навиаскаго уѣзда, *К. Живило*. 4) Станица Самурская, Кубанской области, Майкопскаго уѣзда, *Вл. Кобелликаго*. 5) Село Саровъ, Елисаветпольской губерніи, Дневанширскаго уѣзда, *Н. Григорова*. 6) Станица Бесленевская, Кубанской области, Майкопскаго уѣзда, *Петра Близнюкова*. 7) Село Гадрутъ, Елисаветпольской губерніи, Джебральскаго уѣзда, *И. Давидбекова*. Отд. II. 1) Нѣсколько словъ о нарчѣи трапезондскихъ греновъ, съ образцами ихъ пѣсень, *А. Иоанимова*. 2) Адемирманъ. Кабардинское сказаніе. — *Л. Лопатинскаго*. 3) Обѣ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ владѣніи, близъ селенія Уолла-Кобанъ, Терской области, *В. Долбежева*. 4) Народныя сказки Закавказскихъ татаръ. Сообщ. *А. Захаровъ*. 5) Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями гор. Ейска, Кубанской области, при рожденіи челоуѣка, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ, *священ. Тим. Стефанова*. 6) Нѣкоторыя характерныя черты жителей селенія Геранъ-Бой-Ахмедлы, Елисаветпольской губерніи, Елисаветпольскаго уѣзда, *Гассанъ-бекъ-Баширова*. 7) Загадки и сказки, записанныя въ селѣ Казгулакъ, Ставропольской губерніи, Новоградскаго уѣзда. Сообщ. *Гр. Горбуновъ*. 8) Приложеніе: 1) Абхазская азбука. — Абхазская сказка. 2) Удинская азбука. — Удинская сказка. — 1888 г. Ц. 2 руб.

II. Этнографія Кавказа. Языкознаніе. I. Абхазскій языкъ, П. К. Услара. (Съ приложеніемъ: статья о языкѣ убыховъ; черкесская азбука; грамм. очеркъ сванетскаго языка и др.). — 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к. безъ портрета и 2 р. съ портретомъ.

II. Чеченскій языкъ. Съ приложеніемъ 1) писемъ П. К. Услара и статей его а) кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ; б) объ изслѣдованіи кавказскихъ

языковъ и с) нѣчто объ азбукахъ кавказскихъ горцевъ; 2) соч. А. Шиффера: Tschetschenzische studien въ переводѣ съ нѣм. языка и 3) чеченскихъ пословицъ и разсказовъ о Насръ-Эддинѣ изъ буквара П. Бартоломея.—1888 г.

III. Отчетъ комиссiи, учрежденной Попеч. Кавк. Учебн. Окр. для изысканiя мѣръ къ улучшенiю преподаванiя древнихъ языковъ въ гимн. Округа (II+524+126 стр.). 1882 г. Тифлисъ. Ц. 2 руб.

IV. Отчетъ комиссiи по новымъ языкамъ (II+558 стр.). 1883. Тифлисъ. Ц. 2 руб.

V. Очеркъ исторiи римской литературы для гимн. Бендера. Пер. съ нѣмецкаго Юшковъ.

VI. Сочиненiя въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, Шмида и Дейнгарта. Перевела съ нѣмецкаго Лижарева.

VII. Дѣтское чтенiе и игры. Ихъ связь и значенiе. Педагогич. этюдъ. А. Словинскiй. Тифлисъ. 1888 г. Ц. 40 к.

VIII. Памятныя книжки Кавказ. Учебн. Окр. на 1879 и 1880 года.

IX. Карта Кавказа съ обозначенiемъ учебныхъ заведенiй за 1886 г.

X. Циркуляры Кавказ. Учебнаго Округа (ежемесячное изданiе).

Изданiя Учебнаго Округа можно приобрѣтать въ Канцелярiи Попечителя Кавказ. Учебн. Окр. или въ „Центральной книжной торговлѣ“ (въ Тифлисъ).

